

Харьковский национальный университет
имени В.Н. Каразина

А. Н. Лактионов

Координаты индивидуального опыта

А. Н. Лактионов

**КООРДИНАТЫ
ИНДИВИДУАЛЬНОГО
ОПЫТА**

Харьков
2010

ББК 88.5

ISBN 966-7080-62-5

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина
Министерства образования Украины

Рецензенты:

Ю. Л. Трофимов, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент АПН Украины (Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко);

А. К. Дусавицкий, доктор психологических наук, профессор (Харьковский государственный университет);

Л. Ф. Шестопалова, доктор психологических наук, профессор (Харьковский НИИ неврологии и психиатрии).

Лактионов А. Н. Координаты индивидуального опыта. – Харьков: – 366с.
Л 19

Книга является первой в советской и украинской психологии попыткой теоретического и экспериментального исследования индивидуального опыта в системе современных понятий психологии.

Анализируются исторический и методолого-категориальный аспекты проблемы человеческого опыта. Теоретически и экспериментально исследуется структурно-динамическая организация индивидуального опыта. Важное место отводится изучению характера трансформаций опыта в переходный период.

Для психологов, социологов, философов, политологов, а также студентов и аспирантов психологических отделений и факультетов.

Табл. 8. Ил. 6. Библиогр.: 344 назв.

Лактионов О. М. Координати індивідуального досвіду. – Харків: – 366с. – Рос. мовою.
Л 19

ББК 88.5

ISBN 966-7080-62-5

Книга є першою у радянській та українській психології спробою теоретичного та експериментального дослідження індивідуального досвіду в системі сучасних понять психології.

Аналізуються історичний та методолого-категоріальний аспекти проблеми досвіду людини. Теоретично та експериментально досліджується структурно-динамічна організація індивідуального досвіду. Важливе місце відведено вивченню характеру трансформацій досвіду у перехідний період.

Для психологів, соціологів, філософів, політологів, а також студентів та аспірантів психологічних відділень та факультетів.

Табл.: 8. Іл.: 6. Бібліогр.: 344 назви.

© Лактионов А. Н., 2010

Уважаемые коллеги!

Факультет психологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина представляет второе издание монографии доктора психологических наук, профессора Александра Николаевича Лактионова.

В отечественной психологической науке А.Н. Лактионов был основоположником исследовательского направления «Психология индивидуального опыта». Он предложил взгляд на проблему, которая не может оставить равнодушным ни психологов, ни философов, ни социологов, ни любого человека, задающего себе вопрос: «Почему я такой?»

Обычно, при переиздании монографий, автор отмечает: «Издание дополненное и переработанное». Увы, эта ремарка, к огромному сожалению, отсутствует. В августе 2008 года профессор, декан факультета психологии Александр Николаевич Лактионов умер.

Последние годы жизни он много работал над переизданием монографии. Эта работа была постоянной, каждодневной, очень кропотливой и ответственной. В свет вышло более 50 публикаций по проблеме психологии индивидуального опыта. Теоретические идеи развивались в работах его аспирантов и студентов.

У Александра Николаевича Лактионова осталось большое количество материала, который он готовил для новой монографии. Но если бы мы попытались самостоятельно его переработать, уникальность авторского изложения, на наш взгляд, исчезла. Было принято решение о переиздании первого варианта монографии Александра Николаевича Лактионова «Координаты индивидуального опыта». Знаем, что эту книгу ожидали многие специалисты, аспиранты, студенты, - ведь идеи, изложенные в работе, и сегодня продолжают жить, наполняются новым содержанием и получают экспериментальное подтверждение.

Лучшая память об ушедшем – это воплощение в жизнь его идей. Мы признательны и всегда благодарны Ученому, Коллеге, Декану факультета психологии Александру Николаевичу Лактионову, автору монографии, которую Вы сейчас держите в руках.

*Крейдун Н.П.,
декан факультета психологии
ХНУ им. Каразина*

Содержание

Введение.....	6
Раздел 1	
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ	
ИНДИВИДУАЛЬНОГО ОПЫТА.....	10
Глава 1. Проблема человеческого опыта	
в истории философии и психологии	11
Опыт как предмет философии Нового времени	12
Непосредственный опыт: теория и эксперимент.....	24
Понятие опыта в философско-психологических	
концепциях прагматизма	28
Опыт как ценность личности	
в гуманистической психологии	38
Опыт в советской и постсоветской психологии.....	46
Глава 2. Категориальное пространство	
индивидуального опыта.....	53
Глава 3. Исторический опыт современного человека	
в психологическом измерении	81
Глава 4. Общая теоретическая модель	
индивидуального опыта	107
Раздел 2	
СТРУКТУРНО-ДИНАМИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ	
ИНДИВИДУАЛЬНОГО	
ОПЫТА.....	126
Глава 5. Социальный опыт	128
Межперсональное пространство	
социального опыта	134
Пространство социальных стереотипов	147
Уникальное в структуре социального опыта.....	157
Глава 6. Личностный опыт	172
Таксономия субъективной психосемантики	177
Макроструктура личностного опыта	188

Интерпретация себя как стоимости.....	192
Интерпретация других как совместимых с субъектом опыта	196
Интерпретация окружающего мира как ценности его сторон	199
Опыт девиантного поведения	205
Глава 7. Мнемический опыт	220
Память в жизнедеятельности: парадигма мнемического опыта	220
Пространство и время мнемического опыта.....	229
Структурно-динамическая организация мнемического опыта	237
Оперативная долговременная память	241
Биографическая память	251
Историческая память	267
Раздел 3 ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ОПЫТА В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД	272
Глава 8. Реконструкция социального опыта.....	281
Глава 9. Реконструкция личностного опыта.....	299
Заключение	330
Глоссарий	337
Список использованной литературы	345

*И те, кому мы посвятили опыт,
До опыта приобрели черты
О. Мандельштам*

Введение

Проблема человеческого опыта вызывает исследовательский интерес по нескольким основаниям.

Прежде всего она является насущной практической проблемой нашего времени. Ее актуальность определена социальной ситуацией переходного периода, главным признаком которого стала дрящущая коллизия между старым и новым опытом.

В относительно стабильной ситуации развития советского общества в недавнем прошлом индивид каких-либо особых проблем с пересмотром собственного опыта попросту не имел: у каждого был в наличии необходимый для жизненных отправлений объем знаний, умений, навыков. Восполнение недостающего в опыте можно было планировать на обозримое, понятное индивиду, будущее. Поэтому индивидуальный опыт всегда был ценностью второго порядка по сравнению с «активной жизненной позицией», «коллективистическим самоопределением», «самоактуализацией», «творчеством» и т.п.

Многочисленные социологические, культурологические, политологические исследования последнего времени в большой мере раскрывают характер стремительных перемен, происходящих в украинском обществе, тем самым формируя в научном и массовом сознании представления о новых ориентациях в социуме, а также об объективной дифференциации людей на разные классы, прослойки, статусные группы.

Психологам с самого начала было понятно, что столкновение старого и нового – это не только и не столько проблема социологии массового сознания, сколько психологическая драматургия отдельного индивида, способности которого к адаптации и самоизменению еще только становятся предметом интенсивного психологического изучения.

Не имея возможности ждать, когда же появятся научные разработки социологии и психологии, субъекты нового общества сами интуитивно, на эмпирическом уровне занимаются изучением, переоценкой собственного опыта, находя самые разнообразные способы расставания с прошлым и адаптации к новым условиям жизни.

На всех этапах развития советской психологии изучение индивидуального опыта не входило в перечень ее актуальных задач. Время от времени обращаясь к опыту, ученые употребляли термин

чаще всего контекстуально, а не в смысле предмета специального исследования, поэтому к настоящему времени как теоретических, так и экспериментальных работ по проблеме индивидуального опыта выполнено крайне мало.

Наше обращение к проблеме индивидуального опыта в контексте истории психологии является попыткой восстановить в правах «опыт» в пространстве понятий современной психологии.

Мы не случайно в основу нашего исследования положили понятие «координаты индивидуального опыта». По своему огромному месту в жизни человека, а с другой стороны – по уровню неразработанности проблемы, опыт человека в настоящее время относится к разряду таких, когда всякое исследование не может быть полным и сколь угодно завершённым. Возникает ряд общих задач координатного уровня, требующих первоочередного решения, позволяющих вычленить исходный понятийный ряд индивидуального опыта. К ним относится определение категориального пространства опыта, основные принципы его формирования, системообразующий фактор, структурно-динамическая организация, уровни и подструктуры, характер трансформационных и адаптационных процессов. Координатный взгляд на проблему достаточно эвристичен на начальном этапе исследования, так как тем самым задается перечень и алгоритм общей исследовательской программы. В частности, очевидной является задача выделения категориального пространства индивидуального опыта. Методологическая рефлексия понятий уровня опыта, личности, деятельности позволяет в значительной степени избежать «незапланированных» пересечений и смешений на этапе выделения отличительных характеристик изучаемого понятия.

Мы стремились к тому, чтобы заданная теоретическая модель опыта в результате экспериментального изучения ее многочисленных аспектов обрела законченную форму в виде поддающегося измерению психологического конструкта. Изначальной задачей исследования был выбор адекватного теоретического подхода, дающего возможность сделать в конечном итоге опыт человека целостной психологической характеристикой.

Началу своей жизни в ранге фундаментального понятия теории познания, философии и психологии опыт обязан Джону Локку и позднее многим выдающимся мыслителям разных эпох вплоть до начала 20-го века. Вильгельм Вундт, кажется, был последним, для кого индивидуальный опыт явился предметом психологического исследования. С позиций современной методологии последующее снижение интереса к проблеме опыта представляется неизбежным и оправданным. Возникшие в рамках парадигмы «чувствен-

ное – рациональное» и ее модификации «эмпирическое – теоретическое», данное понятие, в конце концов исчерпало свой познавательный ресурс, так и не оформившись в некоторый рабочий измеряемый инструмент практической психологии. Характерно, что современный возврат к проблеме человеческого опыта в западной психологии произошел в связи с необходимостью решать клиентальные задачи психотерапии с позиций гуманистической психологии. Но теперь тем более со всей очевидностью встал вопрос о смене исследовательской парадигмы.

Поиск иной теоретической модели изучения человеческого опыта стал первой задачей нашего исследования. Необходимо было отойти от основного тезиса эмпиризма и прагматизма о том, что опыт есть универсальная самодостаточная характеристика человека, когда «опыт есть все» и «в опыте есть все». Проведенный анализ показал, что источником опыта не является чувственный мир человека как таковой, пускай даже дополненный памятью и рефлексией. Все эти возможности человеческой психики являются не более чем его структурно-функциональными аспектами.

В работе проводится мысль о том, что генезис человеческого опыта можно выявить внутри такого категориального пространства, где родовой по отношению к опыту выступает жизнедеятельность человека, а сам опыт является ее превращенной формой. Тем самым предметом исследования становится не вообще человеческий опыт, но индивидуальный опыт конкретного человека в конкретных условиях жизнедеятельности.

В рамках исходной для нас методологии системного подхода предмет исследования конкретизировался в направлении исследования структурно-динамической организации индивидуального опыта.

При такой формулировке исследовательской программы неизбежно возникает общий вопрос о взаимоотношении, вернее, о степени совместимости структуралистского и гуманистического подходов в изучении опыта. В явной или неявной форме, порой находясь за пределами понимания самого автора, данные мощные методологические средства анализа неизбежно пересекались, совмещались в одних и тех же проекциях опыта на конкретную экспериментальную реальность. Так и не реализованное до конца стремление автора найти формулу интеграции обоих подходов лишь укрепило убеждение в том, что такое объединение в настоящее время остается одной из фундаментальных проблем психологии.

Структурализм как методологическая установка, вопреки и благодаря многочисленной критике, далеко еще себя не исчерпал и привлекателен прежде всего как способ выявления структурной композиции сложного многофакторного объекта, каковым является человеческий опыт. Структурный подход к анализу опыта внутренне ограничен самому предмету исследования прежде всего потому,

что опыт по своей природе является фиксированной формой жизнедеятельности индивида. Известно, что «всякое содержание формировано». По существу, наша задача состояла в том, чтобы наполнить психологическим содержанием обратный тезис: «всякая форма (опыт) содержательна».

Правомерен также общечеловеческий аспект понимания опыта. К.Роджерс не случайно рассматривал опыт клиента как тотальность, к которой как к критерию собственного развития обращается индивид в процессе самоактуализации. В этом смысле не бывает плохого или хорошего, примитивного или развитого опыта. Ошибочно противопоставлять, скажем, высокие идеалы опыту, как якобы атрибуту обыденного сознания, иначе мы снова попадаем в парадигмальный тупик: «высшее – низшее». Такая или любая иная структуральная объективация человеческого опыта изначально ограничена тем обстоятельством, что опыт как целостность имеет масштаб, сопряженный с масштабом жизненного пути личности и даже смены поколений, что делает необходимым анализ «жизненной» составляющей опыта методом, который в свое время Олпорт называл «длительным интересом к личности». Вот почему, беря за основу представление о структурно-динамической организации индивидуального опыта, мы пытались всякий раз осуществить его временную развертку в прошлое и будущее субъекта опыта.

Объединительный подход к проблеме опыта еще ждет своих решений. По нашему мнению, сделать возможный шаг в этом направлении можно, обратив внимание на экзистенциальный аспект данной проблемы. Ведь понятно, что индивид всегда относится к своему опыту как к большой ценности. Опыт осознается им не только как собственность, но и как наличный капитал. Такой капитал можно передавать другим, ничего при этом не теряя, но приобретая. Развитие опыта происходит лишь при наличии потребности в нем. Деградация возникает в ситуации его невостребованности. Здесь находится один из источников психологического драматизма нынешнего переходного периода.

В основу исследования была положена трехкомпонентная структурная композиция индивидуального опыта. Мы также исходили из того, что характеристика опыта как некоторой структуры или дерева структур будет неполной, если в ней отсутствует представление о динамике его развития и функционирования. Иначе нельзя понять его роль в регуляции человеческой жизнедеятельности.

Раздел 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ОПЫТА

Глава 1. Проблема человеческого опыта в истории философии и психологии

Опыт каждого человека является неотъемлемой частью его бытия. Им определяются способность индивида адаптироваться к изменяющимся условиям жизни, способы его жизнедеятельности и социальный статус, отношение к себе как к ценности и характер взаимоотношений с окружающими. Приобретение опыта, обладание опытом, передача опыта во все времена и в любых сообществах оценивались бесспорно положительно.

Философия из всего этого выделяет гносеологический аспект, справедливо рассматривая опыт как основной или просто определенный инструмент человеческого познания. С момента возникновения «или» опыт становится проблемой философии, где его роль и место в структуре познания по-разному определяли выдающиеся мыслители разных исторических эпох от античности до наших дней.

Для психологии опыт становится научной проблемой всякий раз при попытке привести в соответствие объективную феноменологию экспириентальности с пониманием опыта как индивидуально-принадлежащего данному субъекту жизнедеятельности.

В истории науки понятие «опыт» рассматривается и употребляется в разных смыслах:

1. Опыт как деятельность (практическая, научная, литературная и т.п.), соответственно семантический ряд – испытание, эксперимент, анализ;
2. Опыт как накопитель и источник знаний – багаж знаний, умений, навыков, опытность;
3. Опыт как процесс – воздействие, усвоение, поведение;
4. Опыт как категория познания – предмет философии;
5. Опыт как психическое образование индивида – предмет психологии.

В известных литературных источниках перечисленные аспекты опыта не всегда строго отделяются авторами. В том числе это касается тех случаев, когда проблема опыта изучается в философском аспекте.

Как заметил Бертран Рассел: «Слово «опыт» – одно из тех слов, которое философы часто применяют, но которому редко дают определение» [232, с. 737].

В дальнейшем нас будут интересовать прежде всего два последних аспекта – философский и психологический.

Можно выделить несколько периодов в истории, начиная с Нового времени, когда научный интерес к опыту не только возростал, но и принес ощутимые плоды в развитии проблемы. Данные периоды по праву связаны с именами крупнейших исследователей: эмпиризм Локка, экспериментальная психология Вундта, радикальный эмпиризм Джемса, гуманистическая психология Роджерса.

Опыт как предмет философии Нового времени

Если отвечать на вопрос – с какого времени начинается история проблемы человеческого опыта – как в философском, так и психологическом плане это, несомненно, последняя четверть XVII века, Новое время. Здесь прежде всего имеется в виду фундаментальный труд Джона Локка «Опыт о человеческом разумении» (1690).

С его выходом в свет в философии возникает осознанное выделение двух основных направлений: эмпиризм Локка и рационализм, берущий свое начало прежде всего от Декарта. Их «мирное сосуществование» продолжается по сей день.

Локка нельзя считать зачинателем традиции эмпирического монизма в науке. Почти на столетие раньше Локка своеобразный образец панэмпиризма оставил для последователей Ф.Бэкон. Его знаменитая формула «восхождения» познания от опытного к разумному звучит так: «Чувство судит об опыте, опыт же – о природе и о самой вещи» [59, с.23].

Центральным понятием локковской теории познания становится человеческий опыт. Развивая представление о генезисе опыта, Дж.Локк писал: «Предположим, что ум есть, так сказать, белая бумага, без всяких знаков и идей. Но каким же образом он получает их?.. Откуда получает он весь материал рассуждения и знания? На это я отвечаю одним словом: из опыта. На опыте основывается все наше знание, от него в конце концов оно происходит» [180, т.1, с.154]. В другом месте Локк добавляет, что опыт – это «единственный путь, которым идеи вещей проникают в разум» [Там же, с.211].

Сенсуализм Дж.Локка заявлен им же самим в рассуждениях об источниках нашего знания: «Первая способность человеческого ума состоит в том, что душа приноровлена к тому, чтобы воспринимать впечатления, произведенные на нее или внешними объектами через посредство чувств, или ее собственной деятельностью, когда она о ней размышляет. Вот первый шаг к открытию чего бы то ни было и фундамент, на котором строятся все понятия, какие когда-либо приобретает человек... Во всем том огромном пространстве, где блуждает ум, в тех отвлеченных спекуляциях, которые как будто возвышают его, он не продвигается ни на йоту далее идей, предлагаемых его созерцанию чувств или рефлексией» [Там же, с.168,].

В свою теоретическую модель Локк существенным образом включает память: «Чувства сперва вводят единичные идеи и заполняют ими еще пустое место, и, по мере того как разум постепенно осваивается с некоторыми из них, они помещаются в памяти и получают имена. Затем, продвигаясь вперед, разум абстрагирует их и постепенно научается употреблению общих имен. Так разум наделяется идеями и словами, материалом для упражнения своей способности рассуждения» [Там же, с.103].

Учение Дж.Локка выглядело едва ли не вызывающе не только для сторонников рационализма, но и для самой этики «свободного духа». Теоретические послышки подобного рода, ясные и однозначные по своему смыслу, как правило, почти автоматически вызывают желание возразить, и вот уже однозначность оценивается как односторонность, частичность, ошибочность исходной гносеологической позиции и т.п. Однако далее мы обнаруживаем, что все последующее после Локка время, вплоть до наших дней, фигура английского философа становилась все более крупной благодаря еще и тому, что его оппонентами становились крупнейшие мыслители Нового времени, Кант, Гегель, позитивисты, марксистская философия.

Вывод о том, что познание человека обеспечивается в течение всей его жизни его опытом, не был новым в философии. Мысль о первичности ощущений в отношении к разуму высказывали уже Гоббс и Гассенди. У Ф.Бэкона опыт был поставлен в центр человеческого бытия и познания. Но Локк в проблеме опыта пошел значительно дальше. Если можно так выразиться – для Бэкона «опыт» был объектом исследования, а для Локка на долгие годы стал его предметом, где он подверг тщательному рассмотрению вопросы структуры и генезиса индивидуального опыта. Многие из поставленных им проблем остаются неразработанными и по сей день.

Эмпиризм принимает действительность такой, какая она есть – естественной, а значит наиболее соответствующей человеческим возможностям и устремлениям. С точки зрения английского эмпиризма, то, что провозглашается как общее понятие, разум, есть не что иное, как привычка, навык или обычай, что в совокупности означает человеческий опыт.

В истории классической философии английский эмпиризм был первым и, по существу, единственным, кто опровергал «диктат разума». В новейшей философии эмпиризм как методологическое мышление обрел носителей в лице позитивизма.

За долгие годы размышлений философ тщательно подготовился к критическому пересмотру концепций врожденности знаний и идей во всем диапазоне от чувственных качеств до морали, идеи Бога и его заповедей. Прежде всего он считал, что такие концепции про-

тиворечат человеческому разуму и опыту. Характерный для Локка способ аргументации, отвергающий наличие врожденных идей на уровне ощущений, выглядит следующим образом: «Сколько бы шарики Декарта ни ударялись о сетчатку глаза человека, который ослеп вследствие катаракты, он никогда не получит от идеи света или чего-нибудь близкого к свету, хотя бы он отлично понимал, что такое небольшие шарики и что такое удар о другое тело» [180, т.1, с.481]

Локк подробно рассматривает и последовательно отвергает сложившуюся к тому времени аргументацию якобы очевидности законов логики, математики и других точных наук. Используя данные из области этнопсихологии, детской психологии и медицины, Локк показывает невозможность выявления врожденных идей у примитивных народов или ситуативно изолированных от общества детей и т.п. Развивая принципы эмпиризма, он на уровне методологии отвергает также возможность доказательства врожденности идей по конвенциональному критерию «общего согласия» людей.

Наполняя содержанием собственную теоретическую модель, Локк выделил и детально рассмотрел взаимосвязь первичных и вторичных качеств сознания, что имело важнейшее значение для становления и развития всей последующей психологии, но не стало решающим аргументом против врожденности идей для философии рационализма. Его оппоненты словно поджидали, когда философ поднимется от простейших качеств к сложным и столкнется с невозможностью объяснения некоторых феноменов сознания с точки зрения «здравого философского смысла».

В плане исторической хронологии Платон, по-видимому, был первым, кто с особой выразительностью разделил чувственное и разумное как ограниченное и неограниченное в отношении способности к познанию.

В платоновском понимании «идея» есть истинно существующее сверхчувственное бытие, схватываемое одним лишь разумом. Идея противопоставлена ее чувственному подобию как изменчивому и быстротекущему. Идеи понимаются как всецело безграничные (трансцендентальные), не отражаемые ни в каких проявлениях как первичного чувственного опыта (восприятие), так и вторичного (пространство, время, число) [223].

Дж.Локк ощущает трудности понимания перехода между предметным миром и миром чувств. Вообще многие проблемы, которые возникают перед Локком, порождены самой исходной теоретической моделью. На наш взгляд, мы имеем типичный пример смешения (неразличения) гносеологического и онтологического в процессе анализа чувств, или в других случаях – неосознание незаметных переходов

между теоретическим и операциональным уровнями презентации объекта исследования. Точно так же и центральное понятие «идеи» используется то как данность, то как рефлексия на данность.

Путь к высшим уровням познания у Локка не что иное, как порождение разных логических фигур, тонкие комбинации идей. Чувственное при этом явно выдыхается, поэтому приговаривается, никак не угрожая основным теоретическим построениям картезианства.

Противопоставление и синтез чувственного и рационального в психологическом аспекте никаких особенных возражений не вызывают. Неправомерен перевод онтологического в ранг гносеологического.

Различение эмпирического и рационального воспроизводится в мировой истории с постоянством не только в связи с разными этапами усвершенствования человеческой деятельности. Здесь был бы интересен анализ и личностных особенностей «носителей» противоположных установок на эмпиризм и рационализм, в том числе и в собственной жизнедеятельности. Данная тема практически не исследована в психологической науке.

Дж.Локк всегда держит в запасе и использует в полемике вопросы типа: покажите нам нематериальность души как самоочевидность? [180, т.2, с.19]. Но это не указывает на принципиальную несходимость локковского эмпиризма и рационализма Декарта. Такая же непротиворечивость наблюдается при сравнении его теории с гносеологическими представлениями Г.В.Лейбница. Об этом говорит В.А.Роменец: «Борьбу Лейбница против Локка с монадологической позиции первого следует считать историческим недоразумением: и Локк, и Лейбниц утверждают о самораскрытии (самоотражении) универсума. То, что различает их, это у Локка – отождествление психики и сознания, у Лейбница – отождествление психики не только с сознанием, но и важным дополнением – бессознательным» [237, с.242].

Многие советские исследователи истории философии, следуя традиции, относят Дж.Локка к материалистам [282, с.246], намеренно или нет отвлекаясь от глубоких теистических воззрений английского философа, составляющих неотъемлемую часть «картины мира» его и его современников, картины весьма не похожей на то, что можно назвать мозаикой понимания и восприятия религии в наше время.

С учетом его отношения к Творцу становится понятным, что отвергая учение о врожденных идеях и говоря об опыте как источнике познания, Локк вовсе не отвергает идеализм в современном смысле этого слова, а лишь интерпретирует по-своему путь к познанию, раскрывая возможную часть того, что определено Божественным началом.

Локковский подход к пониманию процессов познания произвел большое впечатление на современных ему и будущих оппонентов

прежде всего потому, что он вел дискуссию, так сказать, на территории рационализма, тем самым стимулируя его крупнейших представителей на поиск новых аргументов. Можно предположить, что учение о неосознаваемом его современник Лейбниц не в последнюю очередь развивал, стремясь найти новые ответы на критические замечания Локка.

Эмпиризм как философское понятие, производными от которого являются «опыт», «экспириентальное», в отечественной, в том числе и справочной, литературе трактуется обычно как указание на определенную первоначальную стадию познания, которая предшествует (или противостоит) рациональному, теоретическому способу познания, как более высокому. Наиболее сильно все точки над «i» в этой традиции были расставлены еще Гегелем.

Между тем эмпирическое у Локка противопоставляется вовсе не рациональному, теоретическому, но априорному. В соответствии с исходной семантикой понятия (эмпирический, т.е. опытный) Локк с самого начала говорит о проблеме достоверности наших знаний, суждений, высказываясь в том смысле, что, вместо того, чтобы говорить о безграничных возможностях человеческого разума, необходимо выяснить его действительные границы на данный момент развития человечества, чтобы иметь возможность двигаться далее в соответствии с возможностями, данными нам Творцом. Деизм Локка не противоречит его критике априоризма, ученый лишь указывает на ошибочность метода исследования познания рационализмом: «Мы начинали не с того конца... в то самое время, как пускали свои мысли в обширный океан бытия, как будто бы все это бесконечное пространство является единственным и несомненным владением нашего разума, в котором ничто не избегает его определений, ничто не ускользает от его понимания» [180, т.1, с.95].

Методологические установки Локка не остались на уровне частных споров и продемонстрировали способность заглядывать в будущее. Уже в наше время, критически относясь к традиции априорного, особенно в немецкой классической философии, К.Поппер пишет: «И кантианцы и гегельянцы совершают одну и ту же ошибку, допуская, что наши исходные предпосылки... не могут ни изменяться по решению, ни опровергаться посредством эксперимента, что они находятся над и вне научных методов проверки теорий, составляя базисные, исходные предпосылки всего, что можно мыслить. Такое допущение является преувеличением, основанным на непонимании отношений между теорией и опытом в науке» [226, с.254-255].

Априоризм разума проявился еще и в том, что дефиниции по его поводу никогда не отличались полнотой. Кстати сказать, как

отмечают современные философы, «бросается в глаза то, что классическая буржуазная философия почти не утруждает себя ясным и всеобъемлющим определением понятия опыта. Во всех своих стремлениях она просто исходит из него» [52, с.6-7]

В доказательство того, что эмпирический метод способен сам себя защитить, К.Поппер приводит такое: «Одно из величайших достижений нашей эпохи принадлежит А.Эйнштейну, который установил следующее: опираясь на наш опыт, мы можем задавать вопросы и пересматривать наши предпосылки, относящиеся даже к пространству и времени, т.е. к понятиям, которые должны быть предпосылками всех наук и принадлежать к «категориальному аппарату» науки» [226, с.255].

Локк поставил перед собой задачу изучить природу человеческого разума и разработал для этого собственный исследовательский подход. У Локка опыт человека выступает не только как индивидуальное психологическое образование, но прежде всего в качестве способа исследования человеческого познания, поэтому именно у него впервые опыт становится предметом исследования.

Учение Локка, будучи всеобъемлющим и логически завершенным, фундаментальным для своего времени, объективно имело и слабые стороны. Его строгая логизированность, характерная для философов Нового времени, приводит к тому, что опыт из формы анализа превращается в содержательную характеристику самого грандиозного здания локковской эпистемологии. Процесс познания, охватывая огромную феноменологию, в том числе и результаты самонаблюдений ученого, предстает в виде некоей неподвижной структуры, элементы, уровни и взаимосвязи которой поддаются и подлежат рационализации. В результате опыт человека становится самодостаточным теоретическим конструктом, в котором его генезис и развитие пребывают на втором плане, называются, но не изучаются специально.

Многие исследователи справедливо отмечают, что в поле зрения Локка не попадал субъект опыта. Это вполне закономерно. В исходной для Локка действительной парадигме субъект мог лишь в той или иной доступной ему мере обнаруживать предусмотренное для него Богом. Такую работу, как один из субъектов, произвел сам Локк. Точно так же замечание Локка о том, что «деятельность есть самое важное для людей...» [180, т.1, с.343] имеет скорее не категориальный, а декларативный характер.

Ни субъект опыта, ни его активность, жизнедеятельность не могли быть включены существенным образом в принятую гносеологическую формулу: «всевышний – природа – человек», где последний выступает как лучший дешифратор природного. «Человека» можно

разместить и посередине между Богом и Природой, но такая перестановка фактически ничего не прибавляет, в ней лишь содержится намек на то, что локковская модель фундаментально сложна и просто-напросто не поддается линейно-графической интерпретации.

Проблема опыта, оформленная теоретически в Новое время, не есть лишь история противостояния философских систем, в более широком аспекте она отражает историю борьбы мировоззрений в вопросе о природе человеческого бытия, природе деятельных и одновременно способных к самосовершенствованию людей. Мировоззрение не есть абстрактная категория. Точно так же, как развитие общественных отношений, производства способно определить мировоззренческие идеалы целой эпохи, сами идеалы и общественные нормы жизни определяют социальный статус отдельного индивида, формируют его опыт. Социально-психологические феномены торжества над индивидуальным в рационализме XVIII века точно описывает А.Швейцер: «Нельзя не признать, однако, что люди века рационализма мельче своих дел. Конечно, у каждого из них есть свое лицо, но их индивидуальностям не хватает глубины. Этих людей формирует энтузиазм, который присущ мышлению времени и который они разделяют со многими современниками. Индивид обретает лицо, принимая готовое мировоззрение, служащее ему опорой и определяющее его идеалы. Поэтому столь поразительно сходны между собой люди того времени. Все они пасутся на одном пастбище.

Никогда еще идеи целесообразного и этического не обладали такой властью над действительностью, как среди этих людей с их плоским оптимизмом и наивной моралью» [301, с.143].

Теоретическое наследие Локка касается также важного для нас аспекта понимания человеческого опыта как индивидуально-го. Отталкиваясь от метафизической «чистой доски», он дает развернутую картину постепенного формирования и развития опыта человека от момента его рождения. Введенный Локком принцип индивидуализации используется им не только как теоретическое средство анализа многообразия духовной активности индивида при продвижении его психики от простого к сложному, но также как методологическая установка на то, что внутренний опыт является целостным самодостаточным образованием данного индивида, определен его активностью, находится внутри него. Тем самым понятие «индивидуальный опыт» приобретает самостоятельный теоретический смысл, одной из характеристик которого является указание на посюсторонность его психологической природы. В последнем случае явно прослеживается «материалистичность» учения Локка, а в целом – дуализм его методологической позиции.

С именем Дж.Локка связано также введение в психологию метода интроспекции, который впоследствии в экспериментах Титченера, Вундта стал одним из основных, хотя о его познавательных потенциях дискуссии ведутся и по сей день.

Оценивая исторический вклад Локка в теорию познания, некоторые исследователи неоправданно расширяют место интроспекции в его учении, делая из этого факта вывод о изначальном гносеологическом «психологизме» его теории. Например, И.С.Нарский пишет, что «вся гносеология Локка была проникнута психологизмом в том знакомом нам смысле, что главный, если не единственный, способ ее построения состоит в созерцании индивидом посредством своего «внутреннего ока» его собственных психических процессов» [208,с.35].

Разумеется, процитированный автор не считает, что выдающемуся мыслителю Дж.Локку не удалось выйти за пределы «созерцания» собственных переживаний; уровень научной рефлексии английского философа в защите не нуждается. Речь также не идет об оценке метода интроспекции как такового.

Метод интроспекции во все времена критиковался «слева» и «справа» - хотя бы за отсутствие верифицируемости, за «квантово-механический» эффект искажающего влияния наблюдателя на собственное наблюдаемое, но тот же автор признает, что все же «Локк был прав, широко используя интроспекцию и учитывая в своей гносеологии факты индивидуального сознания» [208, с.32]

В данном случае речь идет о способах познания, схватывания всеобщего. Проблема сводится к следующему: в какой мере всеобщее может быть постигнуто через единичное? Единичное у Локка воспроизводится через анализ познающих возможностей отдельного индивида. Не удивительно, что привлекаемая в ходе анализа феноменология индивидуального неизбежно приводит к психологизму.

Остается неясным, создает ли «психологизация» объекта (человек) новые возможности для теоретического анализа процесса познания, либо философия должна стремиться «очиститься от скверны».

Мы оставляем в стороне философский аспект проблемы возможностей раскрытия философского всеобщего (процесс познания) через психологическое единичное (у Локка это перцепция, память и рефлексия). Нас больше интересуют ее психологические следствия.

При философском прочтении «Опыта...» написанное Дж.Локком действительно изобилует «психологизмами» в конкретно-психологическом смысле термина, да и в целом его главный научный труд можно считать для своего времени вполне психологическим.

И не только для своего. В «Философской энциклопедии» (1967) утверждается следующее: «По своей психологической форме опыт

выступает как непосредственное знание предметов и зависимостей, чувственно данных познающему субъекту» [166, с.159].

Многие структурно-функциональные идеи Локка уже в наше время были успешно эксплицированы когнитивной психологией в рамках «компьютерной метафоры». Однако когнитивная психология перевела на себя и принципиальный изъян его теории – отсутствие методологически должного внимания к субъекту опыта. Между тем, с принятием позиции субъектности ситуация оборачивается: то, что для философии выступает как локковский психологизм, для современной психологии видится как «гносеологизм» учения Локка, иными словами, как раз «психологизма» для психологов в его подходе и не хватает.

«Бессубъектный» локковский опыт в координатах психологии выступает как наиндивидуальный теоретический конструкт, в котором отсутствуют параметры генезиса, субординации, динамики, так как данные параметры являются характеристиками субъекта опыта, выявляются при анализе субъектности.

Здесь мы приходим к принципиальному для нашего исследования представлению о смещении в предмете исследования опыта от Локка к современной психологии. Такое смещение полезно зафиксировать терминологически. Если мы вслед за Ф.Бэконом, у которого «опыт судит о природе вещей» и Дж.Локком, когда «на опыте основано все наше знание» понимаем опыт как наличное, ставшее, бессубъектное, первичное, то мы употребляем понятие «опыта индивида», если в центр исследовательской парадигмы ставится субъект собственного опыта, по отношению к которому опыт вторичен, будем использовать понятие «индивидуальный опыт». Данное различие необходимо и действительно пока лишь в рамках нашей собственной программы исследования. Вне ее «опыт индивида» и «индивидуальный опыт» синонимичны.

К представителям английского эмпиризма кроме Локка относятся также Беркли и Юм, крупнейшие философы XVIII столетия. Именно с этими именами более всего связана дальнейшая судьба изучения проблемы опыта. То, что у Локка рассматривалось как сложное взаимоотношение внешнего и внутреннего опыта, Беркли и Юмом было расценено как непоследовательность, нагромождение противоречий, которые необходимо было устранять. Движение философской мысли было направлено в сторону субъективизации опыта, тем самым смысл самого понятия существенно изменился. Не вдаваясь в историко-философские подробности, можно в целом констатировать удаление философии как Беркли, так и Юма от собственно психологической проблематики опыта. Последнее обнаружилось гораздо позднее.

Дж.Беркли в основание своей философии положил отрицание существования материи. Для него существуют только ум и его идеи, физический мир отвергается. Полемизируя, как легко заметить из цитаты, понятно с кем, Беркли пишет: «Некоторые делают различие между первичными и вторичными качествами... Они признают, что идеи, которые мы имеем о последних, несходны с чем-либо, существующим вне духа или невоспринятым; но утверждают, что наши идеи первичных качеств суть отпечатки или образы вещей, существующих вне духа в немыслящей субстанции, которую они называют материей» [37, с.174-175].

Дж.Беркли твердо убежден, что тайну человеческого опыта, познания нужно искать в субъективном, решительно преодолев всякий там материализм; иначе «если мы уступим материалистам их внешние тела, то материалисты, по их собственному признанию, также мало будут в состоянии узнать, как производятся наши идеи, так как они сами признают себя неспособными понять, каким образом тело может действовать на дух или как возможно, чтобы идея запечатлевалась в духе» [37, с.179].

В подтверждение истинности своей позиции Беркли приводит множество изящных логических фигур, несомненно дисциплинируя мышление читателя. Многое из высказанного мы узнаем в дальнейшем, например, у Э.Маха, Р.Авенариуса.

Отрицание материальности мира оказывается, однако, не таким простым делом, но здесь Беркли помогает принятая им характерная для практики метафизического мышления исходная посылка: «Если необходимо прибавить еще дальнейшие доказательства против существования материи, то я... полагаю, что доказательства а posteriori не необходимы для подтверждения того, что достаточно подтверждается а priori» [Там же, с.180].

Д.Юм начинает свой философский анализ с принятия эмпиризма и сенсуализма, стремясь выявить соответствующую аргументацию из познавательных возможностей наблюдения и опыта. Желая построить по возможности непротиворечивое философское учение, Юм приходит к драматическому для судьбы опыта выводу о том, что посредством опыта и наблюдения ничего познать нельзя. Вершина юмовской философии агностицизма уподобилась вершине горы, движение по которой возможно только лишь в направлении сверху к ее подножию, хотя бы и новыми путями.

Его выводы о месте опыта в человеческом познании, лишённые опоры на экспириентальность невозможно было ни принять, ни опровергнуть. Применительно к психологии исходное суждение Юма о том, что только опыт должен дать знание причины и действия, равно

как и финальный вывод о том, что ничто нельзя познать путем наблюдения и опыта («Трактат о человеческой природе» [308]), образно говоря, так и остались на бумаге и представляют скорее историко-философский интерес, чем собственно психологический.

Б.Рассел о Юме говорит следующее: «Он развил эмпирическую философию Локка и Беркли до её логического конца и, придав ей внутреннюю последовательность, сделал ее неправдоподобной. Взгляды Юма представляют в конечном смысле тупик в развитии философии; в развитии его взглядов дальше идти невозможно» [232, с.611].

Вовсе не обязательно становиться приверженцем эмпиризма либо его противником, чтобы оценить по достоинству философскую революцию Нового времени. Эмпиризм, в первую очередь в лице Дж.Локка, отрицающий врожденные идеи, поставил рационалистов, гегельянцев, дедукционистов разных времен, вплоть до Б.Рассела, в положение, когда самую априорность и в аспекте онтологии и как способ построения философской теории необходимо было доказывать. Эмпиризм сделал открытый вызов метафизике, вынуждая ее направлять мысль на обнаружение собственной критической для теории «точки Кузанского». Тем самым метафизика должна была выказывать свою внутреннюю парадоксальность. Всем становилось ясно, что априорные универсалии суть лишь одно из возможных средств изучения процесса познания и деятельности рода человеческого.

Другой объективно положительный факт состоит в том, что определенный гносеологический радикализм умеренного либерала Локка («все в познании от опыта») уже вкупе с идеализмом обозначил целый ряд фундаментальных проблем, которые и сейчас не имеют удовлетворительного решения (например, как мы познаем другие объекты, отличные от нас самих, и как при этом действует наше собственное мышление).

Представители немецкой классической философии с большим подозрением относились к возможности расползания идеологии эмпиризма по Европе, влияния ее на развитие общества и государственности. Кант писал: «В самом деле, нет ничего более вредного и менее достойного философа, чем невежественные ссылки на мнимо противоречащий опыт, которого и вовсе не было бы, если бы законодательное учреждения были созданы в свое время согласно идеям, а не подобно грубым понятиям, которые разрушили все благие намерения именно потому, что были заимствованы из опыта [124, с.351-352].

Как исследователь И.Кант вовсе не отбрасывает либо выводит за рамки своей концепции «чистого разума» опыт. Он их корректно противопоставляет в поиске синтеза эмпирического и рационального. В одном месте он говорит: «Без сомнения, всякое наше познание

начинается с опыта; в самом деле, чем же пробуждалась бы к деятельности познавательная способность?» [124, с.127]. Однако несколько ранее оговаривает: «Но хотя всякое наше познание и начинается с опыта, то отсюда вовсе не следует, что оно целиком происходит из опыта» [124, с.105].

Кант через анализ процесса познания возводит опыт как таковой в ранг «научного опыта». Тогда опыт рассматривается не как чувственная данность, а как мыслительное единство формы, представленной в виде рассудка и чувственности. Опыт содержит «два весьма разнородных элемента, а именно, материю для познания, исходящего из чувств, и некоторую форму для упорядочения ее, исходящую из внутреннего источника чистого созерцания и мышления, которые приходят в действие и производят понятия при наличии чувственного материала» [Там же, с.183].

Опыт, который осуществляется посредством наложения категорий на чувственное созерцание, согласно Канту есть знание.

Идея торжества разума, разумного с его способностью направлять и осуществлять развитие общества и отдельного человека получила свое предельное развитие прежде всего у Гегеля и других представителей немецкой классической философии.

В теоретической схеме познания Дж.Локка самая низкая ступень человеческого разума состоит в восприятии. Далее в сторону усложнения идет абстрагирование, чистая интуиция. В этом он не выходит за рамки общего представления о низшем и высшем в познании, отсюда сенсуализм Локка оказывается в одном логическом поле с рационализмом. В дальнейшем гегелевская философия лишь поменяла приоритеты понятий: научное – обыденное, теоретическое – эмпирическое. Она не утратила своего значения в дальнейшем и в марксизме; закономерные следы методологических установок примата высшего над низшим видны в логике развития советской психологии, прежде всего в культурно-исторической теории Л.С.Выготского. Понятие опыта, которое было одним из основных в исторической полемике эмпиризма и рационализма, никуда не исчезло и было вновь поставлено во главу угла философской науки в форме позитивизма.

Непреходящее значение учения одной из главных философских фигур Нового времени – Дж.Локка для психологии состоит в том, что он сделал решающий шаг в выделении психологии как теоретической науки, как части общей теории познания, теории психического. Он показал глубокую и естественную взаимосвязь гносеологии, логики и психологии. И если благодаря его работам впоследствии стали говорить о локковском психологизме в философии, то в равной мере

было принято представление о наличии у психологии философского фундамента. Сенсуализм и эмпиризм как парадигмы эпистемологии уже нельзя было ни отбросить, ни упростить. Проблемы человеческого опыта, взаимоотношения первичных и вторичных качеств, познавательных возможностей интроспекции почти два столетия после Локка постоянно воспроизводились в философских системах Лейбница, Спинозы, Гартли, Беркли, Юма, Канта, Гегеля, Фихте, Фейербаха, Авенариуса и других. Однако внутри самой психологии проблема опыта получила новое развитие с того момента, когда в конце XIX века усилиями Г.Фехнера, а затем В.Вундта и его последователей психология приобрела статус экспериментальной науки. Добавим, что и на этом историческом этапе проблема опыта встала в центр психологических исследований.

Непосредственный опыт: теория и эксперимент

Психология как экспериментальная наука окончательно оформилась благодаря усилиям Вильгельма Вундта.

С самого начала им было заявлено, что предметом психологии является непосредственный опыт субъекта, раскрываемый посредством интроспекции. В истории психологии это был уже второй после Дж.Локка случай, когда опыт приобретал ранг предмета исследования, но теперь уже в русле экспериментальной психологии.

В методологическом плане Вундт исходил из единства субъективного и объективного в процессе психологической активности, где гносеологической отправной точкой становится субъективное. Он не занимается анализом перехода внешнего во внутреннее, как это проделывал Дж.Локк, а как бы минуя эту часть пути, уже в продолжение эмпирического учения, анализирует и экспериментально выявляет обратный путь от внутреннего, субъективного вовне. При этом обширная аргументация Локка в целом не была воспринята Вундтом как теоретическая основа для его собственных исследований.

Когда мы ссылаемся на понятия «внутренний опыт», «непосредственный опыт», то здесь в значительной мере имеется в виду метафорическое отражение структуризации отношений «души и тела», отношений, которые мыслятся в контексте чистой метафизики с ее попытками перейти в состояние некоторого психологического, точнее, психофизиологического измерения. Именно поэтому у В.Вундта, Е.Титченера, И.Мюллера возникает теоретическое представление о кирпичиках психического. Опыт еще не мыслится как результат либо процесс формообразования жизнедеятельности, как структурно-динамическое образование психического.

Находясь в этих границах теории, В.Вундт начинает раскрывать психологическое содержание «непосредственного опыта», тщательно не выходя за пределы связи элементов психического в рамках структурализма.

Задача с помощью верифицируемого эксперимента проникнуть в тайну человеческого сознания, схватить «чистый» опыт выглядит и заманчиво, и достойно. Одним из основных методов психологического экспериментирования становится метод интроспекции. Модифицируя данный метод, В.Вундт подчеркивал, что все дело в правильном его применении. Интроспекция, для того чтобы подняться над уровнем спорадических самонаблюдений, должна осуществляться на основании некоей своего рода технологической карты, в которой будут фиксироваться начальные условия, процесс, результат активности субъекта, вестись контроль за его действиями. В последнем моменте Вундт особые надежды возлагал на одновременное измерение физиологических процессов, которые согласно его теории реализовывались параллельно психическим.

Забегая вперед, отметим, что несколько позже В.Джемс, пытаясь решить ту же, что и Вундт, задачу, предложил для исследования иной внешний коррелят субъективного опыта, фактически не приняв теоретические основания лейпцигской школы.

В целом экспериментально-интроспекционистская методическая идея Вундта оставила для психологии меньше, чем ожидалось вначале. Благодаря тому, что в ее основе лежало представление о субъекте как первопричине психической активности, а отсюда и о субъекте опыта, Вундт фактически первый стал рассматривать опыт не только как структуру локковского типа, но и как процесс, тем самым фактически введя динамический аспект в его изучение. Нам представляется, что именно Вундтом, хотя и в неявной форме, была заявлена необходимость структурно-динамического подхода в исследовании природы человеческого опыта.

Безусловной заслугой структурализма, и прежде всего самого Вундта, является первая попытка экспериментального изучения опыта человека. Другое дело, что ограниченность вундтовской экспериментальной программы была определена ее методологией. На это обращает внимание В.А.Роменец: «Серьезной помехой структурной психологии В.Вундта, Е.Титченера и других как психологии непосредственного опыта является постановка проблемы активности психического... Вундт оказался побежденным бесчисленностью элементов своей психологической системы, которую он так и не закончил, поскольку ее структурность оказалась лишь формальным дополнением» [238, с.126].

Вновь, как и у Локка, опыт не стал понятием конкретно-исследовательским. Вундт в отдельных экспериментальных программах употребляет его как общее место, отсылку, напоминающую, в рамках какой методологии проводится конкретное исследование. Поэтому в рамках лейпцигской школы экспериментальной психологии представление собственно об опыте никогда не снижалось ниже уровня теоретико-методологического. Вопрос о собственной специфике, об опыте как конкретном психологическом образовании фактически не ставился.

В.Вундт своими взглядами на психологию и своей экспериментальной решительностью преодолевал метафизику относительно природы многих психических явлений, процессов и детерминаций, но следует признать, что меньше всего это затронуло главное понятие его психологии – опыт. К тому же исходная программа расщепления опыта (сознания) на отдельные структурные составляющие стала испытывать трудности под напором добываемых в эксперименте фактов. Структурно-нормативное дерево субъективных компонентов непосредственного опыта так и не было создано. Тем самым судьба понятия «опыт» как опыта

непосредственного, реальность и самодвижение которого приняты Вундтом изначально, была предрешена.

Вместе с тем следует отметить, что в школе В.Вундта, где весьма успешно для своего времени развивались фундаментальные проблемы психологии, были и такие продолжения, конструктивный смысл которых все более начинает проясняться лишь в наши дни. К ним относятся, в частности, работы ученика Вундта, профессора психологии Одесского университета Н.Н.Ланге. Работая в том же кругу экспериментальных задач, что и вся лейпцигская школа – время реакции, восприятие, внимание – Ланге сделал решающий, с точки зрения современной психологии, шаг по выходу за рамки капсулированного в субъекте непосредственного опыта, обратив исследовательское внимание на феномен, который на современном языке определяется как надситуативная активность субъекта. В результате ему удалось приступить к решению двух задач, имеющих и для нас принципиальное значение в выяснении психологической природы индивидуального опыта.

Прежде всего Н.Ланге показал, что феномены непосредственного опыта лишь частично могут быть описаны с помощью интроспекции. Каждый из них имеет собственный генезис; непосредственный опыт как реальный факт сознания по своей природе является результатом, но не непосредственных внешних воздействий различных стимулов, как полагал Дж.Локк и не принимал В.Вундт, а

некоторых приспособительских действий, имеющих визуальную и родовую историю [159, 160].

Благодаря такому серьезному подрыву идеи заданности непосредственного опыта Ланге подошел к решению и другой трудности в проблеме опыта – преодолению возникшего еще со времен эмпиризма противоречия между метафизическим и экспериментальным в форме внутреннего параллелизма высшего и низшего в самом непосредственном опыте индивида.

М.Г.Ярошевский отмечает: «Нетрудно заметить, что направление, в котором работал Ланге, имело своей конечной целью преодолеть разрыв между «низшими» и «высшими» психическими процессами, неизбежность которого для экспериментальной психологии Вундт считал аксиомой» [316, с.251].

Идеи психологической и социально-исторической погруженности человека в реальную жизнь, необходимость преодоления параллелизма, акцент на активности субъекта были затем подхвачены и развиты молодым ученым Одесского университета – С.Л.Рубинштейном. В дальнейшем он и его последователи, в противоположность постулированию непосредственности и априорности человеческого опыта, развили идею о включенности опыта в жизнедеятельность, в отношении к которой он и обнаруживает свою психологическую природу [248].

Опыт же у Вундта соотносим с сознанием, приближается к нему по объему понятия и поэтому в преувеличенной степени становится самодостаточным.

Сами по себе понятия «сознание» и «жизнедеятельность» не противоречат друг другу. Их генетическая связь утрачивается, точнее, перестает быть необходимой, наглядной, когда сознание выступает как данность настоящего, как феномен, состояние психического, хотя бы и существующее в каждый момент бытия, в то время как жизнедеятельность охватывает континуум прошлого – настоящего – будущего. Не отнесенное к жизнедеятельности, в частности к жизненному пути, сознание вместо «возникающего» становится априорным, а его исследование снова возвращается в плоскость взаимоотношений «высшего и низшего».

В историко-психологическом аспекте исследования Н.Н.Ланге показывают, что преемственность идей экспериментальной школы Вундта обеспечивалась не столько основополагающими принципами, а, как это часто бывает, теми новыми подходами, которым становилось тесно в вундтовской парадигме.

Но вернемся к основным фактам истории. Трансформация отношения к известным объектам психологического исследования, а то

и потеря к ним интереса внутри школы Вундта и вне ее, неизбежно растворили и проблему опыта. Именно по этой причине мы не наблюдаем переноса или перевода, а отсюда и обогащения понятия «опыт» при появлении в послевундтовский период новых психологических школ и направлений.

Так, например, понятие опыта, прежде всего в связи с его «субъективно-идеалистическим» происхождением, невозможностью его интерпретации в механистических понятиях, не было ассимилировано бихевиоризмом. Впрочем, в последние десятилетия, после того, как необихевиористы Миллер, Галантер и Прибрам сделали решительный шаг в сторону теории, объединяющей бихевиоризм и феноменологию, ввели в научный обиход внешне парадоксальный термин «субъективный бихевиоризм» [202] и «очеловеченный» бихевиоризм стал главной тенденцией его развития, изучение опыта приобрело новую динамику в направлении его квантифицируемости. Американские социальные психологи К.Рубинстайн и Ф.Шейвер подчеркивают: «Наилучшим доказательством распространенности указанного направления является уточненное определение психологии, появившееся в последнее время во многих учебниках; то, что раньше определяли как «науку о поведении», сейчас называют «наукой о поведении и опыте»» [240]. По-видимому, следует ожидать, что в недалеком будущем многие аспекты индивидуального опыта станут измеряемыми феноменами человеческого поведения.

Подобродим себя классической сентенцией – опыт, как птица Феникс, – всякий раз вновь возрождается из пепла. Таких заявленных в истории психологии «возрождений» в дальнейшем было, по крайней мере, два: сначала в рамках прагматизма, затем – гуманистической психологии. Заметим – снова без какого-либо заметного прямого влияния предыдущих воззрений и даже без особых на них ссылок.

Понятие опыта в философско-психологических концепциях прагматизма

В мировой философии конца XIX – первой половины XX века видное место занимает прагматизм. Учения Ч.Пирса, У.Джемса, Д. Дьюи, Дж.Мида, самых крупных представителей прагматизма, представляют для нас большой интерес, т.к. здесь, как у Дж.Локка и В.Вундта, центральным понятием философии и психологии также выступил «опыт».

Прагматизм интересен сегодня с точки зрения его социокультурных оснований, которые были обозначены стремлением изучать

повседневную жизнь, обратиться к здравому смыслу человека, поставить конкретного индивида в центр исследований. Безусловно, такая философия находит отклик в самой культуре и традициях общества людей, строящих свою жизнь в открытом обществе, в условиях объявленного максимального развития личных способностей, а также личной ответственности за собственную судьбу. Созвучия с требованиями жизни в посттоталитарном обществе очевидны.

Теоретики прагматизма осознанно поставили себя в оппозицию к априоризму древних греков, рационализму Декарта и эмпиризму Локка по фундаментальным вопросам гносеологии, в том числе и по тому – куда идти в поисках истинного. Ч.Пирс, твердо в полемике с учением Декарта заявивший, что истина в опыте, весьма вдохновенно и достаточно однозначно сравнил свой подход по значимости для философии с коперниканским переворотом, заложив, правда, тем самым основы для той же абсолютизации, против которой решил бороться.

Придание опыту статуса одного из основных понятий психологии было вполне закономерным в связи с главной задачей прагматизма – изучить возможности и средства эффективного приспособления индивида к изменчивой среде.

Основоположником прагматизма считается Чарльз Пирс. Свое философское учение он строил, возражая Декарту по его основным положениям и, в частности, по знаменитому декартовому «сомнению».

Декарт хотел достичь достоверного знания, устраняя заблуждения, предрассудки, обыденность через сомнение как методологическое средство. С его точки зрения логические основания какого-либо положения стоят выше здравого смысла, опыта, суждений.

Ч.Пирс неожиданно переводит сомнение в категорию психологическую и рассматривает опыт как состояние, понятное субъекту, но не абсолютизируемое: «Мы не можем начинать с полного сомнения... не будем делать вид, что мы в философии сомневаемся в глубине души» [337. Цит. по: 200]. Пирс полагал, что концептуализация «чистого разума» в качестве гносеологической и психологической основы человеческой деятельности напроць уводит исследование от человека реального, многоаспектного, активно вступающего в разнообразные связи с окружающей средой, что проявляется через его действия. Что же тогда с психологической точки зрения проявляется, вернее, воплощается во внешних действиях индивида? Его опыт. За счет тех же действий он и обогащается.

Из последнего становится понятным, почему прагматики не принимали и эмпиризм – речь шла прежде всего о разных источ-

никах формирования и развития опыта: восприятие и рефлексия у Локка, адаптация и активные действия у Пирса.

Недействующий непосредственный опыт также не встраивался в теорию Пирса. В целом можно сказать: если в лейпцигских экспериментальных лабораториях опыт усредненного индивида «очищали» от разнообразия действий, неконтролируемых привнесений, артефактов, то прагматики в понимании психологической природы опыта исходили из противоположного – насыщали понятие опыта как можно более широким разнообразием человеческих действий.

Такой радикальный в сравнении с предшественниками вывод опыта во вне самого себя выразился в уникальном смешении гносеологического и аксиологического аспектов психологии действия: истинным считается то, что соответствует интересам индивида и обеспечивает их.

Эти и другие теоретические установки прагматизма были в дальнейшем развиты У.Джемсом, а затем Д.Дьюи и Дж.Мидом.

При анализе теоретических воззрений Уильяма Джемса следует учитывать, что из всех представителей прагматизма он был в психологии наиболее «субъективистским». На этой основе произошло его размежевание с Ч.Пирсом, но отсюда же он более конструктивно воспринял методический ход Вундта в его попытке расшифровать субъективное (опыт) через внешние объективные физиологические реакции. Джемс выдвинул свою концепцию выхода за пределы сознания посредством анализа реальных предметных действий. Конкретный механизм взаимосвязи внешнего и внутреннего Джемс искал среди ориентированных на приспособление к среде телесных действий. Данный подход к проблеме сознания, с которым опыт во многом отождествлялся, не получил немедленного развития. Прямых ответов на прямо поставленные вопросы получено не было.

Для У.Джемса опыт предстал в качестве центральной категории при разработке учения, получившего название «радикальный эмпиризм». Джемс действительно одним махом снимал с рассмотрения проблемы сознания, взаимоотношения субъекта и опыта, истины. Теоретическим основанием для их переосмысления было введение в психологию ряда новых понятий, главным среди которых было понятие «чистого опыта».

Разумеется, Джемсу хорошо были известны работы философов разных лет, в которых многое упиралось в проблему субъекта и объекта. Всякий раз ученые развивали какой-либо предпочтительный ими акцент в субъект-объектных отношениях. Джемс решает стать выше акцентов. Но в таком случае необходима категория, относительно которой и субъект-объектные отношения, и сознание оказываются

лишь частным случаем. Для Гегеля такой категорией был «дух». Джемс уходит от идеи демиурга, вводя категорию чистого опыта, понимая его как данность, как непосредственный жизненный поток, составляющий основу для последующего отражения [92,93], некий своего рода эфир, лишенный генезиса, структуры и... критики.

Как показала дальнейшая история, такая, лишенная какой-либо телесности абстракция, так и не была ассимилирована для нужд практической психологии, в том числе и внутри прагматизма. Теория Джемса была последней в истории психологии попыткой выявить природу человеческого опыта способом суперидеализации понятия. В данном случае парадигма «опыт – сознание» предстала в предельном парадигмальном виде «опыт как действие» – «чистый опыт» (опыт – опыт).

Радикальный эмпиризм постулирует прежде всего то, что все, с чем мы имеем и можем иметь дело в процессе познания, охватывается понятием опыта. В рамках данной теории опыт является тем самодостаточным понятием, которое нет необходимости доопределять и которое по своему объему совпадает с «реальностью». При этом опыт может быть дифференцирован по своему наполнению, так как он содержит в себе отдельные факты, связи между ними, а также «совокупность прежних истин» (прошлый опыт, память).

Не менее интересной была попытка Джемса искать корреляты опыта в верхних уровнях психологии индивида – личностном, социальном, религиозном и т.п. За этим обнаруживается различие структурального (дискретно-компонентного) отношения к сознанию Вундта и функционального (непрерывного – «поток сознания») – у Джемса. В конечном итоге именно внутри прагматизма были заложены современные представления о континуальности человеческого опыта.

В своих работах У.Джемс всячески подчеркивал экзистенциальность, посюсторонность опыта, роль самого индивида в его формировании.

Философско-психологические и этические взгляды У.Джемса оказались созвучными житейской психологии «среднего американца», носителя своеобразной смеси религиозного и обыденного сознания конца XIX – начала XX века. Джемс считал, что религия нужна человеку для сохранения чувства защищенности, безопасности в нестабильном мире. Говоря современным языком, она выполняет роль ценностного ориентира для индивида. «Центром, внутри которого вращается религиозная жизнь..., является забота человека о своей личной участи» [91]. В другом месте Джемс, реагируя на ситуацию бесправия и обнищания, развивал мысль о том, что качество жизни

зависит от самих людей. Жизнь человека такова, какой он ее сделал. Поэтому не хныкай, не жалуйся, а верь в удачу и действуй; чем сильнее вера, тем надежнее успех. Такого рода доктринерство превратило прагматизм в весьма популярную теорию своего времени.

Таким образом, в философском учении У.Джемса выделяются две категории – сознание и опыт. Сознание, по Джемсу, есть избираемая активность, выбор того, что нужно данному индивиду. При этом мысль как всеобщность вместе с тем имеет всегда личностный характер. При таком понимании источником обогащения сознания, мышления является «поток сознания», субъективный опыт [92, 93].

В своих исследованиях У.Джемс многократно использует понятие «опыт», постоянно развивая представление о нем. Тем не менее вопрос о его «локализации» в рамках оппозиции «поток сознания – реальность» так и остается до конца непроясненным, как, впрочем, и проблема субъект-объектных отношений.

Наиболее сильное влияние на духовную жизнь США в первой половине XX века оказал Джон Дьюи. Развивая идеи Ч.Пирса и У.Джемса, Дьюи значительно уменьшил идеализацию и ненаполненность понятия «опыт» Джемса, поставив вопрос о двойной детерминации опыта, а именно, снизу (биологическая детерминация) и сверху (ценностная детерминация).

Дьюи отталкивается от учения Дарвина о том, что организм, чтобы выжить, должен приспособиться к среде, так что приспособление и выживание – суть одно и то же.

Полемика прагматистов с представителями иных теорий часто велась вокруг принятия идеи качественных скачков в процессе деятельности человека. Прагматисты полагали, что, с точки зрения адаптации, приспособления человека к среде, в широком значении этого понятия, формы и способы приспособления составляют непрерывный континуум достижений. Своего рода единицей опыта Дьюи полагает привычку (навык). Тогда средством адаптации в любой сфере общественной жизни является изменение привычек, отказ от старых, уже не оправдывающих себя привычек и выработка новых, более полезных и эффективных.

Ценностная интерпретация опыта также имеет важное значение для понимания его детерминации. Если биологическая интерпретация строится вокруг вопросов «что?» и «как?», то здесь олицетворен вопрос «зачем?».

Таким образом, двойная детерминация опыта состоит в том, что с биологической точки зрения все активности и достижения человека в плане приспособления оказываются однородными. Точно так же ценностная интерпретация опыта делает поведение человека однородным. Тем самым и с этой стороны обосновывается «принцип

непрерывности», а значит, равнодостоинства всех уровней деятельности человека.

Такая теоретическая позиция не является случайной, в ней отражена скрытая и явная полемика с «логикой приоритетов»: соответственно у Декарта – приоритет рационального, у Локка – приоритет чувственного. В отличие от Джемса, который определял опыт абстрактно, как «поток субъективной жизни», Дьюи дает ему более реалистичную характеристику, хотя бы путем перечисления аспектов, в которых обнаруживается его экзистенция: «Ценность понятия опыта для философской рефлексии состоит в том, что оно обозначает как поле, солнце, облака и дождь, семена и урожай, так и человека, который трудится, составляет планы, изобретает, пользуется вещами, страдает и наслаждается. Опыт обозначает все, что переживаете в опыте, мир событий и лиц; он обозначает мир, воспринятый в опыте, деятельность и судьбу человека» [319. Цит. по: 200].

Как мы видим, трудности в определении понятия налицо. Ценность таких нестрогих дефиниций состоит в том, что они запрещают выделение какого-либо одного аспекта как приоритетного. Действительно, раскрывая далее содержание опыта, Дьюи считает огромной ошибкой рассмотрение опыта как основного способа или процесса познания. Опыт вовсе не сводится к познавательному отношению, напротив, существует множество более первичных способов отношения к вещам и обращения с ними. Ребенок засыпает с любимой игрушкой, горожанин отправляется в лес, обладание вещью, наслаждение и страдание – все это не менее достойно в жизни человека, чем познание.

Таким образом, Д.Дьюи, как и вообще прагматики, понимает опыт совсем не как Ф.Бэкон или Дж.Локк, для которых опыт был формой или способом познания, либо как советская философия, где опыт выступает в качестве предпосылки, ступени теоретического освоения мира. Для Дьюи опыт – это повседневный, обыденный опыт людей, это мир чувств, переживаний и активности человека, сфера его обычной жизнедеятельности.

С такой точки зрения, именно здесь, в чувственно-практическом опыте повседневной жизни складываются наши потребности, интересы и запросы, возникают проблемы и задачи, требующие решения; мы ставим перед собой цели и ищем средства для их достижения. Здесь, в сфере повседневного опыта, мы любим и ненавидим, веселимся и скучаем, стремимся и достигаем. Мир нашего непосредственного опыта или мир здравого смысла, как обозначается тот мир, в котором мы живем с нашей любовью и ненавистью, с нашими поражениями и достижениями, выборами, стремлениями и наслаждениями, это и есть единственно реальный мир подлинных ценнос-

тей, если ценностями называть все то, к чему мы стремимся, чем дорожим, что мы хотели бы сохранить и закрепить в нашей жизни.

Отсюда и осмысление опыта, или что то же самое, нашей жизни, нашей деятельности и ее результатов должно происходить прежде всего в категориях удачи или неуспеха, достижения целей или поражения. Как говорит Дьюи, «успех и неудача суть первичные «категории» жизни; достижение блага и избегание зла – ее высшие интересы; надежда и тревога... – господствующие качества опыта» [320. Цит. по: 200].

Такое понимание опыта оказалось сходным с тем, что было положено в основание теорий личности у К.Левина, Х.Хекхаузена, Ж.Нюттена и др. Хайнц Хекхаузен прямо развил мотивационную модель стремления к успеху – избегания неудачи, положив вслед за К.Левиним в основу своей теории представление о том, что мотивационный процесс побуждается требовательными характеристиками ситуаций из повседневной жизни человека [292].

Дьюи последователен в своем стремлении придать прагматизму ориентированность на проблемы субъекта, идущие от субъекта. Поэтому достаточно экстремально (если не экстремистски) выглядит его суждение о необходимости познания внешнего мира: «Проблема, как я, или ум, или субъективный опыт, или сознание могут достигнуть знания внешнего мира, является, конечно, бессмысленной проблемой» [320. Цит. по: 200]. Задача науки и интеллекта состоит в том, чтобы наиболее эффективно решать человеческие проблемы. Поэтому, в полном согласии с принципом непрерывности, нет никакого существенного различия между теорией и практикой, а цель всякого действия в конечном итоге одна: «Сущность прагматистского инструментализма состоит в том, чтобы понимать и познание, и практику как способы, позволяющие обеспечить благам – превосходным вещам всех видов – надежное существование в опыте» [321. Цит. по: 200].

Развивая свою концепцию, уже в начале XX века Дьюи не мог не соотносить ее с постоянными коллизиями в жизни общества. Он с горечью констатирует разрыв между огромными успехами естественных наук и упадком человеческих ценностей, возрастающей некомпетентностью в решении социальных вопросов. Тем самым социальный аспект детерминации опыта из возможной стал превращаться в реальную проблему философии прагматизма.

Ретроспективно выяснилось, что акцент именно на этой проблеме в свое время первым сделал еще один представитель прагматизма – Дж. Мид, сочинения которого, не изданные при жизни, стали предметом пристального изучения представителей позднего прагматизма.

Ориентируясь на решение социальных проблем, Дж.Мид не мог не исследовать еще один вид детерминации опыта – со стороны социума. Специфика прагматистских взглядов такова, что не позволяет говорить о примате социального над индивидуальным, привычной посылке многих зарубежных и советской школ социальной психологии. Здесь как бы осуществляется взгляд на социум изнутри, с точки зрения индивида, когда сам он выступает частью некоторого социального акта.

Социальный бихевиоризм Мида, однако, не отрицал наличие сознания, отрицая лишь его субстанциональный характер. С бихевиоризмом Уотсона его сближало то, что он не делал упора на интроспекцию. Исследуя человеческую «самость» или Я (Self), Мид находил его и внутри, и в поведенческих актах субъекта. Социологию Дж.Мида можно было бы назвать «субъективной социологией индивида».

Схема возникновения самосознания, «Я», по Миду, достаточно проста, хотя отличается от представлений и бихевиористов, и экзистенциалистов, и от социологии действия М.Вебера. Для образования «Я» человек должен обладать двумя способностями: рефлексией, дающей возможность будучи субъектом одновременно относиться к себе как к объекту, и способностью оценивать (учитывать, предвидеть) отношение к себе других. Лишь благодаря последнему у человека появляется возможность относиться к себе так, как к нему относятся другие люди. Это значит, что «Я» невозможно без других. «Должны быть другие Я, если мы хотим, чтобы было наше собственное» [331]. Этот процесс находит свое завершение, когда индивид принимает позицию любого или обобщенного другого. Таким образом интегрируется его социальный опыт.

Нужно сказать, что в реальности для взрослого человека и для ребенка процесс оценивания себя через других должен быть персонафицированным, как это изображает Дж.Мид. Но это необходимо, в первую очередь, на стадии первичного накопления опыта. В дальнейшем человек начинает оперировать такими составными частями опыта как статистики, шкалы, семантическое пространство шкал [16, 36, 69, 129 и др.].

Большое место в своих исследованиях Мид уделяет характеру и процессу взаимодействия человека со средой, в том числе и социальной. Подкупает своей ясностью и оригинальностью субъективистская точка зрения, согласно которой индивид, решая общую задачу приспособления к среде, реконструирует саму среду, означая ее тем или иным признаком опыта (знаменитое у Мида: «бык ест траву, тем самым наделяя ее качеством пищи»).

Материалист в этом пункте был бы озабочен отсутствием внимания к объективным детерминациям опыта. Упреки такого рода имеют мало отношения к теории Мида. Он не отрицает наличие объективной реальности, но данное обстоятельство просто не имеет отношения к инструментальному, «технологическому» рассмотрению взаимоотношения субъекта опыта с внешней средой. Им развивается мысль, что приспособление к среде означает не что иное, как исследование и реконструкцию среды в целях принятия решения о характере действий субъекта в данной ситуации.

Уточняя свою позицию, Дж.Мид подчеркивает, что воздействие среды носит каузальный, требовательный характер, а воздействие индивида на среду – избирательный и полагающий. Результатом этого взаимодействия являются изменение окружающих условий и одновременное изменение индивидом самого себя, а следовательно, и всего мира, который постоянно меняет свое значение. Он говорит: «Объекты конституируются в терминах значений внутри социального процесса опыта и поведения посредством взаимного приспособления друг к другу реакций или действий различных организмов, вовлеченных в этот процесс» [331. Цит. по: 200].

Таким образом, в работах Д.Дьюи и Дж.Мида, в развитие взглядов У.Джемса, найдены и обоснованы биологическая, ценностная и социальная детерминации опыта. Тем самым были созданы предпосылки для системного понимания опыта.

Мы рассмотрели представление о человеческом опыте в традициях прагматизма, где с самого начала индивид оказался в центре философских и психолого-педагогических исследований. С нашей точки зрения, такая «человекоцентризация» выгодно отличает данный подход от других, скорее «сциентистских», как это можно сказать о когнитивной психологии, либо абстрактно-гуманистических, чем отличалась советская психология, несмотря на обилие научных и псевдонаучных лозунгов. Советские методологи и историки науки много критиковали прагматизм, но так как сама советская наука нисколько не сдвигалась с «твердых позиций», то и критика каждый раз не затрагивала сути вопроса о содержании самих прагматистских посылок.

Ограниченность прагматизма проявилась в противоположном. Развивая концепцию человека повседневного, прагматики абсолютизировали парадигму опыта, отождествив его сначала с сознанием, а затем и с человеком вообще, вступив в противоречие со своей собственной посылкой о непредсказуемом богатстве человека. Прагматизм, незаметно для самих теоретиков «проскочив» фазу абсолютизации, превратился в прагматицизм (по аналогии с «истори-

цизмом», введенным в научный обиход К.Поппером [225]).

По своему гносеологическому объему опыт не может претендовать на единственную категорию, из которой выводится все остальное. Как бы мы не расширяли представление о «приспособительной» идее человека, хотя бы и добавляя категорию веры, тайна его стремления к самоактуализации, трагизм жизни и смерти не могут быть встроены ни в какую теорию. Феномен человека поэтому постоянно выбирается, выходит за пределы того, что может описать опыт. Между тем определение опыта в более понятных пределах человеческой активности позволяет ставить вопрос о нем, как о совокупной динамической организации его различных структур. В частности, часто говоря о непрерывности, преемственности отдельных ситуаций, в которых воплощается опыт, прагматисты не заинтересовались фундаментом такой преемственности – человеческой памятью, которая как раз и обеспечивает континуальность индивидуального опыта.

И это не случайно. В примере с быком, поедающим траву, речь действительно идет о субъекте опыта, с которым, однако, у прагматистов отождествляется и сам опыт. В таком случае ему приписываются неоправданно широкие возможности активности, полагания и взаимодействия с внешней средой и, наоборот, утрачивается представление о его специфике. Вопрос о специфике индивидуального опыта можно поставить, если отвести ему более скромную, но реальную роль, а именно структуры, которая не вступает непосредственно во взаимодействие с внешней средой (социальной, материальной), а обеспечивает субъекту, благодаря своему специфическому строению, внутренние условия такого взаимодействия. Образно говоря, если субъект творит собственную жизнь, то опыт ведет ее протокол, накапливая и интерпретируя знания, умения, достижения и неудачи индивида. Одной из форм такой фиксации в опыте с необходимостью становится память.

С таким фундаментом опыт, для того чтобы иметь возможность к обогащению, сам должен уметь изменяться. В конечном итоге прагматизм так и не сделал шагов в направлении выяснения роли и места опыта в деятельности субъекта. Расширительная трактовка опыта повлекла и другие последствия – не был выделен специально аксиологический аспект проблемы.

Внешние обстоятельства жизни, какими бы длящимися или стрессовыми они ни были, не меняют опыт непосредственно, такие обстоятельства должны быть пропущены через ценностные и иные критерии, существующие в человеке. С.Л.Рубинштейн критиковал прагматизм за его «технизацию» представлений о человеческой пси-

хике: «...здесь должна быть указана опасность утрирования роли деятельности, которое свойственно бихевиоризму и прагматизму... То, что дано первично, естественно, в мире вокруг человека и в нем самом, все превращается в нечто «сделанное», сфабрикованное, как будто мир действительно является продуктом производства. Такому прагматическому изничтожению действительности нужно противопоставить другое соотношение человека и бытия – приобщение человека к бытию через его познание и эстетическое переживание – созерцание. Бесконечность мира и причастность к нему человека, созерцание его мощи и красоты есть непосредственно данная завершенность в себе» [244, с.339; а также 242]. Данный ключ к человеческому опыту был обнаружен представителями гуманистической, прежде всего роджерсианской, психологии.

Опыт как ценность личности в гуманистической психологии

Возникнув в 50-е годы нынешнего столетия, гуманистическое направление в психологии противопоставило себя бихевиоризму и психоанализу, уже прошедшим к тому времени пик своего влияния на психологию, и начало развиваться параллельно с появившемся в то же самое время когнитивным направлением. Большое влияние на развитие гуманистической психологии оказала феноменология Э.Гуссерля, а также философия экзистенциализма. С большой долей правоты можно сказать, что гуманистическая психология есть не что иное, как переложение на практические рельсы философских идей о ценности человеческой личности, ее внутренней свободе, уникальности, психическом здоровье.

Характерно, что идеи гуманистической психологии выдвигались и поддерживались учеными, работающими в прикладных областях психологии, ее становление связано с именами Ш.Бюлер, А.Маслоу, Дж.Олпорта, К.Роджерса, В.Франкла, Э.Фромма и др. [179, 236, 283, 289, 293, 329]. Одним из основных «практиков гуманизма» несомненно является Карл Роджерс, идеи которого в настоящее время остаются едва ли не самыми популярными среди практических психологов и психотерапевтов.

Нужно отметить, что проводить анализ идей гуманистической психологии достаточно сложно. Необычным является то, что для этого, с нашей точки зрения и по нашему опыту, нужно первоначально преодолеть некий барьер непонимания, а именно, следуя принципам самой гуманистической психологии, принять ее как этическое человеческого существования. В отличие от прагматизма, делающего акцент на инструментально-операциональной стороне опыта, гуманистическая психология усилиями Маслоу, Роджерса, Франкла

максимально высоко поднимает планку рассмотрения жизненных устремлений, духовности человека, превращая его против воли теоретиков в субъекта редкого для наших дней, аксиологически незавершенного, абстрактного. Аромат повседневности, понятности, реальности, присущий прагматизму, заменен красотой свободного развития, внутренней гармонией, эмпатией и верой в свои жизненные силы. Хотя и прагматизм, и гуманистическая психология определяют опыт как свою центральную категорию, в остальном они расходятся примерно как трудолюбивые фермеры и наследные аристократы духа.

В докладе за 1961 год Ассоциации гуманистической психологии указывается, что с самого начала гуманистическая психология занималась изучением тех способностей и возможностей человека, к которым не обращается ни позитивизм, ни бихевиоризм, ни психоанализ, а именно любовь, творчество, «Я», развитие, организм, реализация своих возможностей, высшие ценности бытия, становление, спонтанность, смысл, опыт, психическое здоровье и др. Это психология, целью изучения которой является здоровый творческий индивид.

Наиболее характерными для гуманистической психологии являются следующие теоретические посылки:

1. Человек всегда обладает свободой и необходимой для него независимостью.
2. Самым важным источником информации является экзистенциальное состояние человека, его субъективный психический опыт, доступный ему через его осознание «здесь-и-теперь».
3. Поскольку человеческая природа определяется не тем, что делает человек, а тем, как он осознает свое бытие, его природа никогда не может быть определена полностью, она всегда стремится к непрерывному развитию, к реализации возможностей человека.
4. Человек един и целостен. Эта цельность «Я» создает уникальный характер переживаний каждого человека. В человеке невозможно разделить органическое и психическое, осознаваемое и неосознаваемое, чувство и мысль.
5. Сознание человека не может быть сведено ни к его основным потребностям или защитам, как во фрейдизме, ни к эпифеноменам бихевиоризма.

Из этих принципов гуманистической психологии вытекают этические принципы.

В жизни человек несет ответственность за свои поступки. Идеальные отношения между людьми основываются на взаимном признании, что каждый человек – творец своей собственной жизни. Каждый признает и ценит внутренний субъективный мир другого

и себя. Такие эмоции человека, как боль, конфликт, вина и др., составляют его внутренний опыт и поэтому также должны восприниматься доброжелательно.

Каждый человек живет только в настоящем моменте «здесь-и-теперь», и именно он существует для бытия.

Для людей, усвоивших гуманистическую этику, характерен поиск опыта, который приводит к развитию человека и его личности. Поэтому в практическом плане основная тема гуманистической психологии – использование внутреннего опыта организма для изучения и изменения его личности [120].

Наибольший, с нашей точки зрения, вклад в укрепление позиций гуманистической психологии сделал Карл Роджерс, разработав систему собственных представлений о личности, а главное, доказав практическую приложимость теории в области индивидуальной и групповой психотерапии, субъективного и объективного метода оценки терапевтических воздействий, оригинальной теории обучения. В основе теории Роджерса лежит понятие «актуализация». Под ней понимается врожденное стремление организма реализовывать свои способности с целью сохранить жизнь, сделать ее более разнообразной, а человека более сильным. Самоактуализация человека происходит как движение к полному знанию себя и своего внутреннего опыта. Открытость собственному опыту снимает привычные защитные реакции, дает возможность не бояться, что осознание своих мыслей и чувств скажется на его самоуважении. Прислушиваясь скорее к себе, чем к окружающим, актуализированный человек реализует единство эмоционального и рефлексивного компонентов своего внутреннего опыта, становясь свободным в выборе своего собственного пути [236].

Понятно, что самоактуализация, как процесс и феномен замыкания на себя, вызывает возражения как раз со стороны этики ее практического воплощения. Один из крупнейших философов-антропологов современности М.Бубер резонно замечает, что хотя людям нужно начинать с поиска себя, на себе же они не должны его заканчивать. Понять себя нужно для того, чтобы не быть все время занятым саморефлексией и раствориться в других [51]. Другой видный представитель экзистенциализма В.Франкл также считает, что «человек возвращается к себе и занимается собой, только если у него нет смысла жизни. Идеализация самовыражения, если она является целью, делает невозможным существование значимых отношений. Основным в отношениях любви является не свободное самовыражение, а выход за себя и любовь бытия другого» [283].

Отмечая общие тенденции развития гуманистической психологии, И.Г.Белявский и А.Н.Кишинская пишут, что «взгляд на чело-

веческую психику, стремление психологически интерпретировать законы социального развития позволяют говорить об этом направлении как разновидности современного психоанализа» [34, с.198].

Гуманизация предмета психологии, акцент на субъектности, самореализации закрепил и специфическую установку в выделении объекта исследования, каковым, по мнению А. Маслоу, должна стать самореализующаяся (или самореализованная) личность [328, 329]. Как известно, для самого А. Маслоу такие личности персонафицированы и каталогизированы в лице некоторых его клиентов, а также в ряде выдающихся людей современности и истории. В контексте проводимого нами анализа здесь видится больше, чем иллюстрация, так как просматривается некий общий симптом.

Выступая от имени большинства тех, кто не вошел (не войдет) в замечательный «список Маслоу», можно высказать следующее. Борясь против методологии упрощенного детерминизма бихевиористов и фрейдистов, гуманистическая психология парадоксальным образом приходит к ослаблению собственной идеи субъектности. Непосредственно для А. Маслоу ключевым моментом в его теории является построение универсальной шкалы потребностей «от низших к высшим», которая отличается от «уровней» сформированности или функционирования у представителей поведенческой психологии или известных уровней психоанализа по существу лишь указанием искать «ключ к анатомии» не снизу, а сверху. Эвристичность классификации и ранжирования потребностей не вызывает сомнений, но, скорее, в операциональном смысле. Проблемы возникают в том месте, когда, хотя и как угодно широкое, нормирование человеческих актуализаций вводится в ранг методологии. Трудно сказать, в какой степени это «негуманно», однако отчетливо видно, что это уже «недемократично».

Продолжая настороженно относиться к схеме «низшее – высшее», выскажем несколько слов о знаменитой формуле Э. Фромма: «Иметь или быть?» [289], стремясь оградить «быть» от известного налета мистификации.

Если даже «иметь» и преобладает в обыденном сознании некоей «партикулярной» личности, то, будучи изначально связанным со своим более высоким «быть», оно стремится всякий раз отринуть от себя свою оппозицию, с той, однако, целью, чтобы, смотря в нее, найти ответы на вопросы, объясняющие собственную бытийную позицию и смыслообразующие основания «иметь». В противном случае не очень понятно, откуда берутся «герои нашего времени».

Следуя такому представлению, мы получаем возможность понимать и объяснять те неожиданности, социальные бифуркации,

которые часто кажутся необъяснимыми и для наблюдателей, и для самих носителей массового сознания. И.Г.Белявский, А.Н.Капшинская подчеркивают, что «между сверхмощными супергероями мифов и слабым человеком... существует неразрывная связь. Все дело в том, что самые фантастические мифы, относящиеся к космогоническим началам и повествующие об исторических событиях, не говоря уже о мифах, героями которых становится человек, созданы по законам человеческой психики и «сотканы из элементов действительности»» [34, с.310]. Наше замечание направлено против поспешного псевдопсихологического деления людей на «таких» и «этаких».

Высказанные нами здесь «поправки» к воззрениям выдающихся психологов современности А.Маслоу и Э.Фромма могли бы выглядеть более убедительно при условии, что нам самим был бы известен некоторый новый подход к обсуждаемой проблеме. Нам он неизвестен, существует лишь смутное опасение, что психология опять может уйти от поиска системы описания любого человека как равного по сложности и богатству другим в функциональном и аксиологическом отношении. Одним из признаков равнодостоинства (психологической, социокультурной) всех как раз и является наличие у каждого человека его суверенного индивидуального опыта.

Отличительная особенность индивидуального опыта как предмета исследования состоит в его универсальности по отношению к разнородным аспектам психики человека. Индивидуальный опыт в равной степени детерминирован «материальными» (память, другие познавательные процессы), «субстанциональными» (личность, духовность) и социальными (индивид – социум) движущими силами человеческого бытия.

Приведенные выше возражения не имеют решающего значения. Их острота снижается, если рассматривать идеи представителей гуманистической психологии и прежде всего К.Роджерса в феноменологическом плане. Например, для его варианта психотерапевтической практики важное значение имеет общее для терапевта и клиента состояние «здесь-и-теперь». Здесь не заложено последующее «замыкание на себя», равно как и давление любого из них на другого в социально-психологическом смысле.

Такое требование вовсе не является рядовым методическим указанием для проведения психотерапевтических процедур. По мнению Роджерса, только в этом состоянии может быть реализовано требование абсолютного принятия клиента, отсутствия критики, тем более отсутствия желания управлять, манипулировать клиентом в скиннеровской традиции. В ситуации «здесь-и-теперь», как полагает Роджерс, человек может спокойно обратиться

ся к своему внутреннему опыту; в этот момент и благодаря этому становится возможной психотерапевтическая работа, будь-то индивидуальная или групповая.

Таким образом, субъективный опыт становится не только важнейшей теоретической категорией гуманистической психологии, но и постоянным узловым моментом в психотерапевтической практике по Роджерсу.

Широко употребляемый в гуманистической психологии и, в частности, в теории Роджерса, термин «опыт», как правило, остается многозначным по содержанию, смысловым оттенкам. По отношению к клиенту опыт (experience) понимается как «проживание» данной ситуации, как частичное или полное осознание себя, как особое эмоционально-рефлексивное состояние, наконец, как совокупность сведений о себе, детерминированных сферами активности организма. В любом случае опыт есть некая данность, олицетворяющая момент непрерывного развития человека, естественным образом устремленного к своей собственной свободе. Задача психотерапевта состоит в принятии этой данности, оказании помощи в ее раскрытии для самого клиента.

Роджерс неоднократно подчеркивает особую приоритетность опыта в жизни человека: «Я думаю, что должен верить совокупности моего жизненного опыта, который, я подозреваю, является умнее, чем мой интеллект. Конечно, мой опыт подвержен ошибкам, но, надеюсь, в меньшей степени, чем интеллект, отдельно взятый» [236]. Проблема, которую в конце концов вынуждена была поставить перед собой гуманистическая психология, – об «экологической валидности» психотерапевтических процедур, – Роджерс также замыкает на аксиологию субъективного опыта: «Опыт для меня является высшим авторитетом. Пробный камень валидности – мой собственный опыт. Ни мысли других, ни мои собственные мысли не важны так, как мой собственный опыт. Именно к опыту я должен снова и снова возвращаться, чтобы приблизиться к постижению истины, как это и происходит в моем собственном развитии» [236].

В своих работах К.Роджерс не раз подробно описывает стадиальность раскрытия опыта личности: «Как только клиент начинает двигаться к тому, чтобы быть способным принимать свой собственный опыт, он также начинает двигаться к принятию опыта других людей. Он ценит и принимает свой опыт и опыт других такими, какими они есть [Там же]. При этом происходят закономерные сдвиги в структуре личности. Клиент лучше представляет себе, чего он желает, каковы его отношения с другими. Ситуация «здесь-и-теперь» переживается им не как повторение известного, а как новое. Старые

личностные конструкты, стереотипы, установки не фиксированны, подвижны, и клиент получает возможность проверить их соответствие новому опыту.

Заслуга Роджерса заключается в том, что он доказал возможность и показал процесс самопревращения личности в направлении раскрытия своих лучших человеческих качеств. Возникает желание попытаться перенести рожерианский подход на «массового клиента», в роли которого оказались многие участники и соучастники нынешнего переходного периода.

Такое «растягивание» метода, при всей утилитарности в постановке вопроса, позволяет увидеть ограничения рожеровской теории и практики.

Дело не в том, что, как утверждает сам автор, лишь очень немногие достигают такого высокого уровня развития личности [Там же]. Можно также вынести за скобки вопрос о квалификации и «личностном богатстве» самих психотерапевтов. В любом случае обнаруженные в методе возможности, как и в целом этика экзистенциализма, позволяют расширить морально-психологическое пространство человека, показать ему действительные ориентиры в жизни, критерии, с которыми можно сверять повседневность. Но не более того. «Я убежден, что процесс хорошей жизни не для малодушных» – предупреждает Роджерс.

Теория Роджерса внутренне ограничена в связи с красивой, но абсолютизацией доброго начала в человеке. Нецельность теории, обнаруживаемая во многих частных противоречивостях, порождена тем, что с самого начала она конструируется «по ту сторону зла». Этим обусловлена ее определенная нереалистичность, частичное соответствие действительному опыту индивида в повседневной жизни, ценностным источником которого является непрерывный диалог добра и зла, наконец, трансформациям, которые претерпевает опыт в наше время. Усилия психотерапевта дают эффект при выполнении двух неперенных условий: наличие ситуации «здесь-и-теперь» и надежной защищенности клиента от «зла». По эффективности и скорости воздействия рожеровский подход уместней было бы назвать не психотерапией, а психохирургией в состоянии социальной депривации «здесь-и-теперь».

Но и в этом случае, по крайней мере, кто-то из двоих, терапевт или клиент, должен, открывая субъективный опыт, иметь представление о том, что входит в его состав, каковы приоритеты и как пересекаются составляющие разных сфер активности индивида, в том числе за пределами кабинета психотерапии.

Возникают вопросы – в каких случаях структурно-динамические компоненты индивидуального опыта личности работают одно-

временно, что является условием их эффективной работы в ситуации освоения нового? У К.Роджерса на этот счет имеется ответ: «Человек, полностью открытый своему опыту, имел бы доступ ко всем факторам, имеющимся в его распоряжении в данной ситуации: социальным требованиям, его собственным сложным и, вероятно, противоречивым потребностям; воспоминаниям о подобных ситуациях в прошлом, восприятию неповторимых качеств данной ситуации и т.д. [236].

Фактически К.Роджерс обозначил здесь основные источники обогащения опыта: социум, личность, память, ситуация, правда, не раскрывая содержательно каждый из них.

Итак, как мы видели, основными школами, развивающими идеи самодостаточности опыта, явились прагматизм и гуманистическая психология. Знакомясь с литературными источниками, можно с некоторым удивлением обнаружить, что между этими двумя крупнейшими в мировой психологии течениями не прослеживается преемственность; во всяком случае, прямого влияния прагматизма на гуманистическую психологию исследователи не отмечают. Остановимся на этом факте подробнее.

Еще в Новое время обнаружилась нестыковка французского рационализма и английского эмпиризма. Причину этого историки усматривают в разных периодах развития буржуазной мысли в предреволюционной Франции и послереволюционной Англии.

Прагматизм явился отражением раннего американского капитализма, когда граждане массовым числом становились субъектами частного предпринимательства. Это была эпоха поддержки личного стремления к успеху, приоритета личной ответственности за свою судьбу. Опыт представлял собой не что иное как движение к успеху, действие. Гуманистическая психология родилась в 50-60-е годы, когда передел собственности, укрупнение бизнеса уже были завершены и большинство индивидов оказались в роли участников высокооплачиваемого наемного труда. Капиталистический мир приобрел необходимый уровень относительной экономической и социальной стабильности, стал, по мнению большинства, позитивным и рациональным. И если для прагматизма была характерна этика становления индивидуальности, то для гуманистической недирективной психотерапии Роджерса клиентом становится индивид с потерянной индивидуальностью. Опыт в последнем случае представляет собой состояние индивидуального сознания.

Нельзя не отметить, что и прагматизм и гуманистическая психология, как раньше другие направления в философии и психологии, не дают ясного всеобъемлющего понятия «опыт». Попытки определить понятие, как правило, ориентированы на собственную

исследовательскую задачу, и если в философских системах Нового Времени оно заужено и занижено оппозицией к «разуму», то в теориях нынешнего века «опыт» приобретает расширительную трактовку, неоправданно поглощает другие аспекты человеческих возможностей и достижений.

Нам представляется, что ассимиляция идей прагматизма и гуманистической психологии в условиях становления постсоветского общества будет происходить по схеме перемешивания в стиле постмодернизма: гуманистическая психология будет наполняться прагматикой, прагматизм будет обрамлять себя морально-гуманистическими формами.

Опыт в советской и постсоветской психологии

Изучение индивидуального опыта личности на всех этапах развития советской психологии не являлось для нее ни центральной, ни сопутствующей задачей.

То обстоятельство, что проблема «опыта» оказалась на задворках марксистской философии и почти была вычеркнута из советской психологии, представляется не случайным. Гильотина «основного вопроса философии» прежде всего рассекала те категории, содержание которых было и материалистическим и идеалистическим одновременно.

Адепты марксистской методологии неоднократно ссылались на В.И.Ленина, который так определил свое отношение к прагматизму Джемса: «Прагматизм высмеивает метафизику и материализма и идеализма, превозносит опыт и только опыт, признает единственным критерием практику, ссылается на позитивистское учение вообще... и преблагополучно выводит из всего этого бога в целях практических, только для практики, без всякой метафизики, без всякого выхода за пределы опыта» [167]. Так как прагматистская концепция опыта была опозорена фидеизмом, он уже не мог в дальнейшем стать предметом позитивного изучения в рамках советской психологии.

За такими формально-идеологическими зависимостями скрывается и более конкретный социальный смысл непринятия философии прагматизма. Пирс, Дьюи и Мид всякий раз подчеркивали «человекоцентричность» прагматизма, гносеологизм и всеобщность здравого смысла, равные шансы всех, ненужность и неверность различных форм абсолютизма в мышлении и социуме. Это составляло прямую угрозу идеям мессианства, элитарности, руководящей роли отдельных над всеми, того, что, в конечном итоге, порождает специ-

фический менталитет тоталитаризма.

На фоне практического отсутствия экспериментальных исследований можно выделить два периода в истории психологии, когда отмечались попытки теоретико-методологического анализа понятия «опыт»: 20-е годы, связанные с именем Л.С. Выготского, и последние 90-е годы, знаменующие собой инвентаризацию основных положений деятельностного и культурно-исторического подходов к изучению психики человека. Характерно, что во всех этих случаях опыт не рассматривался как гносеологически особенное, а анализировался с позиций отторжения либо ассимиляции данного понятия в лоно принятых в советской психологии парадигм.

В 20-30-е годы центральной проблемой для зарождающейся марксистской психологии стала проблема сознания, его генезиса в общественно-практической деятельности человека.

Интересно проследить, какое место опыту было отведено в культурно-исторической теории Л.С.Выготского.

Л.С.Выготский с самого начала и вполне в соответствии с развиваемой им методологией психологии не берет во внимание сенсуалистские посылки Дж.Локка, точно так же, как и представления о непосредственном опыте В.Вундта. Опыт для Выготского предстает прежде всего как историческая категория, тем самым он утверждает новый для того времени марксистский взгляд на природу и психологическую сущность данного понятия.

Л.С.Выготский выделяет и подвергает анализу три самостоятельных типа опыта: исторический, социальный и удвоенный. В одной из первых своих работ, раскрывающей новые методологические позиции в психологии: «Сознание как проблема психологии поведения» (1925), он систематизирует данные аспекты понятия, показывая их внутреннюю связь. Об историческом опыте он пишет следующее: «Вся наша жизнь, труд, поведение основаны на широчайшем использовании опыта прежних поколений, опыта, не передаваемого через рождение от отца к сыну. Условно обозначим его как исторический опыт» [71, с.84].

Не останавливаясь на раскрытии психологического механизма такой передачи, Выготский тут же вводит понятие социального опыта, источником которого является жизнедеятельность индивида в реальном времени и в данном социальном окружении. Подчеркивая связь исторического опыта с социальным, Л.С.Выготский говорит, что рядом с историческим «должен быть поставлен опыт социальный, опыт других людей, который входит очень значительным компонентом в поведение человека» [71, с.84].

Наиболее интересным, в том числе и для нашего исследования, является понятие удвоенного опыта, в котором содержится главная

мысль об активном характере человеческой деятельности. Именно здесь Л.С.Выготский цитирует знаменитое марксово высказывание о различении поведения пчелы и деятельности архитектора. Удвоение в данном случае есть не что иное, как переворачивание задающего механизма человеческой активности. Возникшее сначала в процессе переработки внешней информации определенное психическое качество, благодаря активности индивида, становится его внутренним достоянием, далее приобретает способность к регуляции его дальнейшей деятельности. С позиции современной психологии можно было бы добавить – саморегуляции. Далее, преодолевая определенную на то время схематичность представлений Л.С.Выготского, можно было бы сказать, что им по существу была поставлена проблема субъекта опыта. Другое дело, что дальнейшего развития проблематика собственно опыта не получила. Вместе с тем весьма показательно, что недавнее возвращение к данной теме ряда исследователей начинается с апелляции к теоретическим представлениям Л.С.Выготского [70].

И 20-е годы и нынешний период ознаменованы определенным кризисом в психологии, что в обоих случаях привело к смещению центра тяжести от теоретических к развитию прикладных аспектов науки. Анализируя источники кризиса мировой психологии, Л.С.Выготский пишет: «Отношение академической психологии к прикладной до сих пор остается полупрезрительным, как к полуточной науке, но... нет никакого сомнения в том, что ведущая роль в развитии нашей науки сейчас принадлежит прикладной психологии: в ней представлено все прогрессивное, здоровое, с зерном будущего, что есть в психологии; она дает лучшие методологические работы. Представление о смысле происходящего и возможности реальной психологии можно составить себе только через изучение этой области» [71, с.387]. Другое дело, что вопрос о путях и способах «прикладывания» психологии и тогда и сейчас остается серьезной теоретико-методологической проблемой.

Выготский не дает дефиниции опыта, не раскрывает его конкретно-психологического содержания. Дифференциация опыта необходима автору для того, чтобы показать единую природу исторического, социального и удвоенного опыта. Так, например, исторический опыт суть тот же социальный, только в этом случае сама питательная социальная среда оказывает свое воздействие не сейчас, а в прошлом, точнее, из прошлого.

В результате Выготский обосновывает мысль о том, что опыт есть нечто внешнее по отношению к сознанию, которое и должно стать предметом изучения. Будучи страстным поклонником методологических поисков в становящейся советской психологии, глуб-

же и лучше других понимая возможности марксистского подхода, Выготский решительно и логически последовательно вывел «опыт» из списка теоретических понятий, а заодно и из возможного перечня объектов экспериментальных исследований.

Возвращение к проблеме психологического опыта личности произошло в 1990 году в работе Л.К.Воробьевой и Т.В.Снегиревой [70]. Авторы говорят о желании оправдать надежду Л.С.Выготского на то, что практическая психология стимулирует развитие фундаментальной. Обобщая свой многолетний опыт психологического консультирования, авторы приходят к выводу, что «знания, которыми может снабдить психолога академическая психология, – это знания «не про то», что требуется в консультативной работе с детьми и их родителями. ...Реальность, с которой имеет дело психолог-консультант, оказалась вне сферы изучения наукой, ограничившей себя онтологией деятельности и общения.

Помимо деятельности и общения между взрослым и ребенком существуют отношения особого рода, общепринятого названия которым пока нет. Это – бытийные, экзистенциальные, жизненно необходимые связи» [70].

Стремясь продолжить и развить идеи Л.С.Выготского и, одновременно, оказавшись перед необходимостью решения собственных проблем практической психологии, авторы решают заимствовать извне неисполь-

зуемое отечественной психологией понятие, обосновывая это тем, что «используемые у нас психологические категории не способны отразить природу данной реальности. Поэтому мы и вынуждены были обратиться к понятию «опыт», широко распространенному в зарубежной психологической литературе» [Там же].

В работе Л.К.Воробьевой и Т.В.Снегиревой предпринята попытка собственной трактовки психологической природы человеческого опыта посредством развертывания предельных характеристик внешнего как философско-культурологического, что дает возможность выявить культурно-историческую детерминацию индивидуального опыта личности. В результате экзистенциальность опыта характеризуется через культурно-символические гештальты, а способом организации психологического опыта объявляется миф. «Психологический опыт личности и культура по сути дела единая система» – считают авторы и окончательно выводят, что опыт и культура связаны отношением эквивалентности, когда часть равновелика целому.

По-видимому, возможно и полезно расширять границы культурно-исторического видения такого психологического образования

как опыт. Но здесь самих исследователей подстерегает опасность утраты онтологического содержания опыта, его бытийности, уникальности, простоты и наглядности его проявлений в ходе реализации насущных потребностей индивида. В результате декларируется, но никак не проявляется, не конкретизируется регулятивная функция самого опыта. В очередной раз за сложными философско-культурологическими построениями (или вследствие этого) оказывается потерянным сам субъект опыта. Теперь уже хорошо известно, что именно здесь кроется основная слабость культурно-исторической теории и теории деятельности, о чем, впрочем, еще в 1939 году предупредил П.И.Зинченко [113, 114].

То обстоятельство, что, изучая субъектность, мы приходим к опыту как атрибуту субъекта, было проанализировано в ряде последних работ в рамках уже деятельностной парадигмы. Особенно это касается анализа случаев, связанных со спецификой обыденной жизни, учебой детей со стороны их личностного развития и т.д. [13, 14, 45, 58, 89, 107, 119, 132, 270, 291, 318 и др.].

Под деятельностью обычно понимается целенаправленная преобразующая активность, побуждаемая или внешними обстоятельствами или состоянием потребности, ищущей удовлетворения. В случае, когда человек выступает автором собственной активности, такую активность называют субъектной.

Условием же реализации такой активности является субъектный опыт. По определению И.С.Якиманской, субъектный опыт – это «опыт пережитого и переживаемого поведения, в котором сам человек может дать отчет себе о своих возможностях, в котором он хотя бы приблизительно знает правила организации собственных действий и собственного отношения, в котором зафиксированы значимые для него ценности, существует определенная иерархия представлений, о которых он способен отдать себе отчет, что ему самому нужно и что он хочет [313].

Нетрудно заметить, что субъектный опыт наделен здесь характеристиками ценностными, рефлексивными, коммуникативными, операциональными. Именно такая совокупность параметров опыта обеспечивает самостоятельность индивида, его целеполагающую деятельность.

Нам представляется, что субъектный опыт, корреспондируемый с целевой деятельностью, является лишь частью индивидуального опыта, так как последний реализуется также и в ситуации произвольной активности, немедленного реагирования, автоматизмов, адаптивных либо деструктивных действий. Отсюда вытекает, что индивидуальный опыт не является субординативной характерис-

тикой лишь деятельности, по своему содержанию он претендует на вхождение в более широкое категориальное пространство, состав которого еще предстоит проанализировать.

Индивидуальный опыт – это не только научная проблема, но и вопрос жизнепостроения личности. Даже если бы на данный момент отсутствовали какие-либо научные доказательства его существования, люди стихийно поддержали бы идею опыта для того, чтобы установить некоторую систему координат, масштаб жизненных отправлений, позволяющий в каждый более менее важный момент жизненного пути осознать в ней свое место, а заодно и отличие себя от других.

Психологию человеческого опыта невозможно излагать, равно как и исследовать, вне социально-исторического контекста. Всякий раз, когда в какую-либо историческую эпоху общество вдохновляется преобразованием условий собственной жизни, когда людей охватывает ощущение прогресса, когда главенствующей становится этика человека действия, практического дела – проблема опыта переживает период плодотворного развития.

Так было в XVII-XVIII веках, когда на фоне технического прогресса, бурного развития промышленности закономерно возник и стал главенствующим эмпиризм, стержнем которого было представление об опыте как источнике знания и познания человека. Вторую сторону интереса к проблеме опыта явил американский прагматизм, корни которого, как известно, лежат в стремительном развитии новой экономики в Америке и Европе, овеянном духом предпринимательства и практицизма. Отношение к опыту весьма чувствительно к вектору общественного развития той или иной эпохи. Его синоним – созидание. Как только возникают признаки революции либо стагнации, интерес к проблеме опыта снижается, становится абстрактным, кулуарным. Причина – на смену «индивидуальностям» приходят «массы».

Последний, третий, этап в изучении опыта отражает новые ценностные ориентации современного общества, отражаемые гуманистической психологией, когда на смену парадигме «деятель – общество» пришла парадигма «личность – общество». Оказалось, что одним из главных средств самопознания и самореализации человека является обращение индивида к собственному опыту, к себе как уникальному.

Мы рассмотрели разные подходы к проблеме опыта, имеющие свою предысторию, хронологию и теоретические основания. Обнаружилось то общее, что характеризует опыт у разных исследователей. Опыт становится действительной проблемой в случае, ког-

да предметом изучения оказывается человек как субъект собственной активности, социальных сдвигов, истории.

И наоборот. Выведение человека из центра изучения какой-либо гуманитарной науки превращает опыт в «условие», «предпосылку», «начальный уровень» и т.п. Подобное произошло в советской психологии, где понятие опыта было фактически выведено из исследовательского поля. Интерес к проблеме индивидуального опыта сам стал своеобразным критерием «человекоцентрированности» психологической науки.

Обнаружилось и другое. Там, где опыт становился одним из центральных понятий, он, тем не менее, не был предметом специального рассмотрения, чаще выступая в качестве понятийного средства, отталкиваясь от которого можно было развивать более широкие представления о человеческой психике. Многие исследователи близко подходили к описанию того, как организован опыт, постоянно обогащая его феноменально, но не были поставлены вопросы о том, каково категориальное пространство опыта, что лежит в основе опыта, обеспечивает его «фактичность», как опыт структурирован, каковы способы его трансформации. Новая действительность стимулирует постановку старых вопросов, придавая им современное содержание.

Опыт является фундаментальной, но не главенствующей категорией как для философии, так и для психологии. В том, что научный интерес к нему то возникает, то исчезает, нет ничего необычного.

Очевидна также актуальность проблемы опыта в наши дни в условиях фундаментальных социально-экономических сдвигов в постсоветских государствах, в том числе в Украине. В уникальной психологической лаборатории современности, где число испытуемых сравнимо с количеством населения страны, валидной становится проблема взаимоотношений старого и нового опыта.

Глава 2. Категориальное пространство индивидуального опыта

Человеческий опыт нельзя наблюдать как таковой. Он представляет собой теоретический инструмент, создаваемый на основе философского, теоретического и эмпирического познания поведения людей. Понятие «опыт» в силу того, что оно привлекало внимание многих ученых, представителей различных сфер научного знания, приобрело неконтролируемую многозначность, но так и не обрело до наших дней своего собственного содержания. «Опыт» в определенной степени превратился в название для различных явлений и во многих случаях используется как спасительное средство, своего рода лингвистический посредник при решении целого ряда проблем, выступая то в роли предпосылки, строительного материала, то в значении внутреннего состояния познающего субъекта, то в качестве общего термина для знаний, умений, навыков обучаемого и т.п.

Опыт в психологическом смысле является понятием, которое характеризуется феноменальным богатством, очевидной валидностью в отношении обыденного сознания: каждому и всем понятно, что такое «опытный человек». Но это не только эмпирическая данность.

Большое разнообразие часто непримиримых друг с другом представлений о природе опыта является верным признаком того, что мы имеем дело со сложным психическим образованием. Связанность опыта с другими психическими образованиями свидетельствует о его системном строении. В этом случае, в соответствии с методологией системного подхода, прежде всего возникает необходимость теоретического анализа категориального пространства человеческого опыта, а именно, выявления понятия, родового по отношению к опыту, понятий равного порядка (одноуровневых), и, наконец, производных понятий, репрезентирующих опыт в реальном поведении человека. Именно этот теоретико-методологический аспект проблемы психологии опыта до настоящего времени остается малоразработанным.

История вопроса свидетельствует о стремлении разных исследователей так или иначе определить место опыта в отношении таких категорий, как «чувственное», «деятельность», «сознание», «познание», «разум», «жизнедеятельность», «жизнь» и др. [Платон, Аристотель, Ф.Бэкон, Р.Декарт, Дж.Локк, Дж.Беркли, Д.Юм, Б.Спиноза, И.Кант, Г.Гегель, Д.Мид, В.Вундт, У.Джемс, Б.Рассел, Л.Витгенштейн, Л.С.Выготский, Ж.Пиаже, А.Маслоу, К.Роджерс, С.Л.Рубинштейн, И.Г.Белявский, П.И.Зинченко, В.А.Роменец, Г.К.Середа, Л.В.Сохань, Ю.К.Стрелков, Н.А.Суровегина, Т.М.Титаренко, Н.Е.Харламенкова и др.].

Дж.Локк в качестве источника опыта выделил органы чувств. И.Кант в поисках категориальной гармонии трактовал бытие всего сущего как условие и возможность предметного человеческого опыта, т.е. опыта познания и практического действия. Другие исследователи пошли по пути отождествления, склеивания категорий. В.Вундт, не различая искомые им элементы психики и опыта, говорил о «непосредственном опыте», и это в дальнейшем, как известно, не оставил без внимания логической позитивизм. Феноменальная «вездесущность» опыта приводила к отождествлению его с «потокосом сознания» (У.Джемс), либо с «жизнедеятельностью», «жизнью» (Д.Мид, К.Роджерс). «Деятельностная» трактовка опыта, идущая от Г.Гегеля, закрепила в марксистской философии и психологии, где опыт был определен как «компонент познавательной деятельности, посредством которой обеспечивается непосредственная связь системы знания с познавательным объектом» [166].

Дополнительную трудность анализу придает традиционное употребление понятия «опыт» в разных смыслах: обыденно-феноменальном, фактическом; знаниевом; процессуальном; философском, гносеологическом.

Описанная выше совокупность понятий, объясняющих природу опыта, может составить некоторое синкретическое категориальное пространство, в котором каждая из категорий имеет смысл по отношению к опыту вообще. Однако этого недостаточно для нашего случая, когда предметом исследования является психология опыта. Для того чтобы приступить к построению собственно психологической категориальной системы, необходимо осуществить следующие два шага: определить специфику объекта психологического исследования, а затем выявить способ и характер связи между категориями, имеющими отношение к психологической природе человеческого опыта.

Уже Ф.Бэкон и, в особенности, Дж.Локк, изучая философские вопросы познания, широко привлекали для доказательства своих идей соответствующую их времени «онтологическую базу» психологии. В дальнейшем усилиями Г.Фехнера и В.Вундта человеческий опыт все более наполнялся психологическим содержанием. Однако и здесь, и гораздо позднее ссылки на психологию носили либо локальный, на уровне познавательных процессов, либо абстрактно-психологический характер и, в конце концов, в сущности, не выходили за рамки общенаучных представлений. Такие представления не схватывают специфически психологическое в человеческом опы-

те по той причине, что в них не включается вопрос о субъекте собственного опыта. На самом же деле предметом и объектом психологии является не опыт вообще, не коллективный, общественный, исторический или иной, не локальный опыт как феномен трансформации чувственного, наличия знания, а индивидуальный опыт человека как личности, рассмотренный в масштабе всей его жизни, со своими пространственно-временными характеристиками, генезисом, экспликациями. На методологическом уровне субъектность оказывается такой отправной точкой психологического исследования, которая меняет приоритеты в исторически устоявшихся взаимоотношениях философии и психологии. Говоря о необходимости раскрытия идущей от субъекта психофункциональной природы базисной для философии категории времени, Л.Ф.Бурлачук и А.В.Полунин приходят к следующему выводу: «Психологии пора исследовать метафизические составляющие концептуальной системы, их происхождение и формирование. Следует глубже проникать в то, какую роль играет сам человек в создании конструкта мировосприятия. В этом случае методологический приоритет будет за психологическими категориями. Они могут выступить основой анализа зарождения и становления фундаментальных категорий философии» [57, с.23].

Субъектный подход наполняет иным смыслом субъект-объектные отношения, не только формируя оценку субъектом себя, но и приводит к новым интерпретациям окружающего мира. В.А.Татенко пишет: «Как раз через сознательную субъектную активность человека Мир удостоверяется в своем бытии. Именно благодаря человеку как субъекту деятельности он обретает далее все новые, до этого неизвестные ему признаки и определения, формы и краски» [273].

Опыт – это такая психологическая реальность, которая всегда относится к конкретному человеку, то есть он индивидуален по своей природе. Поэтому выявление его общих закономерностей и механизмов должно быть основано на индивидуальных ценностях, способах действий, течении событий. Непосредственно из этого вытекает необходимость понимания и объяснения опыта как субъективного.

Опыт становится действительной проблемой психологии в случае, когда предметом изучения оказывается человек как субъект собственной активности. Как мы уже отмечали, таким опыт предстал в значительной степени перед прагматизмом и стал критериальным в парадигме гуманистической, особенно, роджерсианской психологии и психотерапии.

Здесь мы обнаруживаем другую крайность. И в прагматизме, и в гуманистической психологии индивидуальный опыт теоретически и на практике задается изначально как некая тотальность, тождест-

венная жизнедеятельности, в которой «все есть» и с которой «можно сверять» свое актуальное психическое состояние. Другими словами, опыт индивида определен как объяснительный принцип, но, в отличие от предшественников, Локка и Вундта, не становится предметом исследования. Отсюда закономерно следует, что проблема категориального пространства индивидуального опыта как психологического понятия так и не была поставлена.

Как нам представляется, родовым по отношению к индивидуальному опыту, определенному в масштабе всей жизни данного индивида, является его жизнедеятельность. Это не отменяет того факта, что в категориальное пространство опыта входят такие фундаментальные понятия, как локковско-кантовский «чувственный мир», «разум», что в современной психологии переводится как ощущение, восприятие, мышление; далее – «жизнь», «деятельность», «личность», «повседневность», наконец, комплекс – «знания, умения, навыки». Можно показать, что ни одно из них не является, в отличие от «жизнедеятельности», родовым, с которым опыт человека находился бы в отношениях субординации.

Остановимся подробнее на каждом из упомянутых понятий в отношении их места в категориальном пространстве индивидуального опыта. Так, «чувственный мир» по Локку, даже в широком понимании, даже в совокупности с «воспитанием» (Локк), тем не менее не является единственным источником, определяющим содержание опыта. Возведение перцепции в ранг рода в отношении к опыту способно лишь реанимировать дискуссию о «чувственном – рациональном». То же самое относится и к категории «разум», «разумное».

Рациональное и чувственное действительно включены в психологическую ткань опыта, но порождают соответствующие аспекты индивидуального опыта опосредованно, являясь изначально фундаментальными средствами осуществления жизнедеятельности. Рациональное воплощается в овладении человеком необходимыми знаниями, в том числе и научными, тогда как чувственное лежит в основе повседневного, спонтанного восприятия окружающей среды, субъективной интерпретации происходящего. Отношения между рациональным знанием и чувственным опытом могут иметь характер противоречия.

Категория «жизнь» по существу не является психологической; в сопоставлении с такой абстракцией, заданным универсумом предмет собственно психологического исследования (индивидуальный опыт) попросту исчезает. Категория «деятельность» понимается как составная часть жизнедеятельности и к масштабу жизнедеятельности сама относится лишь как ее единица измерения.

Понятие опыта пересекается с понятием личности, но они не совпадают как по функциям, так и по генезису. В основе личности лежат мотивы, смыслы и идеалы, оно характеризуется активностью, стремлением субъекта расширять сферу своей деятельности, действовать за границами требований ситуации и ролевых предписаний [2, 18, 142, 169 – 171, 221, 222 и др.]. При таком понимании опыт личности по отношению к ней выступает как вторичное образование масштаба индивидуальности, предназначенное в соответствии с личностной направленностью обеспечивать программы адекватного поведения сохраняющего характера.

Сходную мысль высказывает В.Л.Левченко: «Опыт связывает прошлое и будущее по линии движения к утверждаемой действительности. Поэтому опыт, с одной стороны, выступает как определенность самой личности, какой она есть вместе со своим прошлым, с другой стороны, опыт проявляется как прошлое дело личности, от которого последняя сейчас себя отличает» [165].

Одновременно с этим, отношения опыта и личности противоречивы. Восходящее движение к смыслам жизнедеятельности от программ адекватного поведения прошлого опыта имеет свою противоположность в нисходящем смыслозадающем процессе преодоления опыта посредством отклонений, отходов от стереотипов и устоявшихся правил жизни. Тем самым опыт через свое отрицание выступает в качестве места образования смыслов. Здесь обнаруживается важнейшая характеристика опыта – его внутренняя противоречивость. Таким образом, внутренняя логика развития опыта определена двумя противоречивыми тенденциями – стабилизирующей, чем определяется индивидуальность субъекта, и дестабилизирующей как условием развития личности субъекта.

Если личностное проявляется в творчестве, в поступках как единице анализа личности [215, 267], то опыт или его отсутствие человек обнаруживает каждый час при необходимости осуществлять различные программы жизнедеятельности. Сами по себе программы носят в масштабах биографии индивида частный характер, но от этого несколько не снижается их психологическая содержательность, а сам индивидуальный опыт предстает как сложная иерархизированная система, где различным сферам жизни (социальной, профессиональной, личностно-интимной, бытовой) соответствуют различные психологические характеристики опыта.

Личность как активное начало творит жизнедеятельность, дестабилизируя тем самым условия собственного бытия, опыт, напротив, обеспечивает стабилизацию нестабильного, используя накопленную в памяти информацию, знания, умения и навыки индивида. Поэтому привычными, определяющими сферу его проявления, являются

словосочетания «повседневный опыт», «профессиональный опыт», «опытный человек», «прошлый опыт», «нехватка опыта» и т. д.

Часто и привычно утверждается, что знания, умения, навыки есть основное содержание человеческого опыта. В «Словаре русского языка» С.И.Ожегова опыт определен как «совокупность знаний и практических усвоенных навыков, умений» [213].

С этим вполне можно согласиться, если характеризовать опыт с формальной стороны, однако с психологической точки зрения сами по себе они не являются непосредственными характеристиками индивидуального опыта.

Гегель утверждал, что ничего непосредственного вообще нет и все, что кажется таковым, в действительности так или иначе опосредовано [75].

Отсюда следует и другой более общий вывод: всякое отождествление опыта с другим психологическим понятием, как угодно широким, всеобъемлющим, вездесущим (ощущение, восприятие, память, мышление, личность, язык, знания, умения, навыки, общение, социум) неверно по существу. Тождество различного не существует как психологический феномен, если учесть, что сама психика понимается как развивающаяся качественная определенность. Перечисленные здесь различные сферы проявления психического в каждом отдельном случае особым образом связаны с человеческим опытом, опосредованно вносят вклад в его образование, развитие и функционирование, но не тождественны ему.

Те же знания, умения, навыки в своей совокупности являются важнейшей составляющей опыта, но не объясняют его целиком, не совпадают с ним. Прежде всего потому, что знания, умения и навыки представляют собой внешнюю сторону человеческой активности, в то время как индивидуальный опыт охватывает еще и внутреннюю. Знания и навыки хорошо подготовленного ученика, студента по своей «номенклатуре» могут быть больше, шире, чем у учителя, научного руководителя, однако, это не делает молодого человека автоматически более опытным. Строго логически та же аргументация не дает априорного преимущества и старшему. Иными словами, опора в суждениях об опыте человека на его наличные знания, умения, навыки лишь подчеркивает релятивность подобных выводов, выносит их за сферу собственно психологии. Опыт по своему психологическому содержанию шире своих внешних коррелятов. Структурно-динамическая организация опыта не изоморфна структуре знаний, умений, навыков. Если главными характеристиками знаний, умений, навыков являются их инвариантность, объективность, то соответствующими характеристиками опыта, наоборот, являются его

уникальность, субъективность. В силу принадлежности живому субъекту и реальной встроенности в акты его поведения опыт субъективен, пристрастен, в нем заложено отношение.

Психологическое содержание опыта раскрывается в самоопыте, в присвоении тех же знаний, умений, навыков. Место знаний, умений, навыков в своем опыте определено той их частью, которую индивид понимает как собственность. В более широкой трактовке в индивидуальный опыт включено все то, что составляет психологическую собственность индивида.

И наконец, важным отличительным признаком категориального пространства опыта является включенность его в повседневность. В ней он размещается, проявляется и формируется, но, тем не менее, не определяется.

Повседневность – это такое непрерывное перетекание друг в друга жизненных эпизодов, ситуаций, событий, которые создаются человеком, осваивающим внешние обстоятельства для того, чтобы решать проблемы, достигать желаемого, обеспечивать условия материальной и духовной жизни.

Понятие повседневности важно в аспекте формирования индивидуального опыта, т.к. именно в ней, а не в наборе внешних стимулов обнаруживается чувственно-когнитивно-мотивационная ткань воспроизводства опыта. Наоборот, то, что человек создает свою повседневность, может происходить только при условии творения индивидуального опыта. Приспособление и расширение, реконструкция и конструирование опыта становятся моментами единого процесса его функционирования в повседневности.

Важно подчеркнуть, что повседневность не есть набор сменяющихся в течение суток условий, в которых вращается индивид. Каждый момент повседневной жизни предстает перед человеком в своей многокачественности и индивидуальном своеобразии. Иными словами, человек на протяжении всей своей жизни продолжает творить новые программы и технологии собственного поведения, не обязательно санкционированные нормами общества, т.к. он сам творит свой мир повседневности. Поэтому, одной из основных характеристик повседневности является ее субъективность. Разумеется, никто не отменяет социальную и конкретно-историческую детерминацию поведенческих программ человека, решающего простые и непростые жизненные проблемы. Субъективность повседневного биографического проявляется в прямо противоположном: обнаруживается надситуативная беспредпосылочная активность, идущая от личности, расширяющая ценностное и поведенческое пространство обыденного. Причем, «прорыв в иное» ни качественно, ни энергетически не коррелирует со степенью внешних ограничений и принуждений.

Перевод анализа в масштаб времени, равного человеческой жизни, также важен в плане стратегии исследования. Без такой временной развертки частые отсылки опыта к повседневности, бытийности, продельваемые и нами, и другими авторами, определяя его исходную онтологическую базу, невольно подталкивают к обозначению категориального пространства индивидуального опыта в рамках все той же не имеющей протяженности дихотомии: эмпирическое – рациональное, либо в узком временном промежутке «здесь-и-теперь», либо вообще вне временной координаты. Тогда как в масштабе жизнедеятельности повседневность и бытийность понимаются как «повседневность», «со-бытийность» опыта, непрерывно воспроизводимого по шкале: «прошлое – настоящее – будущее». Без временной развертки невозможно также выделить динамический аспект организации опыта; невозможно увидеть процесс развития личностного и социального компонентов, роль исторического опыта, функционирования памяти и т.д.

Выделение жизнедеятельности как универсальной системы координат для опыта задает не только методологический, но и, более широко, общенаучный аспект изучения индивидуального опыта, определенный направленностью такого предмета исследования к общей задаче психологии – пониманию Человека как субъекта жизнедеятельности, что снимает с понятия «опыт» налет научной «робинзоныды».

В данном случае мы пытаемся продолжить научные традиции психологической школы С.Л.Рубинштейна. Так, например, К.А.Абульханова-Славская, рассматривая с позиций субъектности такие характеристики человека как жизненная направленность, характер, жизненный опыт, полагает, что они формируются и осуществляются в жизнедеятельности [3,4].

Жизнедеятельность понимается как совокупность взаимосвязанных духовных и материальных проявлений активности человека в течение жизни. Она имеет измерения в пространстве и времени. В данном определении мы осознанно выделяем прежде всего структурно-динамический аспект данного понятия, имея в виду стоящую перед нами задачу выявления связи между категориями «жизнедеятельность» и «индивидуальный опыт». В.Г.Кремень определяет жизнедеятельность операционально в координатах времени и энергии субъекта: «Человек имеет такие фундаментальные ресурсы, как время и силы (физические и психические), и затрагивает их на протяжении всего периода своего индивидуального существования. Эти временные и энергетические затраты, направленные на окружающий мир, на других людей, воплощаются в разнообразных формах

жизненной активности, которые в совокупности и составляют жизнедеятельность людей» [146]. Ниже мы покажем, что как раз богатство и многоаспектность жизнедеятельности и, одновременно, отсутствие полноты ее отражения в опыте индивида являются важнейшим обстоятельством, определяющим характер связи между ними.

Вопрос о характере связи между разными по объему понятиями, которые принадлежат единому категориальному пространству да, к тому же, находятся в субординативном отношении, не является тривиальным. Жизнедеятельность как объяснительный принцип содержит в себе возможность изучения различных психологических систем. Ими могут быть личность, предметная деятельность, поступок, жизненный путь и т.п. К их числу относится и индивидуальный опыт.

Если анализировать взаимоотношения жизнедеятельности человека и его индивидуального опыта, переходя от общего к частному, неминуемо возникает опасность известной иллюстративности. Феноменологическое богатство, а отсюда, и понятийная неопределенность жизнедеятельности, с одной стороны, и неструктурированность ее деривата – опыта, с другой, обычно приводят к путанице при каких-либо попытках определить главные факторы обоих. Но дело не только в иллюстративности.

Проблема взаимопроникновения, взаимопереходов между различными психическими образованиями остается одной из центральных в психологии. К настоящему времени все более утверждается мысль об эффективности использования в системно-психологическом анализе философских понятий содержания и формы.

В философской литературе взаимосвязь этих категорий описана следующим образом. Содержание чаще всего определено как совокупность процессов (элементов, структур), их взаимосвязь, а форма – это способ существования, выражения содержания. Форма, изначально определенная содержанием, далее приобретает самостоятельность по отношению к содержанию, отчуждается от него. В свою очередь, стремление содержания к изменению, а формы – к устойчивости является источником противоречия между ними, когда форма начинает препятствовать развитию собственного первоисточника. Противоречие разрешается образованием новой формы, при этом как в содержании, так и в форме происходят качественные изменения.

Прежде всего и чаще всего различают внешнюю и внутреннюю формы, которые в пределе выступают как безразличные к содержанию и тождественные ему соответственно. Диалектику единства формы и содержания в свое время в общем виде определил Гегель: «Содержание есть не что иное, как переход формы в содержание, а форма – переход содержания в форму» [75]. Основную трудность при

исследовании некоей реальности представляет как раз анализ переходов, нахождение критических точек переходных процессов, фиксация новой качественной определенности. Форма лишь в немногих тривиальных случаях отражает содержание непосредственно, в остальном она маскирует свое происхождение; как правило, остается неясным количество и качественные особенности опосредующих звеньев.

Философские представления о взаимосвязи содержания и формы оказались приложимыми для решения многих психологических задач. Б.И.Беспалов использовал представления о взаимопереходах формы и содержания при анализе перцептивных и моторных действий [41]. В работах М.Турвея и др. [344], Е.В.Дмитриева [95] выяснялось место и роль формы в структуре информационных процессов. Еще ранее Н.А.Бернштейн [40], А.Н.Леонтьев [169, 170] вводили понятие «ткань» (биодинамическая, чувственная) в качестве феномена формообразования. В.П.Зинченко [110], Ю.К.Стрелков [268, 269] и др. широко использовали представления о содержании и форме при анализе микроструктуры действия и деятельности оператора в целом.

При анализе объектов, относящихся к человеческой реальности (исторической, экономической, социальной, психологической), был обнаружен специфический тип взаимосвязи содержания и формы, когда последняя обнаруживает себя как самодостаточный функциональный орган, при этом ее «поведение» является странным, алогичным и даже абсурдным с точки зрения первоисточника (содержания), а с другой стороны, гармонично вживается в реальность и само есть часть реальности.

К.Маркс, обнаружив данное явление при анализе товара и стоимости, ввел термин «превращенная форма» [196]. К слову сказать, философия экономики – «высший пилотаж» практических экономических знаний, во многих случаях определяется способностью профессионала одновременно удерживать в сознании движение содержательных экономических характеристик и превращенную форму этого движения – например, «человеческий фактор» в экономике. Только при таком условии появляется возможность «восхождения» от формы к содержанию через распремечивание опосредующих звеньев внутри целостной экономической картины.

Понятие превращенной формы к настоящему времени является далеко не реализованным и даже не оцененным по достоинству в гуманитарных науках и, в частности, в психологии. Г.С.Батищев отмечает, что «философское значение этого понятия велико потому, что оно позволяет теоретическому мышлению осваивать сложно расчлененную, и, так сказать, «многослойную» действительность. Оно

позволяет развивать практическую точку зрения на непосредственную эмпирию действительности, отнюдь не впадая в романтизм или утопизм, и в то же время опираться на строго научное изучение ее, отнюдь не впадая в оправдание ее и не уходя от ее противоречия» [28]. М.К.Мамардашвили, который подверг категорию превращенной формы наиболее тщательному анализу, пишет: «Понятие и проблема превращенной формы являются фундаментальным элементом развития современной логики и методологии гуманитарных наук, наиболее радикально ставящим задачу пересмотра и ограничения всего классического философского поля мысленных операций и идентификаций (так называемого декартово-кантовского мыслительного пространства), которое обычно практикуется наукой применительно к объектам человеческой реальности» [190, с.327].

Превращенная форма – это такая форма, в которой внутренние отношения сложной системы представлены в скрытом, измененном виде, которая в то же время самостоятельно существует как целостность и, благодаря своей «бытийности», встроенности в реальность, из первоначального продукта системы становится предпосылкой, условием ее функционирования и развития. Подробный анализ понятия превращенной формы проделан в работах Г.С.Батищева [28], А.Н.Ермоленко и Н.Ю.Райды [103], Е.Ф.Ивановой [117], М.К.Мамардашвили [190 – 192, 327], А.М.Минасяна [203, 204], А.А.Хамидова [290].

В психологии понятие превращенной формы применялось для анализа различных объектов психолингвистики, текстов, речевых процессов [15, 168, 229, 274, 344], мыслительного действия [141], взаимосвязи мышления и памяти [116, 118, 336].

Исследуя взаимосвязь мышления и памяти, Е.Ф.Иванова показала, что память обладает основными характеристиками превращенной формы и может быть рассмотрена как превращенная форма других познавательных или эмоциональных, вообще психических, процессов [118].

Будем исходить из того, что индивидуальный опыт по своей психологической природе является превращенной формой жизнедеятельности индивида. Прежде чем перейти к обоснованию данного положения, приведем ряд примеров «превращенности», чтобы тем самым показать валидность такой феноменологии жизненным реалиям.

Один из примеров приводит М.К.Мамардашвили. Как известно, в солнечной системе Земля и другие планеты вращаются вокруг Солнца (родовое понятие). Точно так же известно, что человек пользуется в повседневности видимостью (кажимостью) движения Солнца и других планет вокруг Земли. Такая невозможность и даже абсурдность одновременно есть реальность, и индивидуальный опыт

включает в себя именно эту кажимость. М.К.Мамардашвили пишет: «Форма проявления видимого движения – как «очеловеченный элемент» природы, овеществленное представление, ставшее знаком социальных, жизненных значений, – функционирует здесь нерасчлененно и независимо от сочетания приведенных к ней связей. Она служит исходным регулирующим, «программирующим» моментом в целом комплексе человеческих реакций, которые срабатывают помимо любого знания того факта, что это Земля движется вокруг Солнца, а не наоборот» [190, с.319].

В.П.Филатов приводит и комментирует показательный факт, когда психологи решили выяснить, какого понимания физических явлений придерживается человек в своей реальной повседневной жизни. Оказалось, что у подавляющего большинства людей (за исключением немногих специалистов – физиков) в жизненном опыте формируется некая последовательная интуитивная теория движения, противоречащая основным законам ньютоновской механики, в целом не выходящая за пределы аристотелевской механики. Таким образом, отмечает Филатов, что в голове у человека могут быть почерпнутые из школы сведения о галилеевско-ньютоновской Вселенной, а его глаза и руки действуют так, будто он помещен в Античный Космос [281, с.8]. Здесь налицо пример взаимоотношения рациональной и чувственной составляющих опыта как превращенной формы жизнедеятельности.

С таким же несоответствием, кажущейся нелогичностью поведения мы сталкиваемся при анализе психологической природы стереотипов, когда многочисленные изменения условий жизнедеятельности (материальных и нематериальных) еще более укрепляют привычные формы поведения, установки и ожидания субъекта (подробнее см. раздел 2).

Изучая совместно с Т.П.Мозговой психологические особенности девиантного поведения подростков, мы столкнулись с феноменом внутреннего субъективного согласия девианта с самим собой, рационального и эмоционального оправдания собственных поступков. Далее во втором разделе будет показано, как посредством введения в анализ специального конструкта «дерево девиаций» возможно восстановить опосредующие звенья между социально приемлемыми формами жизнедеятельности подростка и его социально неприемлемым девиантным опытом.

Примеры можно было бы продолжать. Многие из них будут обсуждаться далее в ходе изложения экспериментальных исследований.

Возникает вопрос – почему индивидуальный опыт с необходимостью выступает в качестве превращенной формы жизнедеятельности.

Главной предпосылкой превращения как необходимости является то, что по отношению к собственному опыту индивид выступает как субъект. Самостоятельное движение превращенной формы обеспечивается активностью субъекта опыта. Субъектностью объясняется также пристрастное отношение человека к своему опыту. Личный опыт рассматривается как важнейшая ценность (точно так же как: сила, красота, социальный статус, материальный успех и т.д.) и субъективно переживается как собственность, наличие которой создает чувство уверенности, безопасности, доверия к себе, конгруэнтности.

Используемое нами понятие «собственность» имеет важное значение для понимания психологической природы опыта. В нем фиксируется обязательный в опыте эмоционально-оценочный компонент, который вполне разложим на характеристики «пристрастность» и «рефлексия» опыта. Индикативными предпосылками собственности являются отбор субъектом опыта «релевантной» информации в отличие от «иррелевантной», что позволяет еще раз подчеркнуть – не всякий факт внешней или внутренней активности субъекта становится достоянием опыта. Так же различается «принятое» от «знаемого», откуда следует, что не всякие знания, умения, навыки становятся собственностью субъекта опыта, или, если шире, знаемое, как таковое, непосредственно опытом не становится. К.Юнг считал: «Все, что приходит к нам извне и даже все, что берет начало внутри, может стать нашим собственным только тогда, когда мы одарены внутренней полнотой, адекватной поступающему содержанию [310, с.259].

Перечисленные выше предпосылки действительно таковыми лишь и являются, потому что у «собственности» есть специфическая добавка, замыкающая понятийный круг: пройдя отбор, принятие, эмоционально-оценочную процедуру, некоторый элемент опыта приобретает качество суверенного. Индивид как бы берет данную собственность под защиту. И уже потом, во внешнем плане, это проявляется в устойчивости и определенности суждений, установок, стереотипов, заблуждений и т.п. Всякое посягательство на эти ценности вызывает реакцию сопротивления.

Индивидуальный опыт неизбежно становится превращенной формой жизнедеятельности еще и по иной причине. Жизнедеятельность как родовая для всякой психологической системы категория наполнена и даже переполнена содержанием всегда большим, чем какая-либо другая категория. Во всяком случае, индивидуальный опыт как таковой в принципе не может полностью отразить структуру,

динамику, функции, генезис и феноменологию жизнедеятельности. Анализируя подобные ситуации, М.К.Мамардашвили пишет: «Исходное (реальное) отношение здесь не может осуществляться в своем действительном виде ...в результате, например, того, что Фрейд называл «переопределенностью» предмета, находящегося в слишком большом количестве связей, возмущающих вследствие этого проявления каждого из них в предмете» [190, с.321].

Наконец, индивидуальный опыт, как и всякий другой, по своей природе консервативен. Присущие опыту процессы интеграции и реинтеграции всегда должны и будут отставать от изменений в ходе жизнедеятельности, поэтому противоречие между ними является внутренней характеристикой их взаимоотношений. Точно так же: «Превращенные формы обеспечивают стабильность системы и противодействуют ее изменению» [Там же, с.325].

Итак, мы показали, что исходной единицей категориального пространства индивидуального опыта является жизнедеятельность, в отношении которой опыт выступает в качестве ее превращенной формы. Сделаем лишь одно замечание. Из изложенного выше может возникнуть впечатление, что индивидуальный опыт в отношении к жизнедеятельности выступает в роли вечного антагониста, который только и делает, что искажает, извращает первоначальные смыслы человеческой активности. Превращение – это прежде всего способ взаимодействия. Диалектика возникающих противоречий детерминирована не разрушением системы, а целесообразностью ее функционирования как целого и отчуждения опыта от родителя – жизнедеятельности – это не что иное, как возможность нахождения иных путей обеспечения той же жизнедеятельности. Поэтому феноменально, фактически отображаемое и отображение могут быть в необходимых случаях тождественными, изоморфными, частично совпадающими, противоречащими и т.п. Важно, что превращение существует прежде всего как возможность, а в необходимых случаях как реальность.

Отталкиваясь от рассмотренных выше представлений о характере связи опыта и жизнедеятельности, рассмотрим далее некоторые содержательные аспекты данной проблемы. Начнем с категории «жизнедеятельность».

В плане развития собственных парадигмальных представлений о логическом пространстве опыта полезно задать вопрос: превращенной формой чего является сама жизнедеятельность?

В наше время более широкой, нежели жизнедеятельность, категорией, имеющей онтологический статус, является биологическая активность, жизнь на Земле. Сразу становится очевидной фак-

тическая неполнота такого способа категориального расширения, так как остается непонятным, каким образом благодаря опосредствованию от уровня биологической активности до уровня жизнедеятельности последняя приобретает качество духовности. Именно в этом контексте способом дополнительности И.Кант постулирует как необходимую категорию трансцендентального. Таким образом, теистическое становится другим равноправным источником жизнедеятельности как собственной превращенной формы. Нужно признать, что вместо ожидаемого единого логического конструкта мы имеем два несовместимых фактора и дальнейшая дискуссия, в связи с недостатком рациональных представлений, неизбежно переместилась бы в плоскость отношения к вере. Смысл от поставленной так проблемы жизнедеятельности проявляется в случае снижения уровня категориальности. Тогда конкретной формулой, отражающей общее теоретическое представление (биологическое – духовное) становится парадигма: чувственное – рациональное. В историческом плане все возвращается на круги своя, но уже на другом уровне. Главный вывод состоит в том, что центральной категорией в плане анализа природы опыта человека действительно является жизнедеятельность, которая уже не вступает в противоречие со схемой «чувственное – рациональное», а вбирает эти понятия в себя в качестве собственного внутреннего момента развития. Иными словами, между локковским чувственно-рациональным и индивидуальным опытом возникает недостающее звено – посредником выступает жизнедеятельность индивида.

Возникает вполне закономерный вопрос относительно познавательных возможностей и ограничений понятия «жизнедеятельность». Упоминание об опыте, как правило, вызывает ассоциации с повседневным, здравым смыслом, другими наличными характеристиками бытийного, т.е. опыт с самого начала понимается как свободный от каких-либо привнесений априоризма. Отсюда и его категориальная основа – жизнедеятельность, по своим естественным признакам, по определению, также предполагает свое «посюстороннее» происхождение. Таким образом, будто бы ставится победная точка в отношении материалистических оснований нашего исследования.

Есть определенный смысл остановиться на данном моменте более подробно, хотя бы с целью избежать в дальнейшем некоторых нежелательных упрощений.

Анализируя выше теорию Дж.Локка, мы замечали, что исследователи недостаточно внимания обращают на то, что для английского сенсуалиста и эмпириста первоначок не только рационального, но и чувственного понимается как находящийся за пределами земного существования человека. (Напомним, что Дж.Локк был глубоко ве-

рующим христианином.) Поэтому часто малозаметным остается и то, что у Локка дискурсивное мышление не есть противоположное чувственному эмпирическому опыту благодаря их единой теистической природе. Последнее ни подтвердить, ни опровергнуть невозможно. С нашей точки зрения, в этом и нет необходимости. Необоснованное отстаивание теистических либо атеистических позиций способно лишь увести нас от предмета исследования.

Априоризм в гносеологическом отношении по определению размещен в сфере недоказуемого, в области веры. В таких обстоятельствах ничего не остается, как апеллировать к операциональному уровню анализа объекта, рассматривать его а priori как способ, логический прием исследования, когда позитивные стороны и недостатки априоризма признаются самими исследователями.

Итак, наше утверждение состоит в том, что осуществляя перевод линии анализа «чувственное – рациональное» в плоскость жизнедеятельности, мы уходим от априоризма. Строго говоря, сама по себе замена понятий еще ничего не доказывает. Более того, жизнедеятельность в широком понимании (как онтология бытия) также может пониматься как заданная. На этой точке зрения стоит Лосский.

Он рассуждает следующим образом: «Первоначальный акт сотворения мира... состоял в творении Богом субстанциальных деятелей и в наделении их свойствами сверхвременного и сверхпространственного бытия вместе с принципами абстрактного логоса и сверхкачественной творческой силой. ...Бог не наделил их эмпирическим характером. Выработать эмпирический характер, то есть эмпирический тип жизни, – это уже задача творческой деятельности каждого существа» [185, с.304].

Лосский развивает также аксиологический аспект жизнедеятельности: «Конечная цель жизни всякой личности – абсолютная полнота бытия... Эта полнота достигается приобщением к божественной благодати посредством собственного личного творчества, свободного от всякого налета эгоизма и посвященного созданию абсолютных ценностей – моральной добродетели, красоты и истины» [Там же, с.299].

Локк также считал, что одухотворенные Богом человеческие деяния должны контролироваться человеческим разумом, осознание человеком собственного опыта являет собой цель и процесс познания [333].

При обсуждении феномена жизнедеятельности и ее отношения с опытом индивида нельзя не затронуть вполне земной историко-культурный аспект проблемы, который становится существенным при сравнении разных мировых культур.

Европейская традиция, сам человеческий опыт основан на принципе прогресса, восхождения, который антропоморфен «от чувственного к рациональному». Релятивность, историческая заданность такого понимания человека и мира обнаруживается при сравнении Западной и Восточной культур. На это обратил внимание еще К.Юнг: «Мы даже выводим содержание внутреннего из внешнего согласно принципу: «нет ничего в рассудке, чего ранее не было в чувствах». В Индии этот принцип, кажется, не работает. Восточное мышление и образность лишь явлены в чувственном мире, но не выводятся из него» [309].

То же различие культур, за которым стоит система природных и нравственных устремлений индивида, делает релятивным представление об «идеальном опыте». Сравнивая различие в мировоззрении Запада и Востока или то, что мы называем историческим опытом, К.Юнг пишет: «Пройдя свой путь исторического развития, европеец настолько удалился от своих корней, что ум его в конце концов раскололся на веру и знание; подобно тому, как всякое психическое преувеличение на внутренне ему присущие противоположности. Европейцу нужно возвращаться не к Природе – на манер Руссо, – а к своей собственной натуре. Он должен заново открыть в себе естественного человека» [309]. Положение вещей, однако, таково, что в настоящее время не существует универсальных аргументов, противопоставляющих или устанавливающих иерархию целесообразности и в «возвращении к Природе по Руссо», и в йоге, в соответствии с учениями индийских философов, и в устремлении к Универсуму и т.п. Представление о некотором каноническом опыте полезно как всякое установление, но в рамках данной отрефлексированной парадигмы. Напомним, что в нашем исследовании речь идет о категории «жизнедеятельность».

При таком подходе жизнедеятельность теоретически задается как некоторый феномен человека, никак более строго не определенный. Главным позитивным следствием такого подхода есть то, что он позволяет не ограничивать преждевременно исследования индивидуального опыта как ее превращенной формы.

Тот же прием анализа предельных состояний можно применить и в отношении индивидуального опыта.

Исходя из представления об опыте как характеристике развивающегося человека можно ставить вопрос о его наиболее развитой, канонической форме. В этом плане необходимо отметить следующее. Индивидуальный опыт не представляет собой абсолютную, тем более застывшую характеристику субъекта. И дело здесь не в тривиальной посылке, что опыт не остается неизменным в течение

жизни. Релятивность опыта вытекает из диалектики его взаимоотношения с жизнедеятельностью. Развитие человека не начинается только с началом приобретения опыта и не заканчивается на нем. Опыт действительно необходим как форма, как якорь в непрерывном существовании индивида «здесь и теперь». И в детстве, и, наконец, для взрослого человека он становится относительным, потому что в пространстве жизнедеятельности в разнообразных отношениях к опыту сходится смыслообразующий план жизни, определенный кроме всего нормами этики и морали личности. Такое осознание зрелой личностью своего опыта становится основанием для выхода за его пределы. Именно в момент выхода личности за границы опыта («разрыв опыта») последний выступает в своей каноничной для данного индивида форме бытия.

Представление об опыте как развивающейся системе позволяет отобразить его как системно-диахроническую, т.е. разворачивающуюся во времени организацию. Далее, если мы принимаем, что задающей основой опыта является жизнедеятельность индивида с различными опережающими друг друга фазами развития, то можно предположить, что каждый человек обладает не одним «единым» опытом, а различными его видами. Иными словами, опыт всегда гетерогенен. При этом по одному основанию мы можем выделить личностный и социальный (экзистенциальная гетерогенность), по другому – старый и новый (историческая гетерогенность) виды и т.д.

Главное, что они (виды опыта) при всей своей автономности и даже возможной контравариативности (развитие в противоположных направлениях) способны сосуществовать в сознании индивида, не «расщепляя» его, но стимулируя развитие.

Взаимоотношение жизнедеятельности и опыта как отношение содержания и его превращенной формы является наиболее развитым по сравнению с теми психологическими субстратами, где содержание может быть непосредственно отражено своей внешней либо внутренней формой. Структурные компоненты опыта маскируют свое происхождение, оставляя нам возможность предполагать наличие ряда опосредующих звеньев, присутствующих в опыте в сжатом виде.

Когда речь идет об анализе некоторого идеального предмета как превращенной формы, одна из теоретических трудностей состоит в выборе ближайшего интервала перехода между содержанием и формой. При возрастании расстояния растет и число опосредований. В таких случаях большое количество опосредующих звеньев делает форму все более пустой в отношении к своему первоисточнику. Задача исследования заключается в фиксации и возможном сближении (наполнении) такого расстояния. В отечественной психоло-

гии имеется классический пример того, когда жизнедеятельность была выбрана в качестве родового понятия. Известно, что в основу изучения непроизвольного запоминания П.И.Зинченко положил исследовательскую парадигму «жизнедеятельность – память» [112]. Но и в ее рамках было зафиксировано достаточно большое расстояние между главными понятиями, что закономерным образом позволяло разместить между ними понятие «опыт». Такую теоретическую операцию в развитие идей П.И.Зинченко успешно проделал Г.К.Середа [255]. В дальнейшем это позволило уже в рамках парадигмы «опыт – память» выявить целый ряд новых характеристик памяти [256, 257].

Говоря о «числе опосредований», мы понимаем, что такой количественный способ анализа весьма упрощает реальную картину, которая определяется прежде всего качественными изменениями в случаях перехода с одного уровня опосредования на другой.

Следует ли полагать такое развитое взаимоотношение содержания и формы наперед заданным? Вовсе нет, хотя бы потому, что индивидуальный опыт является подвижной динамической структурой. Сам факт наличия опосредующих звеньев необходимо рассматривать как достижение индивида, результат его усилий, напряжений, творчества.

Всякое уменьшение или упрощение активности есть начало регресса, но при этом не отдаления, а пустого, содержательно не наполненного сближения содержания и формы в связи с исчезновением звеньев в цепи опосредований. Так, содержание «жизнедеятельности» наркомана, алкоголика или иного субъекта, одержимого сверхценной, но единственной идеей, автоматически делает примитивным опыт, обездвиживает его. Возможен и обратный процесс: если мысленно восходить от опыта к жизнедеятельности, то, например, патологическое разрушение опыта в случае ретроградной амнезии превращает жизнедеятельность не более чем в последовательность витальных отравлений. С этой же точки зрения может быть рассмотрена психология толпы, тоталитарного общества и т.п.

Приведенные примеры лишь подчеркивают сложность и разнообразие типов взаимодействия опыта и жизнедеятельности.

Следующим шагом в построении категориального пространства опыта человека является определение понятий того же уровня, что и опыт в отношении к категории жизнедеятельности.

Выявление одноуровневых категорий полезно благодаря тому, что они имеют статус взаимодополнительных, а значит могут привлекаться к анализу какого-либо явления совместно, позволяя глубже проникать в природу явления; в некоторых случаях взаимодополнение является единственным способом анализа полученных

результатов. Типичный случай – психологическое объяснение феномена двойственности.

С нашей точки зрения, одноуровневой для индивидуального опыта является категория «жизненный путь». Теоретические основы изучения жизненного пути в отечественной психологии были заложены С.Л.Рубинштейном [243], Б.Г.Ананьевым [9]. В настоящее время усилиями целого ряда отечественных исследователей изучение жизненного пути личности оформилось в самостоятельное направление научных подходов (К.А.Абульханова-Славская [2–4], Л.И.Анцыферова [13, 14] Ф.Е.Василюк [62], В.А.Ганзен [74], Е.И.Головаха [81], Е.Ю.Коржова [136], А.А.Кроник [149], Н.А.Логинова [177, 178], Т.И.Ронгинская [74], А.В.Сохань [263, 264], Е.Б.Старовойтенко [265], Т.М.Титаренко [274, 275] и др.).

Понятие «жизненный путь», «индивидуальный путь жизни», как и понятия «жизненный опыт», «опыт индивида», «индивидуальный опыт личности» представляют собой два отдельных семантических узла. Вместе с тем они отражают две естественные ипостаси, стороны понятия «жизнедеятельность», поэтому выступают как генетически взаимосвязанные и равноправные по своему объему.

Если индивидуальный опыт понимается как системный функциональный орган, отражающий жизнедеятельность, то естественно представить, что одноуровневой с ним по масштабу категорией будет жизненный путь.

Жизненный путь так же, как и индивидуальный опыт, может рассматриваться как определенная форма жизнедеятельности, как ее результат. Одновременно жизненный путь, приобретая статус предпосылки, благодаря осознанию индивидом психологического времени жизни, влияет на характер жизнедеятельности. Последний процесс является психологически сложным и не совершается автоматически; проблема кроется в природе самого феномена психологического времени. Т.М.Титаренко отмечает: «Ход психологического времени достаточно неравномерен, нелинеен, разнонаправлен. Понимание его влияния на все проявления жизнедеятельности растет с ростом самосознания личности, которая пребывает в конкретной временной перспективе и разворачивает свои сущностные силы в течение ограниченного периода времени, отпущенного в этой жизни» [275, с.319].

Каким же образом могут быть связаны эти две стороны жизнедеятельности? Будем исходить из гипотезы о их структурно-динамическом полиморфизме, который реализуется в много-многозначных связях «пути» и «опыта». В отношении к данному конкретному человеку (жизнедеятельность) путь и опыт выступают взаимодополнительно. Опыт понимается не как особая группа качеств человека, ко-

торая противостоит жизненному пути личности, а как определенная структурированная констелляция тех же самых качеств, какие в других отношениях становятся атрибутивными характеристиками жизненного пути личности.

Так же, как и индивидуальный опыт, жизненный путь человека непосредственно связан с повседневностью, питается ею. Как и опыт, жизненный путь обладает качеством универсальности, будучи атрибутивной характеристикой каждого человека.

Долгое время жизненный путь раскрывался в различных более-менее развернутых жизнеописаниях, когда писатели вполне могли составить конкуренцию психологам. При этом всегда имелось в виду, что все, происходящее на жизненном пути, исчерпывающему описанию либо измерению не поддается. Лишь в последние два десятилетия, когда была осознана необходимость построения собственно психологического предмета исследования, жизненный путь достиг уровня сконструированного и измеряемого понятия.

Что касается проблемы индивидуального опыта, она и сейчас все еще остается малоисследованной как теоретически, так и в прикладных аспектах. Вместе с тем вполне понятно, что общая проблема психологии жизнедеятельности может позитивно продвигаться лишь через конкретизацию в своем особенном – прежде всего в понятиях личность, поступок, жизненный путь, индивидуальный опыт. Отсюда вытекает, что взаимообогащение генетически производных однопорядковых понятий «путь» и «опыт» является актуальной задачей современной психологии.

Основная функция жизненного пути в отношении индивидуального опыта состоит в установлении для него необходимой пространственно-временной координатной сетки. Наоборот, если мы желаем осуществить содержательное измерение некоторых психологических единиц жизненного пути, нам открывается не что иное, как опыт человека в данном пункте измерения.

Л.В. Сохань выделяет категорию жизнеосуществления как форму жизнедеятельности, которая выступает в качестве опосредующего звена между опытом и жизненным путем: «В социально-психологическом механизме жизнеосуществления особое значение имеет жизненное событие и жизненный опыт. На их основе формируются определенные этапы жизненного пути, происходит возвышение жизненных целей, разворачивается объективная картина жизни» [263, с. 7].

Определить жизненный путь отдельного человека означает на фоне пространственно (биологическое, психологическое, социально-историческое) – временной (прошлое – настоящее – будущее) координации раскрыть характер его жизненных действий и поступков.

Тем самым, через анализ жизненного пути определяется психобиография индивидуального опыта.

Существуют и такие плоскости психологических измерений, где жизненный путь и индивидуальный опыт непосредственно сходятся. К ним относятся воспоминания о прошлом как феномен осознания времени жизни и, с другой стороны, как феномен воспроизведения прошлого опыта, отредактированного долговременной памятью человека.

Такое же сходство можно обнаружить на шкале «будущего». «Жизненный путь всегда переживается как незавершенный, потому что никому не известно, когда и как он закончится» [275, с.315]. В отличие от этого опыт (жизненный опыт) осознается как осуществленный, накопленный, установившийся, завершенный. Но это только частичное представление о переживании опыта. В зависимости от позиции личности (например, ответственности, интернальности, творчества и т.п.) субъект опыта, ориентируясь на будущие задачи, сопоставляя собственные достижения с возможностями других людей, благодаря этому выходит за пределы наличного опыта, переживая его как незавершенный.

Из единого генезиса жизненного пути и индивидуального опыта проистекает их смысловая обратимость. Одинаково верными, дополнительными являются, например, такие утверждения: «жизненный путь личности существенным образом детерминирован содержанием его индивидуального опыта» и «индивидуальный опыт личности содержательным образом формируется в соответствии со спецификой ее жизненного пути». Отсюда возникает и полезная взаимодополнительность при исследовании данных понятий. Т.М.Титаренко пишет: «Личность в ее генезисе лучше рассматривать совместно с ее миром, микрокосмом, который она самостоятельно строит, создает, совершенствует. Имеется в виду жизненный опыт как результат развертывания вовне индивидуальных ценностей и смыслов и структурирования относительно них внешней действительности» [274, с.238].

В определенном смысле промежуточной характеристикой, свидетельствующей о генетическом родстве жизненного пути и опыта, является «внутренняя картина жизненного пути» как целостный образ человеческого бытия. Е.Ю.Коржова пишет: «Внутренняя картина жизненного пути включает в себя ряд компонентов: 1) соматический – отношение к своей телесности..; 2) личностный – отношение к себе как личности, отношение к своему поведению, настроению, мыслям, защитным механизмам; 3) ситуационный – отношение к ситуациям, в которых оказывается включенным человек на протяжении своего жизненного пути» [136, с.3-4].

Здесь, по определению, внутренняя картина жизненного пути является отражением содержания жизненного пути, хотя последний сам по себе внутренний целостный «образ мира» (Леонтьев) не формирует. Одновременно «внутренняя картина» является рефлексивной частью индивидуального опыта, который в результате деятельности человека способен формировать и корректировать собственный жизненный путь.

Однако как психические процессы данные феномены отличаются. Как известно, человек иногда проявляет способность к мгновенному, сквозному видению содержания собственного жизненного пути [275, с.319]. В отличие от этого, индивидуальный опыт как собственно психологический феномен не осознается, индивид осознает лишь своеобразный «опыт опыта» – уверенность в его наличии или отсутствии. Содержание опыта человеком не видится (как жизненный путь), но демонстрируется способом воплощения в реальной деятельности.

Данные понятия в определенной мере противоположны друг другу в психодинамическом аспекте. Это выходит из следующих соображений. Для «жизнедеятельности» одним из существенных атрибутов является активность субъекта, который имеет собственную историю формирования и развития на протяжении всей своей жизни. Тогда «жизненный путь» есть развернутая история формирования и развития человека, а «индивидуальный опыт» есть форма существования свернутой истории. Основными характеристиками жизненного пути, как известно, являются этапы, фазы, периоды, критические точки и т.п., параметры индивидуального опыта – структура, компоненты, интеграция, динамика и т.п. Добавим, что одними из основных методов изучения жизненного пути являются методы лонгитюдного исследования; при изучении индивидуального опыта адекватными становятся методы поперечных срезов. Добавим, что последнее различие не является решающим: современные методы исследования показывают все большую реципронность и сходимоть.

Наконец, данные понятия отличаются также предметом исследования. Последнее можно проиллюстрировать на примерах. Если период юности в первом случае (путь) анализируется с точки зрения жизненных планов, видов самоопределения личности, то в другом случае (опыт), как будет показано дальше, исследуются такие параметры, как накопленные в этом возрасте субъективные статистики и шкалы, индивидуальная «теория человечества», т.е. определенный интерпретационный комплекс, благодаря которому формируется интегральная оценка юношами себя и других.

Другой пример. При анализе специфики переходного периода в нашем обществе в случае жизненного пути делается акцент на двойственных, мотивационно-рефлексивных, моральных детерминантах

тех или иных поступков человека в условиях построения рыночных отношений. Тогда как индивидуальный опыт анализируется с точки зрения формирования психологических новообразований как накопленных средств осуществления адаптации на данном отрезке жизненного пути в условиях переходного периода.

В плане теоретического анализа представляется важным определить отношения между понятиями «опыт» и «поступок». Между опытом и поступком существует определенная взаимосвязь. Опыт реализуется или может реализовываться каждый раз в некотором актуальном действии, которое возникает в актуальной ситуации с актуальной мотивацией выбора необходимого действия и актуальным последствием. От полноты репрезентации всех перечисленных компонентов поступка зависит, во-первых, будет ли опыт использован человеком адекватно, во-вторых, станет ли его актуальная часть дополнением к общему опыту.

Индивидуальный опыт реализуется, точнее, воплощается, в поступке, но не совпадает с ним ни структурно, ни функционально. Опыт представляет собой накопленную, динамично развивающуюся в течение жизни совокупность способов реализации личностного либо социального поступка. Выступая в своем генезисе в качестве интегрированного результата поступков, обогащаясь в них, опыт индивида одновременно осуществляет и регулятивную функцию, при этом, в двух планах: потенциальном – на этапе формирования поступка и актуальном – на этапе его реализации.

Наше представление о психологической природе индивидуального опыта будет неполным, если не принять во внимание наличие двух критических точек, универсальных одновременно для жизнедеятельности, жизненного пути, индивидуального опыта личности, а именно, начала и конца жизни человека, которое мы называем соответственно: нуль-опыт и свободный опыт.

В рамках традиционного подхода, естественным образом ограниченного масштабом индивидуального жизненного пути, мы производим не более, чем констатацию «нулевой отметки». Иные возможности открываются при переводе анализа в сферу «чистой духовности», категории, которая как раз и призвана приводить человека к осознанию, что его духовная жизнь не ограничивается рамками телесной.

Проблема сводится к ответу на вопрос, что является содержанием начала и конца жизни, если оно психологически не пустое. В нашем понимании точки начала и конца жизни являются критическими в отношении индивидуального опыта в том смысле, что в них происходит инверсия опыта как собственности. Момент рождения являет

собой начало присвоения опыта как собственности других, конец жизни есть потеря опыта как своей собственности и полагания его для будущих других. Выделение таких точек не является чистой абстракцией хотя бы потому, что наличие «предисловия» и возможность «послесловия» в жизни субъекта зримо влияет на характер формирования его индивидуального опыта. Остановимся на высказанных моментах более подробно.

Полезно задать самим себе вопрос: с чего начинается опыт? (Сразу подчеркнем – не человек, не сознание, не личность и т.п., а опыт как превращенная форма жизнедеятельности.) История науки показывает, что данная проблема относится к разряду фундаментальных. И хотя в настоящее время удовлетворительного ответа пока еще не существует, уже сами попытки ее решения в разные времена способны были стимулировать развитие новых направлений в проблеме индивидуального опыта.

Общепринятыми являются представления о роли биологических (генетических, физиологических и т.п.) оснований как предпосылок опыта, о роли деятельности (поведения, активности) субъекта в формировании опыта. Выяснилось, что многочисленные весьма изобретательные ухищрения, детальнейшие разработки сначала Дж.Локка, затем Г.Фехнера, В.Вундта, современный многоструктурный анализ лишь только расширяли частные представления о генезисе опыта, не решая проблемы по существу. Точно так же не стали «древом познания» метафизические построения выдающихся философов Платона, Р.Декарта, И.Канта, Б.Рассела и др., которые дополняли опыт качеством «разумного» априорно. В такой довольно обычной для научного исследования ситуации возникает вопрос о выборе концепции наиболее близкой нашим собственным представлениям. С нашей точки зрения, дуализм духовного и телесного, априорного и эмпириального в наиболее конструктивной форме попытался преодолеть Карл Г.Юнг. По крайней мере, проблему «начала» он от масштаба отдельно взятой человеческой жизни отодвинул до начала рода человеческого. Попутно заметим, что в последние годы наблюдается резкий подъем интереса к учению К.Юнга, едва ли не ренессанс юнгианства. Обнаружилось, что его «психология без таблиц» оказывается весьма конструктивной и может быть эффективно положена на современные задачи прикладной психологии. Фактически К.Юнг впервые поставил и много усилий посвятил разработке проблемы исторического опыта как собственно психологической. В последние годы данная проблема активно разрабатывается украинскими психологами (В.А.Роменец, Т.М.Титаренко, И.Г.Белявский, А.Н.Кишинская и др.). Более подробные суждения по этому вопросу будут приведены немного позже.

В определенном смысле близким к теории Юнга оказывается развиваемый в последние десятилетия исторический подход в психологии (Мейерсон, Вернан, Мальрие). «Исторический подход к разрешению проблем поведения человека в обществе, в труде, к проявлению его психики в материальном и духовном творчестве дает возможность объективно познать как внутренний мир человека, его место в обществе и в природе, так и установить закономерности развития и регресса отдельных психических функций» [280, с.118].

Вместе с тем, преувеличивать исторический подход как инструмент понимания психологии индивидуального опыта не следует. Во всяком случае уберем себя от прямых переносов. История человечества, общества не есть некое осознаваемое целое для отдельного человека. Или конкретнее: внутренний мир человека если и является, то объективно весьма отдаленной, превращенной формой исторического развития общества. Нам бы хотелось и здесь искать целое, не уходя от индивидуальности. В психологии (в отличие от истории, культурологии, философии, социологии, физиологии, генетики) целое не может быть безличным, внеиндивидуальным. В последнем утверждении нет ничего нового или категорического, а лишь напоминание о том, что психология сама себя определяет как наука о данной душе.

Понятие опыта является одним из центральных в теории К.Юнга. Не могло не привлечь наше внимание и то, что основными характеристиками опыта человека для Юнга являются его структура и форма. Размышляя о происхождении психики вообще, он так же оперирует понятиями структуры и формы: «Во всей человеческой деятельности есть априорный фактор, так называемая врожденная, досознательная и бессознательная структура души» [310, с.214] и далее «...в каждой душе присутствуют формы, которые несмотря на свою неосознаваемость являются активно действующими установками, идеями в платоновском смысле, предустанавливающими наши мысли, чувства и действия и постоянно оказывающими на них влияние» [Там же, с.216]. В другом месте Юнг делает важное уточнение: «Эта форма наследственна и существует уже в плазме зародыша» [Там же, с.215]. Последнее ему необходимо для того, чтобы выделить генетический аспект используемого им понятия архетипа. Термин «архетип» (первообраз – греч.) был введен в научный обиход Платоном, К.Юнг придал ему психологический смысл.

Юнг дает блестящее определение архетипа, понятия для психологии достаточно таинственного, поэтому мы приводим его рассуждение подробно: «Снова и снова я сталкиваюсь с ошибочным представлением о том, что архетип обладает определенным содержанием, другими словами, что это разновидность бессознательной идеи.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что архетипы определены не содержательно, а формально, да и то лишь в незначительной степени. Изначальный образ определен в отношении своего содержания лишь тогда, когда он становится сознательным и таким образом обогащается фактами сознательного опыта... Архетип сам по себе пуст и чисто формален, он не что иное, как *facultas praeformandi* (предустановленная способность – лат.). Возможность представления, данная *a priori*. Наследуются не представления как таковые, а только их формы » [Там же, с.216].

По Юнгу – архетип это форма без содержания, своеобразный «чистый опыт». С рождением ребенка запускается его жизнедеятельность, которая не размещается (фиксируется) в предуготованной форме чистого опыта автоматически, она лишь обнаруживает архетип, подтверждая его существование. Жизнедеятельность взаимодействует с этой чистой формой, выражая себя в виде превращенной формы самой себя, пока еще не отделяя себя от опыта. Таким способом уже на стадии раннего опыта разрешается противоречие между чистой, архетипической формой опыта и первичной витально-психической активностью младенца.

Итак, опыт в начальной точке, в момент рождения ребенка уже существует как таковой, имеет собственные характеристические особенности, не зависящие от несуществующей пока «жизнедеятельности» индивида, хранит в себе накопленную историю собственных прародителей и главное, изначально существует в виде чистой формы нуль-опыта – той качественной определенности, которая будет главной для опыта в течение всей жизни индивида. Юнг подсказывает нам также, что трансформация опыта из чистой формы в превращенную произойдет позднее, когда опыт, подчиненный жизнедеятельности, станет «сознательным опытом». Говоря об инверсии опыта как собственности в точке рождения, мы имели в виду факт перевода «наследства» предков в статус психологической собственности появившегося на свет индивида.

Точно так же после окончания жизни некоего представителя человеческого рода его опыт перестает быть его собственностью (по определению), теряет качество превращенной формы жизнедеятельности, но приобретает качество чистой формы свободного опыта, неуничтожимого в своей бестелесности и одновременно полностью зависимого от вдохновений и страданий новых поколений. Для исторической психологии среди других форм опыта именно свободный опыт является наиболее естественным «идеальным» объектом изучения. (Для большего согласия с данным тезисом следует абстраги-

роваться от мироощущений ближайших потомков, в памяти которых еще существуют конкретные образы Родителя, а оценить роль и место его опыта в опыте, например, двадцатого от него поколения. Было забавно слышать интервью с праправнучкой Льва Толстого, шведки с одноименной фамилией, которая «знает, что ее прапрадед был писателем, но ничего из его произведений не читала».)

Таким образом, представление об инверсии индивидуального опыта как собственности приводит нас к выводу, что моменты начала и конца жизни не являются психологически пустыми. Отсюда, если жизнедеятельность индивида богаче его опыта по содержанию, то опыт индивида оказывается шире жизнедеятельности по времени бытия. Поэтому, если говорить о факте преемственности поколений, связи «прошлых» и иных жизней, то механизмом и материальной основой такой преемственности выступает человеческий опыт: содержательное связывается через форму.

Здесь мы затронули проблему исторического опыта, которая пока еще остается малоразработанной в контексте исторической психологии, но становится особенно актуальной тогда и для тех обществ, которые заняты социально-экономическим переустройством собственного бытия. Поэтому есть смысл остановиться на этом вопросе более подробно.

Глава 3. Исторический опыт современного человека в психологическом измерении

Огромные исторические перемены на границе XX-XXI столетий, не обошедшие кого-либо в Украине, естественным порядком стимулируют поиск аналогий в жизни прошлых поколений, определение меры родства или несовместимости прошлого и настоящего, желание понять собственную историю, наконец, воспользоваться историческим опытом при решении современных проблем общества.

Одновременно нынешний переходный период сам по себе является феноменом исторической психологии для будущих поколений. Поэтому не стоит ли оказать будущим исследователям некую услугу, попытавшись осуществить психологический анализ современного общества с точки зрения существующих ныне теоретических установок исторической психологии. Существует, правда, вероятность того, что наши амбициозные теоретические конструкции исторического опыта могут получить весьма скромную оценку с позиций будущих теорий и даже предстать в виде этаких психологических ребусов. Остается только заявить, что нами двигало чувство глубокого почтения к потомкам.

Следует сразу, во избежание дополнительных вопросов со стороны специалистов в области исторической психологии, а также возможной терминологической путаницы, определить предмет нашего анализа. Им действительно является исторический опыт современного человека, являющийся, как мы полагаем, частью его индивидуального опыта, занимающий в общей структуре опыта определенное место, которое предстоит определить.

Предмет исторической психологии существенно иной, имеет собственные четко очерченные границы, разделяющие историю и современность, куда современный, экспериментально измеряемый персонаж если и входит, то как вторичный, по нему определяются границы «еще не исторического».

Как пишет один из крупнейших авторитетов в области исторической психологии И.Г.Белявский: «Историческая психология, целью которой является реконструкция психического облика поколений, ушедших в историю, идет единственно возможным для нее путем – анализирует объективации психической деятельности в явлениях культуры [34, с.80].

Наше обращение к исторической психологии вызвано надеждой найти хотя бы в общем виде ответы на вопросы о путях и способах ассимиляции того, что накоплено предыдущими поколениями, человеком, живущим в реальном времени настоящего.

Сделаем необходимое для данного случая терминологическое различие. Будем называть совокупным историческим опытом исторический опыт поколений, эпох, человечества; соответственно индивидуальным историческим опытом – историческую составляющую индивидуального опыта ныне живущего конкретного человека.

Кажется, никто не отрицает возможность передачи опыта от прошлых поколений к нынешним, сам факт преемственности. Противоречия и гипотезы возникают вокруг вопросов о путях и способах передачи опыта, и диапазон предположений остается весьма широким.

Мы исходили из того, что источником и регулятором индивидуального опыта является не только жизнедеятельность человека, но и те факторы, которые с самого начала находятся за пределами времени его жизни. Историческое чувство, присущее каждому, всегда воспринимается индивидом как нечто значительное и связанное с судьбой.

Решая собственную задачу, мы, образно говоря, оказались на улице с двусторонним движением, где из настоящего в прошлое переходит человеческий опыт, который становится историческим опытом (совокупным), и, наоборот, из прошлого в настоящее тянутся нити исторической части индивидуального опыта современника. Данный образ содержит в себе подсказку в отношении путей решения поставленной задачи – выяснения роли и места исторического опыта в структуре индивидуального опыта современника.

Для этого необходимо сделать два последовательных шага: во-первых, выяснить, что из области исторической психологии может быть положено в основание структуры индивидуального опыта; во-вторых, попытаться создать теоретическую модель, объединяющую прошлое и настоящее исторического опыта.

Используемое в широком смысле понятие «исторический опыт» находится в одном ряду с понятиями «опыт человечества», «накопленный опыт поколений, эпох» и т.п. и пока не содержит в себе ничего общепсихологического, тем более, индивидуально-психологического.

Именно в эту сторону, как нам представляется, должно расширяться исследовательское пространство индивидуального опыта, если мы желаем перейти в его анализе с уровня общего, культурно-исторического к выяснению его места в жизни конкретного индивида в прошлом или современности.

Термин «исторический опыт» уже достаточно давно вошел в психологию, в частности в историю психологии; только в середине XX в. с возникновением французской школы исторической психологии (И.Мейерсон и др.) исторический опыт кроме упомянутого выше историко-культурного контекста приобрел специальное значение действительно существующих либо реконструированных материальных или духовных продуктов деятельности людей в прошлые исторические эпохи. Основная исследовательская проблема здесь состоит в обосновании надежности и валидности самого процесса реконструкции.

Следует обратить внимание на то, что хоть и считается, что историческая психология была создана как историками, так и психологами, инициирование данного направления науки прежде всего шло со стороны историков, которые поставили перед исторической психологией задачу углубленного понимания и интерпретации прошлого путем привлечения к историческим исследованиям данных психологии, прежде всего воссоздания личности, являющейся символической (знаковой) для данного исторического периода.

Понятно, что речь не идет о непосредственном наложении современных теорий социальной психологии или психологии личности на психологию прошлых поколений; ставится задача поиска концептуальных моделей и психологических измерений, валидных историко-культурной среде соответствующей эпохи. Именно здесь выявляется специфика предмета и методов исторической психологии.

Обратимся теперь к некоторым теоретическим представлениям о взаимоотношении жизненной активности людей и исторического опыта, которые сложились в пределах исторической психологии.

Оценивая исследования многочисленных авторов в области исторической психологии, И.Г.Белявский высказывается о ее предмете: «Историческая психология изучает психологию эпохи. Безусловно, она складывается из огромного числа индивидуальностей, но их изучение – не ее метод. Ее интересуют общие приметы и их признаки, способы поведения, которые наиболее часто встречаются и повторяются... Для исторической психологии индивидуальность – это индивидуальность эпохи» [34].

Историческое направление в исследовании человеческой психики, начатое в работах Л.Леви-Брюля, Э.Дюркгейма, П.Жане и др., продолжил и развил выдающийся французский исследователь И.Мейерсон.

И.Мейерсон, доказывая возможность реконструкции человеческой психики в контексте исторической психологии, предлагает модель, в которой опыт занимает одну из центральных позиций. Несколько упрощенно последовательность движения психическо-

го выглядит следующим образом: мысль (интенция, дух) – объективизация – опыт. По Мейерсону, «человек в целом стремится к объективизации и проектированию себя в делах. Объективизацией является его физический и социальный опыт, а также все то, что благодаря этому опыту определено как состояние или функция: различные аспекты анализа действительности, аспекты мысли, воли, чувства, личности – наиболее абстрактные идеи и наиболее интимные переживания» [Там же]. В терминах советской психологии такой переход внутреннего во внешнее описывается близким к объективизации понятием «опредмечивание» психического. Другое дело, что обратный ход воссоздания («распредмечивания») психического должен произвести исторический психолог.

В действительности исторический опыт человечества чрезвычайно трудно приложить непосредственно к конкретному индивиду, личности. Находясь в одном структурно-динамическом ряду с другими компонентами индивидуального опыта, исторический опыт не дан непосредственно, а представляет собой особый класс превращенной формы жизнедеятельности (духовных усилий). Он являет собой такую психологическую реальность, которая, возникнув как предпосылка за пределами времени конкретной жизнедеятельности, одновременно только ею и порождается и на нее воздействует.

Именно благодаря этому опыт проявляет себя не только в функции кристаллизации деятельности, а приобретает возможности относительно самостоятельного существования, изменения, развития.

В настоящее время именно совокупный исторический опыт является по преимуществу объектом изучения исторической психологии. Его временные границы в связи с собственной континуальностью не определены и в принципе охватывают весь период развития человечества. Одновременно такой опыт разбивается на определенные качественно разные периоды в соответствии со сменой поколений, эпох и т.д.

Совокупный опыт, как нам представляется, кроме охвата прошлого простирается также и в будущее, которое, однако, существует в нем лишь как интенция. Дело в том, что индивид и даже общество в целом на будущую историю, строго говоря, не работают. Ориентация на будущее, выступая в качестве системообразующего фактора в отношении к опыту, в реальности соотносима не с будущим вообще, а с «обозримым» в будущем результатом для себя, своего поколения, своих потомков. Это подтверждается хотя бы тем, как «все прогрессивное человечество» снова и снова воспроизводит идеалы, заблуждения и коллизии предыдущих поколений. То, что императоры старательно надиктовывают своим писарям («пресс-секретарям»), как

и высказывания типа «он жил и работал для истории», идущие от историографов и публицистов,- не более, чем констатация свершившегося a posteriori.

Вечное и оправданное желание человека заглянуть в будущее действительно систематизирует его действия, поступки, жизнедеятельность. Однако таких «моделей потребного будущего» в его повседневности неизмеримо больше, чем тех, которые будут приняты историей в дальнейшем. Всякое телеологичное в действительности реализуется «здесь и теперь».

Исторический опыт не может быть объектом лабораторного моделирования. Невозможно, пусть весьма изобретательно, вычленив «историческую составляющую» индивидуального опыта без диахронического развертывания всеобщей истории формирования индивида.

В настоящее время в психологии существует ряд подходов, раскрывающих различные аспекты формирования исторического опыта: социокультурный, социально-психологический, меритологический, психоаналитический, темпоральный и др. Остановимся подробнее на тех, которые в наибольшей мере показывают преемственность опыта при сравнении прошлого и настоящего.

Подбираясь к сложному и практически не разработанному в психологии вопросу в межпоколенном трансперсональном опыте, необходимо учитывать результаты исследований в области истории культуры. Так, например, известный специалист в области древних культур Г.Франкфорт считает: «Фундаментальное различие в отношении современного и древнего человека к окружающему миру заключается в следующем: для современного человека мир явлений есть прежде всего «Оно», для древнего – и также для примитивного человека – он есть «Ты»», и далее поясняет: ««Ты» не может быть созерцаемо с умственной отрешенностью, оно переживаемо как жизнь, встретившаяся с другой жизнью: оно вовлекает все существо человека в двусторонние отношения» [284].

Действительно, антропологические исследования показывают, что люди древних и примитивных культур отличаются синкретичностью мышления, целостностью и произвольностью восприятия, когда субъективное и объективное, эмоциональное и рациональное трудноразличимы, по крайней мере, с точки зрения представлений современной науки.

Понятно, что такие фундаментальные трансформации в мироосмыслении человека («Ты» – «Оно») сами по себе порождают дополнительные вопросы о механизме переноса и интеграции исторического опыта поколениями и отдельными индивидами. Поэтому вы-

воды Франкфорта нуждаются в более широкой интерпретации. Как нам представляется, модель «раньше «Ты» – затем «Оно»» выделяет только один, хотя и важнейший аспект трансформации человеческого опыта. И с самого начала у древних и у современного человека сознание характеризуется двойственностью, т.е. и «Ты», и «Оно» всегда присутствуют в нем как две стороны его развития. Только у древних приоритетным является внешний мир («Ты»), в который индивид, не обладая достаточной рефлексией, как точно говорит Франкфорт, вовлекается, делая себя собственностью внешнего мира как целого, становится частью окружающего. Внутреннее и внешнее как бы склеивается (не отождествляясь), и только таким способом для становящегося самосознания создаются тепличные, инкубаторные условия развития.

Одновременно в процессе практического действия начинается противоположный процесс обособления сознания индивида от своего внешнего родителя, отношение к которому становится дифференцированным (неживая природа, живая природа, другие люди, Я). Человеческий опыт начинает структурироваться на основе возникшего различения «Я, не-Я». При этом двойственное отношение к внешнему миру («Ты» – «Оно») сохраняется, но в этом случае, благодаря развитой рефлексии, индивид получает возможность не только взаимодействовать с внешним миром как иным («Оно»), но и интерпретировать этот мир субъектно, тем самым вовлекая внешний мир в интерпретационное пространство, делая его своей собственностью («Ты»), когда окружающее становится частью его самого.

Итак, субъективность как начало исторического опыта, о чем говорит Г. Франкфорт, остается главным моментом «на все времена» развития и передачи опыта от поколения к поколению.

Проблема исторического опыта имеет и определенную меритологическую окраску – кто же более достоин передавать и воспринимать опыт прошлого. Такой аспект анализа опыта утвердился в последнее время в значительной мере благодаря Мейерсону, который предлагал исследователям обращать особое внимание на «лучшие деяния» исторического индивида, своеобразное индивидно-историческое акме. С другой стороны, о возможностях передачи опыта между поколениями весьма скептически, а может быть, трезво высказывался еще в конце XIX века Г. Лебон. Анализируя психологию толпы в аспекте исторического опыта, он пишет: «Опыт одного поколения обыкновенно не приносит пользы следующему, вот почему излишне пользоваться историческими фактами как примерами. Единственное значение таких демонстраций заключается лишь в том, что они показывают, до какой степени необходимо из века в век повторять опыт, чтобы он мог оказать какое-либо влияние и пошат-

путь хотя бы одно-единственное заблуждение, если только оно прочно укоренилось в душе толпы» [162].

Для нас замечание Лебона интересно тем, что в данном случае речь не идет о психологии толпы в узком смысле, когда все проблемы исторической необучаемости можно было бы объяснить известным феноменом снижения уровня критичности массового сознания (Фрейд, Юнг). Фактически имеется в виду исторический опыт в масштабах народов, поколений, эпох.

Разочарование Г.Лебона, похоже, спровоцировано им же самим в связи с тем, что в одном логическом поле произошло смешение феномена передачи исторического опыта и способности его анализа массовым сознанием (толпой). В данном случае нас интересует прежде всего сама возможность передачи опыта. Как ни парадоксально, известная цикличность, повторяемость исторических макросоциальных сценариев как раз и свидетельствует о факте передачи опыта между поколениями (хорошего или плохого – кто возьмется оценить?). Данное обстоятельство изящным примером поддерживает Ч.Кули: «Нет лучшего доказательства родового сходства человеческой природы, чем та легкость и радость, с которыми современный человек чувствует себя как дома в литературных произведениях, описывающих самые разнообразные и отдаленные времена, – в поэмах Гомера, сказаниях о Нибелунгах, еврейских Писаниях, легендах американских индейцев, историях о... солдатах и моряках, о преступниках и бродягах и т.д. Чем более проникательно изучается какой-либо период человеческой истории, тем больше обнаруживается существенное сходство с ним» [150,с.334].

Другое дело, что процесс этот происходит произвольно и, что важно в теоретическом плане, при отсутствии каких-либо наперед заданных общественных критериев ассимиляции прошлого. Низкий коэффициент полезного действия передаточного механизма всякий раз вызывает недоумение у просвещенных аналитиков, стимулируя изучение проблемы психологии масс, толпы.

В этих случаях проблема может мыслиться примерно так: если общество разумно и является носителем прогресса, то число правильных решений должно расти, а число ошибочных – минимизироваться. В реальности же каждое новое поколение принимает к сведению предыдущий сценарий («ход истории»), но не принимает автоматически уже полученные ранее выводы («финал истории»). Поэтому всевозможные «обращения к грядущим», скрепленные картинами ужасов войн, эпидемий или свидетельствами процветания и благоденствия не обретают качества абсолютных критериев жизни данного сообщества и должны пройти проверку применительно к условиям его собственного развития. Складывается впечатление, что наступать

на грабли есть любимое занятие всякого поколения. Снова и снова в течение целой своей жизни члены общества пытаются сообща выработать критерии целесообразности бытия. В своей основе передача опыта носит не векторный характер, воплощенный в продуктах деятельности, нарративах и т.п., а статистический, носителем которого является масса всех живущих как историческое целое.

Отсутствие финальной (лучшей) модели общественного развития вытекает из фундаментальности самой проблемы жизни, уровень сложности понимания и описания которой а priori превышает познавательный потенциал любого поколения живущих. В данном случае уместно провести параллель с известной цикличностью в развитии научного познания, когда парадигмальное упрямство выдающихся умов человечества считается неизбежным и оправданным [151].

Перестройка, начатая в 1984 году, дала старт изменению мировоззрения «тоталитарного», «коммунистического» на «плюралистическое», «демократическое». На смену модернизму соцреалистическому неожиданно для большинства пришел модернизм экстремистский, который некоторые отечественные философы и культурологи поспешили окрестить постмодернизмом. Здесь не было принято во внимание, что с отменой тоталитарной государственности модернизм как умонастроение не исчезает, а лишь облекается в противоположную форму абсолютизации саморазрушения, мазохистского наслаждения деградацией как средства быстрого достижения все того же «светлого будущего». В то время легкость перемен, отсутствие иммунитета к «открытому диссидентству» никого не насторожила. Особенно ценился в некотором смысле «политический дадаизм», «перформанс» с присущими им эпатажем, кичем, митингами, разоблачениями, порнопродукцией, свободой нравов и прочими «мерзостями», как выразился один уставший ругать все это газетный критик. Сама собой возникла проблема «духовность – бездуховность». Двойственность этого понятия в современной ситуации ползучей аномии общественных ценностей требует от исследователя не ограничиваться лишь его оценкой «лучше – хуже», но понимать кризисное состояние, напряженность, выбор как имманентные самой духовности. Отсюда и различные «кризисы» правильней квалифицировать не как панисторические, а как социальный феномен современности.

Как только стало ясно, что перестроечно-рыночный «блицкриг» потерпел неудачу, ресурс модернизма в массовом сознании начал быстро вырабатываться, хотя «остаточные явления» наблюдаются и по сей день.

В новой ситуации индивид, составляющий картину мира по двум дополнительным друг друга формам жизнедеятельности – дис-

кредитированному старому и не приобретенному новому опыту, оказался наиболее чувствительным к эстетике и стилистике постмодернизма, идущей от прагматизма, конкретности, перемешивания разноаспектного и т.д. [6, 29, 60]. И.З.Цехмистро дает следующую оценочную характеристику постмодернизму: «Сильной стороной постмодернизма есть призыв к преодолению таких негативных черт общества эпохи modern'a как «тоталитаризация», «отчуждающая объективация знания», «лимитация» человека всяческими видениями общего, «рационального» или «истинного». Постмодернизм дает достаточно точную характеристику духовной сути общества эпохи modern'a, как безграничного господства «универсально-общей идентификации» или «индустриального разума» у Адорно, «калькулятивного мышления» у Хайдеггера, «логоцентризма» у Деррида или «дисциплины» у Фуко» [294]. Применительно к постсоветской действительности постмодернизм отражает и психологически оправдывает ту часть индивидуального сознания, которая пытается таким способом дискредитировать и оттолкнуть собственное прошлое индивида.

Постмодернизм как способ преодоления прошлого характеризуется как «разъятие прошлого и вольное оперирование его элементами в новых и новых комбинациях» [6, с.17]. Одновременно постмодернизм в умонастроении обеспечивает постепенность в переходе от старого к новому, уберегая от каких-либо проявлений экстремизма.

О встроенности постмодернизма в нашу социальную действительность говорит Н.С.Автономова: «Мы постоянно находимся среди хаоса лоскутов и обрезков опыта, из которых поспешно пытаемся построить новые идеалы (или новых идолов). Вэтом смысле постмодернистское ощущение разрозненности, разорванности опыта тоже помогает нам – позволяет воздерживаться от поспешного иллюзорного синтезирования, запастись терпением, оттачивать чувствительность к жизненному и культурному разнообразию, развивать в себе возможность существования без каких-либо предустановленных гарантий» [Там же].

Таким образом, мы убеждаемся, что постмодернизм как культурный феномен последнего времени не случаен, его питательной средой является психологическое состояние двойственности, характерное для субъекта переходного периода. Постмодернизм всегда появляется и существует как отклик на крупные сдвиги в массовом сознании (Америка, Франция 60-х годов, развал социалистического лагеря, СССР). Его охранительную, стабилизирующую функцию подчеркивал французский философ Ж.-Ф.Лиотар в своем знаменитом труде «La condition postmoderne», где он выделил в качестве

главного тезиса постмодернизма необходимость оттачивать нашу чувствительность к различиям и усиливать нашу способность переносить несоизмеримое.

Показательна функция постмодернизма в отношении к столкновению старой и новой социологии жизни: «Достаточно эффективна и постмодернистская стратегия не обличения, не заклатья, не безоглядного отречения от прошлого, а равнодушного принятия идеологических клише наряду с тем, что идеология дискредитирована. Эта стратегия помогает изживать мессианиззм, лишая возможности рассчитывать на какое-нибудь символическое прибежище, обещающее надежду и успокоение. И понять, что ничто высокое и ничто священное не является само по себе, а становится таковым лишь в результате осознанного усилия по его полаганию. Эта стратегия ставит под сомнение свойственную «панацеистски» настроенным людям поразительную способность растроганно приникать, молитвенно уповать, праведно гневаться на покусившихся на святых, с одной стороны, а с другой – рассчитывать на некие гарантии, а при случае – к ним же, святыням, обращать претензии...

Ставя человека в ситуацию невозможности или бессмысленности выбора, выявляя его беспомощность в «культурном музее», постмодернизм, быть может, нагляднее прочих парадигм свидетельствует, что за человека никто не выберет, никто за него не изживет былой социальный кошмар, и что скопом, как раньше, сделать это уже невозможно» [29, с.25-26].

Было бы неверно считать, что передача опыта происходит всецело по принципу – куда-нибудь вывезет телега истории. В определенные периоды развития собственного исторического сценария общество демонстрирует высокую сензитивность к происходящему. Такое обычно происходит в поворотные моменты истории, когда маятник общественного сознания находится в крайней точке амплитудного движения (точке возврата). Затем снова, как бы передохнув, обновленные, «прозревшие» массы, откинув сослагательное наклонение, сломя голову (без исторической рефлексии и вне исторических критериев) бросаются навстречу счастливым находкам и трагическим ошибкам.

Определенный психоаналитический механизм передачи опыта между поколениями предложил Э.Берн. Говоря о трех личностных позициях человека – Родитель, Взрослый, Ребенок, Берн характеризует их и как реальные в действительности, и как архаические пережитки [38, с.16]. Через совокупность их влияний обеспечивается преемственность опыта между поколениями. Особенно наглядно это видно на позиции Родитель, когда в реальное поведение индивида

встраиваются не только усвоенные во взрослой жизни правила, но и идущие от родителя, который, в свою очередь, тоже усвоил нечто необходимое от своих родителей. Благодаря наличию такого механизма переноса исторического опыта регулируются многие формы жизнедеятельности индивида, характер его жизненного пути, индивидуальность, и далее характерная эмоциональность, жесты, мимика [Там же]. Добавим, что речь идет о произвольном виде усвоения исторического опыта и произвольной же форме передачи накопленного последующим. И даже когда реальные родители и другие взрослые в реальном времени взросления ребенка сознательно занимаются воспитанием детей, многое усваивается детьми неосознаваемо, без критики, автоматически и именно поэтому остается более устойчивым. Валидность такого способа усвоения подтверждается способностью адаптации индивида к изменяющимся условиям среды. Драма наступает лишь в случае, если изменения условий жизни выходят за пределы имеющегося опыта (кризис личности, кризис социальной системы). Однако и в этих случаях человек находит средства реадаптации. Некоторые из них будут рассмотрены в последнем разделе, посвященном анализу психологических коллизий нынешнего переходного периода в обществе.

Современная психологическая наука довольно часто касается вопросов общественной и индивидуальной психологии людей в разные периоды их исторического бытия. Ставится вопрос о характере отношений истории и психологии, в частности по проблеме национального сознания в Украине. Сознание народа вообще и его национальные особенности закономерно вплетаются в структуру индивидуального опыта, систему ценностных ориентаций и поведенческих реакций современного человека. Анализ путей взаимопроникновения национального и индивидуального оказывается весьма сложен.

Хорошо известно, что индивид с чертами этнического характера не рождается. Приобретение их является частью процесса его социализации.

Многочисленные суждения о национальном характере, производимые вне рамок исторической психологии, выглядят упрощенно, с неизбежным публицистическим налетом. В некоторых случаях не удастся избежать этого и новейшей украинской этнопсихологии. Фундаментальные исследования украинских ученых XVIII – XIX вв. иногда неоправданно препарированы; полученные выводы, минуя этап научной валидации, проникают на страницы популярных журналов, приобретают сиюминутный политический акцент.

Сегодня многие историки, культурологи, политологи занимаются восстановлением накопленного и утраченного в историческом

опыте украинского народа в период до 1917 года, что безусловно ценно и необходимо.

Ревизия многих канонов советской исторической науки влечет за собой появление новых взглядов на исторический опыт всего украинского общества и каждого из его членов в отдельности.

Но начинает просматриваться и другая крайность: перебрасывание мостов из глубины веков к нынешнему времени, как бы в обход времени существования советского государства, вряд ли оправданно с историко-психологической точки зрения. Как бы резко ученые не разводили историю украинского народа по периодам, исторический опыт в социальном и психологическом смысле остается непрерывным, характеризуется цельностью и системностью, поэтому и анализироваться он должен целостно, без псевдоисторических «изъятий». Советский период – это время жизни нескольких поколений, характеризующееся собственным историко-психологическим содержанием. Как отмечает В.А.Васютинский: «Десятилетия совместного пребывания в составе Российской империи и Советского Союза привели к формированию мощных семантических пластов, которые являются сходными, подобными в сознании всех народов, которые их населяли. Есть даже основания говорить о наличии неких «советских» архетипов, которые существенно отличают сегодняшнее сознание жителей постсоветских стран от сознания граждан иных, хотя и соседних государств» [65, с.61].

Нужно сразу принять, что «розовый период» господства публицистического жанра, по крайней мере, для научной среды, уже закончился. Проблема психологии национального самосознания прежде всего должна решаться на методологическом и теоретическом уровнях. Сейчас иногда складывается ситуация определенной методологической редукции, когда исторические или этнопсихологические выводы в отношении прошлого, которые действительно имеют влияние на социальное либо индивидуальное сознание, непосредственно переносятся в настоящее.

Проводимые нами и другими исследователями лонгитюдные измерения (1990 - 1998 гг.) показывают, что постепенно, но неуклонно в сознании граждан Украины возрождается фундаментальное по своему психологическому значению новообразование: «Мы – единый народ Украины». Этот сложный трансформационный процесс происходит постепенно, не в той динамике, а часто и вопреки некоторым доктринам, объявленным в первые годы независимости украинского государства. При анализе таких процессов необходимо иметь в виду влияние историко-этнического опыта, который хранит соответствующая социокультурная среда, что естественным путем закрепле-

но в языке, музыкальном фольклоре, украинской кухне, традициях семьи, культуре земледелия и т.п. Данные признаки повседневности, преобразованные в стереотипы бытия, практически не осознаются людьми, но психологически именно поэтому выполняют роль основы процесса кристаллизации национального сознания.

Присутствие исторического опыта в индивидуальном обретае конкретные очертания при рассмотрении характерологических особенностей украинского народа на основе анализа исторических, этнографических, религиозных, социально-экономических условий его жизни. В истории украинской науки данной теме были посвящены работы многих выдающихся мыслителей (М.П.Драгоманов, Н.И.Костомаров, А.А.Потебня, Д.Н.Овсянико-Куликовский, Д.Чижевский и др.) [98, 112, 140, 212, 227, 228, 300]. Быстро развивается также современная этнопсихология (П.И.Гнатенко, М.А.Мацейкив, В.Н.Павленко и др.) [80, 199, 216].

Рассмотрим кратко некоторые этнопсихологические аспекты исторического опыта из тех, которые, как мы позже сможем убедиться, проявляют себя в особенностях социального и личностного опыта современного человека в переходный период.

Характерологические особенности украинцев исследовал Ю.Липа, который, отталкиваясь от исторической разноплановости корней украинского характера, приходит к выводу, что «между Балтией и Уралом это наиболее сложный характер между другими народами». Такая разноплановость способствует формированию у украинцев полифонического восприятия мира («даже средний украинец очень часто может рассмотреть какой-нибудь случай с нескольких сторон одновременно»). Может быть поэтому трудно украинцу прийти к какому-либо однозначному решению. Однако, как добавляет Ю.Липа, если решение принято, то ничто другое не может на него повлиять [173].

Добавим, что у полифонии имеются и другие характеристики. Например, она является необходимой предпосылкой творческого подхода к решению задачи, интуитивного схватывания сути проблемы. По-видимому, по этой же причине историко-культурный билингвизм, часто сопровождавший этнического украинца (польская уния, русский язык) не является препятствием для мышления, творческой деятельности, как утверждал еще Д.Н.Овсянико-Куликовский [212], что также получило доказательства в недавних исследованиях Ю.И.Гулого [87]. Вслед за Ю.Липой можно было бы продолжить, что полифоническое восприятие мира порождает не только упрямство, но и хитрость ума, пластичность мышления. Отсюда и непринятие внешнего социального давления может быть

тактически двояким: неподчинение, отпор («впертість») либо уход, выскальзывание («хитрість»).

Б.Цымбалистый находит собственно этнопсихологические основания межличностных отношений в среде украинцев, беря за основу характер традиционных отношений в украинской семье. Сделанные им выводы особенно интересны потому, что семейные традиции прошлого относятся к таким, которые наиболее сохранились в малоизмененном виде и до последнего времени. Психология украинской семьи – это одна из областей знания, где уместны прямые исторические аналогии.

Автор подчеркивает, что в традиционной украинской семье отец для ребенка – грозный и неприступный образ. Вместе с тем, в Украине сохранился матриархальный тип семейных отношений, и эта особенность имеет важное значение для понимания национального характера, так как «нормы поведения, особенности морали, идеал человека, жизненные установки украинцев соответствуют нормам и иерархии ценностей, типичным для женщины, для женского сознания» [295]. По мнению автора, этим обусловлена «кордоцентричность» украинского характера, преобладание чувств над интеллектом и волей. Отсюда и стремление к объединению в малые группы, точнее к «малому окружению» по признакам теплоты и искренности.

Б.Цымбалистый интересно интерпретирует отношение людей к власти: украинец всегда будет оценивать ее представителей в свете своего видения власти отца в семье, т.е. «будет относиться с недоверием..., враждебностью... и если будет подчиняться – то только от страха», в душе не любя и бунтуя. Власть для украинцев, как считает автор, всегда неприятна, поэтому лучше, если каждый «сам себе пан» [Там же].

В плане дальнейшего анализа позволим себе осторожно заметить, что в данном случае мы обнаруживаем социоэтнические истоки католичества и анархокоммунизма. В семантическое пространство понятия «анархизм» входит и понятие «хуторское мышление». «Хуторское мышление» – часто употребляемое словосочетание. Психологически оно пока исследовано недостаточно. Б.Б.Глотов сделал попытку раскрыть его историко-социальный контекст: «Польша и Россия, навязывая украинцам свои цивилизации, грубо вмешивались в их историческую судьбу. Возник антагонизм между народной культурой «хутора» и пришлой цивилизацией «города». Так, коливщина, а также махновщина как массовые крестьянские движения были направлены против всякой державности» [79].

В нынешнее время в массовом сознании формируются новые структуры индивидуального опыта, в которые входит вековой опыт народа. Такое вхождение следует рассматривать как закономерное, а не просто как историческую параллель.

Двойственное, неоднозначное, дополнительное видение внешнего мира, исторически присущее индивидуальному сознанию украинца, в настоящее время сдает экзамен при попытках сопряжения индивидом старого и нового опыта. Пути воплощения национально-этнических установок в новых условиях жизни сложны и требуют интенсивного изучения, актуальность которого очевидна. О.Мандельштам писал: «Кто не понимает нового, тот ничего не смыслит в старом, а кто смыслит в старом, обязан понимать и новое» [194].

В последнее время в науке достаточно оформленными оказались идеи транскультурного, транспсихического переноса накопленного прошлого в настоящее.

Поиск всякого рода генетических программ, изоморфизмов, инвариантов структур, соединяющих морфопсихическое во времени, оказался весьма привлекательным для многих исследователей.

Теоретически связь генетических программ с передачей накопленного в культуре поколений можно представить, если рассмотреть ее в некотором генно-культурном ракурсе. Речь идет о своеобразной метагенетической ориентации человеческого вида на удержание и селекцию накопленного в опыте каждого поколения в рамках культурно-витальных характеристик жизни людей.

В отдельных исследованиях историческая генетика человека проецируется на его ментальность. Некоторые авторы усматривают закономерную связь ментальности с архетипами. Например, О.В.Нельга считает, что «ментальность и архетипность соотносятся как психическое-внешнее и психическое-внутреннее. Этнос несет в себе архетипность как такой результат интериоризации собственной истории и духовно-душевного творчества, которое входит в глубины его памяти как нечто неосознаваемое или полуосознаваемое» [209]. Ментальность и архетипы действительно имеют отношение к историческому опыту индивида, входят в его понятийное пространство, однако, как нам представляется, расстояние между ними более удаленное, чем непосредственно между внешним и внутренним. Опосредующие их звенья еще предстоит исследовать, привлекая понятия этнической картины мира, этнических стереотипов и установок и т.п.

Здесь нельзя не согласиться с мнением И.Г.Белявского о необходимости прежде всего научного анализа понятия ментальности, которое больше тяготеет к категориям из области литературы и искусств-

ва. «В самом деле, – спрашивает автор, – где границы этой ментальности, простирающейся от вечных проблем жизни и смерти, добра и зла, чести и бесчестия до происхождения «оселедца» на головах запорожских казаков. Психологической науке остается только одно – втиснуть самую ментальность в личностную оболочку со всеми ее компонентами, открытыми или вымышленными в той или иной облюбленной доктрине. ...Ядро ментальности составляет набор всевозможных стереотипов, стандартных способов решения задач в разнообразных жизненных коллизиях» [33].

Рассмотренные здесь конкретные этнопсихологические и социокультурные феномены прошлой и современной жизни нашего народа, разумеется, не являются единственными, через которые квалифицируется исторический опыт. Полифония, двойственность как феномены прошлого резонируют с явлениями смещения, сопряжения старого и нового в нынешнее время. Не исключено, что в другой исторической ситуации в настоящее будут вовлекаться иные феномены исторического опыта.

Перейдем теперь к вопросу о возможной модели формирования исторического опыта как части индивидуального, одной из его структурных характеристик.

Но прежде мы вновь обращаемся к проблеме «чистоты эксперимента», что, по мнению многих исследователей, означает правомерность изучения прошлого лишь при тщательном контроле за всевозможными влияниями «из настоящего». М.М.Бахтин пишет: «Взаимопонимание столетий и тысячелетий, народов, наций и культур обеспечивает сложное единство всего человечества, всех человеческих культур (сложное единство человеческой культуры), сложное единство человеческой литературы. Все это раскрывается только на уровне большого времени. Каждый образ нужно понять и оценить на уровне большого времени. Анализ обычно копошится на узком пространстве малого времени, то есть современности и ближайшего прошлого и представимого – желаемого или пугающего – будущего» [30, с.369].

Данное суждение можно полностью принять, но при одном условии – если сузить предмет исторической психологии. В самом деле, при такой постановке вопроса поколения, сообщества, отдельные индивиды из ушедшего принципиально становятся объектами реконструкции прошлого. Выяснение их субъектности, действительной цели психологического исследования, предполагает иной методологический подход, ясно сформулированный опять же М.М.Бахтиным: «Любой объект знания (в том числе человек) может быть воспринят и понят как вещь. Но субъект как таковой не может

восприниматься и изучаться как вещь, ибо как субъект он не может, оставаясь субъектом, стать безгласным, следовательно, познание его может быть только диалогическим» [Там же, с.363].

В действительности такой диалог (и только диалог) реально существует между культурами, поколениями, живущими и ушедшими. Иначе мы должны допустить, по крайней мере, две вещи: отсутствие исторического чувства, вневременность существования каждого живущего и, наоборот, возможность существования исследователей, способных подняться над Временем истории, включающем настоящее, тем самым над самими собою бранными.

Ни один из тех, кто занимается реконструированием прошлого, экспликацией исторического опыта, разумеется не может взять на себя роль Верховного наблюдателя, Демиурга. Поэтому всякое суждение о точности либо искажении в различных свидетельствах прошлого всегда вторично по сравнению с парадигмой наших современных умозаключений и обобщений. Пожалуй, это главное, что может объединить разные точки зрения на познавательные возможности исторической психологии от гётевского «Не трогайте далекой старины, нам не сломать ее семи печатей» до оптимизма представителей позднего структурализма, отстаивающих идею инвариантности структур психики.

И.Г.Белявский совершенно справедливо предупреждает о некорректности нерелексивных переносов теоретических установок нынешних дней на исследовательские процедуры ушедшего: «Мы должны уяснить себе все опасности, связанные с использованием в определенном смысле априорных моделей, относящихся к прошлому, современниками которого мы быть не могли, опирающихся на современные экспериментальные и теоретические данные для объяснения явлений, качественно отличающихся от тех, с которыми психолог сейчас имеет дело» [34, с.77].

С данным замечанием нельзя не согласиться, так как в нем фиксирована ведущая роль историко-психологического пространства в исследовании психологии ушедшего. Однако при его абсолютизации, что мы сознательно сейчас произведем, возникает ряд теоретических трудностей. Понятно, что пожелание особого рода научной стерильности исторического психолога, вне зависимости от его исследовательских установок, является недостижимым. Коллизия становится особенно наглядной в случае, когда объектом изучения является ближайшая уже ушедшая эпоха, в которой, однако, жил, например, сам исторический психолог – субъект этой эпохи.

Ситуация оборачивается, если правило принципиального отграничения исследовательских парадигм прошедшего и настоя-

щего (или/или) заменить правилом осознанного (контролируемого, измеряемого) включения научных установок настоящего, персонифицированных исследователем при изучении прошлого (и/и). Такая логическая операция будет оправданной при том теоретическом допущении, что пространство исторического опыта вбирает в себя прошлое в единстве с настоящим. (Включение сюда также и «будущего» не противоречит исходной посылке.) В этом случае так называемая преемственность приобретает, наконец-то, свой действительный смысл обратимой во времени характеристики саморегуляции исторического процесса развития общества и индивида.

Человечество может осуществлять преемственность на генетическом уровне, как и все живое. Но люди как поколение, как сообщество осуществляют преемственность в виде освоения опыта других, предыдущих. В этом смысле опыт человека изначально историчен. Исторический опыт человека существует в двух отношениях: как историческая данность и как момент его индивидуального опыта (явившийся и воплощенный).

Исторический опыт не может развиваться, а значит и рассматриваться отдельно от его носителей в настоящем, от их деятельности, являющейся главной характеристикой его становления. Непрерывное становление опыта в измерении «прошлое – настоящее – будущее» – есть его действительность.

Таким образом, исследовательская теоретическая система исторической психологии выглядит существенно незавершенной, если за ее пределами остается современный реально действующий индивид.

Вопрос о взаимоотношении совокупного и индивидуального исторического опытов достаточно сложен прежде всего в теоретическом плане. Малоизученной остается проблема психологического механизма передачи и ассимиляции исторического опыта.

Отметим, что взаимоотношение опытов на основе переноса, обогащения, научения или каких-либо иных форм его передачи не происходит непосредственно. Почему это так?

Т.М.Титаренко, анализируя этапы саморазвития личности, предлагает использовать прием сравнительного анализа индивидуальной и общечеловеческой истории саморазвертывания человеческой сущности по типу биогенетической рекапитуляции. Но при этом делается важное в контексте нашего исследования замечание: «Так как речь идет о личности, то нужно сопоставлять не онто- и филогенез, а жизненный путь человека и культурную революцию, историогенез человечества» [274]. Применительно к историогенезу индивидуального опыта данное утверждение можно конкретизировать.

Как уже подчеркивалось, по своей природе опыт поколений и опыт индивида представляют собой соответствующую превращенную

форму общественной жизни поколений либо жизнедеятельности отдельного человека. Формы же могут осуществлять связь лишь с помощью и в пределах соответствующих им родовых образований. «Форма служит необходимым мостом к новому, еще неведомому содержанию» – утверждал М.М.Бахтин [30, с.368].

Поэтому совокупный опыт как интегрированный продукт жизни прошлых поколений, возникнув за пределами времени жизнедеятельности ныне живущего, влияет на его единичный опыт не прямо, а вторгаясь в его жизнедеятельность в целом, и лишь затем совокупный опыт определенным образом воплощенный в ней, начинает существовать в форме исторического дополнения к опыту конкретного индивида.

Таким образом, формальный переход: совокупный опыт – единичный опыт в реальности разворачивается в цепочку: жизнь прошлых поколений Π совокупный исторический опыт Π жизнедеятельность индивида Π индивидуальный исторический опыт конкретного индивида (см. рис. 3-1).

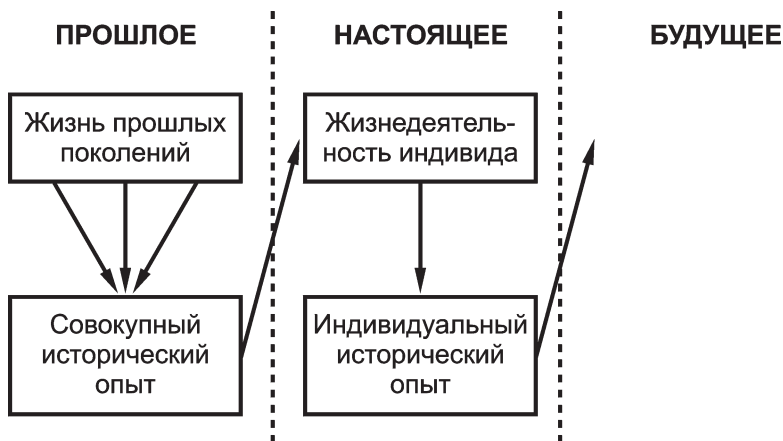

Рис. 3-1

В структурно-динамическом аспекте исторический опыт индивида понимается как часть его социального опыта. Важной характеристикой исторического опыта отдельного человека есть его нормативность, обусловленная общей подчиненностью индивидуального опыта совокупному опыту предыдущих поколений. На этом уровне отношений функцию опосредования берет на себя жизнедеятельность.

Каким же образом опыт поколений ассимилируется человеком в процессе его жизнедеятельности?

Современная философия делает серьезные попытки в общем виде приблизиться к пониманию законов преемственности, механиз-

мов перевода исторического опыта из прошлого в настоящее. В основании некоторых моделей лежат понятия «история, исторический процесс, личность, жизнедеятельность». Например, В.Л.Левченко пишет: «Личность через воспроизводство культурно-исторического опыта вводит прошлое в состав наличного бытия в измененных формах. Но одновременно этот процесс введения ставит личность в отношения тождественности со всей прошедшей историей. Следовательно, в результате воспроизводства опыта личность преобразовывает всю снятую опытом прошедшую культурно-историческую действительность в объект своей жизнедеятельности, и, таким образом, получается, что ее действия как бы направлены на весь исторический процесс, пройденный человечеством в своем развитии, опредмеченный в культурных артефактах, на наиболее отдаленные истоки человеческого бытия» [165, с.96].

Сделаем некоторые уточнения в плане развития теоретических представлений процитированного автора, где основное наше возражение направлено против тезиса о «тождественности со всей прошедшей историей».

Ядром исторического опыта во всем диапазоне его исторических трансформаций являются архетипы, национальные, этнические, религиозные, секулярные, общинные правила жизни, макро- и микросоциальные установки, стереотипы.

Как нам представляется, основные механизмы воздействия исторического опыта на конкретного индивида сводятся к двум: подражание и мотивационно-ценностный резонанс. В первом случае мы имеем дело с разного рода автоматизмами. Большие надежды на объяснительную силу феномена подражания в свое время возлагали основоположники социологии и социальной психологии Г.Тард, Г.Лебон, Ф.Геддингс, В.Парето. Французский социолог Г.Тард рассматривал формирование общества как непрерывный процесс творения нового отдельными и усвоение этого нового остальными путем подражания, повторения – закрепления [272]. Ф.Гиддингс, рассматривая источники социального притяжения индивидов, указывал на подражание и симпатию [77]. В дальнейшем проблема подражания стала более всего предметом возрастной психологии. В контексте передачи исторического опыта она еще требует своего специального изучения. Специфика ее заключается в том, что по определению самого понятия речь идет о непосредственной передаче опыта. Пока лишь нам представляется, что речь не идет об изучении возможных фактов подражания Людовику XIV со стороны нашего уважаемого современника Петренко; более интересна постановка вопроса о непосредственном (согласном, неосознаваемом) подражании целого поколения целому поколению. Интересно, что в таких случаях ка-

кое-нибудь некритическое «заражение идеей» первоначально должно охватить большинство внутри данного живущего поколения. На более высоком уровне мотивационно-ценностного резонанса в культурном измерении речь идет не о каких-либо субъективных действиях «на понижение», образцами для подражания всегда является то, что субъективно оценивается как возвышающее, как постигаемое совершенство. Здесь не важно, что для одних это, например, образцы подлинной демократии, для других – «севрюжина с хреном в центре Парижу».

Согласно нашим представлениям, одним из условий формирования исторического опыта является не исходное тождество ушедших в историю событий и деяний в настоящем времени, а наличие психологического резонанса между ценностными идеализациями из «прошлого» и ценностными ориентациями в «настоящем».

Теоретическая реконструкция первых является, с нашей точки зрения, предметом исторической психологии. От найденных и восстановленных продуктов эпох психологи, по-видимому, должны сделать шаг в направлении реконструкции ценностных идеализаций, таких, за которыми в свое время стояли действительные потребности и мотивы субъектов данного исторического периода. Выявление же ценностных ориентаций в «настоящем» является задачей психодиагностики. Но не только ее.

При изучении вопроса о специфике исторического опыта нашего современника следует учитывать и социальный аспект проблемы.

Одной из функций индивидуального исторического опыта является поддержание, а в иных случаях и восстановление необходимого уровня идентичности индивида. Для этого индивиду необходимо было бы произвести две операции: попытаться уяснить свои исторические корни и, кроме того, свое место в современной социально-психологической ситуации, куда индивид погружен. Решение данной задачи при наличии реально сложившейся советской и постсоветской ментальности может оказываться непростым делом.

Наличие феномена малоценности собственной истории несет в себе значительно более глубокие последствия для психологического здоровья украинского народа, чем это видится некоторым представителям научного истеблишмента.

Тогда тем более возрастает значение исследований процессов ассимиляции исторического опыта конкретными индивидами.

В рамках развиваемого нами ценностно-резонансного подхода к усвоению (присвоению) исторического опыта полезно ввести ограничения в правила отбора ценностей.

Возникшая у человека в ходе жизнедеятельности та или иная ценностная ориентация будет «открыта» для ценности общекуль-

турной, исторически выверенной, и между ними возникнет резонанс в том случае, если обнаружится их структурно-динамическая общность. Но не более. Говорить об «отношении тождественности» параметров прошлого и настоящего в психологическом смысле нет нужды – такого совпадения в историко-психологическом пространстве объективно просто нет. Мыслимая теоретиками идентичность ценностей индивида с некими историческими образцами бесполезна с точки зрения идеи о развитии индивида – ее польза такая же, что и от разглядывания себя в зеркале. Структурно-динамическую общность прошлого и настоящего необходимо воссоздавать в реальной жизнедеятельности, а не пытаться склеивать образцы прошлого и настоящего. Такая общность не является раз и навсегда заданной, застывшей, по своей природе она диалогична. Резонанс ценностей является лишь внешней стороной то возникающего, то затухающего, но непрерывного диалога поколений. Механизм передачи межпоколенного опыта посредством расширения прошлого в собственное будущее раскрывает М.М.Бахтин: «Даже прошлые, то есть рожденные в диалоге прошедших веков, смыслы никогда не могут быть стабильными (раз и навсегда завершенными, конечными) – они всегда будут меняться (обновляясь) в процессе последующего, будущего развития диалога. В любой момент развития диалога существуют огромные, неограниченные массы забытых смыслов, но в определенные моменты дальнейшего развития диалога, по ходу его они снова вспомнятся и оживут в обновленном (в новом контексте) виде. Нет ничего абсолютно мертвого: у каждого смысла будет свой праздник возрождения» [30, с.373].

К проблеме присвоения индивидом опытом поколений можно попытаться подойти со стороны психологии времени.

При анализе природы исторического опыта все указывает на существенность временной координаты, вдоль которой такой опыт простирается от настоящего в прошлое. Однако попытка присвоить ему какую-нибудь численную определенность ни к чему не приводит. Размытость понятий «смена поколений» (скольких?), «в глубь веков» (как далеко?) наталкивает на мысль, что исторический опыт должен измеряться в каких-то иных координатах.

Добавим к этому, что мы обычно без доказательства, следуя современной культурной традиции историцизма, принимаем линейность вектора истории, устремленного из прошлого в будущее, будучи убежденными, что уже преодолели представления древних о цикличности, обратимости времени. Но вот иной пример. Продолжающиеся эксперименты по клонированию, где часть технологии основана на том, что генетический материал проходит во времени

в обратном направлении своего развития, то есть когда фактически речь идет о вхождении в нашу повседневность генетической машины обратного времени, приоткрывают перспективу возможных сдвигов в сфере наиболее фундаментальных представлений современного человечества о взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего. В том же смысле более пристального внимания требует известный социологам маятниковый эффект, некоторые другие явления общественной жизни, не очень поддерживающие идею безусловности общественного прогресса.

Попытка в рамках исторической психологии бросить иной взгляд на проблему времени важна прежде всего в теоретическом плане. Появляется возможность выявить единство темпорального и аксиологического аспектов исторического опыта.

Иногда считают, что замкнутое на себя время древних, манифестирующее вечность, представляет собой исторический факт, никак не встроены в философию развития современного общества. У исторической психологии отношение к данному факту меняется. Если речь идет об историческом опыте конкретного индивида или общества, мы не можем пренебречь свидетельством того, как многовековые древние цивилизации решали для себя фундаментальную для каждого живущего, для всех времен и народов проблему вечного.

То же самое и в отношении средневековья, когда естественной полагалась суперпозиция времен – личного биографического и обнимающего индивида времени между Сотворением мира и Страшным судом. Стремительно растущие числом и умением современные свидетели Иеговы, кажется, безошибочно обнаружили в душе современника эту историческую средневековую добавку. Здесь также легко обнаружить эксплуатацию человеческих ценностей высокого ранга.

Характеризуя проблему восприятия времени в целом, И.Г.Белявский отмечает: «Современность отнюдь не лишена признаков мифического времени. Оно реализует себя в представлениях о цикличности истории в творениях О.Шпенглера или А.Д.Тойнби; в знаменитом «здесь и сейчас» Хайдеггера; в неизменном стремлении остановить прекрасное мгновение, наконец, в яростных потугах некоторых политиков повернуть историю вспять, к так и не состоявшимся мифам о всеобщем равенстве, справедливости и братстве» [32].

Живущие и ушедшие поколения не осуществляют диалог между собой на языке действий и событий. Данные продукты истории вторичны по отношению к каким-то внутренним характеристикам поколения, имеющим идеальную природу. Такие характеристики должны выполнять функцию интеграции и смыслообразования в жизни некоего исторического сообщества. По своему психологичес-

кому содержанию таким характеристикам более всего соответствуют человеческие потребности, прежде всего универсального характера, ранга общечеловеческих ценностей. Именно они прежде всего зашифрованы в историческом опыте поколений.

Можно попытаться предположить конкретный психологический механизм связывания разных временных периодов исторического опыта в единое целое на уровне человеческих потребностей универсального характера.

На языке потребностей возникает резонанс между поколениями. Поэтому задача исторической психологии заключается в отыскании, пускай в стертom, модифицированном виде, проявлений потребностей универсального уровня.

Кажется весьма вероятным, что сама возможность появления единого контура – «прошлое – настоящее» обеспечивается рефлексивным компонентом человеческого сознания, как нитями связывающим периоды и события прошлого и настоящего. Более того, появляется возможность благодаря рефлексии расширить временную координату и в направлении будущего. Мифотворчество из прошлого и нынешнее мифотворчество, фантазии в сфере политики, социологии, искусства для будущего никак не отрываются от элементов действительности в попытке с помощью как «прошлого», так и «будущего» решать фундаментальные вопросы конечности – бесконечности человеческого бытия.

Вернемся к маятниковому эффекту. Если для современного (западного) общественного сознания главенствующей является идея поступательного движения вперед и на тех же основаниях организована жизнедеятельность индивида, то это еще не означает, что данная всеобщая идея непосредственно отражена в индивидуальном опыте человека. Иначе не очень понятно, откуда вообще берется маятниковый эффект, под влиянием которого, заметим, оборачиваются в противоположное не рядовые, а прежде всего ценностно насыщенные ориентации высокого уровня. В повседневной жизни современная поговорка «За что боролись, на то и напоролись» либо сентенция: «Все новое – это хорошо забытое старое» имеют не меньшее хождение, чем оптимистическое: «Завтра будет лучше, чем вчера».

Например, в конфликтологии выделяют характеристику цикличности конфликта, когда конфликт, пройдя все фазы от возникновения до развязки, полностью не снимается и на новом уровне все повторяется [61, 258]. Конфликтотогенными в данном случае могут быть семейные, производственные, микро- и макросоциальные отношения, внутриличностные проблемы. Важно, что такое «качание» конфликта является необходимым, а иногда и единственным способом его разрешения.

Вполне фиксируемые специалистами колебания общественного маятника по какой-либо шкале («плановая экономика» – «рыночные отношения»; «правые» – «левые»; «платное» – «бесплатное» и т.п.) характеризуются периодом, амплитудой, затуханием, точкой возврата и т.д. Такая исчисляемость сама по себе делает весьма привлекательными всевозможные социально-психологические прогнозы.

Причины колебаний маятника кроются в противоречивости существующих у людей ценностных ориентаций, на что обращал внимание еще К.Юнг. Благодаря этому при возвратном движении возникает нечто качественно новое, поэтому колебания измеряются не только по координате времени, но также по значению некоторого «гистерезиса» – психологической разницы, возникающей при возврате между старым и новым опытом (смена целей, изменение установок, разрушение стереотипов и т.п.). В социологическом аспекте такие масштабные «качания» общественного сознания представляют собой совокупный продукт трансформации опыта людей, в психологическом – речь идет о формировании индивидуального опыта как уникального, в котором гармонизированы его временные и ценностные параметры.

Стоит также подчеркнуть, что современный индивид не осознает возвратного движения и колебаний ценностных ориентаций общества в целом, оценивая происходящее как качественно новое движение вперед по стреле времени.

В данном случае индивидуальный опыт проявляет себя как действительная превращенная форма социального аспекта жизнедеятельности, где внешняя алогичность возврата к старому, исходному «порядку вещей» лишь подтверждает его «превращенность». Выясняется также, что реликтовые, с исторической точки зрения, представления о цикличном течении времени древних психологически никуда не исчезают и постоянно воспроизводятся в действительности как сущностные характеристики индивидуального опыта современников. Вероятнее всего речь идет об архетипической части опыта, хотя бы по причине ее неосознаваемости и явной «коллективности бессознательного».

Из всего сказанного выше следует, что при попытке анализа психологической природы исторического опыта возникает цепочка привлеченных понятий: история – историческая психология – исторический опыт. Отношения между ними оказываются далеко не однозначными. Такое происходит в случае, когда проблема исторического опыта субъекта формулируется как проблема субъекта исторического опыта, к тому же нашего современника. При этом сам исторический опыт индивида определен как составная часть его социального опыта.

То, что является неоспоримым для истории, не переходит плавно в сферу исторической психологии. Психологи, описывая различные культурно-исторические феномены, эпизоды минувших лет, находят им различные психологические корреляты, но при этом они мало примеривают добытое в архивах к психологии своего современника, не рассматривают сколько-нибудь пристально исторический опыт как часть индивидуального опыта реального субъекта. История, историческая психология и исторический опыт так и остаются в том времени; в согласии с принятыми методологическими установками психологи оберегают девственность «исторического факта», отводя угрозу влияния современного мировоззрения и т.п.

Проблема реконструкции историко-психологического знания, весьма интересная и глубокая сама по себе, не входила в плоскость нашего исследования. Перед нами стояла другая задача – вернуть исторический опыт на его законное место – в сознание реально действующего индивида. По своему смыслу опыт предыдущих поколений является историческим только для настоящего. Для самих «предыдущих» он не исторический, но экзистенциальный («здесь и теперь») по определению. В отличие от профессиональных историков конкретный индивид всегда и в прошлом и сейчас только то и делает, что накладывает свое субъективное мнение на собственную историю, вовсе не стремясь к установлению объективной истины. Индивид творит себя, собственную историю единожды («без черновиков»), при этом самого себя он осознает скорее человеком в повседневном, чем человеком для истории. Последнее никуда не исчезает и реализуется объективно, вне зависимости от уровня рефлексии данного индивида.

Глава 4. Общая теоретическая модель индивидуального опыта

Предыдущий анализ показал, что опыт как философско-психологическая категория во все времена своего существования в науке анализировался преимущественно в оппозиции к «разуму», «разумному», «рациональному», «теоретическому» и т.п. В отношении к отведенной ему реальности он непременно определялся, выступал в роли объяснительного принципа. Не наполненное конкретным содержанием, данное понятие перестало быть эвристичным по отношению к «бытийности», которую опыт должен был объяснять, т.е., как это не парадоксально, утратил собственную онтологическую базу.

Сделать опыт предметом исследования (исторически точнее – вернуть предмет), означает развернуть его исследование не в отношении к реальности, а в самой реальности, где наличие или отсутствие индивидуального опыта не «проявляется», а выступает как конкретный механизм регуляции жизнедеятельности.

С самого начала понятно, что опыт представляет собой такое психологическое образование, которое дает возможность не только использовать соответствующие задаче знания, умения и навыки, но и определенным способом адаптироваться к условиям жизни, взаимодействовать с окружающим миром, интерпретировать события в мире и себя в этих событиях. Очень важно для дальнейшего анализа подчеркнуть, что всякий человек относится к своему опыту с глубоким уважением, доверяет ему, часто не замечая и даже отмечая недостатки, ясно видимые другими. Человек относится к своему опыту как к личной собственности, суверенность опыта тщательно охраняется. Поэтому предметом психологического анализа может быть не опыт вообще, а индивидуальный опыт.

При анализе работ по проблеме опыта выдающихся философов и психологов разных времен чаще всего приходится задавать самому себе вопрос: о чем идет речь в операциональном смысле? Решение этой задачи оказывается весьма сложным в связи с исторически сложившейся размытостью «опыта» как объекта исследования. Традиционным является употребление многими авторами понятия «опыт» в ранге гносеологической категории. Сложнее обстоит дело с его «онтологией». Необходимо постоянно следить, где опыт предстает в облике феномена восприятия, иного познавательного процес-

са, интроспекции либо строго теоретического понятия. В свое время К.В.Бардин обращал внимание на проблему смешения теоретического и операционального уровней анализа, что характерно для сложных, теоретически еще только становящихся понятий [25].

В понимании опыта как психологической реальности хотелось бы достигнуть уровня определенности типа «мышление это процесс решения задачи» или «память это процесс запоминания, сохранения, воспроизведения, забывания информации». Попытку решить данную задачу предпринял Б.Рассел, стремясь операционализировать или хотя бы определить логический объем наиболее «ускользающе-абстрактного» понятия «чистый опыт» У.Джемса.

Рассел рассуждает следующим образом: «Что мы подразумеваем под «опытом»? Лучший способ найти ответ – это спросить: в чем разница между событием, данным в опыте и не данным в опыте? Дождь, который мы видим или чувствуем, дан в опыте, но дождь, идущий там, где нет ничего живого, не дан в опыте. Таким образом, мы приходим к выводу: опыт есть только там, где есть жизнь» [232, с.737].

Кроме феноменов восприятия, проявляющихся «здесь и теперь», существует еще и другая координата опыта: развертка его во времени, подкрепляемая понятиями «прошлый опыт», «накопление», «память». Рассел анализирует и этот феноменальный аспект опыта: «Но опыт протяжен в пространстве или времени не одинаково с жизнью. Со мной происходят многие вещи, которые я не замечаю. О них едва ли можно сказать, что они «даны в опыте». Ясно, что я переживаю в опыте все, что я помню, но многие события, которые я четко не помню, могли вызвать привычку, все еще продолжающую существовать. Когда-то обжегшийся ребенок боится огня, даже если он и не помнит случая, когда он обжегся. Я думаю, мы можем сказать, что событие «дано в опыте», если оно вызвало привычку. (Память – это один из видов привычки)» [232, с.737].

Объективизировав процессы восприятия и памяти, Рассел заканчивает анализ опыта как психологического феномена, не привлекая на этот раз еще и локковские рефлексивные процессы. В итоге опыт получает статус совокупного феномена, производного от восприятия и памяти, что, как мы можем догадываться, является определенной, скорее всего первоначальной, стадией процесса познания. Самым важным в данном случае является то, что не все подряд из чувственного или событийного перечня переходит в статус «дано в опыте». В опыте отражен прежде всего параметр чувственно-событийного.

Интуитивно ясно, что при таком способе операционализации, когда опыт свидетельствуют «всякое восприятие» и «всякая память», остаются нераскрытыми какие-то иные фундаментальные ха-

рактеристики опыта. Добавим, что в этом случае расширение «опытного поля» в сторону рефлексии, знаний, умений, навыков, интроспекции принципиально ничего не меняет. Выбранный Расселом (или иными исследователями, включающими опыт частью в общий процесс познания) способ анализа представляется ограниченным не только потому, что его источники, по Расселу, следует искать в чувственном, но еще и потому, что он с самого начала явно или неявно ориентирован на сопоставление с родовым по отношению к нему понятием – сознанием, а не жизнедеятельностью.

Как мы убедились ранее, история вопроса свидетельствует о том, что возможности изучения опыта внутри парадигмы «опыт – сознание» в значительной мере уже исчерпаны усилиями Локка, Беркли, Юма, Канта, Джемса, Вундта и др. На самом же деле его онтология реализуется не в рамках познавательных процессов, а в процессе всей жизнедеятельности человека. Речь идет не о расширении феноменального пространства опыта, а изучении его в рамках новой парадигмы: «опыт – жизнедеятельность». Исторически перевод проблематики в такое русло уже наметился в философии прагматизма, в частности у того же У.Джемса. Однако его теория выглядит внутренне расщепленной: с одной стороны – монистическая ортодоксия «чистого опыта» почти берклианского типа, с другой – возведение опыта в ранг основной категории человеческого действия. Известная парадоксальность некоторых идей Джемса есть, по нашему мнению, следствие его попыток соединить монизм и двойственность психического, данное абстрактное и иное практическое.

Процесс смены парадигмы стал необратимым, после того как в рамках гуманистической психологии опыт стал пониматься как психическое образование, обнаружившее свою решающую роль в формировании, развитии и трансформации личности.

Как нам представляется, при экспериментальном изучении индивидуального опыта критериальным для экспериментатора является отношение самого субъекта к каким-либо своим возможностям и достижениям (знания, умения, навыки, самооценки, оценки, интерпретации, установки, намерения, воспоминания и т.д.) как к своей психологической собственности. Представление о том, что нечто психологически особенное принадлежит субъекту, возникает у него хотя бы после одного случая использования этого психологического нечто (психологически принять, сделать своим означает применить).

Данный феномен материализации объекта исследования – индивидуального опыта – позволяет измерить ведущую осознаваемую субъектом часть его индивидуального опыта.

Не менее важной составляющей индивидуального опыта является также ее неосознаваемая часть. В данном случае речь идет не о каких-либо уровнях бессознательного («темных подвалах человеческой психики»). Так, например, сублимация как таковая не имеет непосредственного отношения к способности человека осуществлять поведенческие программы в соответствии с возникающей ситуацией, не входит прямо в структуру опыта, не является его динамической характеристикой.

Вспомним Рассела: «...событие «дано в опыте», если оно вызвало привычку». В основе образования «привычки» лежат соответствующие психологической природе опыта процессы интеграции отдельных первичных осознаваемых элементов опыта, «событий». Образованные структурные комплексы обладают качеством субъективности и суверенности, «обкатываются» индивидом в разных ситуациях повседневности и, следуя правилу научения, перестают осознаваться субъектом. При этом неосознаваемость параметров опыта не является абсолютной в силу динамической природы их формирования, когда амплификация (обогащение) данных структур основана на постоянном переводе значимой информации между осознаваемым и неосознаваемым уровнями индивидуального опыта. Следует также полагать, что к индивидуальному опыту имеют прямое отношение нерелефлексивные надсознательные (А.Асмолов, В.Петровский) структурные составляющие опыта, производные от мотивационно-ценностных ориентаций личности. В результате в индивидуальном опыте образуется особый класс латентных структур социального, личностного и мнемического уровней. Латентные структуры образуются из совокупности тех элементов опыта, которые оказываются психологически связаны между собой по типу много-многозначной связи.

Типичным примером таких структурных комплексов являются стереотипы. Сюда же можно отнести структурный комплекс – самооценку, как обобщенную меру отношения к себе как к ценности, – которую индивид представляет как индивидуальную «стоимость» (Хоманс). Иной пример – недифференцированная оценка собственного «детства». Эти и другие латентные структуры, входящие в общую структурно-динамическую модель индивидуального опыта, будут подробно рассмотрены в последующих разделах.

В основу нашего исследования была положена методология системного подхода. Время показало, что в условиях серьезного методологического кризиса советской и постсоветской психологии последнего времени системный подход один из немногих доказал свою эвристичность. С самого начала в нем была заложена необходимость

мультипарадигмального представления о природе психического. В советское время на этих позициях развивали психологическую науку Б.Г.Ананьев и в целом Ленинградская школа, Б.Ф.Ломов, П.И.Зинченко, В.П.Зинченко, К.С.Абульханова-Славская и др. [2, 3, 9, 10, 111, 112, 182, 184]. Против односторонности в понимании психических явлений на методологическом, теоретическом и, что не менее важно, на прикладном уровнях неоднократно выступал Г.С.Костюк и его последователи [23, 141, 142]. Методологический подрыв монизма в психологии произвел Э.Г.Юдин [307].

Один из принципов системного подхода говорит о том, что система психических явлений должна рассматриваться как многоуровневая, включающая ряд подсистем, обладающих различными функциями.

Еще ранее системная точка зрения в исследовании означала движение от функционально данного целого к структурно данным частям, где сама структура была функциональным понятием. Такое представление первоначально утвердилось в кибернетике (А.Розенблут, 1943; Н.Винер, 1943; Л.Берталанфи, 1951; Р.Акофф, 1962) [8].

С.Л.Рубинштейн так характеризует познавательные возможности структурного подхода: «Основа, порождающая другие связи, причина этих связей – структура, т.е. структурные связи, – объединяют отдельные элементы, аспекты или стороны в единое целое. Многие, и притом важные, законы именно выражают структуру связи. Именно структура связи, объединяющая разные стороны в одно единое целое, и является той внутренней связью, которая образует внутреннее условие, опосредствующее суммарный эффект действия внешней причины» [241, с.365].

Сходную по замыслу задачу выделения и измерения инвариантных структур ставили представители структурно-функциональной социологии Хоманс и Блау, стремясь к «натурализации» социологии путем выяснения универсальных верифицированных элементов социальной жизни [245, с.193]. Системный анализ структуры человеческой деятельности как совокупности ее синхроничной и диахронической сторон был проведен Г.С.Костюком [141, 142].

Ю.Л.Трофимов, анализируя трансформативные процессы в ходе усвоения нового опыта (обучения), подчеркивает динамически-континуальную основу взаимосвязи системы и структуры: «Смена закономерностей означает трансформацию одной структуры системы в другую. Однако новая структура системы может складываться только в случае перехода через состояние системы, которое отвечает предыдущей и последующей структурам» [278, с.60]. В наличии и

необходимости такого рода переходов просматриваются источники структурно-динамической организации индивидуального опыта.

Проблема индивидуального опыта по объему и сложности самого понятия и по его уникальностной и холистической природе такова, что сразу сталкивается с другой, не решенной до сих пор проблемой перехода от парадигмы структурно-функциональной, к парадигме духовного, аксиологического, уникального.

Структурный подход как и его собрат – структурализм в целом оказываются непроницаемыми для духовности. Приписывая индивидуальному опыту вдогонку личностные, ценностные и даже эсхатологические ориентиры, мы не делаем, однако, последние его (опыта) внутренней необходимостью.

Иной упрек можно отнести к духовной парадигме, которая в связи с чуть ли не космической широтой захвата проблемы опыта становится все более пустой, психологически неподвижной как и ее теоретический оппонент – структурализм.

Невозможно переоценить вклад выдающихся психологов-экзистенциалистов, разработавших теоретические подходы к проблемам самоактуализации, свободы, смысла жизни, жизненных идеалов, к которым может и должен устремляться каждый и которых достигают немногие. Однако, парадокс состоит в том, что глубоко гуманистическая по своему замыслу этика экзистенциальной психологии постепенно обнаруживает в себе собственное отрицание. Многочисленные идеализации как бы парят над «пространством возможного», начинают существовать автономно, в то время как «народ повседневноичает», продолжая осуществлять свои выверенные опытом жизненные отправления.

Здесь был как бы отодвинут на второй план фундаментальный принцип: всякий человек есть универсум и равнодоин иному. Послушаем Сенеку: «Ни один человек не благороднее другого, даже если его духовная сущность более высоко организована и более способна к благородному знанию. У всех у нас одна прародительница – природа... Заблуждается тот, кто считает, что положение раба накладывает отпечаток на все человеческое существо: более благородная часть последнего остается нетронутой» [341. Цит. по: 301].

Такую этику и культуру бытия в наше время выразительнее многих реализовал Альберт Швейцер, который собственной экзистенцией доказывал, что альтернативой управлению, формированию, развитию по образцам является трепетное понимание, взаимопомощь, равный обмен.

Психология как часть культуры действительно должна декларировать и укреплять идеи высокой духовности как общечеловечес-

кой ценности, однако как часть научного знания психология должна, по крайней мере, стремиться решать задачу операционализации понятия «духовность».

Проблемой для психологии остается то, что духовность часто приобретает статус некоей непротиворечивой «энтелехии», тогда как в реальности психология постоянно имеет дело с переплетением пар: божественное и дьявольское, старое и новое, стереотипное и уникальное и т.д. и т.п.

Споры вокруг проблемы взаимоотношений объективных структур и субъективных феноменов не утихают и по сей день. Оба таких подхода обладают качеством самопроизводства. Если не отбрасывать с порога одну из сторон, то возникает вопрос о поиске такого бытийного пространства, где бы эти два противоборствующих подхода примирились ввиду объективной неполноты каждой из них. По мнению представителей гуманитарных наук, таковой является человеческая деятельность, практика. Развивая далее это положение, мы можем предположить, что в рамках психологии такой объединяющей категорией может выступить жизнедеятельность субъекта. Жизнедеятельность по определению уже содержит в себе в снятом виде и духовное, и структурное индивидуального опыта. Вся проблема состоит в том, чтобы при разворачивании структурной композиции опыта сохранить такие его параметры, которые характеризуют его как целостность.

К ним относятся не только и не столько параметры общекультурные, исторические, этические, мотивационно-ценностные, с чем обычно ассоциируется «духовное». Целостность как способ удержания духовного применительно к опыту воплощена во всяком психологическом факте, но обязательно рассмотренном и понятом в масштабе человеческой жизни. Поэтому и структура опыта должна быть изучена как динамическая структура.

Совокупность сформулированных здесь требований к изучению опыта способна, по нашему мнению, объединить теоретически и на практике системный подход.

В этом случае становится понятно, в каком направлении необходимо «распредмечивать» структуру индивидуального опыта.

При изучении структуры индивидуального опыта исследовательский вектор задается положением, которое Б.Ф.Ломов формулирует так: «Можно выделить три основные неразрывные взаимосвязанные подсистемы: когнитивную, в которой реализуется функция познания; регулятивную, обеспечивающую регуляцию деятельности и поведения; коммуникативную, формирующуюся и реализующуюся в процессе общения человека с другими людьми» [182].

Выделение трех самостоятельных частей в структуре опыта с разными вариациями неоднократно производилось в истории науки в зависимости от теоретических установок авторов. При этом всякий раз в ту или иную теоретическую модель закладывались стабилизирующая, регулирующая и коммуникативная функции опыта.

Уже у Дж.Локка три аспекта опыта представляют собой перцепцию, память и рефлексию; Н.Ланге усматривал одновременное осуществление опыта в психофизиологических реакциях, продуктах интроспекции и приспособительных надситуативных действиях; в модели Д.Дьюи – Дж.Мида детерминации опыта определены как биологическая, ценностная, социальная; наконец, у К.Роджерса – познать свой опыт означает иметь доступ к собственным социальным требованиям, личным потребностям, воспоминаниям.

И.Мейерсон также предлагает структуру опыта, в основании которой находится глобальный опыт, равновеликий сумме психических возможностей и достижений. В свою очередь он складывается из двух частей: одна исходит из социальной сферы деятельности, другая вычерпывается из материальной среды. При этом социальная часть глобального опыта является первичной, задающей программу развития индивидуальной психики [34]. Неэксплицированный в данном случае личностный компонент содержится в широко понимаемой Мейерсоном социальной сфере деятельности и оказывается наиболее трудным для анализа в контексте решения общих задач исторической психологии.

По существу, в каждом из перечисленных случаев мы обнаруживаем стремление исследователей представить человеческий опыт в виде определенной трехкомпонентной структуры, служащей каркасом для дальнейшего теоретического и экспериментального исследования опыта как психологической системы, способной к функционированию и развитию.

Выясняется одно – ближайшим признаком индивидуального опыта выступает его структурированность. Отсюда главной психологической характеристикой опыта становится его структурная организация. Фактически его исследование в качестве первых шагов представляет собой отыскание различных структурных компонентов опыта. Можно далее предположить, что связи между различными структурными образованиями подвижны, т.е. сама организация опыта носит структурно-динамический характер.

Структурно-динамическая организация – это общее понятие, отражающее специфику индивидуального опыта, заключенную в единстве его структуры и динамических преобразований, направленных на обеспечение стабилизации и регуляции жизне-

деятельности в условиях неопределенности ее осуществления в настоящем и будущем.

Представление о человеческом опыте как о психологическом инструменте, обеспечивающем стабильность его жизнедеятельности, является верным лишь частично. Опыт каждого конкретного индивида является еще и регулирующим образованием.

Сама по себе структура или даже структурно-уровневая композиция из соответствующих компонентов «не играет», становится априорной, если не высветить опыт как динамический процесс. Смена акцентов в исследовании от строго структурного изображения к структурно-динамическому срезу позволяет найти решение для ряда трудных вопросов теории опыта. В частности, обозначается механизм и становится понятной динамика формирования индивидуального опыта в координатах прошлого, настоящего и будущего; появляется возможность содержательно определить его системообразующий фактор; становятся теоретически более обоснованными психологические механизмы трансформации опыта в переходный период.

В рамках парадигмы «жизнедеятельность – опыт» осуществляется решающий в понимании динамической природы опыта выход последнего из локковского «настоящего» в прошлое и будущее данного индивида, время опыта становится соизмеримым с протяженностью жизненного пути.

Отсюда вытекает, что движущей силой формирования и развития опыта является взаимодействие «будущего» и «прошлого» в каждый настоящий момент человеческой деятельности. Генетически отношения между будущим и прошлым имеют характер противоречия, конфликтны.

Над стремлением опыта к стабильности, интеграции и накоплению всякий раз нависает «тень будущего». В принципе ни один элемент, ни одна функциональная единица опыта не могут считаться абсолютно неизменными в процессе жизнедеятельности. В связи с необратимостью времени, вектор которого направлен из прошлого в будущее, отношения между прошлым и будущим (старым и новым опытом) неравноправны. Прошлое ориентируется на будущее абсолютно и подчиняется ему. Будущее ориентируется на прошлое относительно, лишь как на средство обеспечения продвижения индивида вперед. В отличие от прошлого ориентация на будущее имеет ранг системообразующего фактора, определяет динамику развития опыта, но только при условии действительного взаимодействия с прошлым. Благодаря такому взаимодействию динамическая составляющая опыта приобретает параметры скорости развития:

формирования, адаптации, эволюции и инволюции. Оторвавшееся от прошлого движение вперед разрушает опыт, делает его пустым, бессодержательным.

Человечество как биологический вид и как социальная общность старается придерживаться таких условий жизнедеятельности, при которых скорость необходимых трансформаций опыта не выходила бы за некоторые пределы на организмическом, психологическом и социальном уровнях. Когда с возрастом или в силу иных обстоятельств индивид не справляется с открывающимся ему будущим на уровне организма или психики, эволюция опыта сменяется инволюцией. Точно так же, слишком скоростные сдвиги в социальном плане, например в случае смены общественного строя, приводят к дискредитации и девальвации старого опыта при том, что новый опыт не успевает укрепиться в ранге структурного образования индивида. В каждом из таких случаев индивид проявляет способность к реконструкции опыта соответственно меняющимся условиям жизни. Конкретные виды и формы адаптации будут рассмотрены в последующих разделах.

Итак, мы исходим из того теоретико-методологического представления, что психологическую основу опыта составляют не сами по себе социальные, социально-психологические, индивидуально-психологические либо когнитивные факторы и компоненты, а прежде всего их структурно-динамическая организация.

Представление о структурировании опыта сразу позволяет произвести две полезные операции отсечения лишнего как в феноменальном (снизу), так и теоретическом (сверху) планах.

Во-первых, выясняется, что не все из внешнего мира, с чем индивид вступает во взаимодействие, становится характеристикой его опыта: не всем он овладевает, не все запоминает, не все осознает, не все использует и т.д. Наличие своеобразных «входных билетов» на пути к опыту является исходной предпосылкой его структуриации.

Во-вторых, для многих теоретиков наличие в опыте структуры как таковой представляется фактом самоочевидным, беспредпосылочным. Отсюда, в лучшем случае, роль может идти о различиях в «наборе» факторов, входящих в эту самую структурную организацию. Список часто кажется неполным, если там нет чувственного, мыслительного, языкового, профессионального, коллективного, религиозного, исторического компонентов опыта, не включены непосредственно знания, умения, навыки и т.п. В результате генеральный список, если учесть мнение всех, даже терминологически включает в себя едва ли не все разделы и отрасли психологического знания.

Смысл же выявления психологической структуры опыта состоит в установлении приоритетных подструктур, компонентов, классификаторов и т.д., что в конечном итоге позволяет обоснованно ограничить психологическое пространство взаимодействующих факторов, определяющих композицию индивидуального опыта, в соответствии с его уровневой природой и организацией.

Проведенный нами предварительный анализ позволяет выдвинуть гипотезу о том, что опыт как психологическую реальность необходимо искать в пределах трех сфер активности субъекта – социальной, личностной и мнемической.

Вычленение именно этих подструктур как необходимых и достаточных в общей структурно-динамической организации опыта определяется следующими критериями:

1. Обеспечение реализации опыта во всем пространстве жизнедеятельности. Социальный, личностный и мнемический компоненты опыта отражают весь реальный диапазон жизнедеятельности человека, его «глобальный опыт» (Мейерсон) от социального до материального. Наоборот, в структуру опыта не включаются витальные, организмические потребности. В нашем исследовании мы не вводили в опыт поведенческие реакции человека на организмическом, витальном уровне, в основе которых лежат инстинкты и безусловно – рефлекторная активность индивида. Им была оставлена роль предпосылок, находящихся на периферии рассматриваемой нами модели индивидуального опыта. Кроме ограничений «снизу» пространство индивидуального опыта имеет также и «верхний» предел – он не переходит непосредственно в исторический опыт поколений либо совокупный опыт групп, слоев населения, мирового сообщества и т.п. Последние выступают в функции общей социокультурной системы координат, соотносящейся не с опытом, а с жизнедеятельностью индивида в целом.

Что положено в основу выделения социального, личностного и мнемического компонентов опыта?

Целесообразность выделения первых двух выглядит достаточно обоснованно, так как здесь определены две основные ипостаси человеческого развития: личностная и социальная. Более того, если бы родовой по отношению к индивидуальному опыту была категория деятельности (совокупность деятельностей), данные подструктуры были бы не только необходимы, но и достаточны для описания опыта как целого. В случае, когда задающей структуру опыта является категория жизнедеятельности, обнаруживается необходимость введения дополнительной подструктуры, такой, которая охватывает и описывает временную координату опыта в масштабе жизненного

пути человека. В нашем исследовании соответствующая подструктура получила название мнемической. Близкими, но не совсем точными в контексте структурно-динамического подхода являются понятия «прошлый опыт», «биографический опыт».

Мнемический опыт выполняет прежде всего задачу накопления и интеграции следов памяти вокруг некоторых значимых моментов биографического времени. В процессе интегрирования различные мнемические комплексы превращаются в специфические подвижные структуры мнемического опыта, становясь его базовыми характеристиками.

Таким образом, существуют основания для вывода о том, что трехкомпонентная структура индивидуального опыта адекватна социально-личностно-биографическому пространству человеческой жизнедеятельности.

Поскольку в данной концепции речь идет о взаимосвязи не только структурных, но и динамических характеристик опыта, то и сама модель опыта может быть понята как структурно-динамическая.

Соответствие выделенных компонентов общим критериям структурно-динамической организации позволяет считать, что они отражают объективную реальность и поэтому являются основными подструктурами индивидуального опыта.

2. Совместимость подструктур. Внутриуровневое попарное взаимодействие подструктур предполагает наличие трех возможных типов взаимодействий: а) социум – личность; б) социум – память; в) личность – память.

Существование таких типов связей не требует дополнительных доказательств. Отметим только интенсивную в последние годы разработку проблемы «память – личность» (Н.П.Крейдун, Е.С.Махлах, Г.К.Середа, А.С.Ячина и др.) [145, 197, 198, 253, 254, 317]; проблемы «память и общение» (Б.Ф.Ломов, И.М.Мельник, Т.В.Сергеева и др.) [182, 183, 201, 247]; многочисленные исследования по проблеме «личность – социум» (А.Г.Асмолов, А.К.Дусавицкий, Р.Гонсалес, А.Т.Ишмуратов, В.Ф.Моргун, В.А.Петровский, В.Д.Титов и др.) [18, 19, 84, 100 – 102, 121, 205, 221, 222, 276]. В рамках разрабатываемой нами модели подструктуры опыта благодаря связи между собой обнаруживают новое содержание внутри общей структуры индивидуального опыта.

3. Различие функций. Взаимодействующие подструктуры одновременно должны иметь собственное психологическое содержание, которое в данном случае обеспечивается их различной функциональной направленностью.

Функция «социального опыта» в общем виде состоит в обеспечении взаимодействия индивида с социумом, собственной социальной роли, адекватной перестройки способов и средств социальной активности в изменяющемся обществе.

Функция «личностного опыта» состоит в накоплении и применении различных интерпретационных комплексов, позволяющих оценивать себя, других, явления и события во внешнем мире, определять и корректировать собственное поведение и личностное развитие.

Функция «мнемического опыта» заключается в накоплении, систематизации и интеграции распределенной в биографическом времени информации с разной мерой ее удаленности от настоящего.

Таким образом, для социальной, личностной и мнемической подструктур опыта соответственно определены функции: «взаимодействия», «интерпретации» и «интеграции».

4. Иерархия подструктур. Выделенные нами подструктуры индивидуального опыта способны выстраиваться в отношении субординации к жизнедеятельности индивида и друг к другу. Важно подчеркнуть, что в процессе формирования и реализации некоторой программы поведения доминирующей может быть любой из компонентов опыта: социальный, личностный, мнемический, т.е. отношения между ними жестко не фиксированы и носят характер гетерархических.

5. Системообразующий фактор. Важной задачей системного анализа опыта человека становится выделение системообразующего фактора в таком структурно-динамическом образовании, каким является индивидуальный опыт.

В методологии психологии устоялось представление о том, что системообразующий фактор является одной из главных характеристик системы и, если более категорично – без его выделения системный анализ не является полным. Решение данной задачи в каждом конкретном случае является весьма сложным делом, но, если она решается, исследование понятия действительно приобретает системообразный вид, как, например, это продемонстрировал в области психофизиологии академик П.К.Анохин [12]. Применительно к психологии памяти в том же ключе плодотворно решал проблему Г.К.Середа [256]. Вместе с тем, во множестве случаев системообразующему фактору уготована фигура умолчания. И дело здесь не в отсутствии изобретательности или необходимого прилежания исследователей. Возможности реализации в той или иной мере системного подхода зависят прежде всего от уровня теоретической и экспериментальной разработанности на данный момент исследуемого предмета.

Как уже говорилось, понятие «индивидуальный опыт» как психологическое еще не достигло уровня теоретической целостности, фактически, перед нами стоит задача перевода категориального аппарата философии в плоскость психологических представлений.

Системообразующий фактор по своей природе является прежде всего внутренней характеристикой опыта человека. Поэтому его источники нужно искать в том, что уже сложилось у человека «теперь». Одновременно «системообразование» не осуществляется, если нет влияния из будущего, отсутствует модель «потребного будущего» (Н.И.Бернштейн, П.К.Анохин). Налицо парадокс – наличный опыт развивается благодаря самому себе, выдвинутому в собственное будущее, откуда и совершается его регуляция.

Благодаря чему возникает способность опыта к самоорганизации. В этом месте мы обращаем внимание на телеологический аспект опыта, на его возможность саморегуляции с учетом позиции собственного будущего. «То, что действует и оказывается действенным в опыте и переживаниях, – это целенаправленный жизненный план» – писал в свое время А.Адлер [7, с.101].

Следуя принципам системности, мы будем исходить из того, что «стабилизационный» и «телеологический» факторы опыта («ретенциональный» и «интенциональный» – Г.К.Середа, 1977) не противоречат друг другу и совместимы; в соответствии с принципом дополнительности они структурно дополняют друг друга. Совмещение этих двух факторов делает пространство опыта полным.

О характере взаимоотношений прошлого и будущего Т.М.Титаренко пишет: «Наше прошлое содержит в себе в превращенном виде будущие формы поведения человека. Приобретенный опыт является действительным богатством, которое помогает человеку создавать определенные образы, идеи, творения, мотивирует решающие поступки» [275, с.324]. В конкретном временном измерении опыт сориентирован на такой результат повседневной деятельности, вообще – жизнедеятельности, который эффективен с точки зрения субъекта собственного опыта. То есть системообразующим фактором индивидуального опыта выступает его ориентация на будущий полезный результат жизнедеятельности человека.

Таким образом, мы перечислили основные критерии системы индивидуального опыта, выполнение которых позволяет перейти к созданию его теоретической модели.

Положенная в основу нашего исследования структурно-динамическая концепция индивидуального опыта существенно отличается от других разного рода формализаций.

С точки зрения структурно-динамической организации индивидуальный опыт понимается не как сумма различных знаний, умений, достижений, а как определенная интегрированная целостность, которая имеет только ей присущие признаки и особенности. Последние формируются в процессе жизнедеятельности, закреп-

ляются в виде различных структурно-динамических образований, обеспечивающих достижение полезных результатов жизнедеятельности.

Здесь все составляющие модели структурно-динамической организации означают, что жизнедеятельность проецируется особым образом (превращенная форма) на структурно-динамическую основу опыта. Кроме того, сами проекции не только вбирают в себя жизнедеятельность индивида как онтологический феномен, но и охватывают более широкий спектр социальных и исторических детерминаций самой жизнедеятельности.

Предлагаемая модель индивидуального опыта на данном этапе исследования представляет собой гипотетический конструкт, в котором могут быть определены следующие аспекты: а) категориальное пространство; б) главные подструктуры; в) покомпонентно распделенные функции (см. рис. 4-1).

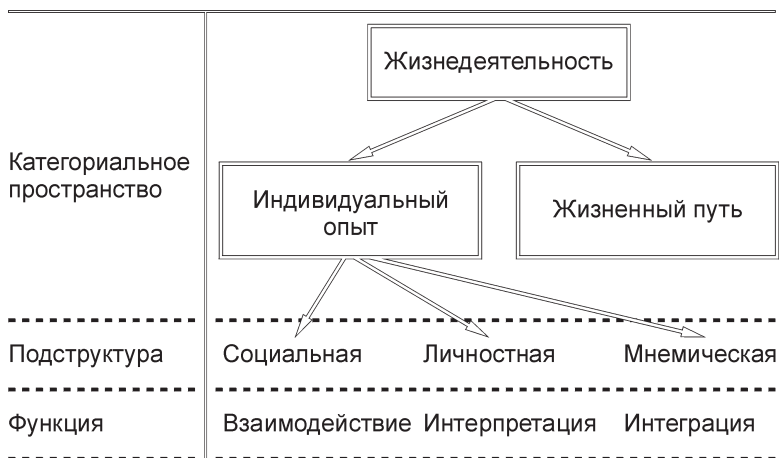

Рис. 4-1

Категориальное пространство опыта включает родовое понятие «жизнедеятельность», превращенной формой которой является индивидуальный опыт, а также сопоставимое по логическому объему и содержательно связанное с опытом понятие «жизненный путь».

Выделяются три основные подструктуры опыта: социальный, личностный, мнемический. Каждая из них является самостоятельной характеристикой опыта, имеет собственное содержание, генезис и функции.

Соответственно подструктурам речь идет о наличии в индивидуальном опыте параметров (функций) взаимодействия с други-

ми, интерпретации себя и окружающего мира, интеграции мнемических следов.

Данная теоретическая модель задает программу экспериментальной части исследования, цель которой заключается в раскрытии конкретного психологического содержания выделенной трехкомпонентной структуры индивидуального опыта, базовых характеристик соответственно каждой из подструктур.

Основная гипотеза исследования состояла в том, что индивидуальный опыт в своем генезисе является превращенной формой жизнедеятельности и представляет собой трехкомпонентное структурно-динамическое образование. Его социальный, личностный и мнемический компоненты в своей совокупности обеспечивают саморазвитие индивида и регуляцию его взаимоотношений с внешним миром во временном континууме прошлого, настоящего и будущего. Системообразующим фактором организации и функционирования опыта является ценностная ориентация индивида на оптимальный результат жизнедеятельности.

Психологическое измерение структурно-динамической организации индивидуального опыта имеет определенную специфику.

В отношении метода исследования проблема опыта в соответствии со своим местом в психологической науке оказывается на пересечении экспериментального и экспириентального подходов. Как известно, объединение или хотя бы корректное совмещение измерительных и описательных процедур представляет нелегкую, «длящуюся» задачу последних десятилетий. Она не решена до конца и к настоящему времени, хотя возможность совместимости номотетического и идиографического подходов все более поддерживается в психодиагностике. Как замечает Л.Ф.Бурлачук, «мы покидаем пространство «или – или» с его вечными спорами о преимуществах тех или иных методик и переходим в другое, допускающее существование тех и других. Системный принцип множественности описаний разрешает сосуществование подходов, полагаемых в качестве альтернативных» [53, с.37].

Индивидуальный опыт личности относится к классу системных образований со сложной многопараметровой структурой, данной субъекту в виде как явного, так и неявного знания о себе и окружающем мире. Внешнему наблюдателю опыт другого презентирован не прямо как таковой, а опосредованно в виде отдельных параметров функциональных связей между уровнями структурной организации.

Изначально субъект измерения понимался нами как «измеренная индивидуальность», в соответствии с концепцией измеренной

индивидуальности (Л.Ф.Бурлачук, 1989), согласно которой теоретические обобщения строятся на основе непосредственно получаемых результатов экспериментального (психодиагностического) исследования, где личность предстает в качестве индивидуальности [55].

Здесь базовыми характеристиками индивидуального опыта являются те, которые соотносимы с основными составляющими его структурно-динамической модели: личностной, социальной и мнемической; дополнительными показателями являются те, что соотносятся с вторичными составляющими индивидуального опыта (ощущение, восприятие, знания, умения, навыки, язык и др.).

Сложность объекта исследования, невозможность его адекватного исследования без учета социального контекста не только стимулировали создание целого ряда оригинальных методических приемов, но и выявили ряд насущных проблем психодиагностики, требующих достаточно быстрого разрешения в обозримом будущем.

Трудности в измерении, о которых следует прежде упомянуть, возникают в соответствии с общим состоянием дел в психодиагностике, которая «продолжает находиться на периферии психологического знания» [54]. Дело даже не в том, что в последние годы появилась масса «нелегитимных» тестов, которые, как замечает Л.Ф.Бурлачук, «не диагностируют ничего, кроме дурного вкуса разработчика», и, по этой причине, «не имеют аналогов ни в нашей стране, ни за рубежом» [Там же]. Проблема состоит в катастрофическом устаревании конкретного наполнения разного рода уже апробированных и доказавших свою валидность опросников, отставании их от «социологии момента», изменившихся мотивационно-ценностных ориентаций субъектов психологических испытаний.

Стандартные ответы испытуемых во множестве случаев не успевают за динамикой изменений в массовом и индивидуальном сознании, что затрудняет прогноз поведения людей в новых условиях жизни. Привычный инструментарий психодиагностики требует реадaptации, в частности в связи с массовым появлением новых и исчезновением из активного словаря людей старых слов, семантическими сдвигами в языке.

Решение проблем адекватности измерительных процедур или хотя бы их значительное смягчение проводилось нами за счет создания собственных методических средств.

С этой же целью планирование экспериментов осуществлялось с учетом требования экологической валидности, с нашей точки зрения, перспективного при изучении индивидуального опыта.

В зарубежной, в частности американской, психологии, под экологической валидностью понимается степень соответствия обстанов-

ки, окружающей испытуемых в ситуации исследования, свойствам ситуации повседневной жизни [76].

У.Найссер считает, что требование валидности выполняется, если наблюдается соответствие теоретических представлений той реальности, в которой осуществляет свою активность субъект [207].

За этим стоит требование сведения к минимуму активной роли экспериментатора, а также формулирование инструкций и задач языком, максимально приближенным к житейскому. Такое представление об экологической валидности сдвигает технику экспериментирования в направлении естественного эксперимента, что мы учитывали, изучая различные аспекты индивидуального опыта.

Основными измеряемыми характеристиками в нашем исследовании явились субъективные оценки испытуемого в соответствии с принятым нами пониманием индивидуального опыта как субъективного, как «моего» опыта. В связи с этим мы стремились предлагать испытуемым такие задания, которые ему понятны по содержанию и формулировке, соответствуют его повседневности, реальной жизнедеятельности, знаниям, умениям, навыкам, реальному социуму. Чаще всего испытуемый имел возможность высказывать суждения о себе, других людях и мире в свободной форме либо оценивать ситуации, близкие ему в житейском плане.

В данном исследовании мы постоянно стремились к получению таких «сырых» первичных результатов, которые могли бы иметь количественную меру, широко используя способность субъекта оценивать реальность в шкалах порядка, интервалов и отношений (С.Стивенс) [266].

Существенное значение также приобрела факторизация первичных показателей измерения в соответствии с общетеоретическим представлением о том, что параметрами индивидуального опыта являются комплексы взаимосвязанных субъективных оценок индивидом себя, других, среды и их взаимодействия в прошлом, настоящем и будущем. «Центральная задача метода – переход от совокупности непосредственно измеряемых признаков изучаемого явления к комплексным обобщенным факторам, за которыми стоят комбинации исходных признаков, выделяемых на основе их внутренних закономерностей, отражающих структуру исследуемой области явлений» [56].

Благодаря факторному анализу появляется возможность выявить качественно новое психологическое содержание, отражающее внутреннюю связь между отдельными элементами опыта (фактами, суждениями, навыками и т.д.), которое самими испытуемыми не осознается, поскольку относится к разряду латент-

ных психологических образований индивидуального опыта. Тем самым возникает принципиальная возможность расшифровки психологического содержания нерелефлексивных подсознательных и надсознательных структурно-динамических составляющих индивидуального опыта.

Итак, целостное представление о психологической природе опыта по-прежнему остается одной из неразработанных тем психологии. Центральным при этом становятся вопросы о структуре и характере трансформаций индивидуального опыта. Попытки ответить на данные вопросы теоретически и с помощью экспериментальных процедур представлены в следующих разделах.

Раздел 2

СТРУКТУРНО-ДИНАМИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ОПЫТА

Согласно развиваемой нами трехкомпонентной модели индивидуального опыта, в его состав входят социальная, личностная и мнемическая подструктуры, каждую из которых нам предстоит рассмотреть более подробно. Так как все они являются подструктурами одного уровня, то последовательность их рассмотрения в дальнейшем не является решающим фактором. Тем не менее, они будут анализироваться в обозначенном выше порядке в связи со следующими замечаниями.

В ходе жизнедеятельности равная среди других в структурном отношении социальная сфера опыта выделяется по широте и разнообразию обслуживающих жизнедеятельность индивида функций. Уже с момента рождения именно через взаимодействие с другими возникает первичный опыт ребенка, создавая предпосылки для формирования личностного и мнемического опытов. Можно утверждать, что и исторический опыт также первоначально ассимилируется посредством социального опыта, становится его частью.

Наконец, социальный, личностный и мнемический компоненты опыта отличаются в динамическом аспекте. Если бы процесс жизнедеятельности был раз и навсегда упорядоченным, на достижение чего и направлен опыт в целом, вопрос о его динамической составляющей не возникал бы вообще. В этом случае жизнедеятельность превращается в непрерывный ритуал, а индивидуальный опыт становится тождественным памяти. В реальной действительности все происходит скорее наоборот. Резкое изменение условий жизнедеятельности приводит к смене приоритетов: более чувствительной оказывается социальная сфера опыта, в ней в первую очередь индивид ищет опору для упорядочения жизни в новых условиях. Трудно удержаться от имеющейся у всех на слуху «законотворческой» параллели: опыт, словно некий законодательный орган, вначале воспринимает некоторые значимые моменты жизнедеятельности «в первом чтении» (социальная сфера), затем «во втором» – (личностная сфера), и, наконец, фиксирует в виде «закона» – (мнемическая сфера). Завершим метафору следующим образом: организация индивидуального опыта состоит в выработке совокупности таких психологических законов, которые, являясь превращенной формой жизнедеятельности, осуществляют по отношению к ней регулирующую функцию.

Последующая наша задача состоит в выявлении соответствующих психологических образований (законов) – базовых структурно-динамических характеристик индивидуального опыта.

Глава 5. Социальный опыт

Опыт человека чаще всего понимается как социальный, или общественный опыт, усвоенный и усваиваемый индивидом в течение всей его жизни.

Социальный опыт общества, масс людей и социальный аспект индивидуального опыта имеют единый генетический корень, сохраняя при этом различное содержание и механизмы функционирования.

Первый, по сути, есть опыт общественно-исторический. Об опыте как общественной категории Н.Е.Харламенкова пишет: «В широком значении слова опыт – это общественно-производственная практика и основанные на ней мировоззренческие, культурные ценности и традиции общества на данном этапе его развития» [291, с.140]. В нем история и сегодняшний день человечества одновременно реализуются и формируются. Для него характерна универсальность, обобщенность, цикличность, маятниковость, что позволяет специалистам, опираясь на историю, совершенно резонно делать аналитические переносы из прошлого в настоящее, заглядывать в будущее.

Изучая же отдельного индивида, мы обращаемся к социальному аспекту его жизнедеятельности, стремясь затем выделить отдельную часть общей структуры индивидуального опыта.

С самого начала хотелось бы здесь также избежать терминологической путаницы. В литературе, в том числе и психологической, понятие «социальный опыт» может употребляться в двух смыслах: социологическом – как атрибут массового сознания и психологическом – как характеристика индивида, личности. Наши предварительные попытки развести эти разные по смыслу понятия терминологически оказались не вполне удачными (например: опыт общества – социальный, социумный, межличностный и т.п., опыт индивида – индивидуально-социальный и т.п.). По существу же речь идет о разных сторонах исследования единого понятия. Поэтому мы, используя единый термин «социальный опыт», при сопоставлении будем в социологическом смысле говорить о совокупном социальном опыте, в психологическом – о индивидуальном социальном опыте. В последнем случае социальный опыт будет пониматься как часть индивидуального.

Социальный опыт сообщества является универсальным, обладает качеством всеобщности по отношению к единичному социальному опыту субъекта. Детерминация индивидуального опыта со стороны социума происходит через культуру, массовое сознание.

По поводу соотношения массового и индивидуального сознания как источников человеческого опыта существуют разные точки зрения. Так, Г.Г.Дилигенский считает, что «массовое сознание, будучи универсальным, общественным, в то же время является частью сознания конкретного индивида, опирается и на социальный, и на индивидуальный опыт...» [94,с.36]. Б.А.Грушин соглашается, что массовое сознание существует, реализуется в массах индивидуальных сознаний, но возражает против того, что оно существует и формируется в специфическом пространстве, коим является внутренний мир индивида [86].

Нам представляется, что данные позиции вовсе не отделяют разные предметы исследования, речь идет скорее о разных «дополнительных» точках зрения на единый предмет. Действительная проблема лежит в поиске специфики каждого из названных источников социального опыта.

Реальное окружение индивида также влияет на формирование социального опыта. «Почти всякое человеческое действие есть не только техническая операция по отношению к вещи, но и поступок по отношению к другому человеку, выражающий отношение к нему. Поэтому другой человек со своими действиями входит в онтологию человеческого бытия, составляет необходимый компонент человеческого бытия» [243, с.362].

Научные парадигмы советской психологии еще со времени исследований Л.С.Выготского [71] и С.Л.Рубинштейна [241 – 243] всегда включали в себя понятие социального опыта. Основываясь на концепции присвоения отдельным индивидом продуктов материальной и духовной культуры, эти и другие авторы заложили основы теории психического развития ребенка, выяснили специфическое отличие этого процесса от онтогенеза психики животного.

Концепцию усвоения индивидом социального опыта путем интериоризации развили в дальнейшем А.В.Запорожец [108] и Д.Б.Эльконин [305].

Б.Г.Ананьев одним из первых в советской психологии поставил вопрос о таком субъекте опыта, для которого процесс интериоризации, «вращивания» внешнего, сколь угодно богатого, является лишь одной стороной движения психического. Должно существовать и существует в реальности встречное движение психического, главный признак которого состоит в творческой активности индивида [9, 10].

Уже после этого В.А.Ганзен и Т.И.Ронгинская поставили задачу системного описания социального опыта индивида, введя в рассмотрение следующие его структурные элементы: картина мира, мировоззрение, жизненная позиция, образ жизни [74]. В понимании психологической природы опыта В.А.Ганзен и Т.И.Ронгинская выделяют его интегрирующую и регулятивную функции: «В широком смысле опыт возникает как накопление человеком информации с целью построения и совершенствования внутренней модели внешнего мира. В процессе жизнедеятельности он проявляется как регулирующий компонент человеческого поведения и деятельности» [Там же, с.5].

Анализируя широкий спектр воздействий внешних по отношению к индивиду социальных факторов, мы нередко начинаем чрезмерно схематизировать положение о примате социального. В результате усилиями исследователей на жизненном пути индивида встает в различных вариациях некий распределенный социально-групповой опыт, нормативный по своей природе, по отношению к которому индивид выступает в роли «носителя».

Приходится также сталкиваться с таким упрощенным представлением, что все, происходящее с человеком в ситуациях «индивид – социум» неизбежно каким-то способом отображается, накапливается в индивиде, используется им в дальнейшем и тем самым представляет собой его социальный опыт.

Характер формирования социального опыта индивида иной. Примем за исходное, что социальное пространство, в рамках которого индивидуальный опыт обогащается, лишь только в абстракции включает в себя весь социум; в реальности объем такого пространства гораздо скромнее, определен прежде всего совокупностью событий взаимодействия с окружающими индивида людьми и описывается конечным числом. В социальной психологии различные границы и уровни непосредственной активности индивида определяются интерактивной группой, коммуникативной группой, референтной группой и т.п.

Какое-либо обращение субъекта «ко всем людям», «к человечеству» (мысленное, прокламируемое, поэтическое) есть не что иное как метафора, гипербола. В таком способе взаимоотношений со всеми сразу отсутствует процедура ответственности любой из сторон. Субъект старается контролировать и подвергает всякий раз инвентаризации лишь свое реальное окружение, догадываясь, что его собственный социальный опыт является прежде всего продуктом его взаимоотношений со «своим» социумом.

Социальное пространство опыта обогащается и формируется на протяжении всей жизни человека, изменяются его количественные и качественные характеристики.

Как компонент индивидуального, социальный опыт отличается от группового, коллективного опыта, обычно используемых в социологии массового сознания, социальной психологии.

На одну из характеристик коллективного опыта обращал внимание К.Юнг: «Психология больших масс людей неизбежно опускается до уровня толпы. Поэтому, если я в качестве члена группы имел так называемый коллективный опыт, то по сравнению с опытом, полученным мною индивидуально, он находится на более низком уровне сознания» [310, с.264]. Анализируя характер взаимоотношений индивида в толпе, он говорит: «В вас происходят некоторые изменения, но они не продолжительны. Напротив, для того чтобы закрепить опыт и свою веру в него, вы должны прибегать к непрерывной помощи массового возбуждения. Но как только вы выходите из толпы, вы снова становитесь другим человеком, неспособным воспроизвести предыдущее состояние духа» [Там же, с.265]. Здесь Юнг подмечает критерий выделения индивидуального социального опыта: последний остается структурно и функционально автономным как до, так и по окончании событий типа митинга, футбола, дискотеки и т.п.

Социальный опыт индивида формируется внутри объективно заданного социокультурного пространства, в котором кристаллизован исторический опыт сообществ, поколений.

Проблема кристаллизации исторического опыта в индивидуальном в психологии лишь начинает разрабатываться. Требуется изучения вопрос о характере и форме структуризации исторического в индивидуальное.

Новые явления общественной и культурной жизни формируют новый социальный опыт, отражающий приоритетные на данный момент ценностные ориентации людей, объединенных на новой культурной, этнической, национальной, цивилизационной основе.

Социальный опыт индивида представляет собой особый психологический инструмент обеспечения жизнедеятельности, поэтому он особым образом организован, а не существует параллельно социальной активности индивида. Между социальной активностью и ее дериватом – социальным опытом нет отношения изоморфизма.

Активность индивида, его позиция субъектности по отношению к социуму проявляется не только и не столько в том, что он таким образом «вносит вклад» в нечто общее, интегрально-социумное, а в том, что он способен вне прямого согласования со всеми представителями социума создавать собственную систему способов взаимодействия с людьми, своего рода социально-интерпретационный комплекс личного пользования.

Такой подход к проблеме социального опыта особенно важен для практической психологии, когда психолог должен уметь действовать в системе координат не абстрактного, а «чьего-то» индивидуального опыта.

В индивидуальном социальном опыте существует определенный репертуар стереотипных способов, приемов, средств, позволяющих устанавливать контакт и осуществлять оптимальное взаимодействие даже в условиях, когда, например, эмпатия у одного или обоих членов диады снижена, либо не развита способность к обобщению и рационализации, либо не совпадают ценностные ориентации и т.д.

Диапазон и глубина «проникновения в другого» весьма широки, вместе с тем можно предположить, что существует некоторый необходимый набор базовых динамических структур социального опыта, позволяющий индивиду адекватно и в согласии с другими осуществлять взаимодействие в социальной сфере.

В отличие от совокупного общественного опыта социальный опыт отдельного человека ориентирован не только на «средневзвешенные» социальные нормы. Его нормативность определена как ориентацией на социальные стандарты ближайшего окружения, так и противоположной тенденцией – стремлением завоевать в социуме «свое» положение, благодаря чему ценным для индивида становится отличие от других, собственная уникальность.

Противоречие между стереотипизацией и индивидуализацией опыта является движущей силой его становления и развития. С психологической точки зрения такое противоречие не является абсолютным. Отталкиваясь от примеров реального бытия, можно говорить о некотором оптимуме в соотношении стереотипного и уникального. В случае, когда баланс сдвигается в сторону стереотипов, опыт индивида не выполняет функцию адаптации к переменам, консервирует развитие личности; в случае преувеличения уникального, индивид демонстрирует ценностный хаос либо неопределенность действий, характерные для формирования личности в период возрастных кризисов либо для конфликтной личности.

Процесс взаимодействия с другими для индивида выстраивается как проблема одновременного обнаружения в другом индивидуального и типичного. Этого не происходит, если и в структуре социального опыта индивида не заданы его собственная уникальность и стереотипия.

Социальный опыт по своей психологической природе весьма динамичен. Динамика отношений с другими становится более наглядной, если представить их как процесс социального обмена. Такой обмен не является только процессом проецирования собственных

установок либо усредненного принятия других. В своей развитой форме взаимодействие с другими как творчество приводит к реконструкции собственного опыта.

Наоборот, социальный обмен становится неполным тогда, когда индивид лишь пассивно включает информацию о другом в свой привычный набор мнений, суждений, других единиц социального опыта. Но он искажается и в противоположном случае, когда индивид старается полностью воспринять («принять») другого, для чего стремится отказаться от собственных нормативно-ценностных установок, собственной социокультурной среды (что, впрочем, полностью никогда не достигается). Лишь частичный выход за пределы собственного опыта позволяет найти какие-то общие моменты, обеспечивающие равноправный обмен опытом. Такой выход всегда представляет собой единство разнонаправленных процедур: с одной стороны, выявление в других людях неожиданного, уникального в сравнении с привычным для себя, с другой – идентификации неизвестного, непривычного с известным, стереотипным. При этом природа обмена такова, что данные две стороны сосуществуют в отношении взаимодополнительности, взаимного обогащения.

Итак, индивид, входя в процесс социального обмена с другим, выделяет в нем типичное и уникальное, обнаруживает свое пристрастное к нему отношение и прагматично оценивает другого с точки зрения реальной ситуации и цели совместной деятельности.

Заметим, что «стереотипное», «уникальное», «личностное» и «целевое» как средства осуществления обмена не даны индивиду непосредственно, не во всем осознаются им и контролируются. В подавляющем большинстве случаев обмен единицами социального опыта возникает естественно и произвольно, и лишь воздействием внешних обстоятельств или внутренних стимулов может быть представлено в сознании индивида в произвольной форме.

Таким образом, социальный опыт определен совокупностью событий взаимодействия с окружающим миром; обеспечивает процесс, характер, оценку и регулирование общения с другими, социальный обмен и ориентацию в социуме. Характеризуется стереотипностью и уникальностью.

Проблема социального опыта как индивидуального порождает ряд задач, требующих специального исследования. Общая направленность экспериментов связана с поиском тех психологических образующих, которые составляют основу социального опыта. Анализ показывает, что к таковым относятся характеристики субъективного пространства взаимоотношений с окружающими людьми, а также стереотипия и уникальность, которые совместно обеспечивают эффективную регуляцию социальных аспектов жизнедеятельности.

Межперсональное пространство социального опыта

Усвоение общественного опыта индивидом происходит на протяжении всей его жизни. Основным средством такого усвоения является взаимодействие с другими людьми. Роль социального в становлении этих взаимоотношений в сжатой форме определил С.Л.Рубинштейн: «Каждое «Я», поскольку оно есть и всеобщность «Я», есть коллективный субъект, содружество субъектов, «республика субъектов», «содружество личностей»; это «Я» есть на самом деле «Мы» [244, с.334].

Здесь можно было бы ограничиться общим термином «общество», не определяя сколько-нибудь его границ (нация, общественная группа, коллектив, первичная группа). В рамках такого «общего представления» остается неясной роль индивида в формировании такой социальной составляющей индивидуального опыта, которая для индивида выступает в качестве личного инструмента взаимодействий с окружающими.

Традиционные попытки обнаружить «коллективное в индивидуальном» оставляют нас в рамках представлений, идущих еще от Гегеля. Мы согласны с К.Поппером, который специально подчеркивает: «Гегель и гегельянцы были коллективистами. Они утверждают, что общество – это все, а индивид – ничто. Другими словами, все ценное, чем обладает индивид, наследуется им от коллектива» [226, с.261].

С позиций же субъектности опыта ситуация существенно трансформируется. Прежде всего возникает вопрос о том, что является для опыта конкретного индивида его социальной средой. Индивидуальный социальный опыт складывается из взаимодействия человека не с обществом вообще, а, в первую очередь, с другими конкретными индивидами: хорошими или плохими, в прошлом или настоящем его жизненного пути. Формируя социальный опыт, индивид прежде всего структурирует социальную среду в понятных ему координатах субъективного пространства и времени. Несомненно, основным источником формирования субъективного социального опыта является первичная группа, которую Ч.Кули определяет следующим образом: «Под первичными группами я подразумеваю группы, характеризующиеся тесными, непосредственными связями (associations) и сотрудничеством. Они первичны в нескольких смыслах, но главным образом из-за того, что являются фундаментом для формирования социальной природы и идеалов индивида» [150, с.330]. Признавая, что первичные группы лежат в основании социального опыта, в то же время будем считать, что они составляют лишь часть механизма его формирования. Последнее поясняется двумя обстоятельствами.

Во-первых, человеческий опыт как принадлежащий жизнедеятельности обладает параметром континуальности, поэтому его полное описание предполагает обязательную временную развертку в масштабе: прошлое – настоящее – будущее. В таком контексте вернее будет говорить об отражении в социальном опыте накопленной совокупности первичных групп, где, например, имевшие место ранее первичные группы (раннее детство, школа и т.д.) посредством фиксации в опыте продолжают оказывать влияние на настоящее и планируемое поведение индивида.

Во-вторых, часто в аспекте социологического анализа недооценивается тот очевидный факт, что и в «настоящем» индивид является соучастником не одной, а нескольких первичных групп. «Первичные группы первичны в том смысле, что они дают индивиду самый ранний и наиболее полный опыт социального единства», – говорит Ч.Кули [Там же, с.332]. В социологическом смысле первичная группа «заключает в себе тот тип сопереживания и взаимного отождествления, для которого «мы» является естественным выражением» [Там же, с.330]. Ясно, что совокупность различающихся нормативно и ценностно групп (семья, работа, увлечения и т.п.) порождает такую же совокупность «мы», которую индивиду необходимо каким-то способом интегрировать. Последнее условие является важнейшим для понимания природы социального опыта. Не выходя за рамки социологического анализа можно было бы обсуждать важные проблемы единого социального поля, интеракций, конфликтности межгруппового взаимодействия и другие, когда самодостаточным является понятие первичной группы.

С точки зрения субъекта социального опыта ситуация выглядит иначе. Появляется единый и иной, чем первичная группа как таковая, источник формирования социального опыта – жизнедеятельность индивида, в универсалиях которой первичная группа становится частным способом формирования опыта. Для субъекта жизнедеятельности сущность первичной группы определяется не в виде «что это?», а в качестве «зачем это?» (первичная-для-меня-группа). Теперь любой факт взаимодействия с другими приобретает меру субъективной ценности и становится достоянием социального опыта как то, что может способствовать достижению полезного результата в жизнедеятельности.

Благодаря этому любое социальное событие, взаимодействие с каждым другим может быть интегрировано в состав социального опыта индивида, а для внешнего наблюдателя становится объективной измеряемой величиной.

Как отмечает социолог П.М.Блау: «Численность группы или общества часто игнорируется или рассматривается как не представ-

ляющая теоретического интереса. Напротив, с нашей точки зрения, численность – это очень важная теоретическая категория в структурной социологии, так как она является общим эмерджентным свойством всех социальных групп» [43, с.21].

Может показаться, что такая «арифметизация» пространства социального опыта уводит нас от его содержательного анализа. Однако, как нам представляется, то или иное количество действующих лиц (акторов), входящих в социальное пространство индивида, неизбежно становится качественной характеристикой его социального опыта.

Эмерджентность как превращение «социального количества» в «социальное качество» является одним из способов формирования социальной составляющей индивидуального опыта. В ходе жизнедеятельности индивид постоянно вступает во взаимодействие с другими носителями социума, в результате чего происходит отбор, фиксация и последующая интеграция наиболее существенных для индивида связей. Совокупность таких связей выступает как целое хотя бы потому, что у индивида появляется возможность иметь собственную точку зрения на социальное событие и процессы, производить оценку и селекцию новых контактов с окружающими его людьми, определять свое место, статус, перспективы в изменчивом социуме, т.е. возникает некоторая фиксированная форма взаимоотношений индивида с обществом.

В результате таких трансформаций коллективное обнаруживает свою превращенную форму в межперсональном. Последнее становится собственностью индивидуального опыта, поэтому мы говорим о межперсональном пространстве социального опыта индивида.

Рассматриваемое нами межперсональное пространство социального опыта в определенном отношении является частью «субъективного жизненного пространства», представление о котором было введено Хансом Томэ: «Пространство это у каждого человека имеет свою топологическую и временную протяженность. Так, у маленьких детей, очень старых или больных людей оно может быть ограничено их жилищем, постелью. Во временном отношении оно включает и прошлое и будущую временную перспективу с разной мерой протяженности... Оно может включать ту или иную совокупность социальных ролей и контактов, в то же время может быть наполнено разными мыслями, чувствами, надеждами, выступающими разными регуляторами поведения. Жизненный мир личности или ее субъективное жизненное пространство представляет собой когнитивно репрезентированный и психически переработанный реальный мир его жизни [342. Цит. по: 14].

Межперсональное пространство (МПП) социального опыта имеет собственную топологию и время. Основной поддающейся фиксации единицей МПП будем считать признаваемый индивидом факт персонифицированного взаимодействия (ПВ) индивида с кем-либо. Каждая персонифицированная единица МПП для индивида есть не что иное, как реальный человек, с которым он когда-либо взаимодействовал, и который с достаточной вероятностью может включить данного индивида в собственное МПП. Такое строго не фиксированное, вероятностное определение единицы МПП является неизбежным при попытке измерения социального продукта жизнедеятельности в масштабе жизненного пути. Главное, что здесь фиксируется с помощью ПВ – факт взаимного действия, причем не ситуативного, а персонального уровня. Совокупность отдельных ПВ составляет объем межперсонального пространства индивида – их соотношение описывается формулой:

$$e(\text{ПВ}) = V(\text{МПП}).$$

Вводя понятие объема МПП необходимо сделать некоторые пояснения.

Несомненно, что всякий случайный или неслучайный контакт с другими делает свой вклад в социальный опыт индивида. Однако накопление взаимосвязей, интеракций, коммуникативных актов не происходит в виде сплошной записи. Происходит непрерывное упорядочение, классификация, иерархизация социально ориентированной информации в соответствии с закономерностями и в режиме долговременной памяти субъекта. Благодаря работе памяти регулируются верхний и нижний пределы объема МПП. В результате сообщество образуют носители сопоставимых величин МПП. Оптимальный объем МПП является важнейшим социальным параметром жизнедеятельности, так как благодаря ему обеспечивается возможность интеграции индивида в значимые для него социальные группы. Верхний предел МПП целесообразно ограничен сразу несколькими параметрами жизнедеятельности: средняя продолжительность жизни, конечное число происходящих в течение жизни событий, перечень ценностных ориентаций, список функциональных обязанностей члена общества и т.д.; кроме того, – вступают в силу ограничения человеческой памяти.

Теми же параметрами жизнедеятельности определен и нижний предел необходимого для интеграции в социум объема МПП.

Отношение индивида к каждой единице ПВ (человеку) определяют топологию и время МПП. Топологию межперсонального пространства определяют характеристики ценности для индивида каждого другого, а также вид распределения этих ценностей. Кроме

того, каждый другой имеет свою метку на оси времени жизни индивида в координатах прошлого, настоящего и будущего. Таким образом, каждый человек, с точки зрения индивида, может быть оценен и оценивается по трем параметрам: входит ли он в МПП как тот, с кем индивид, по его признанию, когда-либо взаимодействовал, какую ценность данный человек для него представляет и на каком отрезке психографического времени индивида он представлен.

МПП обладает качеством гомогенности – является составляющей социальной опыта каждого индивида.

Психологический смысл МПП состоит в возможности неоднократного обращения субъекта к другим людям, причем, в реальном либо идеальном (в форме представления, воображения, воспоминания, реминисценции) виде. Такое обращение необходимо субъекту как возможность верификации и обогащения других составных частей социального опыта (стереотипы, уникальное, аттитюды, мнения и т.д.).

Мы обрисовали теоретическую модель межперсонального пространства социального опыта, образуемого совокупностью персонифицированных взаимодействий. МПП структурировано параметрами объема, ценности и времени существования.

Была поставлена экспериментальная задача: определить, каковы количественные характеристики персонифицированного пространства, сколько людей входит в пространство опыта на разных возрастных этапах жизненного пути, каковы их ценностные различия, каков характер их распределения на субъективной временной оси.

Для решения поставленной задачи была разработана методика «Межперсональное пространство».

Испытуемому необходимо было на большом листе бумаги с нанесенными концентрическими окружностями записать максимально возможное количество людей, с которыми он когда-либо был знаком, каким-то образом взаимодействовал. Критерием «знакомости» служило знание имени (фамилии) этого человека, а также достаточная вероятность того, что в аналогичной ситуации выполнения задания тот человек также мог вспомнить испытуемого. (Фактически речь шла не об установлении вероятности встречного воспоминания, а о том, чтобы исключить персонажей без обратной связи – например, «я знаю, кто такой Михаил Жванецкий, но из этого не следует, что он знает меня...»). Имена сразу нужно было разносить по кругам, удаляя их от центра в соответствии с оценкой важности данного человека в жизни испытуемого.

По окончании записи испытуемому предлагалось маркерами трех различных цветов обозначить присутствие каждого участника ПВ в своем прошлом, настоящем и будущем.

Инструкция для взрослых не предполагала разъяснений понятия «прошлое». Испытуемые каждый раз сами определяли границу между «прошлым» и «настоящим». Граница была подвижной в зависимости от содержания установленных взаимоотношений (родители, родственники, друзья, одноклассники, сокурсники, коллеги и т.п.). Однако всякий раз граница, отделяющая субъективное прошлое от настоящего, означала какой-либо качественный поворот в биографии испытуемого.

В отношении будущего критерием служило указание: «Кого бы Вы взяли с собой в будущее». Последнее соответствует тому, что системообразующим фактором организации индивидуального опыта является его ориентация на оптимизацию жизнедеятельности в будущем.

Избранный нами графический вариант ответов в наибольшей степени представлял собой проекцию идеального МПП. Испытуемый как бы «рисовал» свою социальную биографию, не испытывая трудностей по поводу шкалирования информации по параметрам ее субъективной ценности и места на оси времени.

Эксперимент проводился в максимально широком возрастном диапазоне в соответствии с нашими представлениями о том, что персонифицированное социальное пространство с возрастом не остается неизменным. Как и любой другой структурный элемент индивидуального опыта, оно содержит в себе процессы интеграции и реинтеграции, эволюции и инволюции взаимоотношений индивида с социумом.

При проведении экспериментов с дошкольниками (3 – 5,5 лет) и младшими школьниками (6,5 – 7,5 лет) протокол вел сам экспериментатор, эксперимент проходил в форме беседы. То же самое использовалось с испытуемыми старшего возраста (65 – 78 лет).

Можно выдвинуть несколько независимых гипотез об изменении объема МПП в зависимости от возраста:

1. В течение жизни число людей, вошедших в пространство социального взаимодействия, постоянно увеличивается, следовательно, можно предположить монотонный рост объема МПП;
2. Ограничение роста объема МПП и его снижение связано с возрастными характеристиками памяти, следовательно, кривые возрастных изменений памяти и МПП будут повторять друг друга;
3. Взаимоотношения жизнедеятельности и социального опыта синхронизированы во все периоды жизни, следовательно, динамика изменения объемов МПП определена фазами и характером жизнедеятельности индивида.

В реальности картина оказалась следующей (см. рис.5-1).

Как видно из рис.5-1, количество людей, которых испытуемые включают в свое межперсональное пространство, увеличивается до определенного максимума в молодом возрасте – периоде наибольшей социальной активности индивида, а затем постепенно начинает уменьшаться в среднем и особенно в старшем возрасте. Таким образом, объем МПП не зависит линейно от возраста, не соответствует возрастной динамике памяти; его характеристики определены прежде всего уровнем социальной активности индивида (гипотеза 3).

Что же представляет собою МПП социального опыта взрослого человека (20 – 55 лет), ведущего активную жизнь, поддерживающего необходимый уровень социальной активности? (Анализ детского и старшего возраста представим ниже.)

Оказалось, что в среднем «человеческое» пространство социального опыта взрослого индивида в названном диапазоне колеблется от 160 до 470 персонажей.

На шкале ценностей входящие в МПП индивиды в порядке убывания их веса распределились следующим образом:

1. Люди, ценность которых для испытуемого определена уровнем жизненных смыслов (родные, близкие, «интимно-личностные», желаемые в будущем), – 5,8% (в среднем не более 15 – 20 человек).
2. Люди, образующие референтную группу, значимость которых для испытуемого им осознается и высоко оценивается, – 16,0% (в среднем 45 - 55 человек).
3. Люди, находящиеся в круге «реальных взаимодействий» в прошлом или настоящем и, по мнению испытуемого, оказывающие влияние на ход его жизни, – 56,3% (в среднем 160 - 180 человек).

Интересно, что почти половина из вошедших в МПП не оценивается как сколько-нибудь важная для испытуемого в настоящее время и в прошлом.

Мера ценностного отношения к тем, кто входит в МПП, оказалась связана с координатой времени.

Наибольший субъективный вес получают те люди, с которыми субъект взаимодействует в «настоящем» и которые одновременно являются ближайшим окружением испытуемого. Та же закономерность прослеживается и в отношении людей, «желаемых в будущем». Другими словами, вес становится высоким, если взаимодействие соответствует актуальным интересам либо будущим намерениям индивида. Для людей из «прошлого» ситуация иная. Люди, отношения с которыми осуществлялись в прошлом, уходят все дальше, с течением времени теряют вес в субъективном социальном пространстве индивида и сохраняются в биографической памяти. Происходит переход или перевод информации из социальной в мнемическую сферу опыта.

Результаты показывают, что МПП является не только структурной, но и динамической характеристикой социального опыта. Факты межличностных взаимодействий интегрируются, но не кумулируются в течение жизни индивида. МПП как бы перемещается по оси времени, концентрируясь слева и справа вокруг метки «настоящего», отсюда каждая единица ПФ имеет свое «собственное время жизни» в данном МПП. Наверняка, всякий человек заинтересовался бы тем, какое место он занимал либо продолжает занимать в МПП встреченных на его жизненном пути других. Но это уже аспект личной и социальной ответственности нашего вхождения в МПП окружающих нас людей.

На психографической шкале «прошлое – настоящее – будущее» входящие в межперсональное пространство люди распределены следующим образом:

1. Люди только «в прошлом», занесенные в биографическую память, – 44,4% (в среднем 130 – 150 человек);
2. Люди только «в настоящем» – 32,5% (в среднем 90 – 110 человек);
3. Люди, пронизывающие «прошлое» и «настоящее», – 24,1% (в среднем 70 – 80 человек). Благодаря им обеспечивается преемственность для индивида собственного социального опыта, создаются условия его интеграции.
4. Люди, желаемые «в будущем», олицетворяющие ценностные ориентации, ожидания, – 22,0% (в среднем 60 – 70 человек). В этом случае кандидатуры выбирались как из «настоящего», так и из «прошлого». Обращает на себя внимание и тот факт, что только один из пяти, входящих в МПП, ценностно соотносится с будущим субъекта. Обычно в список «для будущего» входят представители первого уровня ценности (родственники), чего нельзя сказать о представителях референтной группы. Отметим, что испытуемые вполне различали характеристики «важный для меня сейчас» и «взять с собой в будущее». Кандидатуры «для будущего» обычно распределяются относительно независимо от ценностной и временной координат.

Изучение процесса формирования межперсонального пространства можно существенно дополнить, проанализировав его становление в детском и инволюцию в старшем возрасте.

В эксперименте со средними и старшими дошкольниками не учитывался пол, поведение в детском саду, какие-либо личностные особенности ребенка. Если выяснялось, что ребенок не желает беседовать с незнакомцем, которым для него являлся экспериментатор, то он не участвовал в эксперименте. Большой интерес к эксперименту проявили дети старшей группы детского сада.

В эксперименте были получены следующие результаты. Средний объем МПП: а) для детей среднего дошкольного возраста составил 21; б) для детей старшего дошкольного возраста – 55,6. Обнаружилось, что МПП при переходе от среднего дошкольного к старшему дошкольному возрасту увеличивается в 2,4 раза, тогда как далее при переходе от старшего дошкольного к младшему школьному возрасту (51,2) практически не изменяется.

Чем же можно объяснить такую «задержку» в росте МПП у первоклассников? Как известно, в младшем школьном возрасте ведущей становится учебная деятельность. Очевидно, что на данном этапе происходит становление качественно иной социальной позиции, когда актуализируется предметно-практическая сторона деятельности, ребенок продолжает накопление социального опыта через освоение орудий, знаков, символов, овладение социально зафиксированными действиями. Одновременно ребенок начинает осознавать свое социальное «Я», контролировать свои действия и поведение, утверждается позиция его «Я» среди других. Качественное отличие данного периода состоит в том, что ребенок реализует накопленный социальный опыт в учебной деятельности. В социальной позиции, складывающейся в младшем школьном возрасте, актуализируется потребность развивающейся личности в приобщении к системе общественных отношений – от рассмотрения себя среди других, стремления быть как другие (стереотипизация программ поведения) до первых попыток утверждения себя как отличного от других (самореализация).

Другим фактом, подтверждающим качественные различия между старшими дошкольниками и младшими школьниками, является обнаруженный в эксперименте феномен привнесения ребенком старшего дошкольного возраста в свое межперсональное пространство вымышленных персонажей (героев сказок, мультфильмов и т.д.). Ребенок «больше доверяет продуктам своего воображения и меньше их контролирует» (Выготский), поскольку деятельность детского воображения относительно самостоятельна от деятельности других высших психических функций.

У более младших детей указанный феномен еще не наблюдается, так как здесь воображение только начинает формироваться. В младшем школьном возрасте мы также не наблюдаем привнесений из вымышленного, но уже потому, что уже имеет место сознательный контроль функции воображения, деятельность воображения становится зависимой от деятельности мышления.

Обнаружилось, что в младшем школьном возрасте дети по-своему оперируют понятиями «прошлое – настоящее – будущее». Из

прошлого дети называют только умерших, тогда как тех, с кем в настоящее время уже не взаимодействуют, не встречаются (группа бывшего детского сада, воспитатели, бывшие одноклассники и т.д.), к прошлому не относят. Это связано с тем, что дети младшего школьного возраста не имеют еще развернутого прошлого, развитой биографической памяти. Их социальный опыт источником и способом реализации имеет «настоящее». Точно так же не развернуто у детей «будущее». Поэтому на вопрос о будущем дети, как правило, говорят, что возьмут туда всех. Поэтому фактически в младшем школьном возрасте измеряется актуальное социальное пространство.

Из всего сказанного следует более важный вывод о том, что вплоть до младшего школьного возраста социальный, личностный и мнемический аспекты опыта еще не сформированы как самостоятельные подструктуры, легко и динамично переходят друг в друга. Индивидуальный опыт ребенка, строго говоря, еще не является превращенной формой жизнедеятельности, ее регулирующим и стабилизирующим фактором. Да в этом и нет нужды. Наиболее целесообразным, экологически валидным для опыта является не противоречие, а идентификация с жизнедеятельностью. Накопление опыта идет посредством усвоения по образцам.

Новое увеличение МПП в среднем школьном возрасте в 2,5 раза по сравнению с младшими школьниками происходит за счет известного расширения круга сверстников – партнеров по общению, а также за счет появления значимых взрослых – образцов для подражания с целью развития чувства «взрослости». Отношение к прошлому и будущему можно считать вполне сформированным. Есть много оснований считать, что в среднем школьном возрасте как раз социальная подструктура опыта развивается наиболее динамично и ею в наибольшей мере определяется формирование индивидуального опыта в целом.

Испытуемые старшего возраста (65 и более лет) показывают постепенное и даже резкое сужение межперсонального пространства (средний объем МПП – менее 50 человек), что связано, с одной стороны, с вполне понятным уплощением «будущего» и обеднением удаляющегося «прошлого». (При этом все испытуемые демонстрируют необходимую социальность в настоящем, способность к необходимой работе по дому, самообслуживанию, сохраняющую долговременную память и т.д.)

Регресс, сужение социального пространства в пожилом возрасте связаны с двумя обстоятельствами:

- а) одиночество, часто прямое, чувство изоляции, вследствие чего возникает разрыв и потеря социальных, интерактивных, коммуникативных связей;

- б) инволюция личностного и мнемического опыта: обращение к ценностям будущего и прошлого минимизируется, планы и программы поведения олицетворяют ту оставшуюся часть индивидуального опыта, которая связана со стереотипами, автоматизмами, витальными потребностями сегодняшнего дня. В пределе отношение к себе и к миру звучит у человека старшего возраста примерно так: «Какая разница, который теперь час и какое сегодня число? Я живу в своем собственном мире, да к тому же до меня никому нет никакого дела».

Свертывание социального пространства обусловлено прежде всего снижением социальной активности, что влечет за собой уплотнение мотивационной и деградацию когнитивной сфер. Т.М.Титаренко отмечает: «Воображение старых людей на фоне уходящего времени становится повторяющимся, частично пропадает, а с ним угасает и интерес, заменяясь удовлетворенностью привычки» [275, с.321].

Напрашивается предположение, что социальный опыт, накопленный в течение жизни, тогда является действенным, если подвержен обновлению, реконструкции, ориентирован на будущее. Именно эти характеристики опыта инволюционируют в старшем возрасте.

Н.В.Панина, анализируя социальное взаимодействие в старшем возрасте, говорит о закономерном сужении круга общения: «По нашим данным, 73% мужчин и 56% женщин отметили уменьшение социальных связей и только 4% как мужчин, так и женщин расширили круг общения» [217, с.239].

Что же является решающим в сужении МПП в пожилом возрасте, если отвлечься от перечня внешних объективных факторов: здоровье, потеря сверстников и родственников и т.д. Согласно нашим представлениям, системообразующим фактором функционирования индивидуального опыта является ориентация на будущий полезный результат жизнедеятельности. Во временном аспекте данный фактор может проявлять себя двояко: в отношении решения ближайших оперативных задач и в плане отдаленной перспективы. Второй момент является решающим в старшем возрасте. Н.В.Панина делает сходный вывод о том, что «сохранение и развитие жизненной активности пожилых людей неразрывно связано с формированием жизненной перспективы, целей деятельности, характерных для предпенсионного и пенсионного возраста в творчестве, семье и быту, общении и проведении досуга» [Там же, с.246].

Расширение объема МПП в детском и юношеском возрасте свидетельствует о нормальном процессе социализации; наоборот, снижение в старшем возрасте свидетельствует о деградации социальных аспектов жизни. Почему же это становится неизбежной закономерностью?

Как было определено ранее, системообразующим фактором индивидуального, в том числе и социального, опыта является его ориентация на будущий результат жизнедеятельности индивида. В любом возрасте векторы объективного и субъективного времени можно считать совпадающими в связи с необратимостью времени вообще. Скалярная же величина вектора субъективного времени с течением жизни, увы, уменьшается, хотя и испытывает при этом значительные индивидуальные колебания. Ориентация на будущее в молодом возрасте является решающим аргументом для преодоления дефицита социального опыта, расширения межперсонального пространства актуализации личности. Свертка ориентации на будущее в старшем возрасте приводит к консервации социального опыта в пределах объема МПП, необходимого для данного периода жизни, к тому же, как правило, в условиях разрыва существенных связей с молодым поколением, утраты партнеров по общению своего возрастного уровня, психофизиологией возраста и т.д.

Описанная картина «жизненного пути» хоть и закономерна, но имеет слишком много исключений в реальности. Ориентация на будущее и в молодом и в старшем возрасте является прежде всего ценностной ориентацией. Последнее труднее всего поддается структурированию. Особенно наглядно это проявилось в случае старшего возраста. Использованный в нашем исследовании полезный способ измерения совокупности социальных взаимодействий одновременно обнаружил свою ограниченность. Объем межперсонального пространства оказался нечувствительным к тому феномену старшего возраста, когда в результате смены ценностных ориентаций пространство социальных связей из межперсонального превращается в своего рода метаперсональное. Как известно, первичное ощущение такого суперпространства возникает в раннем возрасте (я смертен?), вторая попытка выхода на уровень метаперсонального наблюдается в юношеском возрасте (я универсум?). Поэтому именно на уровне смыслов жизни, а не способов жизнедеятельности, происходит (может произойти) ценностное обновление социального опыта, постоянно воспроизводится неуничтожимая связь поколений, наполняя содержанием метаперсональное пространство опыта в старшем возрасте. Нынешние дирижеры новой идеологии и масс-культуры из тех, кто так трогательно высказывается о судьбе старшего поколения, судя по всему, мало учитывают психологию старшего возраста. Отталкиваясь от феномена инволюции МПП за счет ослабления социальных связей, мы приходим к более широким выводам о том, что межперсональное пространство является не только стабилизирующей характеристикой социального опыта, но и динамичной,

выступающей в функции регуляции жизнедеятельности. Когда перед субъектом возникает некоторая задача, затрагивающая мотивационно-ценностный уровень его жизнедеятельности, соответственно ей тотчас меняется конкретный состав МПП, что подчеркивает внутреннее единство, целостность ПВ на всем континууме его жизненного пути.

Несколько слов об особенностях процедуры эксперимента. Его специфика заключена в самом задании: испытуемому необходимо было постараться как бы единым взором охватить весь свой жизненный путь – именно с последней категорией сравним индивидуальный опыт.

Естественность для испытуемых условий эксперимента косвенно подтверждалась самим его ходом. В первые минуты тестирования взрослыми испытуемыми владела мысль о громадном числе людей, с которыми приходилось встречаться «по жизни» и о том, что перечислить всех нереально. Вскоре они с некоторым для себя удивлением обнаруживали обратное, одновременно «погружаясь» вовнутрь различных социальных групп взаимодействия (семья, раннее детство, школа, ВУЗ, работа, увлечения и т.п.). В результате участие в эксперименте не было монотонным и психологически трудным. В ходе тестирования испытуемые, некоторые может быть впервые в своей жизни, сознательно и подробно производили инвентаризацию собственного социального опыта. Создавалось впечатление, что к концу эксперимента испытуемые воссоздавали в своем сознании некую виртуальную реальность, психологически адекватно и одновременно отображающую межперсональное пространство социального опыта.

Для того чтобы заострить внимание читателя на определенной психодиагностической ценности описанного подхода к измерению социального опыта, предлагаем некий мысленный эксперимент: выберите несколько известных Вам людей, входящих в Ваше межперсональное пространство, например на уровне референтной группы, и попытайтесь угадать их ответы на такие вопросы: входите ли Вы в их МПП, как далеко от центра будет удален Ваш ценностный круг, берут ли Вас с собой в «будущее» и, вообще, кого еще кроме Вас туда взяли и т.д.

Диагностические возможности данной методики дополнительно раскрываются при анализе индивидуальных различий и отдельных протоколов испытуемых. Все вместе сказанное говорит о практической применимости методики в области индивидуальной и социальной психологии.

Межперсональное пространство является базовой, но не единственной характеристикой социального опыта. Взаимодействие с

людьми порождает у человека не только персональную картотеку тех, с кем он на жизненном пути значимо для себя сталкивался. Понятно, что и само МПП может быть расширено, если включить в него и другие значимые для индивида персоны, из тех, которые о его существовании скорее всего и не догадываются (общественные деятели, любимые актеры, и, может быть, даже литературные герои и т.п.). Но это дело будущих иных экспериментов.

Социальный опыт подвижен. И уже на основе межперсональности возникают программы стереотипного поведения, с другой стороны, появляется возможность «остановиться, оглянуться» и осознать себя как отличного от других, уникального.

Пространство социальных стереотипов

Проблема социальных стереотипов имеет два основных аспекта рассмотрения: социологический и собственно структурно-динамический.

В первом случае социально-психологические сдвиги в обществе стимулируют исследования «социальной» части соответствующих стереотипов общественного и индивидуального сознания. Понятие «стереотипы» давно вошло в обыденное, политическое и научное сознание общества. Стереотипами называют и упрощенное, недостаточно объективное представление людей, и стандартные, устоявшиеся формы поведения, и неспособность преодолеть инертность мышления в изменившейся ситуации.

Особенно остро эта проблема затрагивает сферу социальной жизни, политическое и идеологическое сознание общества в переходный период. В последние годы специалисты выделяют отдельно политические, этнические, исторические и другие стереотипы массового сознания [94, 97, 127, 164, 174, 279].

Одним из непроясненных и дискуссионных вопросов все еще остается представление о «полезности» или «вредности» стереотипов. Например, С.К.Рощин, известный специалист в области политической психологии, убежден, что в идеологической сфере не может быть полезных стереотипов, так как любые стереотипные представления как вид социальной установки отличаются застарелостью когнитивного компонента [239]. Иной, более прагматичный, точнее, экологичный взгляд на проблему борьбы с «вредностью» высказывают специалисты, которые полагают, что вопрос нужно снять, считая нереальным уничтожение стереотипов. Проблема не в том, нужны индивиду стереотипы или нет, а в том, как их использовать (если они уже есть), или как их дискредитировать (если это нужно). Оценочный подход должен быть не на первом, а на последнем месте.

Довольно устойчивым, традиционным в литературе является представление о том, что на противоположном от стереотипа полюсе располагается творчество личности. Р.М.Грановская и Ю.С.Крижанская пишут: «Сознание современного человека заблокировано различными ментальными установками, стереотипами восприятия и поведения, навязанными семьей и обществом. Эти препоны мешают ему ощутить гармонию с миром, обрести достаточное душевное равновесие, необходимое для продвижения творческой инициативы... В сознании накапливается все больше безличных готовых образцов поведения. Это приводит к тому, что человек может вписываться в общественные отношения, быть достаточно контролируемым только при снижении уровня креативности» [85, с.173].

С этими «стереотипными» утверждениями трудно не согласиться. Вместе с тем возникает необходимость высказаться, так сказать, «в защиту стереотипов». Не будем забывать, что человек в одинаковой мере испытывает потребность и имеет право как на творчество, так и на стабильность, социальную защищенность, прогнозируемость индивидуального бытия. Поэтому он в ходе жизнедеятельности объективно испытывает нужду в формировании необходимого перечня стереотипов, присваивая им достойный ранг базовой характеристики социального опыта.

Противопоставление стереотипии и творчества раскрывает только часть проблемы внутренней природы стереотипов индивидуального сознания. Стереотипы, «отраженные» в творчестве, благодаря такой оппозиции приобретают лишь негативную окраску, что обедняет и априорно ограничивает представления об их психологической природе, сложности строения и уж, во всяком случае, делает невозможным предположение о творческом характере их собственного развития.

В общетеоретическом плане представление о сосуществовании положительных и отрицательных сторон стереотипии, как и любого иного психического явления, каких-либо возражений не вызывает. Проблема возникает всякий раз при попытках внешнего наблюдателя предугадать проявление стереотипии, а тем более управлять этим феноменом. Это и порождает необходимость изучения психологической природы данного явления.

Нам представляется, что в отношении к опыту индивида должна быть выбрана иная качественная характеристика оппозиции. На самом деле вместо творчества в оппозиции к «стереотипам» находится характеристика уникальности индивидуального опыта. В парадигме «стереотипное – уникальное» формируется социальный опыт индивида.

Суть и оправдание стереотипов разных уровней кроется в их изначальной экзистенциальной валидности, соответствии человеческому бытию. Именно поэтому стереотипы поведения человека, как и его уникальность, оказываются естественным образом встроены в структуру индивидуального опыта.

При таком понимании социологический и структурно-динамический аспекты проблемы стереотипов замыкаются на задаче выяснения их психологической природы внутри социального опыта.

Причина устойчивости стереотипа (Stereos – твердый, typos – отпечаток, греч.), на наш взгляд, кроется в специфике его онто- и актуалгенеза. В онтогенетическом аспекте более устойчивым (твердым) будет то психическое образование, которое является результатом более широких и глубоких творческих социально-психологических сдвигов индивидуального сознания (сравни: новую бюрократию порождает не старая бюрократия, а революция, ломающая старую бюрократию). С этой точки зрения, суждения о том, что прочность стереотипа связана с его повторением, закреплением, фиксирует лишь внешнюю сторону дальнейшей «постреволюционной» жизни стереотипа. Для индивидуального сознания существенность социально-психологических сдвигов означает не что иное, как образование новой системы мотивационно-ценностных ориентаций субъекта. Функция стереотипа здесь определена двуединой задачей: осуществление творческого развития внутри образованной субъективной парадигмы и защита от внешних влияний, но лишь таких, которые угрожают ему на уровне мотивационно-ценностных ориентаций. С этой позиции сравнимы стереотипы отношений в семье и традиции автономной творческой деятельности некоторой устоявшейся научной школы, отвергающей другие.

Таким образом, выясняется, что стереотип тем более устойчив, чем более творческий он по происхождению и деятельности сохранения ценностей индивида. Повторяемость ценностных ориентаций индивида, как нам представляется, обеспечивает постепенную свертку деятельностных процессов к стандартным образцам поведения, оценок, отношений, т.е. в целом – некоторых правил жизни. Такие «правила жизни», выполняя задачу непосредственной реализации ценностей, действуют автоматически и осознаются лишь при наличии психологически значимого препятствия на их пути.

Как таковой, сформированный в опыте индивида социальный стереотип не рефлектируется, социально не оценивается и эмоционально не переживается. Вместе с тем, он постоянно внешне проявляется в характере интерпретаций, атрибуций, интеракций, поступков индивида, т.е. можно предположить, что существует, по край-

ней мере, два уровня организации социального стереотипа: внутренний, выполняющий роль интегрирования и стабилизации опыта, и внешний, где происходит его реализация и возникает возможность коррекции. Взаимодействие этих уровней и определяет структурно-динамическую организацию стереотипа. Психологический объем, номенклатура стереотипа представляет собой некоторый социальный интерпретационный комплекс, понимаемый как совокупность мнений, суждений о внешнем мире, значимыми единицами которого являются мир, все люди, социальные группы, отдельные индивиды, с которыми человек косвенно или непосредственно вступает во взаимоотношения в процессе жизнедеятельности.

При попытке измерения и диагностики стереотипов возникают определенные трудности, связанные с их специфической структурной организацией. Проблемы при описании того или иного социального объекта, в отношении которого испытуемый выказывает стереотип отношений, сопряжены с размытостью знаниевых структур индивида, привязанностью его к конкретной ситуации и большими эмоциональными колебаниями, значительно искажающими социальную перцепцию. Внешний уровень социальной стереотипии подчиняется всем законам функционирования обыденного сознания с его эффектами упрощения, конкретизации, схематизации, ассимиляции, контраста и т.д. Говоря о «чиновнике», «бизнесмене», «обывателе» или «борце за демократию», мы пользуемся привычными схемами, своими или чужими оценками, соответствующими нормативными представлениями общественных групп о той или иной социальной роли. Любые психологические средства, которые мы используем в повседневной жизни (слова, оценки, суждения, действия, поступки и т.д.), имеют в своей основе определенные ценностные ориентации субъекта, его мотивационные, смысловые структуры. При этом внутренний неосознаваемый слой психической активности и является тем стержневым моментом, который опосредует все внешне объективированные формы человеческого поведения.

Естественно предположить, что отдельные элементы внешнего интерпретационного комплекса (оценки, суждения и т.п.) внутренне связаны между собой, образуя соответствующие плеяды, статистический аналог которых – выявляемые в результате факторного анализа латентные структуры социальных стереотипов.

В проведенном нами цикле экспериментов ставилась задача выявить плеяды интерпретационных комплексов и на их основе выяснить психологическое содержание отдельных социальных стереотипов.

Была выдвинута следующая гипотеза:

Социально-психологический стереотип является целостным, иерархически организованным психическим образованием социального опыта, имеющим двуслойное строение: внешний интерпретационный комплекс и внутреннюю латентную структуру.

В качестве экспериментального материала было выбрано 30 общепризнанных утверждений, отражающих тот или иной аспект отношения человека к действительности, которые были названы «Правила жизни». Каждое из этих утверждений было понятно испытуемым и легко могло быть ими интерпретируемо. На основе этих «Правил» была составлена анкета со стандартной семибалльной шкалой оценки для каждого суждения. Категоризация социальных ориентаций человека на основе этой шкалы позволяет выявить показатели «валентности» и «силы». Отношение к утверждению типа «Не подмажешь – не поедешь», «Моя хата с краю» и т.д. может быть положительным, нейтральным и отрицательным. Соответственно положительное и отрицательное отношение может быть слабым, средним и сильным.

В результате обработки матрицы корреляций были выделены пучки коррелируемых, взаимосвязанных «правил», что дает возможность описать содержание социальных позиций через набор базисных категорий – «факторов», где факторные нагрузки соответствуют проекции вектора, описывающего «правило», на ось фактора. Содержательно величина факторной нагрузки показывает, насколько выражен некоторый смысл, стоящий за фактором. «Правила», имеющие положительную и отрицательную нагрузку по данному фактору, образуют содержательные полюса его биполярности.

Выделено 8 наиболее значимых плеяд интерпретационных комплексов, которые отражают социальные и поведенческие установки личности, отличающиеся устойчивостью и стереотипностью. Каждый комплекс содержит в себе функцию регулятора поведения субъекта как в привычных для него, так и в конфликтных ситуациях. Выявленные интерпретационные комплексы представлены в виде набора факторов, в которых отражены латентные структуры стереотипов. Охарактеризуем кратко каждый из социальных стереотипов. Выявленные факторы описываются в порядке снижения их факторных весов.

Фактор 1 – «Патернализм», факторный вес 20,1 – включает плеяду фразеологизмов:

Тем, кто наверху, виднее	0,846
Каждый должен знать свое место	0,779
Не можешь – научим, не хочешь – заставим	0,727
Все знать не имеешь права	0,613
Делать, как Бог на душу положит	0,506

Данный стереотип концентрирует в себе несколько поведенческих ас-

пектов: отношение субординации, давления и самоустранения. Наибольший факторный вес и смысловую нагрузку берет на себя отношение: «Тем, кто наверху – виднее». Прежде всего это принятие четкой субординации и ограничение личной активности. Вторым плюсом такой позиции является состояние безответственности, незаинтересованности, которое выступает прямым следствием предоставления всех полномочий «вождю». Такое соотношение предполагает установку человека не просто на подчинение внешней силе, а добровольное принятие этой силы, осознание ее необходимости. Получая дальнейшее развитие, такая установка приводит к активному воспроизведению и трансляции усвоенных отношений. Идентификация с вождем приводит к возрождению позиции вождя в самом себе.

Низкие показатели по этому фактору свидетельствуют о способности субъекта к критическому анализу тех или иных указаний сверху.

Фактор 2 – «Транзитивность», факторный вес 14,6.

Не подмажешь – не поедешь	0,938
Тем, кто наверху – виднее	0,928
Ты – мне, я – тебе	0,922
Цель оправдывает средства	0,871
Держать нос по ветру	0,708
Каждый должен знать свое место	0,607
Не можешь – научим, не хочешь – заставим	0,590
Идти по линии наименьшего сопротивления	0,513

По сравнению с первым стереотипом является менее глубинным, в большей степени ориентированным на социальные нормы поведения. В данном случае наблюдается взаимодействие двух стереотипных структур, фиксирующих, с одной стороны, общие принципы построения данного образования, с другой – некоторые формы его субъективного выражения. Носители данного стереотипа осознают наличие некоторой верхней инстанции, относительно которой субъект определяет свое социальное положение. Формула «Знать свое место» объясняет принцип утверждения четкой иерархической системы. Кроме того, выделяются категории, описывающие способ взаимодействия между «верхами» и «низами». По отношению к воздействию «сверху» субъект придерживается стратегии постоянной готовности к принятию любого возможного указания. По отношению к «низу» полученная информация реализуется уже в силовом контексте. Тем самым устанавливается процесс однонаправленного движения, центральным моментом которого является механизм трансляции указаний «сверху-вниз».

Кроме того, субъект, занимающий промежуточную позицию в этой структуре, концентрирует в себе особую систему средств,

обеспечивающих его стабильность в иерархии. В наибольшей мере благополучие субъекта зависит от его взаимоотношений и с вышестоящими инстанциями, и с непосредственным окружением. Деятельность приобретает конъюнктурно-корпоративную направленность. Возможное рассогласование целей и наличных средств снимается в пользу иерархических приоритетов. Указания «сверху» принимаются как некий закон, требующий безусловного выполнения, обретают статус самодостаточности, оправдывая любые действия субъекта, снимая с него ответственность за их последствия. Дополнительным обстоятельством является стремление к сохранению системы, ее равновесия.

Фактор 3 – «Репродуктивность», факторный вес 9,3.

Жить своим умом	0,823
Все знать – не имеешь права	0,669
Нет слова «хочу», есть слово «надо»	0,636

Данный стереотип представляет собой комплекс социальных и поведенческих установок субъекта, основанных на отсутствии ориентации на самостоятельное мышление, самостоятельное принятие решений в сложных ситуациях. Можно предполагать, что субъект сознательно ограничивает собственную инициативу и его индивидуальный стиль деятельности связан с хорошей исполнительностью, объективно и субъективно выступающей в качестве условия, компенсирующей безынициативность.

На личностном уровне такой позиции ближе всего соответствует характеристика экстернальности.

Фактор 4 – «Имитация», факторный вес 7,2.

Двух правильных ответов на один вопрос быть не может	0,748
Жалость унижает человека	0,715
Меньшинство подчиняется большинству	0,709
Дураков работа любит	0,692

Данный фактор выделяет поведенческий стереотип субъекта, безразличного к содержанию деятельности, отличающегося поверхностным анализом происходящих событий, лозунговостью суждений, имеющих скорее газетно-публицистический характер и не отражающих противоречивости реальных проблем.

Фактор 5 – «Адаптивность», факторный вес 7,0.

Моя хата с краю	0,810
Не подмажешь – не поедешь	0,645
Не уверен – не обгоняй	0,613
Цель оправдывает средства	0,607

Этот фактор выявляет стереотип так называемой «житейской

мудрости», позволяет субъекту эффективно приспосабливаться к наличным условиям жизни, отражает реализм в понимании ситуации.

Можно выделить два поведенческих аспекта: 1) установку на сохранение нейтральной позиции и осторожности в изменяющихся условиях, в ситуациях риска, вызванных неопределенностью конечного результата; 2) умение выгодно использовать ситуацию, готовность добиваться цели посредством манипулирования наличными ценностями (людьми и материальными ресурсами).

Фактор 6 – «Эскапизм», факторный вес 5,3.

Брать быка за рога	0,854
Моя хата с краю	0,674

Этот фактор описывает социальную позицию пассивного нейтралитета, устранения от решения социальных проблем. Носит общий, внеситуативный характер, является когнитивно-стилевым в поведении субъекта и может свидетельствовать о недостаточном развитии его творческих потенций.

Фактор 7 – «Деструктивность», факторный вес 5,2.

Что посеешь, то и пожнешь	- 0,866
Капля точит камень	- 0,836
Жить своим умом	- 0,655
Настоящий мастер	
не может допустить халтуру	- 0,638
Нет слова «хочу», есть слово «надо»	- 0,594
Любишь кататься – люби и саночки возить	- 0,579
Не уверен – не обгоняй	- 0,554

Данный фактор формально выражается в отрицании целого комплекса «Правил жизни» и содержательно отражает определенную установку на социальную деструктивность в поведении субъекта.

Познавательный аспект такой позиции связан с отсутствием ориентации на свои собственные способности. В эмоциональной сфере главным становится потребность в удовлетворении непосредственных желаний, импульсивность и даже компульсивность. Деятельность такого субъекта часто может сопровождаться элементами безответственности по отношению к ее результатам. Вместе с тем, перечисленные характеристики являются вторичными, так как в их основе лежит факт отсутствия перспективы, когда в понимании субъекта его социальная активность не представляется достаточно ценной. Последнее обстоятельство часто сопровождается отсутствием содержательных связей между прошлым и будущим, а настоящее лишается целенаправленности и системности, порождая ориентацию на случайное, сиюминутное.

Фактор 8 – «Субъектность», факторный вес 4,8.	
Тем, кто наверху – виднее	- 0,833
Идти по линии наименьшего сопротивления	- 0,768
Каждый должен знать свое место	- 0,617
Все знать – не имеешь права	- 0,584
Дураков работа любит	- 0,535

Заключает в себе позицию, по сути противоположную «Репродуктивности» и в определенной мере «Патернализму». Субъект отвергает наличие незабываемых авторитетов, навязываемое ему представление об ограниченности собственных возможностей и пассивное движение «по течению». Данная социальная установка в значительной мере сопряжена с конструктивностью действий субъекта, однако в некоторых случаях может приобретать характер действий разрушающих. Главное здесь – внутренняя потребность брать ответственность на себя, осознание себя в качестве субъекта общественного движения. В этом смысле «Субъектность» коррелирует с личностной характеристикой «интернальности».

Проведенное исследование убеждает в том, что внешние психологические средства, которые субъект использует в качестве «правил жизни» повседневно, складываются на основе его ценностных ориентаций, мотивационных, смысловых структур. Это внутренний, неосознаваемый слой психической активности и является стержневым моментом, который задает и опосредует все внешне объективированные формы человеческого поведения. Генетически он является продуктом внешних в отношении к нему процессов взаимодействия индивида с социальной средой и шире – результатом актуализации социальных аспектов жизнедеятельности. В теоретическом плане стереотип оказывается одной из тех базовых характеристик опыта, которая в наиболее чистом виде демонстрирует себя в качестве превращенной формы жизнедеятельности, парадоксальным образом стабилизируя и делая относительно «неподвижным» социальный опыт. Вступая в противоречивые отношения с жизнедеятельностью, стереотип обеспечивает тем самым не только адекватную динамику жизненных процессов, но, заодно, и сопутствующие негативные оценки. Необходимые для осуществления ценностные ориентации свернуты в нем в форме неосознаваемых плеяд интерпретационных комплексов и представляют собой латентные структуры социального опыта.

Кроме описанной здесь серии экспериментов был проведен ряд дополнительных измерений стереотипов (1994 – 1997 гг.) с целью валидации данного диагностического приема выявления социальных стереотипов. Результаты лонгитюдного исследования позволи-

ли зафиксировать довольно интересный феномен, важный для понимания его психологической природы. Оказалось, что устойчивыми, трудно поддающимися ломке оказываются не только отдельные стереотипы, но и в целом их индивидуальный набор, ансамбль интегрированных в опыте индивида стереотипов, в совокупности описывающих, по-видимому, уровень устойчивости его социального опыта.

Кроме того, наличие некоторого «набора» стереотипов у индивидов воспроизводится всякий раз в малой зависимости от возраста, образования, профессии, пола испытуемых. Может быть благодаря такой «демократичности» стереотипов Моисею понадобилось сорок лет для психологической «розбудовы» новой личности. (Такой вывод вызывает иногда протест у той части постсоветской общественности, которая считает себя психологически свободной от «тяжелого наследия прошлого».)

Социальные стереотипы оказались не только широко распространенными, но и весьма устойчивыми, в полном соответствии с его названием. В частности, нас интересовала динамика сдвигов у людей с унаследованной постсоветской психологией ориентаций на «сильного вождя» и «понимание своего места в вертикали власти» (фактор 1 – «Патернализм», фактор 2 – «Транзитивность»). Анализ показывает, что лишь в последнее время в атмосфере непрерывных социальных изменений начал постепенно ослабевать патернализм. При этом сами индивиды опять-таки плохо осознают, что у одних на смену патернализму приходят либо ориентация на субъектность, интернальность, у других – уход от ответственности, деструкция, экстремизм.

Таким образом, удалось выяснить, что второй базовой характеристикой социального опыта являются стереотипы индивидуального сознания, функционально ориентированные на реализацию стабилизирующих программ жизнедеятельности индивида в сфере его социальной активности. По своему психологическому содержанию каждый стереотип представляет собой некоторый социально направленный интерпретационный комплекс мнений, атрибуций, интеракций, поведенческих реакций индивида.

Стереотип организован в двухуровневую структуру, динамика его развития определена характером взаимоотношения внешнего и внутреннего уровней этой структуры.

В основании стереотипов лежат латентные структуры, отражающие глубинные эмоционально-мотивационные характеристики личности, объективация которых происходит в нерелефлируемых формах поведения. Сила и устойчивость стереотипов слабо зависит от возраста, образования, профессии, пола испытуемых.

Уникальное в структуре социального опыта

Проблема уникального, как и понятия «уникальность», «неповторимость», чаще всего является предметом рассмотрения феноменологии, экзистенциализма и некоторых ветвей гуманистической психологии, где уникальное выступает в роли фундаментальной характеристики духовного в человеке. Поэтому в психологической литературе практически не описаны какие-либо систематические попытки операционализации данного понятия. Действительно, неповторимость по своему смыслу не может быть рассмотрена в качестве некоторой фиксированной формы, «повторена» и, тем более, каталогизирована в виде измеренной величины. Каким же может быть теоретически обоснованный путь к ее хотя бы частичной операционализации?

Будем иметь в виду, что речь идет об уникальном в отношении к человеческой экзистенции, что в контексте нашего исследования сравнимо с категорией жизнедеятельности. Такую уникальность можно охарактеризовать как частично заданную самой жизнедеятельностью. Но тогда уникальное может быть определенной стороной соотносимо и с опытом, как фиксированной формой жизнедеятельности. Здесь мы уже имеем дело с той частью уникального, которая является накопленной в опыте уникальностью, как вполне операциональной способностью индивида выделения себя из окружающих в собственном межперсональном пространстве.

По К.Ясперсу, обнаружение себя как самости происходит исключительно благодаря со-общению с другими, что он называл «экзистенциальной коммуникацией» [326. Цит. по: 262].

Таким образом, накопленная уникальность выступает в качестве базовой характеристики социального опыта, что дает нам возможность ставить задачу ее психологического измерения.

Наш подход состоит в исследовании уникального не в отношении к личности в целом, а по отношению к ее социальному опыту. Произведем лишь последнее ограничение.

Обычно, при употреблении понятия «уникальное» акцент делается на выделении у некоего члена сообщества такой черты, которая признается социумом только у данного субъекта и самим субъектом тоже осознается как уникальная. В самом деле, хорошо известно, как влияет на формирование личности победа в спортивном соревновании, наилучшие показатели по профессии, редкий физический недостаток и т.п. Такую уникальность можно назвать номинативной («победа в номинации» – стандартный пример). Такова заданная внешним образом уникальность избранных.

Уникальность другого рода, являющаяся составной частью социального опыта каждого индивида, имеет статистическую природу, ее психологическим источником является способность субъекта осознавать себя как отличного от других. Так как эта уникальность присуща каждому и реализуется не в критических ситуациях, а в повседневной жизни, то ее можно без потери строгости назвать статистической уникальностью.

Такой тип уникальности задается изнутри и отражает совокупность интерпретаций индивидом себя как отличного от других по всему перечню характеристик индивида в социуме. При этом субъективные оценки носят вероятностный характер, отражая разную степень выделения себя внутри конкретных социальных групп. В этом месте необходимо сделать еще одно уточнение. Можно было бы посчитать, что речь идет об изучении индивидуальных особенностей личности в рамках традиционных задач дифференциальной психологии. Но это не так. С точки зрения субъектности, в опыте индивида накапливаются не сами по себе объективные отличительные особенности, а субъективное представление индивида о себе как уникальном; в этом направлении происходит интегрирование оценок себя как отличного от других. При этом объективная мера «целеустремленности» или наличия «чувства юмора» отходит на второй план по сравнению с тем, как о себе думает сам индивид – сопротивляясь внешним оценкам, он отстаивает суверенность собственных интерпретаций.

Между номинативной и статистической уникальностями нет отношений противоречия, каждая из них продолжает другую в пространстве социальных взаимодействий. Номинативная уникальность является важнейшей характеристикой социального опыта индивида, способной решающим образом модифицировать его жизнедеятельность. Хорошо известно, как сразу меняются количественные и качественные параметры межперсонального пространства человека в ситуациях: «проснуться знаменитым», «получить высокую должность», «потерпеть крах» и т.п.

Статистическая уникальность первична по отношению к номинативной, т.к. в ней заложена возможность субъективного различения себя от другого (единица уникальности). На единой шкале уникального статистическая уникальность определяет ее семантику, номинативная – масштаб.

Феномен номинативной уникальности используется при решении задач реконструкции исторического опыта людей ушедших эпох.

И.Мейерсон, автор известного направления в психологии под названием «сравнительно-историческая школа И.Мейерсона», сформулировал один из подходов к воспроизведению психологии

исторических личностей через уникальное. Рассуждая так же, как ранее Ч.Пирс и другие представители прагматизма, о том, что человек раскрывается в делах и поступках своих, он делает авторское дополнение: кроме того, нужно узнать, что он (человек) сделал лучше всего. Для Мейерсона, как и вообще для метода исторической реконструкции, «лучше всего» означало скорее «лучше других людей», чем «лучше других собственных дел». То есть фактически речь идет об уникальности деяний, возможностей и достижений индивида с точки зрения его современников, его собственной истории.

Статистическая уникальность понимается как некоторый интерпретационный комплекс оценок, мнений, суждений о себе в сравнении с другими. Оценка себя как отличного от других является ни чем иным, как суммой вероятностей отличий субъекта от других по тем параметрам, которые являются ценными и актуальными для того социума, где осуществляется жизнедеятельность данного субъекта.

Напомним, что набор стереотипов, входящих в состав социального опыта, наоборот, определяет параметры социального сходства индивида с другими людьми.

Параметры стереотипности и уникальности являются основными оценочными смысловыми характеристиками межперсонального пространства опыта. Оценки других, в том числе и способы таких оцениваний, входят в состав социального опыта. На их основе формируется возможность оценки себя как сходного с другими (стереотипность) и отличного от других (уникальность). Стереотипное и уникальное как противоположности необходимы друг другу, порождая целое, в котором каждая из сторон является средством обнаружения в другом «своего иного».

Так же, как и для стереотипов, в основании уникального лежат ценностные характеристики жизнедеятельности. Феноменологию такой связи описывает К.Поппер: «Большинство людей, например, чувствуют – то, ради чего стоит жить, будет основательно разрушено, если они и их жизнь перестанут быть в чем-то уникальными и станут в каждом случае типичными для определенного класса людей, то есть станут повторением абсолютно всех действий и опыта других людей, принадлежащих к одному с ними классу. В этом смысле то, ради чего стоит жить, есть уникальность нашего опыта, уникальность впечатления от пейзажа, от солнечного заката, от выражения человеческого лица» [226, с.283-284].

В.Франкл говорит о необходимости мировоззренческой рефлексии, позволяющей прийти к пониманию смысла жизни своим, не-

повторимым путем [283]. Следует сказать, что такая «метауникальность», устанавливая предельные условия для владеющего рефлексией индивида, слабо соотносится с реальными социокультурными, личностно-интеллектуальными возможностями и, с повседневностью большинства людей. Идеальное и реальное, экзистенциальное и прагматизм снова сталкиваются между собой, но уже не в расслоенном обществе, а в одном индивиде, в его индивидуальном опыте.

Представление о неповторимом, быстро меняющемся, индивидуальном ансамбле психологических свойств и состояний создает проблемы для реализации статистического подхода в изучении уникального. Тот же Поппер заявляет: «Универсальное, типичное – это не просто сфера разума, но в значительной степени и его произведение, а именно в той степени, в какой оно представляет собой продукт научной абстракции. Отдельный же человек, его уникальные действия, опыт и отношения с другими людьми никогда не могут быть вполне рационализированы» [226, с.283].

Целиком соглашаясь с К. Поппером в общефилософском плане, попытаемся найти возможное для этого случая компромиссное решение.

Бесконечная в абстракции, уникальность индивида перестает быть таковой с позиции самого субъекта уникального. В реальности для субъекта уникальность существует и используется им как некоторое качество, влияющее на характер взаимоотношений индивида с окружающим миром.

Как и стереотип, уникальное представляет собой двухслойную структуру, представленную на внешнем уровне совокупностью интерпретаций себя как отличного от других, на внутреннем – плохо поддающемся рефлексии качеством собственной уникальности.

Стремясь обеспечить для себя статус уникального, человек непрерывно в течение жизни накапливает субъективную статистику оценок себя в сравнении с другими. В основании такого «сличения» находится взаимодействие с социумом прежде всего в границах межперсонального пространства, а не вообще с человечеством. (Вот почему рядовые участники телевизионных передач так стремятся с экрана «передать привет своим» и совсем иначе в психологическом смысле ведут себя телевизионные звезды – номинанты.)

Субъективная статистика этих взаимоотношений такова, что в результате в социальном опыте индивида интегрируется конечное число интерпретаций себя как отличного от других. Последний факт уже является основанием для осуществления измерения. Другое дело, что каждая отдельная оценка – интерпретация (например, «я сильнее (добрее, богаче) всех», или «я сильнее многих», или «я не слабее других» и т.д.) сама по себе носит субъективно-вероятнос-

тный характер, и это сильно усложняет для испытуемого задачу количественной оценки себя как отличного от других. В огромном разнообразии возможных оценок кроется одна из причин того, почему так плохо осознается и часто не поддается рационализации представление о собственной уникальности индивида.

Опишем типичную ситуацию. Конкретный вопрос, обращенный к взрослой аудитории: «Найдите в себе какие-либо характеристики, которые отличают Вас от присутствующих здесь других» вызывает большие затруднения, независимо от степени знакомства людей в аудитории, их образования и возраста. Еще большие психологические трудности возникают в детской школьной среде.

Перед исследователями уникального возникает целый ряд проблем: каким психологическим способом индивид обнаруживает свое отличие от других; как и когда в онтогенезе такое представление о себе вызревает в формирующейся личности. Наконец, какое место в структуре социального опыта занимает номинативная и статистическая уникальность. Последнее и стало предметом нашего экспериментального исследования.

Как уже говорилось, сложность методического решения проблемы состоит в том, что в повседневности уникальность в отношении себя слабо рефлектируется или даже вовсе не осознается субъектом жизнедеятельности. Появляется специальная задача разработки таких экспериментальных процедур, которые позволяют выявить и измерить номинативную и статистическую уникальность.

Изучение уникального как базовой характеристики социального опыта и его регулирующей функции в процессе социального взаимодействия проводилось нами в двух аспектах: номинативная (Эксперимент I), статистическая (Эксперимент II).

Эксперимент I проводился по единой программе со школьниками 3-х, 5-х и 7-х классов различных областей Украины совместно со школьными психологами и педагогами – классными руководителями.

Изучение способности детей отличать себя от других основывалось на исходном теоретическом представлении о том, что умение выделить себя как уникального в классном коллективе формируется постепенно и детерминированно характером ведущей деятельности в соответствии с ее периодизацией [305]. Дополнительно предполагалось, что осознание себя лучшим по какому-либо основанию является благоприятной предпосылкой для формирования взаимоотношений в коллективе. Проблема единства обучения и воспитания, формирования взаимоотношений в коллективе учеников является постоянно значимой и актуальной в педагогической психологии [21, 45, 72, 88, 90, 96, 100, 119, 128, 157, 195, 278].

Мы исходили из того, что каждый ребенок школьного возраста изначально обладает ансамблем уникальных качеств и ценностей, при этом, например, низкий социометрический статус ребенка в классе говорит о том, что его уникальность в необходимой мере не востребована. И если попытаться создать для каждого возможность раскрыть перед группой-классом его уникальность как первенство в каком-либо отношении, то это изменит его социометрический статус, а также улучшит психологический климат в классе в целом.

Программа эксперимента имела диагностико-формирующий характер и осуществлялась в течение 1,5-2 месяцев, включая достаточно большой набор методических приемов.

Основными среди представляющих интерес в данном случае были:

1. На первом этапе формирующего эксперимента использовалась методика «Шифровка». Эксперимент проводился в игровой форме. Смысл задания, которое давалось каждому ученику, заключался в том, чтобы, по возможности, одним предложением попытаться охарактеризовать себя, а также соседа по парте таким образом, чтобы затем, если «шифровка» будет оглашена перед всем классом, другие ученики смогли бы «расшифровать» фамилию того, о ком идет речь.

Таким образом, каждый ученик «шифровался» дважды: собственное мнение и мнение соседа по парте. В некоторых случаях (в 7-х классах) применялась «шифровка» не со стороны соседа, а от группы учеников. В этом варианте класс предварительно разбивался на несколько групп, каждая из которых «шифровала» тех остальных, кто был вне данной группы.

2. На втором этапе была реализована методика «Книга рекордов Гиннеса». Представляет собой вариант естественного эксперимента, целью которого является выявление и фиксирование качеств или достижений, которые отличают каждого ученика от других в классе.

С этой целью ученикам предлагалось завести в классе собственную «Книгу рекордов», куда будут заноситься фамилии учеников, которые выделяются среди остальных (имеют «рекорд») по какому-нибудь основанию.

К обязательным методическим требованиям здесь были отнесены следующие:

- а) наличие хорошо оформленной «книги рекордов» длительного (постоянного) пользования, куда заносятся первоначальные «рекорды», которые периодически обновляются;
- б) количество и характер «рекордов» ничем не ограничивается;

- в) обладателю «рекорда» вручается официальное «Свидетельство»;
- г) количество «рекордов», завоеванных одним учеником, также не ограничивается, однако каждый ученик класса в конечном счете должен стать обладателем хотя бы одного «рекорда»;
- д) дети сами выбирают состав жюри, фиксирующего факт «рекорда»;
- е) экспериментатор имеет заранее подготовленный список возможных вариантов «рекордов», что позволяет ему регулировать процесс выдвижения и обсуждения «рекордов», имея в виду неявную помощь в том, чтобы каждый ученик стал «рекордсменом»;
- ж) ученик имеет возможность выдвигать «на рекорд» других и себя.

3. Социометрия перед началом и по завершении программы исследования.

Уже на этапе апробации перечисленных методических приемов выяснилось, что дети всех возрастов с большим интересом относятся к экспериментам и активно включаются в игру. О заинтересованности в участии уже на этапе «шифровки» говорят высказывания типа: «Я об этом еще никогда не думал...», «А с нами об этом никто не говорит...», «Мне хочется больше знать о себе...» и т.п.

Одновременно выяснилось, что процедура оценки себя как отличного от других трудна для учеников. Разумеется, жизненный опыт позволяет ребенку воспринимать себя как индивидуальность, однако неразвитость социальной рефлексии, которая к тому же не стимулируется устоявшейся школьной педагогической практикой, приводит к тому, что ученик часто, буквально впервые в жизни, сталкивается с ситуацией «задуматься о себе», «другими глазами глянуть на соседа по парте», «узнать, что о тебе думают другие» и т.д. Показательно, что примерно пятая часть учеников (в основном, младших школьников) с заданием «шифровка» не справились.

Результаты «Шифровки» показали, что характеристики, которые дают ученики, можно разделить на три категории: физические (рост, цвет глаз и т.п.), личностные (аккуратный, смелый и т.п.), межличностные (командир, умеет хранить тайну и т.п.).

Сразу необходимо сделать следующее важное замечание. Дети любого возраста практически никогда не «шифровали» качества, которые имели явно узнаваемый характер (типа «самый высокий», «круглый отличник», «заикается»). Психологически это напоминает известный феномен «горькой конфеты» (А.Н.Леонтьев), свидетельствуя о том, что задача, которую приняли ученики, была

для них лично и познавательно ценной. В более широкой интерпретации выходит, что уже в детском социальном опыте заложено: «бесплатная» номинативная уникальность не является социально ценной.

Распределение уникальных характеристик по категориям с возрастом закономерно менялось: преобладание физических характеристик у младших школьников закономерно сменяется преобладанием межличностных характеристик, которые становятся ценными в подростковом возрасте (см. табл. 5-1).

Таблица 5-1

Класс	Физические	Личностные	Межличностные
3	44,6	24,0	31,4
5	18,5	38,2	43,3
7	20,2	27,0	52,8

Детальный анализ полученных данных показал, что младший школьник в процессе взаимодействия с другими членами группы устанавливает различия между собой и другими по физическим, внешним поведенческим характеристикам; оценки в личностной и межличностной сфере задают взрослые, учитель (учителя).

Особенность подросткового возраста состояла в том, что социальный опыт подростка в условиях взаимодействия с другими членами группы (класса) интегрируется по двум направлениям: выделение себя идет по личностным характеристикам, выделение других происходит по межличностным основаниям.

В контексте экспериментальной программы «Шифровка» оказалась благоприятствующим психологическим условием для перехода к реализации методики «Книга рекордов Гиннеса». Дополнительной причиной проведения формирующего эксперимента явилось практическое неумение части детей выделять себя как отличных от других, в особенности у младших школьников.

На втором этапе эксперимента, длившемся 6 – 8 недель, дети обнаруживали явное стремление стать обладателями какого-либо «рекорда». Поначалу значительная часть рекордов была зафиксирована на основании «прошлых заслуг» учеников (успеваемость, спорт, дисциплина и т.п.). Далее наступила стадия конструирования новых рекордов, перекрытия уже имеющихся, конкуренции и т.д. Показательным был диапазон детской изобре-

тательности и фантазии, далеко выходящий за пределы учебной деятельности и школьной повседневности; появились рекорды типа: «растит троих котят» или «его папа два раза чинил водопроводный кран в классе».

Точно так же, как при «Шифровке» не были ценными самоочевидные характеристики уникальности; показательно, что при выдвижении на «Рекорд Гиннеса» у детей отсутствовали предложения негативного характера, которые могли нести угрозу самоуважению другого или себя.

Если для «Шифровки» ценным оказывался лично-рефлексивный аспект деятельности, то для «Книги рекордов» определяющим оказался коллективистически-моральный аспект активности детей. Имеются достоверные сведения о том, что нынешние уже старшеклассники и выпускники школ хранят и вспоминают врученные им когда-то «Свидетельства».*

Критерием оценки эффективности формирующего воздействия экспериментальной программы послужили данные социометрии.

Результаты социометрии по окончании программы эксперимента оказались значимо более сглаженными по сравнению с социометрией в его начале, прежде всего за счет уменьшения числа «отверженных» и одновременно снижения количества выборов у «лидеров». Тем самым подтвердилась гипотеза, что более гармоничным, сплоченным становится коллектив, представляющий собой «объединение уникальностей».

Стремление и возможность осознать себя как отличного от других не отделяет членов коллектива друг от друга, наоборот, создает условия для образования в нем новых связей, обогащает и коллективный опыт всех и индивидуальный опыт каждого.

Сделанные выводы возвращают нас к положениям, которые мы высказывали вначале. Мы утверждали, что представление субъекта о себе как уникальном на основании какой-либо одной выдающейся характеристики в данном социуме имеет продуктивный характер. Обладание неким исключительным качеством, принятым в группе и самой группой, способствует возникновению новых эффективных взаимоотношений с данным социумом. Сама группа в этом случае активно вводит такую номинативную уникальность в круг своих ценностных ориентаций.

Рассмотренная нами номинативная уникальность в полном соответствии с задачей исследования была введена в пространство межперсональных взаимодействий в группе достаточно искусственно. Номинация как социальный феномен вообще задается извне. Естественным же путем формируется иной параметр социального опыта – статистическая уникальность.

Тогда возникает вопрос о том, что входит в содержание статистической уникальности отдельного индивида, а также какую функцию уникальное каждого выполняет в процессе межперсонального взаимодействия.

Традиционной проблемой социальной психологии является поиск детерминант складывающихся взаимоотношений в группе. Имеется множество исследований связи социометрического статуса члена коллектива с его личностными особенностями. Известно, что личностные особенности членов группы значительно влияют на характер группового взаимодействия [58, 101, 147, 148].

В некоторых исследованиях высокий статус соотносят с популярностью члена группы. Однако понятийный круг «социометрический статус – популярность» остается в значительной мере тавтологичным, тем самым снова остается в стороне проблема психологических механизмов возникновения лидеров, отверженных, середины и т.п.

Любой человек одновременно отделен от своих других и связан с ними. Подобная отделенность и связанность являются взаимно необходимыми. Недостаточное развитие одной из этих сторон социального бытия сильно обедняет личность, часто приводит к ее дезадаптации, психотическим реакциям, девиантному поведению и т.п. И наоборот, у индивида, входящего в групповое взаимодействие, связанное с фундаментальными ценностными ориентациями (семья, профессия, общественное положение), имеется и общая задача достижения личностной зрелости в том смысле, как ее ставит акмелогия [44].

В основу Эксперимента II было положено представление о том, что коллектив есть собрание индивидуальностей и характер взаимоотношений в нем определен соотношением их сходства и различия друг от друга. В процессе повседневного взаимодействия в группе параметр сходства-различия становится условием и предпосылкой формирования статистической уникальности – базовой характеристики социального опыта.

Задача исследования состояла в изучении того, каким способом статистическая уникальность регулирует социально-ролевое взаимодействие в группе.

Понятно, что не все качества статистической уникальности, которыми обладает и которые приписывает себе личность, являются важными для конкретного взаимодействия, ценностные ориентации члена группы вовсе не обязательно должны совпадать с ценностями этой группы. Но, вне зависимости от этого, групповое взаимодействие, выполнение определенной роли является ценным для инди-

вида в его стремлении адекватно вести себя в группе, являющейся актуальной частью его межперсонального пространства.

Всякая характеристика отдельного индивида, зримо отличающая его от других членов группы, независимо от уровня ее осознания самим индивидом, так или иначе влияет на распределение социометрических статусов во всей группе. Такое подтверждается хотя бы фактом перераспределения статусов всякий раз при включении в группу нового человека, равно как и выхода кого-либо из нее. Отсюда, в частности, следует, что статистическая уникальность в отличие от номинативной является более динамической характеристикой социального опыта.

Возникает вопрос о том, по каким законам такое распределение происходит, в какой форме реализует себя уникальность.

Мы предположили, что в процессе группового взаимодействия непосредственно реализуется тот набор составляющих статистической уникальности индивида, который на данный момент представляет ценность для группы. Ценность той или иной составляющей состоит прежде всего в ее новизне. Приобретая за счет данного члена группы доселе отсутствующее в ней качество, группа тем самым расширяет возможности своего функционирования. Возможности индивида, вошедшего в группу, также расширяются за счет компенсации недостающего в личном багаже уникального других членов группы. В таком случае всякое уникальное приобретает качество стоимости, а субъект уникального становится обладателем некоторого индивидуального обменного фонда, равного сумме уникальных для группы качеств индивида.

Конкретная гипотеза исследования сводилась к тому, что величина индивидуального обменного фонда влияет на характер взаимоотношений индивида в группе, его поведение, выбранную роль, самооценку, что, в конечном итоге, находит отражение в его социометрическом статусе: больший обменный фонд соответствует большему статусу.

Была разработана специальная процедура для выявления набора уникальных качеств субъекта в отношении к его групповому взаимодействию, т.е. индивидуального обменного фонда отдельного члена группы. Опросник получил название «Личный обменный фонд» (ЛОФ).

Мы полагали, что ЛОФ является частью набора уникальных качеств индивида, обладает свойством релятивности, изменяется при переходе в какой-нибудь другой социум либо при изменении данного.

В соответствии с задачей исследования для проведения эксперимента больше всего подходили фиксированные группы. Эксперимент проводился в студенческих группах.

В предварительной беседе с каждым испытуемым был выявлен и составлен совокупный список ценных для членов данной группы качеств в количестве около 150. В результате процедуры оценки сходства и дублирования выделенных качеств список был сокращен до 40. В дальнейшем этот список был положен в основу процедуры определения ЛОФ каждого члена группы.

Испытуемым предлагался бланк с набором качеств, которые в свою очередь подразделялись на четыре категории: личностные, межличностные, поведенческие, конституциональные.

Испытуемые должны были трижды оценить свое возможное преимущество по каждому качеству в следующих оппозициях: «Я – мой друг», «Я – наш лидер группы», «Я – большинство в моей группе».

Испытуемому присваивались баллы за те качества, по которым испытуемый в любой из оппозиций отдавал предпочтение себе. Совокупность этих характеристик составляла индивидуально-обменный фонд испытуемого.

Предварительно проведенная в группе социометрия позволила определить социометрический статус каждого члена группы. Распределение статусов было типичным для такого рода измерений, были выделены лидеры, отверженные, мидл.

С целью выяснения возможных связей между показателями ЛОФ и социометрии был проведен корреляционный анализ. Выявилась вполне определенная позитивная связь социометрического статуса с величиной ЛОФ, что позволяет прийти к выводу, что индивидуальный обменный фонд в процессе группового взаимодействия является психологической характеристикой, влияющей на социометрический статус отдельного члена группы. Более высокие значения социометрического статуса получают те из группы, кто является носителями большего количества (объема) таких качеств, которые выделяют данного индивида из большинства.

Эксперимент подтвердил гипотезу о том, что статистическая уникальность является психологическим фактором, регулирующим социально-ролевое взаимодействие в группе способом обмена уникальными качествами членов группы.

Основную смысловую нагрузку в понятии личного обменного фонда в контексте социального опыта несет слово «обменный».

В настоящее время психологический механизм обмена остается не вполне ясным. Э.Фромм говорит о каналах обмена на уровне бессознательного: «Наличие общего опыта является своеобразной основой любого психологического понимания: если кто-то понимает бессознательное другого человека, то это означает, что он имеет доступ к бессознательным пластам своей собственной личности и потому оказывает возможным обмен опытом» [288, с.225; а также 322].

В теории обмена Дж.Хоманса любая деятельность рассматривается в связи с потребностью в вознаграждении. В качестве параметров оценки социального взаимодействия выступают вложения, прибыль, издержки, справедливое распределение, одобрение – неодобрение, симпатия – антипатия и др. [206].

Напрашиваются аналогии с информационным обменом при воспоминании в условиях общения. Ранее нами и рядом других исследователей было показано, что коллективно распределенная память по объему богаче индивидуальной [153, 201]. Однако исходная информация при этом тогда обогащает память, когда она не является ни избыточной, ни малозначимой, а находится в «зоне мнемического обогащения». Аналогии тем более уместны, если мы полагаем, что коллективно распределенная память является когнитивной основой процессов личностного обмена в процессе группового взаимодействия, благодаря чему осуществляется интеграция социального опыта индивида. Вошедший в группу со своими уникальными знаниями, умениями, прошлым опытом индивид объективно становится ценным для данной группы, в которой сразу запускается процесс взаимообогащения.

Если взять более общее понятие статистической уникальности, то оно отражает совокупность уникальных характеристик индивида в целом. При встрече с той или иной группой индивид не может автоматически использовать свой ресурс уникального, он обязан войти в группу и быть в ней с учетом ценностных ориентаций данной группы.

В данном случае важно избежать упрощений, рассуждая таким образом, что ценности группы есть нечто наперед заданное. Иначе проблема превращается в задачу адаптации новичка к «уставу чужого монастыря». При более широком рассмотрении групповое взаимодействие есть процесс непрерывного «ценнотворчества», когда каждый член группы выступает одновременно и равноправно как субъект и объект взаимодействия. Для этого должен существовать социально-психологический процесс более универсальный чем «адаптация индивида» и «групповое давление». Таким процессом оказывается процесс обмена возможностями и достижениями, качествами личности, которые становятся ценными для группы благодаря их уникальности. Именно в этом случае групповое взаимодействие предстает как взаимообогащение каждого индивида и группы в целом. Феноменально «обмен» есть реальный динамический процесс непрерывного «выяснения отношений», конкуренции качеств. Важно заметить, что конкуренция возникает из-за стремления не к преобладанию (последнее всегда характерно лишь для части членов группы), а к отличию от других.

Конечно, находясь в группе, индивид естественным образом тяготеет к данной общности, примериваясь к ней в соответствии с тем же групповым давлением, а также с имеющимся у индивида социальным опытом.

Поиски согласия с мнением, правилами поведения других людей обусловлены потребностью в социальном признании, обеспечивающем социальную защиту и эмоциональный комфорт. Явление деструктивного поведения отдельных индивидуумов в данном случае лишь исключение, подтверждающее правило. Как считает Т.Ньюкомб, согласие – это «существование у двух и более личностей сходных ориентаций по отношению к чему-нибудь» [211]. Приобретаемое сходство мнений, правил поведения – это прежде всего следствие взаимного приспособления, приравнивания. Возникающая при этом стереотипизация поведения является необходимой оппозицией уникальному: благодаря стереотипам, установленным правилам группового поведения уникальное приобретает размерность отличия, а также собственное имя.

Гипотеза о наличии у членов группы ЛОФ, а значит потенциальной направленности на обменивание индивидуальными возможностями, позволяет найти более точное психологическое объяснение известному факту, что при определенном уровне взаимоотношений центростремительные тенденции в группе (диаде) обнаруживаются не только при совпадении качеств личности членов группы, но, одновременно, и при их несовпадении. Когда о людях говорят: «Противоположности притягиваются», психологически это означает: «Противоположности обмениваются».

Дело не в наличии противоположности как таковой, а в стремлении социальной системы к экологически валидному разнообразию связей и взаимодействий внутри системы, что повышает ее устойчивость и адаптивные возможности в изменяющихся условиях жизни. Как мы убедились, в рамках конкретной социальной группы социометрический статус растет у тех испытуемых, кто выделил у себя большее количество апробированных в группе уникальных качеств.

Корреляция показателей социометрического статуса и ЛОФ в группах была бы еще более высокой, если бы не случаи, когда большое количество уникальных достоинств приписывали себе члены группы, относящиеся к так называемым «отверженным». В ситуации, когда остальные члены группы не делегируют уникальность тем, кто ее себе приписал, вместо естественного обмена возникает деструктивный обмен. Трудно удержаться от газетной лексики: неплатежи «по уникальности» со стороны группы ставят на грань банкротства социальный опыт ее отдельного члена.

Дальше возникает психологический круг: «Отверженность» влечет за собой определенную социальную дезадаптацию, включается механизм психологической защиты, что провоцирует еще более высокий уровень приписывания себе качеств, показывающих уже не отличие, а превосходство в отношении других и т.д. Данный случай лишь усиливает «от противного» тезис о связи уникального с характером социального взаимодействия.

Таким образом, третьей из базовых структурных составляющих социального опыта является представление индивида о своем отличии от других. Его уникальность является ценностной характеристикой для себя и для других.

Ценными в себе в соотношении обмена индивид полагает такие позитивные характеристики, которые выделяют его по сравнению с другими. Ценными в другом индивид считает как сходные со своими, так и недостающие ему самому позитивные индивидуальные характеристики, выделяющие данного другого по сравнению с остальными членами группы. Такое различие в оценках себя и других является необходимой предпосылкой осуществления обмена (взаимодополнения) качествами в рамках группового взаимодействия.

Проведенные в данной части исследования позволяют составить некоторую целостную картину структурно-динамической организации социального опыта. Его структура вбирает в себя три базовые характеристики: изначально это субъективное межперсональное пространство, вобравшее в себя социогенное прошлое, настоящее и будущее индивида, в рамках которого формируются и действуют стереотипия и уникальное. Целесообразное стремление индивида быть похожим на других, соответствовать социальным нормам, точно так же, как оправданное желание отстаивать свою уникальность в конечном итоге находят свое место, фиксируется в социальном опыте. Тем самым индивид получает возможность интерпретации окружающего его социума во всем его многообразии, у него формируется способность адекватного вхождения в ситуации разного уровня социального взаимодействия. Социальный опыт является подвижной, динамической структурой, органично включенной в общий процесс жизнедеятельности в качестве ее превращенной социальной формы.

Глава 6. Личностный опыт

Центральным понятием современной психологии является понятие личности. Одной из главных тенденций последних десятилетий в развитии теории личности является разработка «субъектной парадигмы» (К.А.Абульханова-Славская, Б.Г.Ананьев, Л.И.Анцыферова, А.Г.Асмолов, Г.А.Балл, Р.Бернс, А.К.Дусавицкий, Дж.Келли, Т.С.Кириленко, Г.С.Костюк, А.Маслоу, В.А.Петровский, К.Роджерс, В.А.Роменец, С.Л.Рубинштейн, Г.К.Середа, В.А.Татенко, Т.М.Титаренко, Э.Эриксон и др.).

Анализируя современные исследования личности, Л.И.Анцыферова отмечает «растущее стремление психологов когнитивно-феноменологической ориентации учитывать в исследованиях «приватный опыт», рассматривать трудные ситуации глазами самого субъекта, с точки зрения его «внутренней ситуации». Они исходят из положения о том, что человек на протяжении всей своей жизни строит, перестраивает и достраивает глубоколичностную «теорию» мира, включая и его самоконцепцию. Весь опыт жизни, а также предвосхищаемое будущее закрепляется в мини-теориях в виде систем значений и значимостей, убеждений и ценностей» [13].

А.Маслоу, крупнейший представитель гуманистической психологии, разрабатывая свою теорию личности, также исходил из фундаментальности человеческого опыта. Отталкиваясь от принципов «даосского невмешательства», равноправия наблюдателя и испытуемого, Маслоу утверждал, что все знание, касающееся человеческой жизни, является продуктом непосредственного личного опыта. Его ничем нельзя заменить. Понятийное, абстрактное, теоретическое познание полезно только тогда, когда люди уже имеют знание экспериментальное. Слова теряют силу, когда нет опыта. Слова достигают цели, когда люди имеют сходный опыт. В процессе экспериментального познания, наступает момент, когда человек отдает себе отчет в проявлении формы, порядка или отношения [329].

Стремление преодолеть несоответствие квантифицируемых концепций личности проблемам реального человека привело другого исследователя, Дж.Келли, к идее метатеории, которая одинаково приложима и к научному познанию, и к познанию мира конкретным человеком.

Заслуга Келли состоит в том, что он отверг представление о человеке, как о результирующей внешних сил, случайных обстоятельств. Наоборот, по Келли, человек не только объясняет мир,

он пытается предсказывать события, контролировать и учитывать последствия различных действий и поступков, используя для этого соответствующие психологические средства, возникающие из собственного опыта [285].

Такая парадигма созвучна выдвигаемому нами представлению о наличии у индивида личностного интерпретационного комплекса, который в интегрированном виде отражает содержание личностной подструктуры индивидуального опыта.

Независимо от его полноты, сложности, отрефлектированности, такой комплекс реально существует для каждого индивида в функции инструмента, средства оценки себя и других, организации собственного поведения. Такая система интерпретаций вбирает в себя основные свойства индивидуального опыта личности – интеграцию и реинтеграцию, непрерывность, системность.

Интерпретация является одной из важнейших инструментальных характеристик индивидуального опыта.

Раскрывая роль интерпретации в понимании текста, Н.В.Чепелева выделяет следующее: «Интерпретация служит механизмом смыслового обогащения текста, которое осуществляется благодаря погружению читателя в контекст – личностный, деятельностный, культурный. Он и задает те или иные интерпретационные схемы, которые, с одной стороны, сужают смысловое пространство текста, позволяя отбрасывать несущественные (с точки зрения реципиента) смыслы, с другой – расширяют его, обогащая новым пониманием содержания сообщения, способствуя синтезу новых смыслов» [298].

Применительно к индивидуальному опыту интерпретация получает иной расширительный смысл. Жизнедеятельность, представляющая собой последовательность сменяющих друг друга событий, которые метафорически можно представить как знакомо-незнакомый «текст жизни», задает интерпретациям как характеристикам опыта две ориентирующие длительные функции: классифицирующую, когда событие оценивается по его принадлежности к накопленному в опыте тому или иному классу событий, и коммуникативную, когда благодаря появлению околособытийной информации создаются условия для контекстного взаимопонимания между людьми, введения события в социальное пространство взаимособытий.

При интерпретации текстов – пишет Н.В.Чепелева – «реципиент может использовать в качестве интерпретационных схем готовые образцы. В качестве таковых могут выступать не только культурные образцы, служащие механизмом подключения к культуре, но и готовые клише, шаблоны, сформированные в прежнем опыте и иногда бездумно накладываемые на текст, независимо от его содержания и

целей чтения реципиента» [Там же]. Главное отличие интерпретаций текстов и событий (чтение текста – одно из событий) – в критерии их истинности. Для текстов (научных, учебных, литературных, бытовых и т.д.) – это внешний, объективно-смысловой критерий, для событий – это субъективный критерий, когда истинность определена адекватностью интерпретации в отношении регуляции жизнедеятельности. А.Адлер доказывал, что «человек живет в мире, им же созданным и мотивирован прежде всего личными мнениями и убеждениями о настоящих и будущих событиях, регулирующими его поведение» [7]. С этой точки зрения объективно «бездумное» как деструктивное в конкретном виде не обязательно деструктивно в обеспечении условной жизнедеятельности в более широком масштабе. Другой отличительной характеристикой интерпретационных комплексов индивидуального опыта является их устойчивость, стереотипность, в чем первоначальные творческие интерпретационные интенции индивида обретают фиксированную форму. Третьей характеристикой накопленных в опыте интерпретаций является их понятность для самого субъекта опыта. Наконец, интерпретации не могут полноценно осуществляться вне эмоциональной сферы и тогда они выступают в форме переживаний, являющихся наиболее «психологической», но одновременно и труднее всего «измеряемой» характеристикой опыта. Т.С.Кириленко пишет: «Переживания относятся к таким категориям в психологии, которые в наиболее выразительной форме представляют психическую реальность как внутренний опыт личности, как траекторию ее самотворчества, самосоздания ее жизненного пути, самосоздания ее как человека поступка» [126].

Личностный интерпретационный комплекс является экзистенциальной (эмпирической, экспириентальной) основой самооценки личности, ее Я-концепции.

В современной литературе ещё не устоялась единая трактовка психологического смысла «Я-концепции». Общепринятым является мнение о ней, как о динамической системе представлений, образов, мнений человека о самом себе, своей идентичности, самооткровенности [Р.Бернс, Ч.Кули, Дж.Мид, К.Роджерс, Э.Эриксон].

В повседневности человек редко предается специальному самооцениванию, тем более самоанализу. Вместе с тем, благодаря личностному опыту он оказывается способным адекватно организовывать свое поведение, не оценивая специально истоков такой адекватности.

Взаимосвязь Я-концепции и опыта Р.Бернс видит в следующем: «Функция Я-концепции в поведении заключается в том, что она определяет характер индивидуальной интерпретации опыта... У

человека существует устойчивая тенденция строить на основе собственных представлений о себе не только собственное поведение, но и интерпретацию индивидуального опыта» [39].

Добавим, что и личностный опыт, источником и объектом которого является мир характеров и эмоций, успехов и неудач, мировоззрений и поступков своих и окружения, корректирует Я-концепцию, заинтересованный в ее динамичности и адекватности в повседневной жизни.

Следует отметить, что проблема организации личностного опыта, в особенности, способов и средств его интеграции и реализации мало исследована в современной психологии.

Косвенно ее касаются в плане психологии жизненного пути, жизненных стилей. При такой направленности исследований выявляемый жизненный инструментарий (способы, средства, цели, ориентации, мотивы) сам по себе гораздо шире и неопределенней, чем тот набор психологических средств, которыми человек привычно пользуется в повседневности.

Интерпретационный комплекс является психологически упорядоченной системой, взаимосогласованной и понятной индивиду. Ясно, что самодостаточность такой «теории жизни» позволяет выполнять важнейшую функцию индивидуального опыта – обеспечение стабилизации и устойчивости видения мира субъектом. Тем самым одновременно порождается трудность перестройки человека в ситуации фундаментальных изменений либо со стороны социума, либо в целом на жизненном пути индивида.

Понятие личностного опыта не является общеупотребимым в современной психологии, поэтому правомерность введения его в понятийный аппарат нашего исследования требует дополнительного обсуждения.

Будем относить к личностному опыту часть индивидуального, характеризующую способность субъекта оценивать себя, других и окружающий мир по разным основаниям. Тогда личностный опыт есть совокупность устойчивых оценок на основе сложившейся системы интерпретаций.

Можно предположить, что такая совокупность оценок себя и других функционирует на двух уровнях: микроструктурном и макроструктурном.

Микроструктура личностного опыта проявляется и реализуется в последовательности сменяющих друг друга событий повседневности. Результатом многократного оценивания себя, других и окружающего мира в отношении к этим событиям является образование субъективных шкал, полюсами которых становятся

различные параметры личности («добрый» – «злой», «сильный» – «слабый» и т.п.). Совокупность таких шкал составляет психосемантическое пространство личностного опыта, которое, в свою очередь, становится основой для образования необходимых для жизнедеятельности макроструктур.

Макроструктуры личностного опыта детерминированы отношением индивида к себе как к ценности, межличностными отношениями, мотивационно-ценностными ориентациями личности, профессиональной и другими видами деятельности. В каждой из трех сфер функционирования личностного опыта (Я – другие – мир) выработаны соответствующие способы интерпретаций.

Конкретное наполнение макроструктуры личностного опыта зависит от характера и качества жизненной стратегии человека. Имеется в виду мера совпадения ценностных ориентаций индивида с общепринятыми социальными нормами. При достаточном совпадении поведение является нормативным, при несовпадении – квалифицируется как девиантное. Оба эти случая демонстрируют разные пути формирования личностного опыта и требуют специального изучения, тем более актуального в настоящее время, когда представления о социально одобряемых правилах, нормах поведения стремительно меняются.

Таким образом, изучение личностной подструктуры индивидуального опыта предполагает решение следующих задач:

1. Изучение микроструктурных характеристик субъективного психосемантического пространства личностного опыта.
2. Изучение макроструктурных характеристик личностного опыта.
3. Сравнительный анализ характеристик опыта в случаях нормативного и девиантного поведения.

Таксономия субъективной психосемантики

Источником личностного опыта на микроструктурном уровне является непрерывная последовательность сменяющих друг друга событий повседневности. Результатом интеграции таких событий или, иными словами, перехода (перевода) симультанного поля в сукцессивное образование является возникновение совокупности субъективных шкал, дающих возможность субъекту ориентироваться в той же повседневности.

Феномен превращения симультанного в сукцессивное (формообразование непрерывного) оказался для экспериментальной психологии фактом обращения неизмеряемого в измеряемое. Как известно,

первым, кто обратил на это внимание и разработал теорию шкал, был С.Стивенс [266].

Если подвергать изучению какой-либо компонент опыта в его частном проявлении (память, стереотип и т.п.), то он становится вполне количественно измеряемым. Если же, например, вслед за Роджерсом, рассматривать его в целом как духовность, попытки измерения приводят к потере объекта измерения. Представляется, что в теории шкалирования Стивенса заложены основания для преодоления данного «межпарадигмального разрыва».

Психофизическими явлениями, которые одновременно продвигают и усложняют проблему «измеряемого», оказались феномены субъективных интервалов и биполярности субъективных шкал.

Понятие шкального расстояния было введено в теорию измерения именно для величин, для которых нельзя найти подходящей единицы измерения [36, 78, 131]. Шкала интервалов оказалась наиболее «рабочей» в практике психодиагностики. На ее основе была разработана техника семантического дифференциала, предложенная Ч.Осгудом [214].

Метод Осгуда получил широкое применение в психологии восприятия и личности, в социологии и политике, в области эстетики, а также во множестве прикладных областей человеческой деятельности, там, где речь идет о выявлении субъективных и даже интимных оценочных характеристик вещей, себя и других людей [16, 63, 65, 219, 220, 268, 304 и др.]. Экспериментаторов не в последнюю очередь привлекло и то, что, в отличие от Дж.Келли, Осгуд не ограничивал сферу применения своего метода шкалирования правилом «диапазона пригодности» конструкторов [106, 285].

Как методическое средство метод семантического дифференциала широко применялся в наших исследованиях. Шкала семантического дифференциала относится к оценочным и представляет собой весьма сложную структуру. По классификации Е.М.Вольф «на ней находится целый ряд признаков, которые могут двигаться по нарастающей/убывающей, причем часто независимо друг от друга» [69].

Концепция биполярности субъективных шкал имеет параллели с некоторыми лингвистическими и психолингвистическими концепциями. Так, А.А.Брудный предложил «оппозиционную концепцию значения», суть которой в том, что значение слова определяется не только отношением сходства, но конституируется системой противопоставлений. Например, полностью меняется семантика понятия «железная дисциплина» у разных этносов: для русского «железо», как более твердое, неявно противопоставляется «дереву», «меди», тогда как в осетинском «железо», как более мягкое, неявно противопоставляется «стали» [50].

В основании теории конструкторов Дж.Келли, наиболее разработанной и продвинутой в плане практического применения психодиагностики, лежит представление о принципиальной двухполюсности функционирования индивидуальных значений. Выделяя, называя, утверждая что-либо, субъект всегда имеет в виду нечто противоположное (реальное либо воображимое) данному. Согласно Келли «в поисках смысла в окружающей действительности мы подмечаем и сходство и различие одновременно. Польза конструктора – именно в контрасте. Биполярность заключена в нем самом, а не в двух совокупностях элементов, различающихся по данному конструктору» [285].

Исходя из такой природы психологических шкал можно утверждать, что процесс шкалирования не является лишь топологически выверенной процедурой измерения, но переводится в ранг психологического средства интерпретации индивидуального опыта личности.

Здесь только остается невыясненной связь между способностью испытуемого давать количественную оценку некоторому качеству личности и очевидной способностью индивида накапливать опыт, воспринимая и препарировав ситуации из повседневности. В общем виде микроструктура личностного опыта помимо входа (восприятие и обработка информации/ситуации) и выхода (принятие решения и оценка качества личности) должна иметь среднее звено, осуществляющее функцию хранения, кодирования и извлечения информации. Возникает вопрос: в форме какой психологической реальности представлено данное среднее звено?

Можно предположить, что одним из основных результатов интеграции личностного опыта является наличие у индивида субъективных статистик различных модальностей: это и пространство субъективных психосемантических шкал [16], и символика невербального поведения [152], и нормативы речевой продукции [229]. Данный перечень легко можно продолжить, имея в виду, что статистики фактически являются отражением всевозможных сторон жизни индивида, различаясь по массиву, глубине, длительности жизни, репрезентативности и т.д.

Статистики, являясь единицами личностного опыта, по своему строению, функции и генезису отличны от социальных стереотипов. Если стереотип представляет собой структуру устойчивую, фиксированную в прошлом опыте, инвариантную по отношению к различным жизненным ситуациям, статистика является структурой подвижной, совокупностью «временных достижений» (Ухтомский), проявления которых носят вероятностный характер. Статистики находятся в отношении к стереотипам в определенном смысле в ка-

честве «сырых результатов», являются исходной феноменальной базой их дальнейшей организации.

При встрече с новой информацией стереотип принимает или отталкивает ее в зависимости от степени ее совпадения с существующими в опыте индивида схемами. В отличие от этого, статистики не «отвергают с порога» новые информационные поступления, а способны к изменению, уточнению и реконструкции. Можно утверждать, что стереотип по отношению к новому сигналу выполняет роль фильтра (уподобление первого рода), статистика ассимилирует сигнал, соответственно сама изменяясь (уподобление второго рода).

Рассуждая по аналогии с основными положениями теории обнаружения сигнала [105], будем исходить из того, что повседневность, жизнедеятельность представляют собой «генеральную совокупность» ситуаций, событий, поступков и т.д. Тогда отдельная статистика представляет собой репрезентативную выборку, валидную некоторому субъективному аспекту опыта, тем самым являя собою исходную единицу личностного опыта.

Примером некоторой статистики может быть отдельная субъективная шкала («добрый» – «злой», «сильный» – «слабый» и т.п.), когда характер распределения суждения индивида по шкале есть результат накопленного в его собственной биографии. Распределение статистики по шкале может быть одномодальным либо бимодальным. В последнем случае противоположные дескрипторы («добрый» – «злой») имеют самостоятельное значение, сосуществуют в опыте индивида, проявляясь, например, в двойственном (амбивалентном – Юнг) отношении человека к себе, к другим, к миру.

Одномодальность либо бимодальность статистики не являются наперед заданными; переходы, перетекание одного распределения в другое является закономерным процессом, естественным для развивающегося индивида. Об этом свидетельствуют стадии возрастного развития, поведение в переходный период, маятниковый характер общественного мнения и т.п.

Статистики не существуют изолированно одна от другой, они могут быть расклассифицированы по различным основаниям, модальностям, сферам, периодам жизненной активности субъекта. Совокупности статистик отражают различные субъективные пространства опыта: психофизическое, мнемическое, психосемантическое, социальное и т.п.

Наличие в опыте индивида необходимого комплекса субъективных статистик (КСС) позволяет ему иметь субъективное мнение о мире и своем месте в этом мире, высказывать суждения, делать умозаключения и, в конечном итоге, принимать решения. Такие реше-

ния основаны на вероятностной природе складывающихся у индивида в процессе жизнедеятельности статистик.

Дж. Локк понимал разум состоящим из двух частей: первой, когда мышление основано на точном знании, и второй, когда принятие решений основано на вероятностной оценке проблемной ситуации. Возможность такой оценки основана на опыте. Локк указывает два его вида: «Есть два основания вероятности – это согласие с нашим собственным опытом или подтверждение опытом других» [180]. Добавим, что «опыт других», не существуя сам по себе, должен быть предварительно понят и принят данным индивидом, пускай даже путем подражания или почерпнут из справочника.

По своей генетической и организационной природе КСС представляет собой квазистабильное системное образование. Но тем самым ему обеспечен более высокий уровень развития, чем, например, навыку, умению.

Проблема описания (измерения) индивидуальности, и, в частности самоописания (самоизмерения), остается одной из самых актуальных и малоразработанных в психодиагностике.

Конкретная статистика трудно поддается непосредственному измерению (физики, наверняка, сказали бы о невозможности прямого измерения).

Наличие измерительного прибора (экспериментатора, инструментария) пренебрежимо мало при измерениях устойчивых единиц опыта типа объем кратковременной памяти, языковая грамотность, стереотип и т.п. Иное дело – личностные опросники, шкальные оценки, когда нередко желание испытуемого ответить «и так, и так» (ситуативная бимодальность), а отсюда требование к нему экспериментатора отвечать «по первому впечатлению» (вынужденная одномодальность) и т.п. Наличие искажений, идущих от самой измерительной процедуры, становится серьезной проблемой психодиагностики [53].

Как происходит измерение на практике? Испытуемому предлагается некоторая шкала, края которой определены семантически противоположными утверждениями, в координатах этих утверждений он и должен произвести оценку какого-либо объекта (себя, другого, события, вещи и т.п.). Экспериментатор исходит из молчаливого предположения, что в данной языковой среде существует некий общий для всех нормативный социокультурный статус, например, понятий «обаятельный», «общительный», «злой» и т.д., которые сами по себе как бы не требуют дальнейших разъяснений, тем более дефиниций. И это действительно так.

Испытуемый не нуждается в дефиниции, более того, при попытке «дать определение» утверждению ни он, ни присутствующий экс-

периментатор ничего, кроме синонимии, а по сути, тавтологии, как правило, высказать не могут. Но несмотря на данный «понятийный нигилизм» само оценивание проходит успешно, не вызывая у испытуемого никакого когнитивного диссонанса.

Такое возможно лишь в том случае, если предположить, что всякая субъективная оценка, спроецированная на шкалу, имеет не номинативную, а статистическую природу. Человеческий язык очень рано, произвольно и естественно для человека, становится живым носителем человеческого опыта. Причем одновременно опыта общечеловеческого и субъективного. Жизнедеятельность индивида в личностном опыте как в своей превращенной форме «успокаивается» в виде субъективных статистик, существенность которых всякий раз подтверждается возвращением обратно в жизнедеятельность в виде мнений, установок, оценок и самооценок.

Таким образом, рассматривая природу и возможность шкалирования, оценивания (логического, образного либо эмоционального), мы приходим к выводу, что ближайшим психологическим образованием, обеспечивающим акт оценки «без дефиниций», является личностный опыт.

На это обстоятельство обращал внимание еще Дж.Локк: «Удовольствия и страдания – простые идеи... Подобно другим простым идеям, эти идеи не могут быть описаны, их названиям нельзя дать определение. Единственный способ познать их, как и другие простые идеи чувств, есть опыт. Дать им определение исходя из наличия добра и зла – не что иное как сделать их известными нам, заставляя нас размышлять только о том, что мы в себе чувствуем при различных воздействиях добра и зла на наш ум» [180, с.380].

Изучение различных аспектов активности личности с помощью семантических шкал в последние годы все более расширяется. Е.Ю.Артемьева, говоря о сущности и преимуществах психосемантического подхода, подчеркивает следующее: «Развитые формализмы современной науки... порождают естественное стремление к применению строгих и даже унифицированных процедур исследований.» При этом, добавляет она, «из поля зрения исследователя выпадает тот наиболее драматический момент, когда субъект принимает стимуляцию встречным структурированием мира, когда деятельность находит свой объект» [16].

Изучая отношения испытуемого к какому-либо объекту (вещам, событиям, другим людям, себе самому), мы обычно выносим за скобки сам процесс оценивания, его психологическое содержание, т.е. фактически то, что и составляет опыт индивида. Артемьева пишет: «Аксиоматика большинства психологических теорий апеллирует к

психотехнике (организации психических процессов), но нам хотелось бы работать внутри психологии. Поэтому мы не всегда могли прямо воспользоваться терминологией существующих теорий, и нам пришлось вводить понятие типа «структура субъективного опыта», «координаты опыта субъекта» [Там же]. Вводя понятие «координаты опыта» и отличая его от понятия «координаты объекта», Е.Ю.Артемяева и другие ее последователи ставят вопрос о необходимости специального изучения того, что лежит в основании процедуры и факта выражения мнения испытуемым.

Исходным для нашего исследования было представление, что в основе субъективного шкалирования, суждения, принятия решения лежат статистики как единицы опыта индивида, представляющие собой квазистабильную совокупность следов событий его жизни.

Представление о том, что в основе субъективных шкал лежат накопленные статистики, не является новым в психофизике и психологии личности. Вместе с тем, исследователи, обычно представители когнитивистского направления, делают акцент на процедурах измерения и абстрактного моделирования шкал [36]. Совсем мало уделено внимания генезису статистик, их внутренней противоречивости, встроенности в повседневность.

Задача выявления и измерения статистик как единицы опыта индивида является сложной и многоаспектной. Одним из средств проявления статистики является процедура шкальной оценки. Исходя из того, что факт оценивания является результатом множества предшествующих неявных психологических процессов, можно попытаться произвести обратную процедуру. Для этого необходимо выяснить прежде всего субъективные средства шкалирования, из которых испытуемый исходит изначально.

Задача данного исследования состояла в установлении таксономии пространства психосемантических шкал и его основных составляющих.

Гипотеза состояла в том, что субъективная статистика, выступая в роли измерительного инструмента личностного опыта, определенным образом отражает процесс его интеграции, что проявляется в специфике ее структуры и таксономии психосемантических шкал.

В эксперименте вначале испытуемые производили самооценку по 15 семантическим семибальным шкалам.

Затем их просили ответить по каждой шкале, отдельно для каждого ее полюса, на следующий ряд вопросов:

1. Как Вы понимаете данное качество?
2. Где Вы сталкивались с проявлением этого качества?

3. Какой персонаж (литературный, сказочный, мультипликационный, реальный) является носителем данного качества?

В эксперименте приняли участие две группы испытуемых: дети в возрасте 11-13 лет и взрослые в возрасте 20-30 лет.

Процедура измерения представляла собой экспертную оценку в баллах по каждому ответу для всех 15 дескрипторов соответственно у детей и взрослых.

Таксономия субъективной психосемантики включала следующие показатели:

1. Уровень понимания испытуемым смысла дескрипторов при ответах на первый вопрос инструкции (баллы).
2. Асимметрия понимания. Различалась позитивная асимметрия – когда уровень понимания положительного дескриптора превышает уровень понимания отрицательного; негативная асимметрия – наоборот (баллы).
3. Перенос – объяснение смысла одного дескриптора через другой (количество шкал).
4. Семантическая поддержка – объем словарного запаса при ответах на второй вопрос инструкции по данному дескриптору (количество слов).
5. Адаптационный эффект – уровень адаптации (по Хелсону) [324], субъективная середина шкалы. Может быть положительным и отрицательным относительно середины данной семибалльной шкалы в зависимости от того, какой полюс шкалы более значим для испытуемого (шкальные оценки).
6. Дисперсия – степень совпадения показателей самооценки в группе по отдельным дескрипторам (шкальные оценки).

В эксперименте особое внимание уделялось тому, какие литературные, сказочные и другие персонажи назывались взрослыми и детьми.

Критерии оценки понимания дескрипторов соответствовали стандартам, принятым для тестов интеллекта (Векслер, Амтгауэр).

Результаты экспериментов, отражающие средние данные по группам взрослых и детей, представлены в табл. 6-1, 6-2.

В таблицах представлены 6 показателей, описывающих с разных сторон психологическое содержание шкальных оценок. В свою очередь, шкалы, имеющие позитивный и негативный полюсы/дескрипторы, представляют собой конкретный способ проявления субъективных статистик индивида – единиц его личностного опыта.

Далее обсуждение будет проводиться последовательно по каждому показателю, одновременно при сравнении данных о детях и взрослых.

Как видно из табл. 6-1, 6-2, уровень понимания дескрипторов оказался выше у взрослых ($P < 0,01$ по критерию χ Вилкоксона). В этом нет ничего неожиданного, т.к. дети раннего подросткового возраста еще не владеют в достаточной мере психологическими средствами обобщения, как и правилами высказывания дефиниций. Нужно добавить, что и для многих взрослых ответ на вопрос «Как Вы понимаете данное качество?» был достаточно труден.

Показатель асимметрии понимания дескрипторов между позитивным и негативным полюсами свидетельствует о том, что в статистиках накапливается и обобщается информация из повседневности неравномерно относительно положительных и отрицательных качеств личности.

Таблица 6-1

Дескрипторы	Показатель					
	Понимание	Асимметрия	Перенос	Поддержка	Адаптация	Дисперсия
Позитивные	0,82	0,16	1,27	5,9	1,03	-
Негативные	0,84	0,23	1,40	6,4	-	-
Общие	0,83	0,19	1,33	6,1	1,03	0,45

Таблица 6-2

Дескрипторы	Показатель					
	Понимание	Асимметрия	Перенос	Поддержка	Адаптация	Дисперсия
Позитивные	1,36	0,11	0,40	5,0	1,08	-
Негативные	1,42	0,15	0,87	5,4	-	-
Общие	1,39	0,13	0,64	5,2	1,08	0,43

Из табл. 6-1 и 6-2 видно, что более значительную асимметрию между полюсами показывают дети. Можно было бы предположить, что асимметрия между противоположными дескрипторами шкалы связана с недостаточным пониманием детьми некоторых понятий, что затем нивелируется с возрастом. Детальный сравнительный анализ понимания дескрипторов детьми и взрослыми говорит о том, что такой вывод был бы неточным. Действительно, личностный опыт детей в сравнении с опытом взрослых еще недостаточен для глубокого понимания того или иного дескриптора. Однако действительная причина большей асимметрии в детстве видится в другом.

На смену асимметричным шкалам в детстве приходят иные асимметричные шкалы взрослых. (Например, положительная асимметрия для шкалы «честный – нечестный» в детстве, говорящая о

преобладании «честных» ситуаций в опыте ребенка, сменяется на отрицательную асимметрию у значительной части взрослых.) Другими словами, «детская асимметрия» сменяется «взрослой асимметрией». Такое возможно, если исходить из изначальной двойственности субъективных шкал.

Результаты эксперимента показывают, что действительным источником асимметрии является наличие относительно независимых статистик в индивидуальном опыте личности для разных полюсов шкалы.

Данный факт имеет важное значение для понимания природы личностного опыта. Наличие двух независимых статистик на одной шкале лежит в основании универсальной способности индивида производить одновременно две противоположные по смыслу оценки одного и того же объекта, которые представляются противоречивыми внешнему наблюдателю, но совместимы в его опыте.

Посмотрим, как это выглядит на практике. Допустим, испытуемый дает оценку другому (или самому себе) по шкалам «общительный – замкнутый», «добрый – злой» и т.п. Всегда находится достаточно аргументов для поддержки дескриптора «общительный». Наоборот, противоположные аргументы позволяют произвести оценку по дескриптору «замкнутый». Кстати сказать, такая совместимость противоположных статистик издавна широко эксплуатируется как средство манипулирования индивидуальным и массовым сознанием. Достаточно провести контент-анализ текстов гороскопов, гаданий, угадываний по имени (фотографиям, рукам), многих предвыборных речей. Лучший позитивный пример – знаменитый психоделический катехизис Дейла Карнеги.

В общепсихологическом плане есть основания предполагать, что двойственность субъективных оценок лежит в основе общих адаптационных возможностей индивида.

Последнее предполагает, что статистики и соответствующие им шкалы не действуют изолированно. Механизм их кооперирования можно выявить при анализе следующего параметра.

Показатель переноса смыслов от одних шкал к другим оказался большим в детском возрасте. Феномен переноса фактически отражает так называемое «склеивание» шкал [26], которое является генетически и функционально необходимым в процессе формирования статистик и является условием для дальнейшей дифференциации шкал, оппозиций, полюсов, дескрипторов.

Феномен склеивания проявился для немногим более половины всех дескрипторов (53,3%). При этом объяснение значений одного дескриптора через значение другого часто не было обратимым

(Например, дескриптор «непривлекательный» получал у детей объяснение с помощью дескрипторов «злой», «глупый». Наоборот, при определении понятий «злой» и «глупый» дескриптор «непривлекательный» не использовался и т.п.) Такая необратимость заставляет говорить, что речь идет не о «склеивании», а о своеобразном «приклеивании» одного дескриптора к другому.

Детальный анализ ответов испытуемых показывает, что сама возможность склеивания находится в зависимости от уровня понимания дескриптора. Дескрипторы, шкалы и стоящие за ними личностные характеристики склеиваются на том уровне сформированности личностного опыта, когда степень понимания дескриптора является «промежуточной». Перенос практически не наблюдается в случае, если понимание дескриптора ещё аморфное («низкий» уровень понимания, характерный прежде всего детям) либо уже дифференцированное («высокий» уровень понимания, характерный для взрослых).

По показателю семантической поддержки – числу семантических единиц, описывающих данное понятие – значимых различий между детьми и взрослыми не обнаружено. Важно лишь отметить использование различных по лингвистическому содержанию тезаурусов. В частности, для детей характерным было включение в описание различных литературных и киногероев, персонажей из сказок и мультфильмов.

Полученные данные говорят о том, что то или иное значение точки уровня адаптации и для детей, и для взрослых не связано с уровнем понимания дескриптора. Точно так же показатели самооценки не связаны непосредственно ни с феноменом переноса, ни с семантической поддержкой. Можно утверждать, что мнение о себе и оценка испытуемым себя не определены только лишь «статистикой» встреч индивида с «сильными-слабыми», «добрыми – злыми» и т.п. персонажами. Существуют какие-то иные постоянные факторы, формирующие самооценку индивида в процессе его жизнедеятельности.

Из табл. 6-1 и 6-2 видно, что у детей и взрослых существует универсальный сдвиг показателей самооценки в позитивную сторону, негативный сдвиг вообще отсутствует. Такие ответы закономерны, так как всякая самооценка затрагивает мотивационную сторону личности, которая защищает и поддерживает необходимый уровень самоуважения.

Подробный анализ ответов по отдельным шкалам позволил выявить ряд из них, где испытуемые обеих групп дали наиболее высокие положительные результаты: «умный – глупый»,

«общительный – необщительный», «отзывчивый – замкнутый», «справедливый – несправедливый». Одновременно низкие именно для этих шкал значения дисперсии позволяют говорить о наличии самооценочных стереотипов, уже с раннего возраста влияющих на характер субъективных статистик, а в более широком смысле, влияющих на формирование личностного опыта детей и взрослых. Устойчиво высокое, «единогласное» оценивание себя по качествам – умный, открытый, справедливый, наверняка, не является универсальным, инвариантным. В иных социумах их ранги могут меняться. Вместе с тем, их «социабельность» подтверждается как раз тем, что такие качества регулярно воспроизводятся по результатам наших и других опросов последних лет, где желательность данных качеств приписывается и себе и другим.

Представленная здесь и проанализированная таксономия субъективного шкалирования фактически является отражением своеобразной микроструктуры психологического пространства личностного опыта.

Трудность в изучении статистик состоит в том, что по своей природе они являются реальными носителями всего протяженного во времени личностного опыта, а любой эксперимент способен охватить лишь часть опыта. Однако и в этой части выявилась довольно обширная и разнообразная номенклатура (таксономия) факторов и средств, которыми обладает субъект личностного опыта.

Выяснилось, что индивид является носителем ничем, кроме самого опыта, не ограниченного разнообразия шкал. Важнейшей их характеристикой является двухполюсность, где сами полюса способны развиваться не только в единстве, но и самостоятельно, отражая бимодальную структуру субъективных шкал.

Симметрия и асимметрия в понимании смысла дескрипторов на полюсах является закономерной, а сами шкалы подвержены трансформациям в процессе онтогенеза. На определенном уровне понимания себя и других, по мере накопления личностных знаний происходит взаимная поддержка шкал, реализуемая в форме их временного склеивания.

Таким образом, на микроструктурном уровне психологической единицей личностного опыта является субъективная статистика, представляющая собой квазистабильную совокупность следов событий, основу формирования субъективной шкалы.

Макроструктура личного опыта

Задачей личного опыта на «макроуровне» является обеспечение возможности оценивания себя и других, как личностей.

В ходе жизнедеятельности в результате рационализации и обобщения жизненных фактов у индивида постепенно формируется своеобразная «теория личности», являющаяся частью его личного опыта. Такая «теория» естественным образом отличается от научной теории хотя бы потому, что в опыте количество находящихся в распоряжении индивида фактов конкретно ограничено пространством его жизнедеятельности. К тому же, препарирование фактов происходит в соответствии с выработанной у индивида стихийной точкой зрения на них: мотивационно-ценностные ориентации, атрибуты, субъективизм, подражание играют в данном случае решающую роль. Новые факты отбираются согласно уже сконструированной «теории личности».

Данные теории являются субъективными, а не объективными, к ним не приложим принцип верификации, они носят личный характер, обладают качествами собственности и суверенности. Две или несколько таких теорий, существуют в индивидуальном сознании индивида как взаимосогласованные, гармоничные, хотя, с точки зрения внешнего наблюдателя, они могут выглядеть плохо совместимыми или несовместимыми вообще. Кроме того, индивид часто не видит никакой «чужой» теории, которая соответствовала бы фактам столь же хорошо, как его собственная.

Еще одним свидетельством «ненаучности» индивидуальной теории личности является валидное по отношению к повседневности стремление индивида формировать свою теорию в согласии с мнениями окружающих и при их поддержке. Такие теории в широком смысле являются конформистскими по своему социальному происхождению. При этом ценностные ориентации индивида могут не совпадать с общепринятыми социальными нормами и даже вступать с ними в конфликт, как это бывает в случаях девиантного поведения, но всегда имеется такой социум и его конкретные представители, у которых индивидуальная теория жизни находит поддержку.

Сделаем еще одно уточнение. Тезис о том, что обсуждаемая здесь субъективная «теория личности» имеется у каждого человека, порождает вопрос об индивидуальных различиях субъектов теорий. Разумеется, индивидуальные различия разнообразят качественные и количественные признаки отдельных представлений человека о себе и конкретных людях, но в данном случае не имеет значения, на-

пример, эмпирический или теоретический уровень мышления преобладает у индивида – его теория входит в состав опыта, генетически связана с его жизнедеятельностью, является ее превращенной формой, обслуживает прежде всего самого индивида. Поэтому всякий раз мы имеем дело с уникальной теорией личности.

Здесь особым образом выглядит вопрос в отношении тех специалистов, которые профессионально занимаются проблемой личности. Научная и обыденная теории личности вполне сопрягаются в одном человеке, но не образуют единого структурно-функционального поля. Как и прочий нормальный люд, психологические сапожники вполне могут оставаться без сапог. Иначе изучающие личность, того и гляди, становились бы личностями, специалисты по семейным отношениям – идеальными супругами, милиционеры – преступниками, психиатры – сумасшедшими, политики истерзали бы себя любовью к народу и т.п. В данном случае исключения не в счет – они лишь подтверждают закономерность.

Необходимым и достаточным условием функционирования обыденных теорий является наличие у индивида способности к интерпретации явлений, событий жизни, в том числе и самих себя – субъекта этих событий. Для той или иной интерпретации индивиду недостаточно лишь формального привлечения имеющегося в его личностном опыте субъективных статистик. Субъектное как позиция еще не становится субъективным как интимно-личностным («мое – и – для меня»), если отсутствует пристрастное отношение к действительности и к себе. «Оценить – означает сравнить с чем-нибудь, некоторой меркой. Этой меркой выступает сам человек, что подчеркивает в переживаниях субъективность (переживания не существуют без человека), интимность (у каждого эта мерка своя) и субъектность (образование собственных сущностных переживаний)» – подчеркивает Т.С.Кириленко [162]. Субъективность изменяет наши привычные нормативные представления о теории: «гносеологичность» уступает место «психологичности».

Из всего сказанного следует, что субъективные «теории» на самом деле являются «квази-теориями». Действительной способностью каждого индивида является способность к интерпретации событий окружающего мира, других людей, себя. Набор таких интерпретаций, расширяющийся в течение жизни у человека, является той частью индивидуального опыта, которую мы называем – личностный интерпретационный комплекс (ЛИК).

Личностный интерпретационный комплекс представляет собой полимодальную совокупность самооценок, оценок, суждений, мнений, установок, которые формируются посредством субъектив-

ных рационализаций и обобщений при поддержке и согласии окружающих. Полиmodalность в данном случае означает наличие у человека разных интерпретационных комплексов в соответствии с различными сферами его бытия. Формально они могут противоречить друг другу, однако психологически в норме (клинические случаи здесь не рассматриваются) являются внутренне согласованными, обеспечивая единство личностного опыта.

ЛИК обеспечивает саморегуляцию личности и ее адекватное реагирование на воздействия окружающего мира. Точно так же, как и лежащие в его основе статистики, ЛИК имеет вероятностно-статистическую природу. Качество полиmodalности обеспечивает валидность ЛИК характеристикам окружающего мира. Наконец, полиmodalность ЛИК внутренне связана с полиmodalностью самой личности (полимотивированность, уровни деятельности, роли и т.д.).

Опыт является основой для развития личности, ее составляющих. Сама же личность может быть рассмотрена двояко: как единое образование, конгруэнтное в отношении к самому себе, и как множественное образование, части которого обеспечивают индивиду стабильность в изменяющемся мире и способность адаптации к нему в разных сферах и на разных уровнях. Представления о «единой» и «множественной» личности не противоречат друг другу ни теоретически, ни в реальности, находясь в отношении взаимодополнительности.

Идею множественности личности поддерживал и разрабатывал Дж.Г.Мид. По Миду, человеческое «Я» вырастает из социального опыта и с необходимостью отражает многообразие и сложность составляющих его отношений. Это находит выражение в том, что человек, вступая в отношения с разными людьми, выполняет разные социальные роли, одновременно и организуя, пополняя свое «Я», и реализуя себя в этих отношениях. В результате индивид как бы разделяется на множество различных «Я» в зависимости от обстоятельств жизни. «Множественная личность, – говорит Дж. Мид, – является в известном смысле нормальной» [331]. Когда в результате факторного анализа мы получаем некоторое число фиксированных ортогональных факторов, то фактически о «множественности» опыта говорит их ортогональность и слабая пересеканность или непересечение отдельных показателей, исходных для факторизации.

Будем исходить из того, что каждый индивид живет по собственным правилам, которые соотносимы с правилами других, имеют субъективную и объективную стоимость и могут быть обменены, однако для самого индивида представляют неповторимое сочетание факторов. В данном случае не столь важно, что входит в перечень

источников или сфер личности, главное, что взаимодействия идентичной личности со сферами собственной активности рефлексивны, осознаются субъектом как разные, раскрывая разные же возможности индивидуального опыта.

Способность человека интерпретировать себя, других и окружающий мир включает в себя ряд других частных способностей: узнавание, наименование, шкалирование, классификация, оценка других, самооценка и др. Невозможно осуществить интерпретацию, если в опыте индивида отсутствуют представления о градациях, частоте случаев, семантике отдельных характеристик личности, о мнении других, успешном и неуспешном поведении и т.п.

Мы не раз подчеркивали, что исходной целью опыта является обеспечение жизнедеятельности индивида. Из этой, теперь уже тривиальной, посылки вытекает задача поиска некоторых гомогенных характеристик опыта, инвариантных в отношении индивидуальных различий. Таковыми, например, не являются знания, умения, навыки (у кого-то тех или иных может не быть), уровни личностного совершенства (скорее служащие для разделения людей, выделения немногих).

Индивид относится к имеющемуся интерпретационному комплексу как к собственности («это мое личное мнение», «я так считаю»). Постепенно накапливаемый опыт интерпретаций других позволяет индивиду строить отношения с разными людьми. Образование оптимальной интерпретационной системы регулируется с учетом допущенных ошибок и встретившихся трудностей. В конечном итоге у индивида закрепляются некоторые структуры личностного опыта, регулирующие межличностный аспект его жизнедеятельности, которые сам индивид плохо или вовсе не осознает, но которые эксплицированы в виде отдельных интерпретационных плеяд и в такой форме даны внешнему наблюдателю. Если предположить внутреннюю связь между единичными интерпретациями (по типу склеивания шкал), то образовавшиеся неосознаваемые субъектом латентные структуры личностного опыта принципиально могут быть отображены способом факторизации отдельных суждений.

Итак, имеющийся в личностном опыте комплекс интерпретаций имеет собственную иерархию: Я – другие люди – окружающий мир. Каждый из этих уровней интерпретаций представлен в опыте в виде его специфических частных подструктур, психологическое содержание которых нам и предстоит выяснить.

Уточним еще раз, в чем же состоит наша конкретная исследовательская задача.

Если бы предметом нашего анализа были жизнедеятельность или развитие личности, изучение отношения субъекта к себе, дру-

гим и окружающему миру предстало бы перед нами в виде гигантских проблем самооценки, межличностных отношений, деятельности личности, на решение которых мы никак претендовать не можем. Наша задача гораздо скромнее. В опыте названные параметры жизнедеятельности превращаются в фиксированные формы личностных интерпретаций себя, других и окружающего мира. Задача исследования состоит в выявлении этих форм.

В поисках ответа мы снова обращаемся к приведенному выше примеру М.К.Мамардашвили о вращении Земли вокруг Солнца, что, однако, в опыте человека «формировано» с точностью до наоборот. Но именно такая «теория Солнца» является реальной, субъективной, неполной, понятной, суверенной, регулирующей жизненные отправления индивида.

Интерпретация себя как стоимости

Ядром личностного интерпретационного комплекса является накопленная индивидом совокупность оценок самого себя.

В арсенале психодиагностики накоплено впечатляющее количество средств и приемов измерения личности методом самооценки [56, 267]. Это не случайно, потому что и для самого индивида вопросы оценки себя, как и вообще жизненная установка «познай самого себя», сопровождают и влекут его на протяжении всей жизни. Поэтому легко предположить, что и диапазон интерпретаций себя должен быть самым внушительным по сравнению с иными, рассмотренными выше. Феноменально самоинтерпретация наиболее доступна индивиду, но от этого она не становится простой.

Основное отличие самооценочного интерпретационного комплекса от других его видов состоит в его проблемном характере. Для индивида оценочное отношение к себе всегда остается субъективно незавершенным, открытым.

В данном случае психодиагностика попадает в специфическую ситуацию, которую можно назвать ситуацией «парадокса вероятности ответов». С одной стороны, организовать и провести процедуру измерения самооценки всегда достаточно легко, т.к. каждый испытуемый в принципе обладает способностью дать ответ на любой мыслимый перечень стандартных и экзотических, удачных и плохих вопросов из области самооценки. С другой стороны, не существует ни одной личностной характеристики, которую испытуемый мог бы приписать себе строго со стопроцентной субъективной уверенностью. В отличие от интерпретаций внешних событий и других людей, оценка самого себя всегда выступает для индивида как веро-

ятностное решение, как проблема. Итак: «могу ответить на любой вопрос, но ни на один – абсолютно уверенно».

Если обратиться к испытуемому с предложением: «Охарактеризуйте себя...», перед ним возникает ряд типичных проблем, часть которых испытуемый может сформулировать, другая часть остается плохо осознаваемой.

Прежде всего перед испытуемым возникает вопрос о выборе уровня интерпретации – мировоззренческого (субъективная гносеология), собственно личностного (субъективная аксиология), жизнеописательного (субъективная онтология). Независимо от того, какому будет отдано предпочтение или как они будут нерелексивно перемешаны, каждый из этих уровней внутри распадается на отдельные качества, аналогом которых являются субъективные шкалы. Каждая шкала, по Келли, имеет двухполюсную конструкцию, что для испытуемого выступает как наличие двух противоположных, самостоятельных по содержанию, мнений о себе. Бивалентность интерпретаций плохо осознается испытуемым или не осознается вовсе, но одновременно реально существует; при этом каждая из противоположных интерпретаций в нужном месте и в нужное время выполняет роль регулятора поведения индивида.

При анализе структуры личностного опыта речь с самого начала идет о выявлении некоторых феноменальных характеристик, которые даны субъекту самоинтерпретации в наиболее привычной и понятной для него форме.

Индивид скорее всего напряженно не размышляет о своей роли и своем месте в истории и обществе в целом. (На всякий случай, еще раз подчеркнем, что речь идет не о примитивном, а о «повседневном человеке», который обладает некоторыми гомогенными, присущими всем, качествами опыта.) Гораздо ближе индивиду представление о себе как о субъекте, лучше сказать, распорядителе, хозяине собственной истории. Если добавить параметр взаимодействия с ближайшим социумом, то мы обнаруживаем искомую интегральную характеристику, суверенность которой он тщательно оберегает, а именно – самоуважение личности. Данный психический интеграл не воспринимается индивидом как некоторая количественная мера ценностного отношения к себе. Зато индивиду понятны его образующие.

Прежде всего сюда входят некоторый набор отобранных для себя в ходе жизни высоко ценимых им личностных характеристик (Я – честный, умный, общительный, немногословный, сильный, слабый и т.п.). Далее, наиболее понятными для человека, как то, «за что я себя уважаю», являются его возможности и достижения:

в нематериальной сфере – знания, умения, навыки, в материальной – то, чем индивид владеет. И то и другое психологически переживается им как личная собственность. При сложении всех составляющих собственности возникает новый психологический феномен оценки себя, близкий по содержанию к понятию «стоимость»: «Помоему, я лучше других знаю, чего я действительно стою». Именно «стоимость» как суммарная оценка индивидом своих знаний, умений, навыков и владений осознается им как статистический коррелят самоуважения.

Таким образом, личностная категория самоуважения на уровне опыта оказывается сопряженной с понятием субъективной стоимости. Между ними установлены отношения взаимоподдержки.

Вместе с тем, самоуважение и стоимость следует различать по их функциональной принадлежности. Самоуважение является интегральной характеристикой уровня развития личности, не раскладываемой на отдельные оценочные составляющие. Стоимость является базовой характеристикой личностного опыта, отражающей совокупность ценных для индивида достижений. Пожалуй, наиболее выразительным является следующее различие: в структуру личностного опыта входят реальные и уже реализованные личные достижения, тогда как самоуважение личности интегрирует в себя как реальные, так и еще не реализованные, возможные достижения. К накопленной реальной «стоимости» как бы добавляется некая идеальная «прибавочная стоимость». Опыт и личность как системные образования каждый в качестве системообразующего фактора имеют ориентацию на будущий результат жизнедеятельности. Но опыт, как стабилизирующая структура, смотрит из настоящего в будущее, личность же, как развивающая себя структура, смотрит из будущего в настоящее, разрывая тем самым опыт и определяя направление его формирования. В случае, когда мера неопределенности будущего превышает возможности индивидуального прогноза («будущее размыто»), как это случилось для множества людей в переходный период, психологическое пространство самоуважения сворачивается до пределов накопленной стоимости, часто его необходимый уровень находит поддержку в ретроспективе.

Можно попытаться найти способ экспериментального измерения параметра субъективной стоимости индивида.

В методике «Стоимость» испытуемому необходимо было оценить свои личные качества, способности, умения и достижения в различных сферах личностной активности в соответствии с заложенными в опросник факторами: «инструментальный», «личностный», «межличностный».

С помощью данной методики была сделана попытка переложить базовую для личностного опыта характеристику – субъективную стоимость – на такие качества человека, которые отражают его способности и достижения в его реальной жизни, связаны с повседневностью, понятны ему. Название опросника в определенной мере отражает замысел проводимого нами исследования. Предварительный анализ показал, что испытуемые различают понятия «самоуважение», относящиеся скорее к сфере «Я – концепции», и личную «стоимость», определяемую совокупностью личных качеств, знаний, умений, навыков, достижений, что относится к сфере опыта.

Данные эксперимента были подвержены факторному анализу, что позволило выделить факторы, показывающие, в каких сферах жизни, каким способом человек достигает необходимого представления о своей стоимости.

Фактор 1 – «Мой дом», факторный вес 23,2, в него вошли следующие показатели:

1. Уметь шить, готовить, делать ремонт	0,78
2. Принимать гостей	0,73
3. Уметь утешать	0,70
4. Уметь обольщать	0,68
5. Уметь любить	0,66
6. Иметь квартиру, дачу и т.п.	0,54

Данный фактор отражает тот факт, что наибольший вклад в отношении стоимости вносят показатели семейно-интимных и одновременно укладных отношений в жизни индивида.

Фактор 2 – «Экономический», факторный вес 13,4.

1. Зарабатывать	0,78
2. Экономить	0,73
3. Постоять за себя	0,68
4. Иметь престижную вещь	0,58

Данный фактор отражает экономические реалии жизни, когда умение адаптироваться к ее условиям является средством достижения необходимого уровня стоимости. В этом смысле показатель «постоять за себя» не является инородным по отношению к другим показателям в условиях экономических трудностей и конкуренции.

Фактор 3 – «Надежность», факторный вес 9,2.

1. Здоровье	0,78
2. Выполнять обещания	0,58
3. Строить семью	0,57

Данный фактор отражает личностные ориентации индивида на надежность, планирование и наличие перспектив в жизни.

Фактор 4 – «Успех», факторный вес 8,8.

1. Внешность	0,77
2. Разбираться в людях	0,61
3. Иметь квартиру, дачу и т.п.	0,53
4. Схватывать на лету	0,48
5. Профессиональная компетентность	0,45

Данный фактор отражает представление человека о том, что стоимость имеет два источника: изначальные индивидуальные возможности и, как следствие их развития – материальные и профессиональные приобретения. Такой тип индивидов ценностью считает принцип «надеяться на свои силы».

Изучение интерпретационного комплекса в сфере самооценки показало, что в структуре личностного опыта система самооценок опирается на личные качества, знания, умения, навыки, а также материальные достижения индивида. Ценностные ориентации индивида, порождающие шкалу субъективных оценок себя, определены потребностью индивида в достижении и сохранении необходимого уровня самоуважения. Базовой характеристикой личностного опыта выступает субъективная стоимость самого себя. Ее количественная мера определена суммой частных возможностей и достижений, которые индивид присваивает себе.

Интерпретация других как совместимых с субъектом опыта

Личностный интерпретационный комплекс индивидуального характеризуется возможностью интерпретаций других. В таком случае естественно направить наши дальнейшие усилия в сторону изучения конкретных механизмов формирования межличностной части личностного опыта.

Хорошо известно, с каким неизменным энтузиазмом, уверенностью и легкостью мы выносим суждения о близких, окружающих, известных и общеизвестных субъектах. Но тогда давайте прикинем число знакомых и малознакомых нам людей, увеличим его примерно в 10 раз и мы получим – сколько раз каждый из нас был объектом «интерпретации» другими, иногда в самых невероятных ракурсах. Получается число в среднем от трех до десяти тысяч раз в течение года. Заметим, что для публичных людей (руководителей, политиков, артистов и др.) сумма интерпретаций возрастает многократно.

Но дело не только в неожиданно большом числе суждений о нас, хотя и создается впечатление, что весь социум пронизан невидимой паутиной взаимообсуждений. (Может быть, не все живут с чистой душой, но каждый с перемытыми косточками.)

Наличие такого рода интерпретационного набора чрезвычайно важно для индивида. На его основе возникает реальное взаимодействие между людьми, принимаются оперативные и коллективные решения, открывается путь к пониманию другого. «Обсуждения» других неизбежны и оправданны, так как позволяют их участникам непрерывно расширять и корректировать интерпретационный запас личностного опыта, обеспечивают проверку на сходимость разных интерпретационных комплексов. При этом сообщество хоть и выделяет из себя особо одаренных и проницательных «знатоков человеческих душ», обязано вырабатывать и вырабатывает такие способы социальной и психологической саморегуляции, когда каждый психически здоровый индивид, независимо от возраста, образования и других критериев мог естественным образом войти в социальную сферу общественной жизни.

Одной из основных характеристик интерпретационного комплекса, которая понятна испытуемому и может быть им оценена в шкале порядка, является так называемая «совместимость людей друг с другом».

В исследовании ставилась задача выявить типы латентных структур, в соответствии с которыми испытуемые выбирают себе или отвергают партнеров для взаимодействия.

Согласно разработанной нами методике «Совместимость» испытуемому необходимо было оценить степень совместимости с воображаемыми партнерами, обладающими теми или иными личностными качествами.

Факторный анализ позволил выделить латентные структуры личностного опыта, показывающие различные типы совместимого взаимоотношения с людьми, за которыми стоят различные личностные интерпретационные комплексы.

Фактор 1 – «Совершенство», факторный вес 24,3.

1. Умный	0,79
2. Дышит здоровьем	0,69
3. Знающий	0,65
4. Веселый	0,61
5. Любит рисковать	0,58
6. Везунчик	0,52
7. Красивый	0,51

Данная структура отражает наличие у определенного типа людей генерализованного представления об идеале. В реальной жизни данное сочетание показателей встречается крайне редко. На основании полученных результатов следует предположить наличие у индивидов латентной структуры «желаемой» личности абстрактного типа.

Фактор 2 – «Сострадание», факторный вес 14,7.

1. Мечтатель	0,77
2. Подчиненный	0,75
3. Немногословный	0,66
4. Хитрый	- 0,53
5. Нуждается в защите	0,49
6. Невезучий	0,44

Данная структура отражает потребность в защите, опеке других. Такая ориентация не имеет властных, агрессивных оттенков. Скорее здесь наблюдается случай амбивалентного личностного опыта, когда индивид одновременно со своей стороны проявляет нейротизм, потребность в защите и экстернальность.

Фактор 3 – «Эмпатия», факторный вес 11,6.

1. Ласковый	0,84
2. Умелый	0,76
3. Нервный	0,67
4. Скромный	0,51

Данная структура отражает ориентацию на избегание социальных напряжений, риска, желание стабильного психологического контакта, интимизации отношений в отдалении от социума, за которым, впрочем, часто стоит эгоизм слабой натуры.

Фактор 4 – «Подчинение», факторный вес 9,9.

1. Старший	0,82
2. Любит порядок	0,73

Данная структура отражает ориентацию на подчинение; индивид испытывает комфорт во взаимоотношениях со старшими по возрасту, социальному положению, что гарантирует стабильность в повседневной жизни. Одной из основных характеристик личностного опыта становятся патерналистские ориентации.

Проведенный факторный анализ позволил выделить ряд латентных структур, характеризующих межличностный аспект личностного опыта. Выяснилось, что в процессе жизнедеятельности у индивида, в связи с необходимостью постоянно оценивать других, постепенно вырабатываются различные стратегии оценок по критерию совместимости с другими, которые формируют соответствующий личностный интерпретационный комплекс в межличностной сфере.

Интерпретация окружающего мира как ценности его сторон

Согласно нашим представлениям в основе интерпретаций окружающего мира лежат обобщенные мотивационно-ценностные ориентации индивида, составляющие неотъемлемую часть его личностного интерпретационного комплекса.

Теоретическая трудность в обосновании данного тезиса связана прежде всего с неопределенностью самих понятий «окружающий мир» и «мотивационно-ценностные ориентации», которые в отношении к жизнедеятельности могут трактоваться как угодно широко. Поэтому применительно к опыту необходимо попытаться выделить ту их часть, которая в соответствии с природой индивидуального опыта может быть структурирована и измерена.

Понятие «окружающий мир» в широком смысле вбирает в себя все мыслимые материальные и идеальные объекты и события человеческого бытия, и в таком «неэкономном» виде не может быть представлено в индивидуальном опыте. Функция опыта заключается в систематизации, классификации, интеграции и структурировании окружающего мира. Полученная таким образом таксономия внешнего мира также весьма сложна и многообразна, но уже является конечной величиной. Фактически речь идет о многоуровневой структуре, каждый элемент которой, однако, уже поддается интерпретации со стороны субъекта опыта. Переходы вверх по уровням интеграции представлений об окружающем мире происходят не, как часто принято думать, в направлении от материального к идеальному, не от бытийного к моральному, не от эмпирического к теоретическому и т.д., но по направлению к жизнедеятельности, ее обобщенным характеристикам. Для индивида такой обобщенной реальностью, поддающейся интерпретации, являются так называемые сферы жизнедеятельности: межличностная, производственная, материальная и т.п. Такое нестрогое перечисление приведено здесь лишь для того, чтобы подчеркнуть наличие тех аспектов опыта, которые способны поддерживать функцию стабилизации жизнедеятельности.

Возникающие в ходе освоения окружающего мира идеализации и универсальные смыслы (жизни, любви, морали и др.), в тех случаях, когда они принимаются субъектом, являются атрибутами жизнедеятельности как творчества и им еще предстоит стать некоторыми структурными частями опыта, которые такие универсалии первоначально призваны разрушать (реконструировать).

С момента выделения себя из окружающего мира перед человеком возникает задача отбора и накопления в опыте того, что может стать полезным для его будущего. Отсюда следует, что ценностные ориентации не только обладают статусом всеобщности и неспецифичности по отношению к объектам жизнедеятельности, но и являются универсальным инструментом для оценки и интерпретации того, что накоплено в опыте человека об окружающем его мире.

Широкая трактовка понятия «ценностные ориентации» (ЦО) обозначена в его определении: «способ дифференциации объектов индивидом по их значимости» [231]. Как вполне справедливо отмечает И.Д.Бех (1996): «Нынешняя познавательная ситуация в сфере исследований проблем личности характеризуется тем, что общепринятого определения ценностей нет» [42].

Попытки упорядочения «всех известных ценностей» приводят к представлению, как пишет С.Ф.Анисимов, об «иерархии ценностей, подчиненной принципу субординации, где каждая ценность по отношению к вышестоящей ценности играет роль средства, или условия, или вытекающего из него следствия» [11, с.22]. В таком исходном представлении о наличии высших и низших ценностей пока нет ничего, что могло бы затруднить решение данной проблемы. Решающий аргумент находится в иной плоскости: к чему устремлены «вверх» ценности.

В рамках деятельностной парадигмы понятие ценностей занимает значительное место наряду с понятиями личностного смысла, мотива, потребностей. Наиболее устойчивым является представление об идеальных, не зависящих от чего-либо значимых явлениях (ценностях) в сравнении с ситуативными, что, однако, как отмечает В.К.Вилюнас, трудно разделить в практических случаях: «Феноменологические данные, отчетливо демонстрирующие, например, заинтересованность и активность человека в некоторой области, часто не раскрывают того, является ли эта заинтересованность инструментально-деловой, основанной на расчете, или истинной, связанной с абсолютными ценностями» [68, с.30].

Иллюстрации такого рода затруднений с «зашифрованностью» или с переворачиванием ценностей можно легко продолжить; проблема, как нам видится, заложена в самой исходной методологической посылке. По своему гносеологическому статусу ценности, как и их субъектно-интенциональный коррелят, не вмещаются в категориальное пространство деятельности; адекватной для них является категория жизнедеятельности. Тем более, что по времени своей эволюции и инволюции ценности существуют в масштабе жизненного пути. Абсолютные ценности, не найдя бытийного наполне-

ния в рамках деятельности, в конце концов рискуют превратиться в эпифеномен. Ценностные ориентации, понятия в отношении к жизнедеятельности, теряют признаки иерархии (ценности ценностей) как априорно заданного качества. Становится ненужным вопрос о том, что ценнее (благородней, человечней): увлечение творчеством или получение долгожданной квартиры, служение народу или уход за больными родителями.

Изложенные здесь замечания имеют важное значение для понимания природы личностного опыта как накопленной в ходе жизнедеятельности способности интерпретировать окружающий мир. Субъекту не нужно иметь оценки, мнения и суждения о всех объектах и событиях жизни. Ограничения возникают с двух сторон: в опыте накапливается и интегрируется то, что ценно ему самому и, одновременно, представляет ценность для окружающих. Человек не будет заниматься резонерством (чистый феномен не в счет), демонстрируя способности к интерпретации тем, кому это не нужно, и того, что никого не интересует.

Таким образом, макроструктурной составляющей личностного опыта в отношении к окружающему миру является ценностный интерпретационный комплекс (ЦИК). Его основным и ближайшим источником являются основные сферы собственной жизнедеятельности индивида, задающие координаты ЦИК.

Практическим психологам хорошо известны трудности, возникающие при необходимости количественной оценки и диагностики мотивов, ценностей испытуемого.

В психодиагностике обычно измеряется какой-либо из трех уровней мотивационно-ценностных ориентаций в виде фиксированной вербальной продукции: 1) мировоззренческий – когда во главу угла личностью ставится вопрос о предназначении человека, смысле жизни, оцениваются жизненные позиции ранга общечеловеческих ценностей; 2) самоанализа – предполагающий различные формы оценки своих качеств личностью. Именно для этого уровня психологи более всего разрабатывают различного рода опросники, анкеты и т.п.; 3) жизнеописания – когда индивид выражает свое отношение к самым различным объектам жизнедеятельности в форме непосредственных описаний.

В плане изучения личностного опыта наиболее привлекательным для нас оказывается уровень жизнеописания. Как раз на этом уровне семантики и обобщения наиболее непосредственно проявляются интерпретации индивида в повседневности. Другое дело, что задача исследователя в данном случае несколько усложняется: создавая испытуемому возможность интерпретации на более понятном ему, чем самооценка, уровне жизнеописания, одновременно необходимо

задаваться способом измерения, позволяющем выявить ЦИК.

Исходя из этого нами была поставлена задача разработать методическую процедуру, которая дает возможность практическому психологу или педагогу выявить характер распределения ценностных интерпретаций индивида по сферам жизнедеятельности, а также определить динамику трансформации этих ценностей в широком временном диапазоне.

Разработанный нами психографический подход исходит из необходимости исключить прямое самооценивание личностных качеств, предлагаемых в типичных опросниках, в связи с часто обнаруживаемой неразвитой саморефлексией индивидов, а также эффектами фасада. Подход основан на процедуре интерпретации испытуемым ценности для него того или иного объекта жизнедеятельности. По своей форме психографическое описание («жизнеописание») дает психологу информацию, выраженную на языке «житейских проблем».

Другим принципиальным условием выявления ЦИК является измерение динамики их измерения в координатах прошлого, настоящего и будущего. Наличие или отсутствие преемственности ценностных ориентаций на больших временных периодах формирования личности часто является ключом к разгадке причин деформации личностного опыта, помогает выработать конкретную тактику формирования ЦИК педагогам, педагогическим психологам, психотерапевтам. Диагностический потенциал временной развертки определен тем, что, устанавливая связь с прошлым и будущим, субъект на самом деле не дает нам истинную («историческую») картину прошлого и будущего, так как он проецирует при этом в прошлое и будущее свою актуальную систему ценностей. Все это делает психологический анализ достаточно сложным, предостерегая, правда, от механического манипулирования при сравнении данных по прошлому-настоящему-будущему.

Измерение ЦИК как меры субъективного пространства ценностей осуществлялось на основе оценки испытуемым силы связи с объектами таких сфер жизнедеятельности, как отношение к родственникам, другим людям, профессиональной и непрофессиональной деятельности, вещам. Результаты предварительных исследований показали необходимую (0,65 - 0,75) ретестовую надежность методики. Была выявлена конструктивная валидность данной методики с тестами, измеряющими ценности личности (Рокич, Мюррей).

Тестовый материал представляет собой три круга такого диаметра, чтобы при разбиении круга на 60 секторов, в каждом из них могло быть размещено слово-объект из списка слов, соответствующих сферам жизнедеятельности: 1) «свои люди»

- например: сын, мать, бабушка, жена и т.д.;
- 2) «другие люди» – например: друг, соседи, компания и т.д.;
- 3) «производственная» – например: учеба, профессия, экзамен, зарплата и т.д.;
- 4) «внепроизводственная» – например: туризм, книги, огород и т.д.;
- 5) «материальная» – машина, еда, одежда, мебель и т.д.

Слова-объекты из разных сфер расположены по окружности в случайном порядке. Три круга, обозначающие прошлое, настоящее и будущее, во всем остальном идентичны. Графическое заполнение кругов проходит во временной последовательности: настоящее – прошлое – будущее. Время заполнения каждого круга фиксируется.

Количественный подсчет производится по двум основным показателям: массиву и интенсивности. Под массивом связей понимается общее количество баллов по связям всех сфер жизнедеятельности (суммарный балл и балл отдельно по сферам). Под интенсивностью связей понимается отношение суммарного значения силы связей (общего и по каждой сфере) к количеству заполненных (реально возможных в данный период жизни).

Анализ по сферам позволяет выявить приоритетность ценности той или иной сферы в личностном опыте индивида. Ценностные интерпретационные комплексы в зависимости от ценности различных сфер жизнедеятельности для индивида распределились по группам следующим образом (по мере убывания ценности) (см. табл. 6-3).

Соотношение (баланс) массива и интенсивности по временным характеристикам: прошлое – настоящее – будущее оказалось примерно равным по показателям «прошлого» и «настоящего», с некоторым превышением по «будущему» (для групп взрослых до 40 лет и студентов 1-го курса). Измерения, проведенные в школе-интернате с учениками 8-х классов, показали значимое снижение нормативных показателей по «прошлому» и значимое превышение нормативных показателей по «будущему». Такова система интерпретаций ценностей у старших подростков, не имеющих с ранних лет родительской опеки, выражающаяся в негативном отношении к своему прошлому, от которого они активно отказываются, и, наоборот, завышено положительном к своему будущему, которое они активно моделируют по типу компенсации недостающего. Значимое снижение ценности «будущего» наблюдается у лиц старшего возраста, а также в случаях заболеваний гипертонией, в связи с известной спецификой психологического сопровождения цереброваскулярной недостаточности [302].

Из табл. 6-3 видно, что для всех экспериментальных групп наиболее ценной в масштабе окружающего мира является межличностная сфера, в личностном опыте она занимает наибольшее место.

Можно заключить, что ЦИК индивида более всего представлен в сфере взаимоотношений с другими, ею питается и под ее воздействием формируется. Влияние других сфер жизнедеятельности на личностный опыт зависит от специфики социального, возрастного статуса групп, состояния здоровья и т.д.

Таблица 6-3

Группы	Сферы (по убывающей)				
	Свои люди	Другие люди	Материальная	Внепроизводственная	Производственная
Старший возраст	Свои люди	Другие люди	Материальная	Внепроизводственная	Производственная
Взрослые	Свои люди	Производственная	Другие люди	Материальная	Внепроизводственная
Студенты	Свои люди	Производственная	Другие люди	Внепроизводственная	Материальная
Школьники интерната	Другие люди	Материальная	Внепроизводственная	Свои люди	Производственная
Гипертоники	Свои люди	Внепроизводственная	Другие люди	Материальная	Производственная

Мы предположили, что некоторые из представленных в таблице результатов могут измениться, если учесть дату проведения экспериментов – 1989 год. Особенно неправдоподобно в наши дни выглядит малая ценность сферы «материальное обеспечение».

С целью уточнения полученных результатов был проведен повторный эксперимент в 1995 году, результаты которого представлены в табл. 6-4.

Таблица 6-4

Группы	Сферы (по убывающей)				
	Свои люди	Материальная	Другие люди	Внепроизводственная	Производственная
Старший возраст	Свои люди	Материальная	Другие люди	Внепроизводственная	Производственная
Взрослые	Свои люди	Материальная	Производственная	Другие люди	Внепроизводственная
Студенты	Свои люди	Производственная	Материальная	Другие люди	Внепроизводственная
Школьники интерната	Другие люди	Материальная	Внепроизводственная	Свои люди	Производственная
Гипертоники	Свои люди	Внепроизводственная	Другие люди	Материальная	Производственная

Полученные результаты свидетельствуют о том, что межличностная сфера вновь оказалась приоритетной в формировании МЦО, она выявилась наиболее ценностно нагруженной.

Как и ожидалось, сфера «материального обеспечения» значительно повысила свой ранг прежде всего в группах «старшего возраста» и «взрослых» и осталась такой же значимой для подростков интерната.

Незначительное перемещение данного показателя в группе «студентов» связано, по-видимому, с тем, что, как раньше, так и сейчас «материальное обеспечение» как ценность располагается на периферии реальных возможностей молодых людей. Они правы, если выше оценивают доступное для них средство достижения в будущем материального благополучия – «профессиональную деятельность».

Опыт девиантного поведения

Оценка себя и других в процессе жизнедеятельности формируется у индивида в значительной степени в зависимости от того, какую форму поведения индивид выбирает в качестве приоритетной. С этой точки зрения девиантная форма поведения становится весьма интересной для исследования.

Можно предположить, что отклонение поведения индивида от принятых в обществе норм сопровождается также деформациями его ценностных ориентаций. Тем не менее, такое или любое другое поведение продолжает оставаться основным источником возникновения собственных интерпретационных комплексов индивида.

Одной из главных социальных причин роста девиантности является наблюдающийся в настоящее время регресс позитивных социальных связей между людьми, снижение взаимозаинтересованности внутри социальных слоев и групп. Отсутствие интереса к субъекту непосредственно переживается им как отсутствие отклика, обратной связи во всех значимых сферах его жизни – профессиональной, межличностной, семейной. В результате у него возникает специфическое состояние деиндивидуации, социального вакуума, невозможности осознать свою социальную ценность. Такое состояние, как правило, сопровождается иллюзорным приписыванием другим своих ценностей, отсутствием чувства вины, ослаблением связей с прошлым, размыванием перспектив и может быть определено как протодевиантное.

Существует довольно обширная литература по проблеме девиантности и число исследований продолжает расти параллельно с увеличением ее социальной остроты в ситуации переходного периода [21, 49, 123, 135, 144, 233, 246 и др.].

Объектом нашего исследования были лица подросткового и юношеского возраста с такими видами девиантности как наркомания, алкоголизм, уход из дома, бродяжничество, проституция, псевдосуицид. Именно в этом возрастном периоде (12-17 лет) психологические особенности таких категорий испытуемых проявляются наиболее открыто. Девиантный опыт лишь только формируется, к тому же в условиях драматических социально-психологических изменений переходного периода.

Анализируя последнее обстоятельство, Г.К.Середа пишет: «Кризисные явления в обществе проявляются в поведении детей раньше, чем они осознаются взрослыми. Как объяснить этот парадокс? Ведь социальное наследование может осуществляться только через опыт. Как же можно обогатиться этим опытом «едва из колыбели» да ещё и продемонстрировать его взрослым раньше, чем они сами его осознали?»

Можно думать, что сверхвысокая сензитивность «неопытной» части общества обуславливается как раз отсутствием опыта, неадаптированной способностью вбирать в себя в чистом виде (через эмоциональные каналы) малейшие изменения в общественных настроениях и отвечать на них непосредственно, минуя «рефлексивные» инстанции сознания» [249].

Девиантность как понятие может быть определена лишь по отношению к норме. Формирование индивидуального опыта подростка, в отличие от взрослого, характеризуется тем, что в процессе освоения социальных норм поведения сами эти нормы представляются подростку как заданные обществом, устойчивые для общества. К тому же, отдельные девиантные поступки не вызывают активного осуждения со стороны обычных подростков и даже способствуют повышению социального статуса девианта в нормативной среде сверстников. Исключение составляет лишь семейная среда. Тем самым изменения общественных ценностей и их результаты, видимые взрослому, подросток оценивает как естественный ход событий, отсюда, то, что взрослые квалифицируют как девиантное поведение, может сильно расходиться с самовосприятием молодых людей.

В случае неудачи подростка в отстаивании своей индивидуальности в группе становится возможным критический шаг, когда субъективно девальвированные нормативные ценности становятся сравнимыми с уровнем привлекательности девиантного социума (общение, кодекс, статус), в результате чего отклоняющееся от нормативного поведение становится субъективно оправданным.

Дрейф ценностных ориентаций, аномия, о которой говорил ещё Э.Дюркгейм, стимулируют у исследователей поиск новых моделей генезиса и структуры девиантного поведения. Естественную нормативность поведенческих актов подчеркивал французский психолог Мейерсон. Нормативы устанавливаются в соответствии с усвоенными ранее индивидом правилами, алгоритмами, стереотипами. Нормативным является и такое поведение, которое в другой системе оценок является девиантным. Отсюда возникает проблема психологической и лингвистической двойственности феномена девиации.

Распространенным является мнение о том, что девиантное поведение представляет собой некоторое промежуточное неустойчивое состояние личности, для которой имеется три исхода: 1 – возврат к социально одобряемым нормам и тогда девиант становится объектом воспитательных воздействий; 2 – переход в стадию делинквентности, когда он становится объектом криминальной психологии; 3 – развитие патологических процессов, когда он становится объектом психопатологии. Но у проблемы существует и собственный предмет исследования.

С точки зрения генезиса и динамики развития, девиантное поведение действительно носит неустойчивый временный характер. Вместе с тем, девиантность представляет собой такое системное психическое образование, которое характеризуется самодостаточностью, внутренней логикой, субъективным принятием норм поведения девиантной среды.

Индивидуальный опыт девиантной личности представляет собой замкнутую структуру со слабо выраженной рефлексией на тот мир, в котором другие живут в согласии с общепринятыми нормами. Более того, в сознание такой личности встроены механизмы, обосновывающие субъективную приемлемость выбранных ею способов жизнедеятельности.

Специфика системы ценностей девианта состоит в факте реального сосуществования ценностей социально одобряемых и социально неодобряемых обществом, что в основном и определяет внутреннюю драматургию жизнедеятельности подростка. Разумеется, не исчезают никуда конфликты и напряжения, соответствующие данному возрасту вообще.

Обосновывая правомерность рассмотрения девиантности с точки зрения самого субъекта девиантного поведения, мы вновь обращаемся к фундаментальному для психологии принципу двойственности человеческого сознания. Такой подход доказал свою продуктивность в области психиатрии, психологии пограничных состояний, психотерапии, психологии личности (Р.Бернс, А.Е.Личко, Р.Лэнг, К.Эриксон) [39, 175, 176, 186, 306 и др.]. Польский исследователь

Я.Рейковски, исходя из положения о двух базисных типах отношений и реакций на общественное благо, где один основан на приоритете группы (коллективизм), другой – индивида (индивидуализм), считает, что подобные ориентации присутствуют на личностном уровне и влияют на формирование нормативных оценок, убеждений индивида [234].

Двойственность человека, как утверждает представитель гуманистической психологии Р.Мэй, возникает из его способности к симультанному переживанию себя как субъекта и объекта. Изучающие природу человека, подчеркивает Р.Мэй, с самого начала должны усвоить, что люди центрированы на самих себе и нуждаются в поддержании этой центрации посредством самоутверждения, каким бы деформированным и противоречивым ни был их «внутренний центр» [330].

При таком понимании структуры сознания специалистам, имеющим дело с девиантными личностями, удастся избежать упрощенных двоякого рода.

Во-первых, воспитатели корректируют понятное желание с помощью внешних воспитательных и иных воздействий «вернуть» подростка в нормативную с точки зрения социума сферу поведения, так как выясняется, что для самого подростка нормативным является поведение девиантное.

Во-вторых, понимая и принимая его ценностные ориентации, сотрудничая с подростком «на его территории», взрослый педагог-психотерапевт исходит из того, что нормативное поведение вполне осознается подростком и тем самым также является частью его сознания и поведения (о знании девиантами нормы, в частности, свидетельствуют известные трудности в психодиагностике девиантных личностей, которые умело дискредитируют ход исследования, демонстрируя «лояльность» к нормативному поведению). Центрация подростка на девиантном поведении при одновременном осознании социальных норм говорит о том, что ценностные ориентации подростка являются неустойчивыми, подвижными и могут быть изменены самим субъектом при умелом воздействии взрослого.

Исходным для нас было представление о том, что девиантный опыт есть сложное структурно-динамическое образование, включающее социальный, психологический и психосоматический источники девиантности. Он представляет собой специфический комплекс субъективных ценностей и интерпретаций, деформированных по отношению к общественным нормам поведения.

Задачей нашего исследования явилось выявление структурных характеристик девиантного опыта подростков и юношей.

Экспериментальную группу составили девушки-подростки, поступившие на обследование в клиническую психиатрическую больницу.*

Представление о системности девиантного поведения привело нас к необходимости введения специального понятия «совокупной девиантности». Всякий раз можно было видеть, что в реальной жизни девиация поведения редко выглядит в качестве единичного факта, наоборот, после первой «девиантной попытки» имеют место последующие, которые не просто добавляются в виде некоторой цепочки, а разрастаются и множатся способом своеобразного «дерева девиаций», отдельные ветви которого коррелируют между собой, создавая устойчивый, автономный и, что важно подчеркнуть, субъективно оправданный комплекс девиантных событий [158]. В таком случае совокупная девиантность становится основой личностного опыта подростка, выступая в качестве субъективной нормы его самосознания и поведения.

На первоначальном этапе исследования, целью которого было выявление специфики ценностных ориентаций, испытуемому предлагалось ответить на вопросы специально разработанного опросника, в котором оценивалось его отношение к различным сферам жизнедеятельности (семья, школа, взрослые, сверстники, интересы, увлечения, планы, достижения и т.п.). Кроме того, измерялась самооценка испытуемых по методу Дембо-Рубинштейн. Для измерения «совокупной девиантности» методом экспертной оценки* была разработана специальная шкала, дающая возможность количественной оценки данного параметра: (табл. 6-5).

Таблица 6-5

Вид девиантности	Оценка (в баллах)
1. Трудности в отношениях с родителями	2
2. Нарушения в школе	2
3. Алкоголизация	3
4. Уход из интерната	4
5. Псевдосуицидальные попытки	6
6. Ранняя половая распущенность	6
7. Уход из дома	7
8. Бродяжничество	9
9. Проституция	10
10. Суицидальные попытки	12

Отличие от контрольной группы выявилось по двум сферам представлений о нормативном поведении. В сфере «Взрослые» от-

мечается деформация в отношениях со взрослыми, в том числе и с родителями. Негативизм, недоверие ко взрослым разнообразно обосновывается. Нетрудно предположить, что такой серьезный разрыв необходимых подросткам социальных связей является одним из источников девиантности личности.

Деформация ценностных ориентаций обнаруживается также в сфере «достижения». Представление о настоящих и будущих достижениях характеризуется нереалистичностью, склонностью к фантазированию, отсутствием представлений о средствах достижения жизненных целей. Отсюда уровень самоуважения девиантного подростка является неустойчивым, варьируется в широком диапазоне. Можно предположить, что данное обстоятельство является источником невротизации девиантной личности.

Стандартная процедура самооценки по методу Дембо-Рубинштейн не выявила значимых различий между основной и контрольной группами, вызвав определенную долю сомнений в валидности данного проективного метода для индивидов и групп с отклоняющимся от социальных норм поведением. Поэтому испытуемым предлагалось дополнительно обосновать оценки себя по шкалам «ум», «характер», «счастье». Проведенный контент-анализ интерпретаций подростками собственных личностных качеств позволил выявить субъективные способы обоснования и защиты девиантного поведения, которое для подростков выступало как нормативное в соответствии с их собственными представлениями о поведенческих нормах.

С целью выявления связи между показателями, вошедшими в матрицу факторизации, был проведен корреляционный анализ. На его основе появляется возможность прояснить связанность параметра «совокупная девиантность» с другими показателями, вошедшими в программу измерения факторов девиантности.

Полученные данные показывают, что древовидное возрастание совокупной девиантности зависит от наличия или отсутствия некоторых акцентуаций личности, от существующего семейного окружения, субъективной оценки собственного раннего детства в личностной и межличностной сферах. Можно сделать вывод, что девиантный опыт подростка, отраженный в показателе совокупной девиантности, складывается из трех источников: прошлый (негативный) опыт раннего детства; опыт взаимоотношений в семье; специфическая совокупность акцентуаций девианта.

У обобщенного дерева совокупной девиантности можно было проследить наличие своеобразных ветвей-приоритетов. Приведем примеры характерных цепочек девиантного поведения:

- а) подростки-девочки имеют трения с родителями, убегают из дома с последующей алкоголизацией и/или беспорядочными половы-

ми связями. Для такой группы людей характерны тенденции в направлении психопатизации личности;

- б) трудности в отношениях со сверстниками, нарушения в школе, наркотики, псевдосуицид. Группа девочек, демонстрирующих псевдосуицид, как правило, отличается психастеничностью.

Обнаружилось, что общим для многих девиантных подростков является недостаток эмотивности, особенно, подчеркнем, в той части данного типа акцентуации, который характеризуется отсутствием сопереживания или сочувствия к кому-либо из ближайшего окружения. Межперсональное пространство таких девиантов сужено и формируется под влиянием установки на лидерство, властвование либо уход от общения со сверстниками и взрослыми.

Достаточно неожиданным, с точки зрения привычных психопедагогических представлений, оказался тот факт, что девиантность чаще встречается и оказывается более выраженной в полных, чем в неполных семьях или даже когда родители отсутствуют.

Объяснение этому феномену находится, если еще раз учесть факт слабой эмотивности девиантных подростков. По-видимому, в полных семьях с большим количеством «воспитателей» и переизбытком воспитательных воздействий для подростка возникает больше стимулов для возникновения межличностных и внутриличностных проблем. Если «эмотивный» ребенок способен стать на семейно-коллективную точку зрения и, в конечном итоге, адаптироваться к требованиям родителей и ближайшего окружения, то давление на «неэмотивного» ребенка часто приводит к противоположному эффекту.

Подростки с повышенным показателем совокупной девиантности более негативно оценивают свое прошлое (раннее детство). Подчеркнем, что действительная ситуация в раннем детстве не обязательно является негативной. Однако проекция в детство каждый раз оживляет и закрепляет в опыте индивида те интегрированные аспекты собственных воспоминаний, которые должны подтвердить «трудное настоящее».

Девиантное поведение как система поступков, противоречащих нормам общественной жизни, с необходимостью становится частью жизнедеятельности подростка и постепенно кристаллизуется в виде специфического девиантного опыта. Наличие девиантного опыта позволяет подростку адаптироваться к правилам и нормам поведения в девиантной среде. У девианта формируется особая система оценок и интерпретаций себя, других и окружающего мира, деформированная в сторону нереальности, инфантильности, фантастичности суждений. Искаженной является интерпретация подростком своего будущего и раннего детства.

Отличие девиантного опыта от уже рассмотренных нами иных его видов состоит в его «девиантности» по отношению к собственному продуценту – жизнедеятельности. Выполняя свою основную функцию обеспечения стабильных условий жизнедеятельности, девиантный опыт постоянно вступает в противоречие с нормативными требованиями жизни, еще более закрепляется, становясь источником новых конфликтов; в результате все более разрастается дерево девиантности. В этом смысле девиантный опыт оказывается неконструктивным для индивида, становится источником деформации личности девианта.

Ситуация усугубляется еще и тем, что для самого субъекта девиантности процесс формирования девиантного опыта остается скрытым, тем более, когда речь идет о его социальных, психологических и психосоматических источниках. Такой опыт, по нашему предположению, существует в форме различных латентных структур, слабо осознаваемых либо не осознаваемых самим девиантом. Такие латентные структуры вбирают в себя различные внешние и внутренние источники девиантности, которые, в отличие от внешних проявлений девиантности, характеризуются большей устойчивостью и интеграцией.

Таковыми источниками могут являться социальные факторы как нормальной (семья), так и девиантной среды, личностные образования типа акцентуаций характера, самооценок, соматические патологии. Проблема состоит в том, что взятые по отдельности перечисленные характеристики, обнаруживая лишь некоторые взаимные корреляции, не отражают специфики девиантного поведения в целом. Поэтому для их выявления и измерения адекватным является применение факторного анализа. В данном случае факторизация способна отразить качественно новую связь между источниками девиантного поведения, т.е. не что иное, как его латентные структуры. По своему содержанию такие латентные структуры представляют собой неосознаваемые модели поведения и отношения к окружающей действительности девиантных подростков.

Для выявления латентных структур девиантного поведения была использована экспериментальная программа, включающая 24 показателя, в том числе акцентуации характера, а также дополнительные характеристики, описывающие социогенез подростка (характер воспитания, взаимоотношения в семье, дошкольное детство, социальные ориентации подростка).

Матрица факторизации представлена в табл. 6-6:

В результате факторного анализа было выделено по 4 ортогональных фактора соответственно для основной (девиантной) и конт-

рольной (нормативной) групп. Выделенные факторы характеризуют латентные структуры поведения девиантных и нормативных подростков.

Таблица 6-6

«Детство»	Личностный семантический дифференциал	Самооценка (Дембо – Рубинштейн)	Анкета «Подросток»	Леонгарда – Шмишека и Литмана – Шмишека	«Дерево девиаций»
Физический	Оценка	Ум	Возраст	Все 10 акцентуаций	Показатель «совокупной» девиантности
Личностный	Сила	Характер	Состав семьи	Общее число акцентуаций	
Межличностный	Активность	Счастье	Отношения в семье		

Факторы девиантной группы.

Фактор 1 – «Установка на девиацию», факторный вес 26,7.

1. Общее число акцентуаций	0,88
2. Экзальтированность	0,77
3. Педантичность	0,64
4. Циклотимичность	0,63
5. Активность	0,60
6. Тревожность	0,46
7. Возбудимость	0,46
8. Застревание	0,44

Данный фактор является самым нагруженным.

Обращает на себя внимание наличие пучка взаимосвязанных акцентуаций, обычно редко пересекающихся в одной структуре личности. При этом в данный фактор не вошли какие-либо социальные, социально-психологические, самооценочные параметры. Напрашивается вывод, что совокупность акцентуаций имеет самостоятельное значение для формирования девиантного опыта. Можно предположить, что латентная структура опыта, составленная из акцентуаций, без социальных привнесений, является некоторой первичной латентной структурой, обуславливающей девиантность как внутреннюю исходную ориентацию акцентуированного подростка. Акцентуация как пограничное с нормой личностное качество индивида в определенном значении сходится с девиацией как отклонением от социальной нормы. В этом смысле акцентуант потенциально «открыт» к девиации, а девиант проявляет себя как акцентуированная личность.

Соединение в единый комплекс разнонаправленных по своим проявлениям акцентуаций свидетельствует о том, что данная латентная структура является аморфной, недифференцированной, пока еще не сориентированной на какие-либо конкретные проявления асоциальности.

Такое сочетание противоречивых акцентуаций не является гармоничным для подростка. Г.Айзенк, анализируя характерологические особенности психотипов, обращает внимание на факт драматического пересечения разных психологических радикалов в одном индивидуе, когда одновременно проявляют себя незрелость, безответственность, общительность и замкнутость, лидерство и тревога, интерес к сексуальным контактам, сценам насилия, фильмам ужасов и т.д. [299].

Фактор 2 - «Противовес», факторный вес 14,2.

1. Эмотивность	0,71
2. Совокупная девиантность	- 0,54
3. Личностный	0,49
4. Межличностный	0,46
5. Возбудимость	- 0,37
6. Состав семьи	- 0,36
7. Сила	- 0,31

Данный фактор отражает такую латентную структуру опыта, в которой девиантность не только стимулируется, но и сдерживается. Такая структура уже не является однородной, в нее включены источники девиантности разных уровней. Девиантность провоцируется возбудимостью, осознанием подростком себя волевым человеком, потребностью в лидерстве и, наконец, количеством воспитателей, причем, как уже говорилось выше, оказалось, что, чем их больше, тем больше девиаций. Наоборот, тенденции к девиантности гасятся при наличии эмотивности, а также положительной психологической и социальной атмосферой в раннем детстве.

Особенный интерес эмотивность вызывает в психокоррекционном плане. В нашем исследовании в процессе многочисленных бесед, наблюдений, выполнения лечебных и диагностических процедур акцентуированность девочек-подростков так или иначе обильно проявлялась. Однако все время оставалось неясным, какой же тип акцентуации является приоритетным в развитии девиантного поведения. Факторный анализ подтвердил предположение, что таковой является эмотивность, вернее, ее неразвитость. Как известно, одной из основных характеристик эмотивности является способность индивида к сопереживанию. Слабое развитие такой способности проявляется очень рано, что могут заметить опытные воспитатели

и внимательные родители. Хотя биологическая природа данного феномена остается во многом неясной, за исключением влияния некоторых медицинских эксцессов (родовые и послеродовые травмы, желудочно-кишечные, простудные заболевания в раннем детстве и т.п.), ранняя профилактика в этом направлении представляется более чем уместной.

Данная латентная структура в отличие от первой характеризуется неустойчивостью, внутренним противоборством. Ее вклад в девиантность зависит от баланса провоцирующих и сдерживающих характеристик личности подростка.

Фактор 3 – «Эмансипация девиантности», факторный вес 11,7.

1. Счастье	- 0,57
2. Характер	- 0,54
3. Оценка	0,53
4. Отношения в семье	0,41
5. Возбудимость	0,40
6. Состав семьи	0,38
7. Активность	0,29

Данный фактор отражает специфику формирования личности девианта в зависимости от характера сложившихся отношений в семье. Предварительный анализ самооценочной сферы девиантов («Счастье», «Характер», «Оценка») показал склонность к положительной переоценке своих личностных качеств, вытеснению реальных фактов своего поведения, вере в счастливое будущее, которое наступит само собой. Одновременно выяснялась конфликтогенность в семейных отношениях.

Факторный анализ выявил связь между данными параметрами: самооценка и ожидания в будущем тем выше, чем сложнее складываются отношения в семье. В результате образуется такая латентная структура, когда естественная для подросткового возраста реакция эмансипации принимает экстремальные формы психологического, а часто и фактического разрыва отношений с родителями, что сопровождается субъективным оправданием такого девиантного события. Дисгармония дополнительно увеличивается при наличии повышенной возбудимости и экстравертированности подростка.

Фактор 4 – «Двойственность», факторный вес 10,7.

1. Гипертимность	0,62
2. Тревожность	- 0,54
3. Демонстративность	0,52
4. Дистимичность	- 0,34
5. Сумма акцентуаций	0,30
6. Оценка	- 0,24

7. Сила	- 0,23
8. Возраст	- 0,23
9. Счастье	- 0,22

Данный фактор отражает специфическую латентную структуру опыта, в которой девиантность провоцируется объединением в одно целое одновременно противоречивых двух субъективных пространств: «Я – концепции» и «Я – образа». В первом случае проявляется нестойкий внутренний мир подростка, у которого оценка самого себя сопровождается дистимичностью, тревожностью. Одновременно, на противоположном полюсе, во внешнем поведении преобладает гипертимность, демонстративность.

Данная латентная структура отражает, с одной стороны, потребность в социальной и психологической активности, с другой – низкий уровень принятия себя, граничащий с невротизацией личности. Такое состояние характерно для переходного возраста, однако в данном случае оно усиливается самой девиантностью.

Опишем для сравнения факторы, выявленные у подростков контрольной группы.

Факторы контрольной группы.

Фактор 1 – «Основания нормативности», факторный вес 14,0.

1. Дистимичность	- 0,68
2. Счастье	- 0,56
3. Межличностный	0,53
4. Эмотивность	0,53
5. Отношения в семье	0,51
6. Психологический	0,50
7. Оценка	0,49
8. Возраст	- 0,47
9. Характер	- 0,46

Данный биполярный фактор отражает такую латентную структуру опыта, когда на одном полюсе объединены в группу высокий уровень принятия себя, позитивная оценка своего раннего детства, благополучные отношения с родителями. Сюда же примыкает эмотивность, которая в нормативной группе играет конструктивную роль в структуре личностного опыта.

На противоположном полюсе расположена дистимичность, а также возраст девочки-подростка, чем подчеркивается, что с возрастом ребенка влияние позитивных факторов-оснований уменьшается.

Фактор 2 – «Личностный рост», факторный вес 13,3.

1. Возбудимость	0,74
2. Сумма акцентуаций	0,72

3. Циклотимичность	0,63
4. Межличностный	- 0,51
5. Экзальтированность	0,47
6. Физический	- 0,44
7. Оценка	- 0,44

Данный фактор отражает характерную для подросткового возраста проблему согласования личностного и социального роста с сохранением достаточно высокой самооценки. Однако, в отличие от девиантных подростков, внутренняя психологическая драма у нормативных подростков развивается более мягко, сглаженно. Латентная структура опыта нормативного подростка в данном случае формируется на фоне его социального роста.

Фактор 3 – «Неопределенность», факторный вес 10,4.

1. Тревожность	- 0,55
2. Педантичность	- 0,54
3. Сила	0,54
4. Сумма акцентуаций	- 0,43
5. Характер	- 0,41
6. Состав семьи	0,40
7. Счастье	- 0,39
8. Эмотивность	- 0,36
9. Ум	- 0,35

Данный фактор отражает нестойкость подростковой самооценки, повышенную тревожность. В целом можно отметить потребность в опоре на собственные силы, чувстве взрослости, такую же, как и у девиантных подростков, конфликтогенность в семейных отношениях, протест против подавления родителями стремления подростка к самостоятельности. Преобладает позитивная ориентация в самооценке.

Данная латентная структура опыта отражает формирующийся у подростка поведенческий стиль, основанный на согласовании внутренних и внешних характеристик личности, что, в конечном итоге, нормализует поведенческие реакции подростка, переживающего возрастной этап личностного становления. Реакция эмансипации становится достаточно конструктивной. Ее нормативность обусловлена повышенной рефлексией на неопределенное будущее.

Фактор 4 – «Энергия молодости», факторный вес 8,3.

1. Сила	0,66
2. Активность	0,50
3. Психологический	0,48
4. Демонстративность	0,47
5. Гипертимность	0,37

6. Эмотивность	- 0,35
7. Отношения в семье	- 0,34

Данный фактор отражает латентную структуру сформированного в опыте деятельного отношения к окружающей действительности. Личность подростка формируется в условиях активного взаимодействия с другими людьми, прежде всего со своими сверстниками. Круг общения, в отличие от девиантных подростков, постоянно расширяется благодаря нормативным формам поведения. Принимается культ силы, популярности, риска, способность совершать поступки на фоне известного эгоизма, себялюбия, снижения уровня эмоциональных контактов с родителями. Возможная конфликтность в семье лишь усиливает эффекты интерактивности в рамках нормативных форм поведения.

Таким образом, проведенное исследование показало, что девиантный опыт – это сложное структурно-динамическое образование, включающее социальный, психологический и психосоматический источники девиантности. Девиантный опыт имеет двухслойную структуру, представленную на верхнем этапе комплексом интерпретаций, деформированных по отношению к общественным нормам поведения и индивидуальным ценностным ориентациям. На нижнем – латентными структурами опыта. Латентные структуры девиантности кристаллизуются в опыте подростка, делая девиантное поведение стереотипным.

Поведенческой основой девиантного опыта является совокупная девиантность, представляющая собой комплекс взаимосвязанных субъективно оправданных девиантных событий, образующих дерево девиаций.

Проведенный факторный анализ позволил выделить ряд латентных структур девиантного и нормативного опыта подростков. Каждая из таких структур имеет собственное содержание и в различных комбинациях отражает наличие социального, психологического и психосоматического источников девиантности и нормативности.

В большинстве случаев латентные структуры опыта основывались на биполярности факторов. В данном случае статистически отражена присущая личности и поведению подростка амбивалентность. В свою очередь за двойственностью внешних поведенческих установок и девианта, и нормативного подростка угадывается наличие внутреннего кризиса личности. Само по себе наличие кризиса является естественным для подросткового возраста и должно рассматриваться как необходимое условие саморегуляции его поведения. Другое дело, что для обычного подростка выход из кризиса

приводит к устойчивому нормативному поведению, для девиантного – закрепляются и становятся субъективно оправданными его девиантные формы.

Исследования показали, что на формирование девиантного опыта более других оказывают влияние акцентуации личности и социальный фактор конфликтности семейных отношений.

Девиантное поведение подростка в каждом отдельном случае определено композицией пересекающихся латентных структур. Выявление такой композиции представляет собой диагностическую задачу, предваряющую психотерапевтическую и психокоррекционную работу с девиантным подростком.

Глава 7. Мнемический опыт

Память в жизнедеятельности: парадигма мнемического опыта

Близость и взаимообусловленность индивидуального опыта и памяти как части опыта естественна и не вызывает сомнений. Одной из главных и весьма сложных задач исследования индивидуального опыта является выявление психологического механизма его стабилизации, в основе которого лежат процессы интеграции и реинтеграции информации, поступающей из внешнего мира, за что как раз и ответственна человеческая память.

Непосредственное отношение памяти к сознанию человека, ее универсальная встроенность во всякие жизненные отправления привлекали философов и психологов разных времен, возводя размышления о памяти в гносеологический ранг. В работах многих авторов опыт, будь-то «субъективный», «личный», «профессиональный», «практический», «духовный», «социальный», «религиозный» мыслится как та субстанция, в направлении которой и для которой память действует в целях организации либо реализации самого опыта в текущих ситуациях жизни (Платон, А.Августин, Дж.Локк, Ф.Бартлетт, А. Бергсон, П. Жане, К.Юнг, Е.Ю.Артемьева, Е.И.Головаха, П.И.Зинченко, А.А.Кроник, Н.А.Логина, Б.Ф.Ломов, В.Я.Ляудис, Г.К.Середа, Ю.К.Стрелков и др.).

Сразу же возникает вопрос о мере генетического и структурно-функционального сходства понятий «память» и «мнемический опыт».

В структуру опыта память человека не входит как таковая, хотя следообразование и является средством и фактом его объективации. Платон различает память и опыт следующим образом: «Память – способность души сберегать хранящуюся в ней истину», тогда как «Опытность – навык души, помогающий нам определять качества людей» [223, т.4, с.620]. Тем не менее, Дж.Локк, как известно, вводил память непосредственно в структуру опыта; в наше время иногда высказывается мнение вообще о тождестве опыта и памяти, основанное на утверждении: «Нет ничего в опыте, чего не было бы в памяти». На наш взгляд, представление о тождестве памяти и опыта не вполне корректно хотя бы потому, что здесь не выполняется обратное утверждение: «Все, что есть в памяти, есть также и в опыте». Другими словами, опыт далеко не все берет из памяти.

Интегрируясь в опыте, соответствующая часть информации из памяти приобретает качество собственности индивида, что проявляется, в частности, в высоком уровне субъективной уверенности в ее истинности, ригидности такой установки, готовности защищать информацию, которой индивид обладает. Воспроизведенный материал входит в состав памяти, но только со стороны мнемического опыта, оставляя за собой признаки суверенности.

Информация, неизвестная субъекту, неприемлемая для него, либо та, которую невозможно извлечь из памяти, «собственностью» субъекта не является. Точно так же, способы и приемы памяти, не освоенные субъектом либо не соответствующие его индивидуальным психофизиологическим, характерологическим, мыслительным, социокультурным особенностям, не входят в состав мнемического опыта. Программы поведения могут быть объективно мало «адекватными», но если в их основе лежит личностный выбор, собственные установки и стереотипы, субъективная оценка «адекватности» оказывается решающей. Критерием истинности для памяти является внешняя стимуляция (объективность), для мнемического опыта – жизнедеятельность (субъективность), поэтому всевозможные привнесения, искажения и вытеснения, которые квалифицируются как ошибки памяти, тем не менее являются достоянием мнемического опыта.

Мнемический опыт может в разной степени непосредственно опираться на информационные массивы памяти. Это зависит от того, сколько чего для функционирования опыта выносится во вне (записи, фотографии, справочники), оставляя в памяти лишь метки обращения к внешним опорам. Э.Фромм заметил, что «память людей неграмотных или редко прибегающих к письму намного превосходит память хорошо образованных жителей развитых стран» [289, с.62].

Вместе с тем, вопрос о различении памяти и мнемического опыта на структурно-функциональном уровне является далеко не простым, так как само это различие с самого начала является относительным. Несомненно, существует единый социогенетический корень как для всего массива накопленной информации (память), так и для той ее «оборотной» части, которая активно включена в процесс жизнедеятельности. Не вдаваясь в данном месте глубоко в анализ этой проблемы, ограничимся лишь двумя иллюстрациями, которые на нас самих произвели достаточное впечатление.

В свое время, занимаясь в рамках дифференциальной психологии изучением индивидуальных различий в процессах памяти, мы обнаружили, что психофизиологически «лабильные» и «инертные» испытуемые по-разному успешно проявляют себя при запоминании в условиях интерференции: легче переключаются с одного материала на другой лабильные; меньше, но прочнее удерживают инфор-

мацию инертные и т.д. [47]. Было ясно, что, повторяясь множество раз, такие гомогенные особенности запоминания в конце концов становятся основой для формирования индивидуально-стилевых адаптивных структур индивидуального мнемического опыта.

Новые ассоциации у нас возникли, когда, просматривая биографические очерки классиков мировой психологии [293] – мы обнаружили, что сторонниками и авторами теорий экзистенциального «субъективного опыта» оказались «интроверты» К.Юнг, Дж.Келли, К.Роджерс, тогда как защитниками оперантно-диспозиционного «объективного опыта» стали «экстраверты» Б.Скиннер, Р.Кеттем, Г.Айзенк. Возвращаясь к началу, примем без доказательств, что по огромному объему и совершенству накопленной в их памяти научной информации классики вернее всего не различаются, однако, ее отбор с памятью уже не связан.

Наиболее значительный вклад в изучение мнемического опыта в отечественной психологии внес Г.К.Середа. Наши собственные исследования в этой части рассматриваются нами как попытка развития общетеоретических идей и замыслов профессора Г.К.Середы.

Г.К.Середа следующим образом различает память и опыт: «Память человека представляет собой непрерывный процесс организации индивидуального опыта в систему, отвечающую условиям жизни как системы сменяющих друг друга деятельностей» [256, 1984]. Как видим, здесь явно выделена система взаимосвязанных уровней человеческой активности: память – опыт – жизнедеятельность. В основе этой организации «лежит отношение более частного к более общему» [255].

В другом месте Середа определяет память так же, как «механизм» организации опыта [250, 255]. В любом из этих случаев память не отождествляется с опытом, а предшествует ему.

Г.К. Середа, решая различные исследовательские задачи, по-разному определял функцию и место опыта в отношении к памяти. Иногда речь шла об «организации опыта в человеческой памяти» [256], то есть, фактически имелся в виду «прошлый опыт», «хранилище следов». Разумеется, такое понимание опыта (опыт как часть памяти) не могло быть ни единственным, ни основным, иначе, проглотив (или проглотив) опыт, память оставалась один на один с несвойственной ей ролью прямого воздействия на жизнедеятельность, либо непосредственного реагирования на жизненные «события».

Далее опыт определялся на границе памяти и внешних воздействий, итожа мнемическую активность в «форме некоторой лаконичной интегративной картины» [257]. Здесь он тоже выступает в функции передаточного звена, не обнаруживая собственной активности.

И в этом случае память не получает от него никакой ощутимой (функциональной) поддержки.

Поэтому в другом случае опыт был определен уже за пределами непосредственно памяти как «совокупность взаимоотношений между человеком и объективным миром» [Там же]. И наконец, были определены роль и место опыта как «опосредующего взаимоотношения памяти и личности» [253], где он предстает как необходимое в структуре жизнедеятельности образование с собственным психологическим содержанием.

Рассматривая процессуальный аспект формирования опыта, Г.К.Середа исходит из представлений о его неразрывности: «В каждый момент осуществления деятельности в нее включается весь прошлый опыт [255], когда ни одна часть не может быть отделена от целого». Или «Память – непрерывный и бессознательный процесс самоорганизации индивидуального опыта, который никогда не прерывается в психике человека» [257].

Комментарий к этим высказываниям сделал Ю.К.Стрелков: «Включение всего прошлого опыта в каждый момент деятельности кажется неэкономичным, так же, как и перестройка всего опыта при овладении только одним новым элементом. Факты дифференциального формирования способностей, а также консервации и частичного распада опыта с возрастом, также свидетельствуют против выдвинутого Г.К.Середой понимания опыта.

...Опыт, который рассматривал Г.К. Середа, гибкий, открытый для принятия новых сведений и изменений, представляет собой скорее идеальный случай. Более типичны закрытые, ригидные, жесткие структуры

опыта. Этому много свидетельств в труде и в жизни, в литературе и в науке. Типичный профессиональный опыт – это опыт решения типичных проблем. Это умение посредством простых, но хорошо усвоенных приемов предупредить аварию, направить процесс по безопасному руслу» [268].

Приведенные точки зрения отражают, на наш взгляд, две позиции на проблему «память и опыт»: со стороны памяти (Середа Г.К.) и со стороны опыта (Стрелков Ю.К.). Такие незаметные переходы на разные исходные позиции возникают как раз в ситуации слабой различимости близких и взаимосвязанных понятий. Однако здесь нет противоречия. Принцип дополнительности говорит как раз в пользу принятия и «идеализаций» Г.К.Середы, и «реальностей» Ю.К.Стрелкова.

Действительно, память шире опыта по объему зафиксированной в течение жизни информации и является непосредственной формой

отражения процесса жизнедеятельности. (В данном случае не имеет значения – происходит ли сплошная запись и хранение, либо память избирательна и сопровождается стиранием следов.) Опыт, с другой стороны, шире памяти в функциональном аспекте, выступая в качестве структурно-динамической основы регуляции жизнедеятельности.

Память и опыт связаны между собой не только содержательно, но также и в координатах времени. Различение содержательной и темпоральной характеристик памяти в психологии хорошо известно: память «духа» и память «тела» (А.Бергсон), действие и время (П.Жане), семантическая и эпизодическая память (Е.Тулвинг, Р.Аткинсон и др.) [20, 35, 104, 130, 325, 340, 343].

Уже А.Августин по сути дела поставил вопрос о временном аспекте роли памяти в организации человеческого опыта. Перечисляя многочисленные возможности воспоминания («когда захочется»), накопленного в опыте, Августин заключает: «Все это происходит во мне, в огромных палатах моей памяти.

Там в моем распоряжении небо, земля, море и все, что я смог воспринять чувством, – все, кроме мною забытого. Там встречаюсь я и сам с собой и вспоминаю, что я делал, когда, где и что чувствовал в то время, как это делал. Там находится все, что я помню из проверенного собственным опытом и принятого на веру от других.

Пользуясь же этим богатством, я создаю по сходству с тем, что проверено моим опытом, и с тем, чему я поверил на основании чужого опыта, то одни, то другие образы; я вплетаю их в прошлое; из них ткаю ткань будущего; поступки, события, надежды – все это я вновь и вновь обдумываю как настоящее» [5, с.133].

Последующие исследователи памяти метафизику Августина расчленили на ряд задач о том, как происходит, говоря современным языком, прием и переработка информации, удерживание и обогащение, извлечение и перевод, каковы временные и пространственные характеристики «мнемического опыта».

Представление Августина о памяти как средстве организации опыта во времени в определенной мере перекликается с локковским представлением о памяти как необходимом этапе деятельности души на пути от чувства к познанию. В главе «Об удержании простых идей» Дж.Локк пишет: «Следующая умственная способность, при помощи которой ум делает дальнейший шаг к знанию – это то, что я называю удержанием, или сохранением, простых идей, полученных от ощущения или рефлексии» [180, т.1, с.199]. Главную функцию памяти автор определяет следующим образом: «Так как практический человеческий ум не в состоянии обзирать и рассмат-

ривать сразу много идей, то необходимо было иметь склад для идей, которыми можно было бы воспользоваться и в другое время» [Там же, с.199].

Исторической строгости ради отметим определенную ограниченность тогдашних представлений о природе и функции памяти. Локк рассматривает лишь ретенциональную (сохранительную) роль памяти, поэтому нигде у него память не рассматривалась как аспект опыта, имеющий собственное развитие. Добавим, что сама память понималась, используя современную терминологию, как произвольная. Непроизвольный, нецелевой, не попадающий в фокус сознания вид памяти не входил в логическую схему познания Дж.Локка. Чувственно-когнитивная парадигма, в пределах которой создавалась теория познания, не позволяла выйти на идею о способности памяти к интеграции и формообразованию всего жизненного пути индивида. Для Дж.Локка акт и факт порождения «идеи» выступали как события вневременные.

Конечно, далеко не всегда в истории психологии проблема памяти становилась приоритетной.

Память как средство или процесс познания не стала проблемой для представителей рационализма, по причине приписанной ей феноменальной недостоверности. Декарт, в частности, выдвигая в качестве основных критериев истинных знаний их ясность и отчетливость, свойственную только непосредственному усмотрению, считал недопустимым в научном познании опираться на материал памяти, как не удовлетворяющий его решающему условию. По мнению Спинозы, память есть не что иное, как фатальная ассоциация идей. Уже в наше время Б. Рассел, занимаясь проблемой достоверности логических выводов, знания, не ассоциировал достоверность с памятью.

В теоретических представлениях ортодоксального бихевиоризма, необихевиоризма и далее когнитивной психологии проблеме памяти в жизнедеятельности места почти нет, т.к. она не совпадает с задачей изучения механизмов и микромеханизмов памяти. И если не иметь в виду призывы к экологической валидности исследовательских программ, то здесь жизнедеятельность функционально вполне заменяется работой современного компьютера.

Впоследствии представители когнитивной психологии, стремясь обеспечить экологическую валидность своим исследованиям, в частности семантической и эпизодической памяти (Тульвинг), пытались своих испытуемых, образно говоря, «вытолкнуть на улицу» (схемы, когнитивные карты), что, однако, так и не принесло ожидаемых результатов [66, 67].

Смысл жизнедеятельности как отражающей и порождающей память раскрыл в 30-х годах французский психолог Пьер Жане. В классической интерпретации его работ это означало выявление генетического и социального аспектов памяти. Жане впервые показал обусловленность памяти социальным поведением в ее неразрывной связи с осознанием индивидом течения времени и структурным оформлением ее в речи. Вместе с тем была раскрыта и роль памяти как средства обладания человеком своим собственным внутренним субъективным миром; наконец, память заняла подобающее ей место в общей картине эволюции психических процессов [325].

Можно было бы привести и другие примеры, назвать других авторов (многие из которых будут упомянуты в соответствующих местах далее), но, в рамках поставленных нами задач, логично будет перейти к анализу научного подхода П.И. Зинченко, идеи которого мы также пытаемся развить в нашей работе.

В исследовательской парадигме «память и опыт» особую ценность и новую перспективу приобретают представления о памяти как человеческой способности на уровне жизнедеятельности, так как именно здесь, а не на уровнях отдельного действия или деятельности, раскрывается в полной мере содержание понятия «индивидуальный опыт».

Теоретические представления об изучении памяти в таком аспекте берут свое начало в исследованиях непровольного запоминания, выполненных П.И.Зинченко. «В масштабе жизнедеятельности, – писал П.И.Зинченко, – в индивидуальном аспекте реализуется жизненная функция памяти» [112, 114].

Сразу оговоримся, что «память в жизнедеятельности» это не память в повседневности: не предполагается изучение памяти на работе, за обедом, в отпуске и т.п. – «во всем ее многообразии». В ранге методологии проблема выглядит как постановка задач об уровнях и звеньях опосредований отдельного мнемического достижения по отношению к данному отрезку жизни, репродуктивной и продуктивной функции памяти и в конечном итоге – свободе памяти как свободе ее субъекта.

П.И.Зинченко несомненно относится к тем, кто внес наибольший вклад в становление деятельностного подхода в психологии. Вводя в научный обиход понятие непровольного запоминания, он с самого начала задает два уровня его обоснования: методологический и собственно психологический (1939). В методологическом плане проблема непровольного запоминания с необходимостью поднимала вопросы о генезисе психики, природе и месте памяти в жизни человека, соотношении произвольной и непровольной па-

мяти. П.И.Зинченко первый и, по-видимому, единственный тогда в школе Выготского – Леонтьева забил тревогу по поводу жесткости культурно-исторической теории в ее стремлении оторвать «высшее» от «низшего», по поводу подмены реальных отношений субъекта с действительностью абстрактными знаково-символьными схемами. Отдавая должное культурно-исторической теории, отмечая, что именно в ней запоминание рассматривается как психическое действие, он писал: «...Отрыв возникновения и развития психических опосредствованных операций от реальных отношений субъекта в действительности, т.е. от реального процесса его жизни, привел систему взглядов Выготского к интеллектуализму» [114].

Как видим, в 30-е годы расхождения между П.И.Зинченко и его учителями – коллегами Л.С.Выготским и А.Н.Леонтьевым носили принципиальный и устойчивый характер. За разным решением методологических и психологических проблем открывались различные мировоззренческие линии. Можно предположить, что здесь произошло столкновение двух типов научного мышления: аристотелевского, в большей степени характерного для идеологии культурно-исторической концепции, и галилеевского, более органичного для мировоззрения П.И.Зинченко [156]. В первом случае в теоретические построения закладывается модель гетерогенности уровней развития и функционирования психического, сами уровни рассматриваются в логике «или/или»; эмпирические факты дифференцируются в соответствии с заданной абстракцией, вершина которой суть «клеточка, единица анализа». Во втором случае всякий феномен, факт самодостаточен, ценен сам по себе; поддерживается приоритет практического, бытийного над абстрактным, бытийное полагается сложным, целостным, богатым, непосредственно из деятельности не выводимым; выделенные уровни развития и функционирования психического гомогенны и рассматриваются в логике «и/и» [163].

Понятия «жизнедеятельность», «жизнь» в рамках деятельностной парадигмы имели и продолжают иметь скорее культурологическое значение. Для П.И.Зинченко же формула «память в жизнедеятельности» с самого начала не была способом расширительной трактовки памяти, но имела особый теоретический смысл: жизненная функция памяти, состоящая в избирательном закреплении индивидуального опыта и в дальнейшем его использовании, складывается, изменяется и совершенствуется в конкретных условиях жизни субъекта, в его деятельности.

Жизнедеятельность как онтологический процесс необратима. Необратимость психических процессов, являясь фундаментальным определением индивидуального сознания, менее всего ассимилиро-

вана в психологии памяти. Необратимость – это непрерывное отрицание наличного бытия памяти, ревизия в процессе деятельности всех структурно-функциональных аспектов памяти, непрерывное доказательство своего существования. Активность памяти следует понимать не как абстрактную активность, а как процесс непрерывной борьбы за свою экзистенциональность, жизненность, соответствие не только решаемой задаче, но и условиям, в которых она решается. И в этом смысле память реального субъекта является уникальной. Ее неповторимость не есть сверхсложное взаимодействие параметров и свойств, отличающее всякого индивида от другого; неповторимость есть отрицание повторения, «повторение без повторения» (Н.А.Бернштейн). Отсюда закономерными являются всякого рода флуктуации внутри мнемического действия. С этой точки зрения недооцененными в экспериментальной психологии являются так называемые фоновые характеристики памяти.

Случайность – это форма проявления сущности в явлении, характеризующемся неповторимостью, уникальностью порождающих условий. В памяти как реальном процессе ее фоновые характеристики, традиционно оцениваемые в качестве побочного эффекта действия, обнаруживают богатое содержание, так как выступают в функции отражения связи мнемической системы с внешним миром; расширения и фиксирования опыта системы; основы для порождения новых упорядоченных структур. Добавим, что только флуктуирующая система может «осознать» различие между прошлым и будущим и, следовательно, свою необратимость. Если бы система накопления прошлого опыта работала по принципу компьютерной каталогизации, не имея меток-флуктуаций, субъекту не дано было бы осознать вектор времени.

Такое видение памяти определяет ее онтологический объем и одновременно показывает, что проблема памяти не поглощается рамками не только культурно-исторического, но и деятельностного подходов.

Понимание того, что память, в свою очередь, также вложена в различные «пространства»: собственно мнемическое (место в материале, способы), личностное (ценности, мотивы, факторы), социальное (общение, распределение, стереотипия) находится в полном соответствии с представлениями о системном характере самого опыта. Структурно-динамические образования индивидуального опыта (уровневость, переходы между уровнями, детерминации) должны быть сохранены и отображены в том или ином виде в мнемическом опыте и воплощены в памяти. Другими словами, уровеньный характер функционирования памяти в данном случае имеет конкретную природу, направленность и привязку.

А какова ретроспектива? Деятельностный детерминизм как теоретическая (и идеологическая) установка, конечно, был очень силен, но и сама природа произвольного запоминания такова, что оно, как неоднократно подчеркивал П.И.Зинченко, подчинено в момент рождения и действию, и смыслу, и мотивам, и личности. И даже рожденная действием память в отличие, между прочим, от восприятия или мышления, не исчезает вместе с ним, а получает независимую от действия жизнь, интегрируясь в мнемический опыт, модифицируя в дальнейшем другие возможные действия и деятельности. Поэтому так важен и ценен для П.И. Зинченко целостный, идущий от анализа всех элементов жизнедеятельности подход к изучению памяти.

Пространство и время мнемического опыта

В соответствии с задачей исследования нас интересовал вопрос о психологических характеристиках той части памяти, которая входит в пространственно-временной континуум мнемического опыта.

Говоря о пространстве мнемического опыта мы имеем в виду рассмотрение двух основных вопросов: во-первых, о характере детерминации мнемического опыта в процессе его развития и функционирования и, во-вторых, о формах интеграции следов памяти.

Выше уже говорилось, что взаимоотношения между памятью человека и его мнемическим опытом носят особый характер. Память, интегрируясь и организуясь в опыте, одновременно приобретает целесообразность, находясь к опыту в отношении субординации. Двойная детерминация мнемического опыта со стороны следов памяти и активности субъекта соответствует двум разнонаправленным тенденциям его развития и функционирования. Речь идет о стремлении всякого структурно-динамического образования к стабильности, симметрии, покою и, одновременно, к нестабильности, асимметрии, преодолению покоя. И та, и другая направленность мнемического опыта являются универсальными.

Первая функция стабилизации, выполняемая мнемическим опытом, соответствует известному второму закону термодинамики, который гласит, что каждое состояние изолированной системы представляет собой необратимый процесс уменьшения активной энергии. В согласии с этим гештальт-психологи говорили о том, что всякое проявление психологической активности стремится, по возможности, к самой простой, прегнантной, уравновешенной структуре. З.Фрейд во многом исходил из того, что основные человеческие инстинкты есть выражение консервативности живого, внутренней тенденции возвращаться к прежнему состоянию. По

Фрейд, инстинкт смерти («танатос») является основополагающим принципом живого. Согласно принципу экономии человек естественным образом стремится тратить как можно меньше своей энергии. В расхожей фразе «Все в мире от лени» достаточно много психологического биологического смысла.

Другая направленность связана с потребностью человека в движении, продвижении вперед, творчестве, надситуативной активности, стремлении к продолжению рода (З.Фрейд), личностном совершенствовании.

В мнемическом опыте, в механизме его интеграции должны быть заложены и реализованы две эти тенденции, отражающие единство его ретенциональной и интенциональной сторон. Другое дело, что интенциональность является филогенетически и онтогенетически более поздним образованием и выступает как движущая сила в упорной борьбе человека против всеобщего закона энтропии, поэтому через нее природа мнемического опыта и определяется (при отсутствии такой интенции не о чем, да и некому было бы об опыте говорить).

Может сложиться мнение, что ретенцию в мнемическом опыте олицетворяют «нижние слои памяти» – последствие, интерференция, кратковременные и долговременные мнемические следы, фиксации, объемы, тогда как изменения и преобразования определены преимущественно смысловой сферой индивидуального сознания. Формально и во многом фактически это действительно так. Работа разноуровневой системы мнемического опыта в целом не осуществляется благодаря «противостоянию этажей», диалектика развития открытой системы такова, что на каждом уровне имеется собственная оппозиция, обеспечивающая взаимопроникновение мотивационного и операционального уровней функционирования мнемического опыта [256]. На уровне смыслов в роли оппозиции к ним выступают стереотипы, на уровне операций всегда присутствует рефлексивный компонент, от которого в поисках «чистой мнемы» никак не мог избавиться еще Эббингауз.

Единая генетическая природа специфических эффектов памяти, как гомогенных способов переработки последовательных «кусков» информации, становится «единой психологической природой» вовсе не автоматически, но благодаря умению человека выделять в определенной последовательности «целое» и «часть», фиксировать «нужное» и своевременно расставаться с «ненужным» [251]; хочется добавить: «умению по-хозяйски распорядиться эффектами памяти как своей собственностью».

Еще к Платону восходят представления о «перманентной памяти», «сплошной записи», когда все воспоминания постоянно

хранятся в памяти и их в любое время можно вызвать к жизни. Современные исследования говорят о том, что представление о сплошной фиксации, о сохранении переживаний, образов не соответствует действительности. Память, обслуживающая настоящее и, в особенности, ориентированная на будущее, достаточно практична и не может выполнить задачу интеграции и реинтеграции опыта без процесса забывания [154, 161, 172, 335].

З. Фрейд показал, что не вся информация закрепляется в памяти одинаково прочно и целостно. Он считал, что наиболее важной и одновременно странной особенностью памяти является то, что, с одной стороны, все впечатления сохраняются в том же виде, в каком они были когда-то восприняты, и, вместе с тем, сохраняются все те формы, которые появились на дальнейших стадиях развития памяти. Для процесса интеграции это чрезвычайно важный момент, так как дает возможность памяти (субъекту) в необходимый момент «сверяться с первоисточником» и, кроме того, сканировать изменение его по стадиям. «Таким образом, теоретически любое состояние, в котором когда-либо находился хранящийся в памяти материал, могло бы быть вновь восстановлено и репродуцировано даже тогда, если все те соотношения, в которых его элементы первоначально находились, были бы заменены новыми» [286].

При оценке этих двух позиций (сплошная и несплошная запись) мы стоим на точке зрения их совместимости по отношению к задаче интеграции опыта. Кажущаяся несовместимость теоретических представлений связана с тем, что в основе теорий лежит разная онтологическая база памяти: структуральная для физиологов и функциональная для психологов. На деле же одно дополняет другое.

Психологические исследования доказывают, что человеческое запоминание и воспоминание постоянно меняются, трансформируются и искажаются. Всякий раз, когда индивид произвольно либо непроизвольно запоминает что-то, он изменяет следы в памяти, добавляя или вытесняя что-то как на уровне кратковременного реагирования, так и на уровне долговременного хранилища [20, 334, 338, 340]. В проведенных нами ранее (1983) исследованиях в этом можно было убедиться при анализе психологических особенностей так называемых включений (интрузий). В условиях интерференции «сортировка» следов происходила таким способом, что воспроизводимый неверно вместо вытесненного элемент субъективно поддерживался высокой уверенностью испытуемого в правильности воспроизведения [154]; точно так же, усевшись не в свой поезд, пассажир уверен в своей правоте, апеллируя лишь к совпадению номера вагона и места. Важно, что психологически он одновременно прав и не прав.

В процессе воспоминания человек всякий раз изменяет хранящуюся информацию, воспроизводя нечто одно и то же по-разному. Разумеется, при этом правило «копирования», сохранения основы, обнаруженное еще З.Фрейдом, остается в силе. Теоретически это означает, что при анализе мнемического опыта не может быть однозначных решений. Природа мнемического опыта предполагает множественность равноправных интерпретаций, дополнительных друг другу. В первом приближении выявляется дихотомичность: одновременно прошлое и ориентация на будущее, запоминание и забывание, фокусная точка и фон, края и середина, интерференция и положительный перенос, предшествующее и последующее действия.

Таким образом, мнемический опыт формируется в уровнях двойной детерминации со стороны как различных форм активности субъекта, так и объективных процессов следообразования. Из такой детерминации вытекают и специфические формы интегрирования информации, когда равноправно со следами памяти выступает и их субъективная оценка со стороны субъекта опыта. Отнесенная к мнемическому опыту информация психологически оценивается индивидом как собственность.

Не менее важной для понимания природы мнемического опыта, да и, наверное, более запутанной, является проблема «память и время». Анализ временной координаты мнемического опыта важен в двух отношениях. Во-первых, в мнемическом опыте интегрируются события, по времени сопоставимые с длиной жизненного пути и, что очень важно, в масштабе нелинейного субъективного времени. За этим просматриваются новые аспекты изучения долговременной памяти человека. Во-вторых, вновь встает проблема приоритета какого-то из звеньев во временной цепи: прошлое – настоящее – будущее, хотя бы с учетом того, что, с одной стороны, мнемическая подструктура, под влиянием накопленного, выполняет задачу стабилизации индивидуального опыта, тогда как, с другой стороны, его системообразующим фактором была и остается ориентация на будущий полезный для жизнедеятельности результат.

Здесь прежде всего нужно отделить теоретический и операциональный аспекты анализа психологической специфики временной составляющей мнемического опыта. Измеряемое время объективно не совпадает с временем, существование которого основано на кажимостях, ориентациях, мнимостях и фантомах. Не делая необходимых различий, мы часто, оперируя одними объективными временными показателями, делаем неправомерный аналитический перевод на неизмеренное либо неизмеряемое. Для того чтобы не допускать ошибок подобного рода, необходимо пытаться реальное и нереальное

время включать в некоторую объединяющую модель. Есть много оснований предположить, что такой моделью является мнемический опыт, который в условиях привычной регистрации, переработки, хранения и воспроизведения информации наполняется временем, при включении регулятивной функции – изменяет самое временную координату.

Важность изучения мнемического опыта в соотношении со временем определена тем, что время является одной из главнейших характеристик онтологического статуса памяти. А.Г.Асмолов дает следующее определение памяти через время: «Память – это ориентировка, обеспечивающая приспособление развивающихся биологических видов к такому объективному измерению мира как изменение мира во времени» [17].

Разумеется, такая дефиниция не может быть полной в отношении понятия «память» – она на это и не претендует. Вместе с тем здесь вскрывается важнейшая и одновременно малоизученная связь памяти и опыта через время.

Проблема времени как фундаментальной субъект-объектной характеристики бытия была обозначена еще Августином. Прошедшие после этого полторы тысячи лет мало что добавили к проблеме, затрагивающей сущность человеческого времени. Последнее утверждение достаточно рискованное, т.к. ему противопоставлено множество серьезных изысканий. В области психологии достаточно назвать имена А.Бергсона и П.Жане. В Украине успешно развиваются традиции психологической школы Д.Г.Элькина (Л.Ф.Бурлачук, А.В.Полунин, Ю.Л.Трофимов, Б.И.Цуканов и др.) [57, 277, 296, 297]. Но в данном случае речь идет о том, что одна из центральных проблем психологии времени – проблема соотношения будущего – настоящего – прошлого в малоизмененной форме существует и сейчас.

А.Августин анализирует проблему времени методом умножающей рефлексии («я мыслю о нечто», «я мыслю, что я мыслю о нечто», «я мыслю, что я мыслю, что я мыслю...» и т.д.), что дает ему возможность быстро находить границу понимания/непонимания объекта анализа; в результате происходит отрицание первой посылки и круг замыкается. Например, А.Августин рассуждает: «Совершенно ясно теперь одно: ни будущего, ни прошлого нет, и неправильно говорить о существовании трех времен – прошедшего, настоящего и будущего. Правильнее было бы, пожалуй, говорить так: есть три времени – настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. Некие три времени эти существуют в нашей душе и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего это память; настоящего – его непосредственное созерцание; настоящее будущего –

его ожидание. Если мне позволено будет говорить так, то я согласен, что есть три времени; признаю, что их три. Пусть даже говорят, как принято, хотя это и неправильно, что есть три времени: прошедшее, настоящее и будущее, пусть говорят. Не об этом сейчас моя забота, не спорю с этим и не возражаю; пусть только люди понимают то, что они говорят и знают, что ни будущего нет, ни прошлого. Редко ведь слова употребляются в их собственном смысле; в большинстве случаев мы выражаемся неточно, но нас понимают» [5].

Мудрый Августин Аврелий, понежившись, но и основательно запутавшись в чистой метафизике времени, показал тем самым, что этой проблемы и после него на всех хватит.

Трудности в установлении сущности настоящего отмечал А.Бергсон. Пытаясь концентрировать и психологизировать не схватываемое философией настоящее, он утверждал, что то, что мы называем настоящим, захватывает одновременно часть прошедшего и часть будущего, настоящее есть почти мгновенная вырезка, которую наше восприятие производит в материальном мире [35].

Можно вслед за Б.Расселом указать на ограниченность представлений А.Бергсона [232]. Для этого нужно встать на иную, чем у А.Бергсона, позицию и доказывать, что настоящее есть, но оно иное, либо, что его вовсе нет, оно представляет собой исчезающий момент бытия (У.Джемс) [Там же].

Еще в 1928 году Пьер Жане, расширяя представления о природе памяти в сферу социальных действий, говорил, что память восполняет нам исчезнувшее прошлое и даже торжествует над отсутствием прошлого, которое она хранит для будущего [325].

Проблема соотношения прошлого, настоящего и будущего феноменально удивительно богата. Всякий человек, если у него появится возможность для спокойного размышления, может, оглядевшись в «настоящем» и, оставив его, устремиться для начала внутренним взором в прошлое, при этом лучше начинать с далекого, «раннего» прошлого. Память будет работать по «скользящему хронологическому графику», непринужденно высвечивая отдельные эпизоды, целые периоды его собственного мнемического опыта. Можно попробовать извлекать тематический материал. Память надежно уберезет вас от неприятного, ей можно специально задавать приятные темы воспоминаний из прошлого (ведь это же ваша собственность): «я беззаботный», «меня любят», «я сильный», «я хитрый», «мне повезло».

После этого можно вернуться снова в «настоящее». Последнее обстоятельство, к тому же, несет в себе важный диагностический смысл по критерию трудности возвращения из прошлого (либо из будущего). Е.И.Головаха и А.А.Кроник пишут: «Различие между

нормой и патологией состоит, видимо, не в частоте или диапазоне временных децентраций, а в степени их обратимости. Если нормальный взрослый человек, переместив свой временной центр в прошлое или будущее, без особого труда может вернуть его в момент хронологического настоящего, то при патологических нарушениях такой возврат затруднен. Это приводит к необычной «застойности» многих переживаний времени, их отрыву от наличной жизненной ситуации» [81].

Заглядывание в будущее представляет собой процесс, направленный в противоположную сторону. Здесь лучше задавать темы из деловой сферы личности: эмоционально насыщенные, подобные темам прошлого, здесь разворачиваются хуже. «Я добьюсь», «все брошу», «построю», «буду учиться», «приму старость», «подниму детей», «позабочусь о своем здоровье» – типичные темы будущего.

Отношение субъекта к будущему только в первые моменты может выражаться в виде хотений, желаний. На следующем этапе тема будущего превращается в план будущего; программа поведения в будущем скорее должна быть обеспечена логикой и информацией. Эмоциональное сопровождение, в отличие от конкретного в прошлом (эмоциональная память более других долговременная), скорее диффузное.

В координатах прошлого интеграция мнемического опыта идет по схеме сворачивания отдельных ситуаций в общую эмоциональную оценку данной темы. Такой способ интеграции представляется экономным.

В координатах будущего все наоборот. Логический план действий является доминирующим, он задан с самого начала и далее разворачивается от общего видения к его возможным формам конкретизации, становясь достоянием интенциональной части мнемического опыта.

Образный компонент памяти выступает в качестве опоры эмоционального компонента в прошлом и логического компонента в будущем. Как было показано нами ранее, образный компонент, в отличие от эмоционального или логического, реже, чем другие, выступает в качестве доминирующего в опыте индивида [155].

Временной континуум мнемического опыта оказывается связанным с его содержательной стороной через ценностные ориентации индивида.

Рассматривая регулятивную функцию ценностей во временном измерении, Т.М.Титаренко отмечает следующее: «Важной характеристикой человека является его способность переживать воображаемое как действительное, прошлое и будущее – как настоящее.

Все, что проходит, не исчезает из нашей жизни, а переживается неоднократно. Наш взгляд на минувшее зависит от сегодня, от нынешних успехов или поражений. Новые ценности и смыслы настойчиво «редактируют» наши воспоминания [275, с.317].

Б.Ф.Ломов (1963), исследуя условия эффективной переработки информации в рамках инженерной психологии, приходит к следующему пониманию характера мнемических процессов: «Задача ДП (долговременной памяти – ред.) состоит в сохранении того, что необходимо на будущее. Она связана с организацией поведения в масштабах длительных интервалов времени, что неизбежно требует предвидения. Поэтому вероятностные характеристики сигналов приобретают весьма важное значение... А это значит, что основной детерминантой ДП (обуславливающей причиной) становится информационное содержание сигнала» [183].

Проблеме ориентации памяти на будущее посвящены исследования В.Я.Ляудис [187, 188]. Память определяется Ляудис как активная саморегулирующая система действий, ориентированных на будущее. При этом продуктивная роль памяти состоит в интеграции социального и индивидуального опыта в онтогенезе [188].

Теоретическая проблема «память и время» стала предметом новой серии экспериментальных проверок с того момента, когда выяснился ее «футурогенный» характер, что было показано в исследованиях Г.К.Середы [252].

В данном случае «ориентация» на будущее была понята как внутренний момент самодвижения памяти, когда внутренне (и внешне) свободный субъект мнемического опыта имеет право выбора и сам рождает из себя свое собственное будущее. Другое важное условие – будущее становится «собственностью» субъекта лишь при столкновении его мотивов, смыслов, а вовсе не ближайших целей деятельности.

Г.К.Серода обращает внимание на то, что цель охватывает лишь осознаваемую часть активности субъекта. Ни подсознательные, ни надсознательные механизмы регуляции деятельности фактически этим понятием не охватываются [257].

Конкретный характер ориентации обусловлен прежде всего субъективным пространством ценностей. Всякий целевой объект воспоминания, будучи погружен в пространство ценностных ориентаций субъекта, разноокрашивается, приобретает тем самым индивидуальность. Мнемический опыт выступает здесь в функции полагания (фиксирования) некоей «зоны ближайшего развития», размеры которой подвижны в связи с непрерывной переоценкой ценностных ориентиров субъектом. В частности, стирание ценностных ориенти-

ров в прошлом и будущем, за что несет ответственность сам индивид, приводит к специфическому состоянию деиндивидуации.

Возникает необходимость дальнейшей разработки ценностно-мотивационного аспекта развития мнемического опыта. Данная проблема теоретически и экспериментально была поставлена еще П.И.Зинченко (1961) [112]. Дальнейшие эксперименты показали, что мнемический опыт по отношению к ценностной сфере выступает и как продукт старых и как условие воспроизводства, интеграции новых ценностей, позволяет тонко дифференцировать субъективно принятые и «знаемые» социальные ценности.

Итак, пространственно-временная структура мнемического опыта характеризуется его двойной детерминацией со стороны как жизнедеятельности, так и долговременной памяти. Интеграция и реинтеграция информации обеспечена на всем и для всего жизненного пути, ее конкретный характер определен ориентацией опыта на будущий полезный результат жизнедеятельности.

Структурно-динамическая организация мнемического опыта

Теоретические установки нашего исследования мнемического опыта определены следующим соображением: необходимо максимально приближаться к пониманию того, как он развивается, функционирует и, в конечном итоге, используется (или не используется) реальным индивидом. Человек естественным образом является субъектом собственного опыта, а отсюда и субъектом собственной памяти. Другое дело, что уровень субъектности может быть самый разный – некоторые так никогда и не узнают, что «выражаются прозой».

Исследования памяти различаются по тому, какое место в них отводится субъекту. Преобладает отношение к субъекту как к абстракции, ради которого проводится исследование памяти (номотетический подход). Однако актуальным является анализ действий реального субъекта, который управляет своей памятью (идеографический подход).

Осознанно «бессубъектный» подход реализуется более всего в рамках когнитивной психологии, где детерминантами мнемических процессов являются знаниевые структуры, понятие по аналогии с компьютерными системами [20, 67, 104, 130]. В советской психологии в этом отношении наиболее развито представление о памяти как базовой функциональной системе психической деятельности человека, где традиционное представление о жесткой последовательности циклов преобразования информации заменено представлением об уровне характере функционирования памяти в различных усло-

виях деятельности субъекта (С.П.Бочарова, 1990, [46]). Создана обширная номенклатура мнемических уровней, процессов, операций, процедур. Характерно, что в исследованиях с абстрактными субъектами живуч в сущности менталистский тезис о выводимости из закономерностей памяти хранимых в ней мотивов, смысловых структур личности, немнемических сфер деятельности субъекта. Несмотря на объективную ценность такого подхода для выявления структурных и функциональных характеристик памяти, обнаружилась определенная слабость в отношении «экологической валидности» банка полученных экспериментальных данных.

Осознанно «субъектный» подход в целом характерен для изучения памяти в рамках деятельностной парадигмы (П.И.Зинченко, 1961 [112]; А.А.Смирнов, 1966 [261]).

Замена парадигмы «память субъекта» парадигмой «субъект памяти» предполагает постановку и реализацию ряда новых теоретических и методических задач в изучении мнемического опыта.

Наши исследования мнемического опыта объединены общим замыслом изучения того, что в реальности осваивает индивид, с чем сталкивается в повседневной жизни. Последние, как правило, не только используются, но и осознаются, контролируются и корректируются индивидом и в этом смысле становятся достоянием его опыта. Помимо того индивид может проанализировать следствия успешной либо неуспешной мнемической поддержки своего поведения в различных жизненных ситуациях.

Мы не случайно к области мнемического опыта отнесли не всю память, а ее долговременную часть. Обычно при сопоставлении КП и ДП, в особенности, в традициях когнитивной психологии, при повышенном внимании к КП, роль долговременной памяти чаще всего поясняется скороговоркой, что «в долговременной памяти информация хранится сколь угодно долго». Нам представляется, что в реальной жизни, в обыденном сознании приоритеты естественным образом переворачиваются.

Долговременная память – это совокупность накопленной в течение жизни информации, являющейся собственностью личности и обеспечивающей адекватность ее поведенческих программ.

Обычно в долговременной памяти выделяют два вида: тот, что имеет метки времени (биографическая, память тела, эпизодическая и т.п.) и тот, который ко времени не привязан (память духа, семантическая и т.п.). Исследователи могут разделять память по видам операционально (Тулвинг, [343]) или феноменально (А. Бергсон, [35]). При этом, как правило, подчеркивается единство, неабсолютное различие этих видов памяти.

Всякий раз, задавая в специальном исследовании испытуемому вопрос «Что Вы знаете о памяти человека?», мы убеждаемся, что при отсутствии дополнительных указаний испытуемый оценивает не абстрактную, не данную ему в наблюдениях память другого, а свою личную. Фактически при этом оценивается не память как таковая, а «опыт памяти», точнее, собственный мнемический опыт, психологический интеграл собственной биографии.

Точно так же индивид много и разнообразно может сообщить о «личности» известного ему другого, но крайне мало о его «прошлом опыте»; даже если ему известна его биография, индивидуальный опыт другого ему почти никак не дан. И наоборот, трудно оценивать себя как личность, зато как много и надежно память сохраняет для личности в ее мнемическом опыте.

Нам представляется продуктивной выдвигаемая нами здесь «рекурсивная» гипотеза о том, что в долговременной памяти известные эффекты кратковременной памяти становятся «сверхдлинными», меняют свой нейрофизиологический состав, однако общими остаются их психологические механизмы, что обеспечивает сопоставимость специфических блоков, функций и механизмов кратковременной и долговременной памяти.

В данном случае речь идет не о памяти вообще, а о той ее части, которая включена в мнемический опыт. Можно предположить наличие в структуре мнемического опыта гипотетических блоков оперативной переработки информации, временного хранения с ограниченным объемом, кодирования, постоянного хранения в виде кусков информации и т.п. Высокая регулярность воспроизводства необходимого и достаточного набора функций при расширении временного масштаба мнемического опыта от мгновенной до сверхдлинной позволяет предполагать рекурсивную природу структурно-динамической организации мнемического опыта.

В исследованиях кратковременной памяти временные параметры обычно учитываются достаточно строго, так как координата времени является решающей для большинства мнемических преобразований. Дискуссия ведется лишь о максимальном времени функционирования кратковременной памяти, которое у разных исследователей колеблется от 1-2 до 30 с. [20, 130, 268]. Время пребывания информации в долговременной памяти обычно квалифицируется в нестрогих выражениях: «длительно», «как угодно долго», «постоянно» и т.п. [66, 67, 343].

Между тем, информация, входящая в состав мнемического опыта, вовсе не обретает там вечный покой или даже монотонное развитие хотя бы потому, что интеграция опыта это не что иное, как пос-

тоянная инвентаризация «прошлых следов» в связи с непрерывным пополнением памяти новой информацией. О немонотонности развития мнемического опыта также свидетельствует его феноменология. Всякий человек легко различает в своем прошлом опыте ранние воспоминания, отчетливые и «выпавшие» периоды жизни, более и менее эмоционально насыщенные эпизоды, субъективно различает «раньше» и «очень давно», сама координата прошлого нелинейна, сжимается с увеличением расстояния в собственное прошлое.

Попытаемся в самом общем виде сформулировать гипотезу о закономерном выстраивании рекурсивно-хронологического ряда трансформаций следов памяти в долговременном хранилище в течение жизни индивида. Ее можно представить в виде трех посылок:

1. Развитие памяти носит стадияльно-циклический характер, где первый цикл представлен первичной переработкой информации по соответствующим стадиям функционирования кратковременной памяти, что достаточно хорошо изучено в настоящее время. Второй цикл представляет собой интеграцию следов памяти в долговременном хранилище по стадиям, функционально подобным основным стадиям кратковременной памяти. В той же логике выделяется третий цикл, в основе которого лежат феномены культурно-исторического переноса исторического опыта, стадияльность которого имеет аналогии с первыми двумя циклами, но связана уже со сменой поколений и эпох.

Наконец, в рамках нашего на сегодняшний день знания/незнания можно предположить существование N-циклическости происхождения памяти, где ближайший, четвертый цикл становления памяти соответствует стадиям возникновения и развития жизни на Земле.

2. Интенсивность преобразований информации по стадиям внутри одного цикла уменьшается во времени от момента запуска до завершения цикла.

3. В отличие от кратковременной памяти, где стадиям переработки информации соответствуют функциональные блоки, под стадиями в долговременной памяти будем понимать этапы интегрирования индивидуального опыта.

Мы исходили из того, что объектом нашего исследования должны быть такие валидные мнемическому опыту аспекты памяти, к которым чаще всего обращается в своей жизни индивид, которые ему понятны, в достаточной мере осознаваемы, полезны, естественны и, в конечном итоге, позволяют осуществить адекватное поведению.

Основная гипотеза нашего исследования состоит в том, что в основе мнемического опыта лежит долговременная память, в состав

которой в качестве базовых характеристик опыта входят: оперативная долговременная память, биографическая память, историческая память. В своей совокупности они осуществляют функцию интеграции и реинтеграции мнемической подструктуры индивидуального опыта.

В нашу задачу входило изучить в отдельности каждую составляющую долговременной памяти, выявить их состав, психологические особенности функционирования, а также характер их взаимодействия.

Оперативная долговременная память

Интуитивно ясно, что в общем списке возможностей мнемического опыта существует такая его часть, которая обслуживает повседневность. Ее действие и существование заканчивается вместе с решением какой-либо актуальной задачи, определенная часть информации переводится в статус «моя биография», большая же часть не обязательно получает статус «хранить на будущее», подвергается вытеснению и стиранию. Здесь фактически повторяется морфология процессов, имеющих место на микроуровне (кратковременная память).

Существует простая иллюстрация сказанному. Если провести «анализ продуктов деятельности» по такому типовому документу как «Ежедневник», можно увидеть, что период времени от записи «нужно сделать» до зачеркивания в графе «выполнено» для большинства пунктов колеблется от одного до нескольких дней.

Вводимое нами понятие оперативной долговременной памяти (ОДП) не представляет собой прямого переноса из области кратковременной памяти, где, как известно, существует понятие оперативной (кратковременной) памяти (ОКП) [235], но определенные аналогии и по форме и по содержанию можно усмотреть, что свидетельствует ни о чем ином, как о глубоком структурно-функциональном единстве всех уровней человеческой памяти, а отсюда и о стадиальности мнемического опыта.

Восприятие информации из внешнего мира, фильтрация, кодирование, перевод из оперативных в сохраняющие блоки, разумеется, является единым во времени процессом, который лишь искусственно расчленяется в рамках теоретического анализа. Гетерохронность мнемического опыта не может не проявиться в его базовой характеристике – оперативной долговременной памяти.

В рамках задачи нашего исследования полезно прежде всего проанализировать имеющиеся структурно-динамические и функциональные отличия микро- и макропроцессов переработки информации.

Общепринятой единицей информации в режиме кратковременной памяти является знак, символ. В качестве элемента информации для долговременной памяти мы выбираем отдельное событие. Тем самым устанавливается единая система измерений в категориальном пространстве индивидуального опыта и жизненного пути. В данном случае мы воспользуемся классификацией И.А.Логиновой, которая считает, что «основной единицей анализа жизненного пути является событие – его простейший элемент» [178].

Главное различие ОКП и ОДП состоит в том, что в первом случае мнемическое действие происходит внутри события (интрасобытийность), что фактически и моделируется в лабораторном эксперименте, во втором – память функционирует в межсобытийном пространстве (интерсобытийность). Отсюда в ОКП и ОДП по-разному проявляются известные эффекты памяти. Так, например, эффекты первичности и недавности в кратковременной памяти задаются границами самого события, которое в восприятии человека имеет начало и конец. В ОДП мы с уверенностью можем регистрировать лишь эффект недавности. Непрерывная смена событий в повседневной жизни, а отсюда их непрерывающееся поступление в блок оперативной долговременной памяти, на первый взгляд, говорит о том, что у ОДП есть начало в нулевой отметке настоящего (субъективное «сейчас», «только что»), но нет фиксированного конца в прошедшем (субъективное «на днях», «недавно», «сразу после праздников», «давно это было» и т.д.). Но тогда у оперативной долговременной памяти нет и определенного объема, да и сама гипотеза о наличии в долговременной памяти человека блока оперативного хранения и обработки информации переходит в область неопределенного и требует доказательства.

Феноменология памяти свидетельствует о другом. Недавние события лишь некоторое время, измеряемое в днях, сохраняют в памяти способность к воспроизведению. Те из них, которые переходят в информационное пространство биографической памяти, приобретают новое психологическое качество – редубликацию, возможность неоднократного воспроизведения «по вызову», становятся фиксированными (хранимыми) элементами мнемического опыта.

Налицо определенный фазовый переход элементов памяти из временного транзитного состояния в состояние постоянного хранения. Такой переход соотносим с координатами времени, которое скорее всего представлено не какой-либо фиксированной точкой, а некоторым временным интервалом. Длина интервала есть не что иное, как время действия оперативной долговременной памяти, ограниченное эффектами недавности и первичности.

В некоторых случаях время пребывания элемента памяти (события) в оперативном блоке доопределяется либо социальными аспектами жизнедеятельности («это случилось в воскресенье»), либо личностными (известный феномен, когда индивид внезапно осознает, что данное ценностное событие он «запомнил сразу и надолго»). В остальном можно наблюдать широкие индивидуальные различия в объеме и длительности ОДП.

Таким образом, разбиение субъектом непрерывно текущего времени на отдельные интервалы, выделение определенного количества событий, хранение и забывание событий, перевод части событий в состояние постоянного хранения и возможности многократного воспроизведения позволяют предположить наличие в долговременной памяти такого структурно-динамического образования, которое выполняет функции приема, классификации, временного хранения и переработки информации, а также дальнейшего перевода ее полезной части в состояние постоянного хранения.

Будем называть оперативной долговременной памятью ту часть долговременной памяти, которая по содержанию и времени протекания соответствует решению задач повседневной жизни индивида.

Одна из основных трудностей, возникающих при измерении какого-либо вида долговременной памяти, связана с установлением того, что и как необходимо фиксировать в громадном потоке информации, разной по уровням, ценностям, модальностям и т.п. Поэтому всякие попытки измерить количественные параметры повседневных мнемических процессов неизбежно будут отличаться размытостью и незавершенностью. При этом нужно учесть, что неизвестен хотя бы примерный объем оперативной долговременной памяти; непонятно, какие информационные куски («чанки» - Дж.Миллер) принять за единицу памяти.

Гипотеза исследования состояла в том, что оперативная долговременная память представляет собой базовую характеристику мнемического опыта, в которой происходит первичная обработка, хранение и забывание событий повседневности, а также осуществляется перевод части полезной информации в фазу постоянного хранения. При этом длительность хранения информации является конечной величиной.

Задача исследования состояла в экспериментальном определении объема и длительности хранения информации о событиях в оперативной долговременной памяти.

Эксперимент проводился в виде свободной беседы с испытуемым, которому предлагалось воспроизвести то, что ему запомнилось из прошедших дней, начиная со вчерашнего дня и удаляясь дальше

последовательно по дням в недавнее прошлое. Удаленность «прошлого» заранее не оговаривалась. Эксперимент прекращался в тех случаях, когда уверенность испытуемых относительно даты события становилась менее 50%, события начинали контаминировать с другими по форме либо по содержанию, наконец, сами испытуемые просили прекратить эксперимент. Испытуемый никак не ограничивался в случае, если ему хотелось остановиться на какой-то ситуации подробнее.

В ходе эксперимента фиксировалось количество воспроизведенных событий, случившихся в течение одного дня, последовательность их воспоминания, степень уверенности испытуемого в правильности воспроизведенного по времени.

В результате проведенного исследования были получены следующие результаты.

При воспроизведении недавнего прошлого испытуемые старались воспроизводить различные события, отделяя их друг от друга началом и концом, целями и средствами. Хотя субъективная ценность событий часто не выделялась, а стоящие за ними мотивы можно было лишь предполагать, и по этим признакам события также отличались. При воспроизведении событий испытуемые практически не занимались их детализацией, в том числе и для ближайших дней, когда детали еще были свежи в памяти.

Такая интерпретация условий выполнения данного экспериментатором открытого задания, как нам кажется, не является тривиальной, идущей от обычного стремления испытуемого «угадать» правильный стиль поведения в беседе. В данном факте проявляется направленность памяти структурировать оперативную информацию из повседневной жизни по информационным кускам, равным событию. На уровне события заканчивается первичная фаза интеграции мнемического опыта с целью эффективного выполнения текущих задач и, можно думать, последующего стирания ставшей неактуальной информации. Добавим, что в качестве событий не объявлялись ординарные явления жизни, не входящие в объем оперативной памяти в связи с их низкой субъективной ценностью (подъем, зарядка, езда в транспорте, просмотр TV и многое тому подобное). Образно говоря, зафиксированные в мнемическом опыте значимые для индивида события являются теми буквами, из которых складывается в конечном итоге Книга жизни каждого индивида – его индивидуальный опыт. Такую книгу трудно «выставлять на реализацию» – слишком бывает запутан текст, зачеркнуты страницы, а то и вырваны целые главы.

Выявленная в эксперименте зависимость объема воспроизведения от меры заполненности памяти каким-либо содержанием под-

тверждает замечание У.Джемса о том, что пустые отрезки времени тянутся медленно, но при воспоминании кажутся быстро промелькнувшими, тогда как время, заполненное деятельностью, проходит быстро, а память оценивает его как длительное.

На рис. 7-1 представлены результаты воспроизведения событий по дням до того времени, когда уверенность в правильности воспроизведения фабулы события и привязки его к данному дню (в кратковременной памяти - к знакоместу) становилась ниже 50% («скорее неуверен»). В данном исследовании статистически значимым оказался 10-дневный период.

В среднем по группе за 10-дневный период на один день приходится 5-8 событий. Как видно из рис. 7-1, объем ежедневной оперативной памяти уменьшается по мере удаления событий во времени. При этом значимый подъем кривой наблюдается на 7-й день. Существует определенный соблазн, по аналогии с «магическим числом» Миллера, определить объем оперативной долговременной памяти как «7 дней плюс-минус 2». Действительно, 7-дневный недельный цикл для нашей цивилизации стал неотъемлемой частью бытия, причем, в отличие от сезонной или суточной цикличности, введенный искусственно. Поэтому кажется естественным предположить, что события в связи с этим структурируются не столько в памяти, сколько извне самим социумом. (Строго говоря, приведенные «исторические» соображения решающими аргументами не являются. *Vice versa*: допустим, что семидневный цикл был постепенно апробирован мировым сообществом в качестве оптимального лишь потому, что он наиболее соответствует психофизическим, психосоциальным и эргономическим условиям жизнедеятельности, что, в частности, выражается в оптимальном числе накопленных для оперативного решения задач.) Данные предположения требуют уточнений в дальнейших исследованиях.

Воспроизводимые испытуемыми события различались по их направленности:

- а) личностные (направленность на себя) – 40% (от общего числа отмеченных событий);
- б) межличностные (направленность на социум) – 48%;
- в) внеличностные (диффузная направленность) – 12%.

Как видно из полученных данных, основным источником значимой оперативной информации является сфера взаимодействия с окружающими в рамках межперсонального пространства индивида.

Полученные результаты показали широкий спектр событийной феноменологии, что позволяет сделать ряд выводов и предположений о закономерностях функционирования оперативной

долговременной памяти. При этом ОДП будет рассмотрена не как феномен запоминания и воспроизведения (долговременная память как таковая), а как базовая характеристика, входящая в структуру мнемического опыта.

Как уже говорилось, исчисляемой единицей ОДП является событие, которое определяется как «то, что произошло или происходит в настоящее время» [134, с.555].

Отражая одну и ту же реальность, понятие события приобретает различный смысл как феномен памяти либо как феномен мнемического опыта. Поэтому имеет смысл подробно остановиться на теоретическом, нормативном и операциональном аспектах его вхождения в мнемический опыт индивида.

Выше уже говорилось о том, что критерием истинности для памяти является объективность, а для мнемического опыта – субъективность событийности. В этом смысле мы говорим, что событие для опыта выступает как «со-бытие», желая подчеркнуть наличие равноправных взаимоотношений бытийности и субъекта. Первенство в таких отношениях детерминировано ориентацией субъекта на обеспечение стабильности условий жизнедеятельности, поэтому разные уподобления могут смешиваться и оборачиваться от абсолютного принятия индивидом события в свой опыт до придумывания несуществующего события. В последнем случае не память передает событие опыту, а опыт навязывает его памяти.

Поставленная нами задача сделать на основе полученных результатов событие параметрической величиной ОДП (количество, объем воспроизведения, длительность хранения, значимость, направленность и др.) приводит к формулированию более широкой задачи нормативного анализа феномена события. Событие понимается нами как психологическая (субъективная) единица структурно-динамической организации мнемического опыта, которая характеризуется двумя основными параметрами: наличием привязки на субъективной оси времени, а также осознанной индивидом результативностью. Другие характеристики события, ситуационно влияющие на его композицию и дальнейшую судьбу – место, окружение, среда (*environmental factors* [323, 333. Цит. по: 136]), индивидуальные различия – будем считать вторичными, дополняющими общую картину функционирования ОДП. Точно так же анализируемые нами события ограничены «сверху»: они не имеют ранга «жизненных событий» (С.Л.Рубинштейн), как поворотных моментов в жизни индивида, влияющих на его дальнейшую судьбу. Вместе с тем, событие является единицей анализа, которая на психологически содержательном уровне связывает индивидуальный опыт и жизненный путь личности.

Отсюда, в основу классификации могут быть положены основные параметры события: время и содержание. Рассмотрим каждый из них более подробно.

Время в данном случае означает фиксированную в памяти меру удаленности происшедшего события от момента настоящего. Именно в этом смысле Е.Тулвинг ввел для долговременной памяти понятие эпизодической памяти [343]. «Эпизодическая память хранит информацию о событиях, разворачивающихся во времени» [230, с.251]. При переходе анализа от памяти к мнемическому опыту возникает необходимость в существенном дополнении. С точки зрения функции мнемического опыта, отнесенного к жизнедеятельности, каждое событие помимо времени свершения (собственного «настоящего») имеет еще и собственное прошлое и будущее. Именно так оценивается его темпоральность субъектом опыта.

Следует также учесть, что в реальности события не выступают изолированно как некоторая последовательность предшествующих и последующих. В данном случае полезно говорить о «дереве событий», каждое из которых занимает в нем свое место.

Тогда, с точки зрения мнемического опыта, события классифицируются следующим образом (для каждого события фиксируются два основных параметра: а) место в цепи событий; б) возможная протяженность (история) события в координатах прошлого – настоящего – будущего):

1. Стартовое – данным событием запускается дальнейшая цепь событий; индивид может осознавать это в разной степени. Имеет собственное будущее;
2. Континуальное – данное событие является одним из звеньев в делящейся цепи событий. Имеет собственное прошлое и будущее;
3. Финальное – данное событие завершает цепь событий. Имеет собственное прошлое;
4. Финитное – изолированное событие, у которого отсутствует (не выражено) собственное прошлое и будущее (разговор в купе, футбольный матч, скандал в транспорте и т.п.);
5. Фиктивное – вымышленное событие; индивид осознает факт фантазии в разной степени. Настоящее, прошлое и будущее отсутствуют.

Данный перечень событий может по-разному наполнять либо искажать эпизодическую память, однако каждое из них валидно жизнедеятельности и поэтому входит в состав мнемического опыта.

С содержательной стороны каждое событие, входящее в мнемический опыт, характеризуется единым критерием – значимостью для субъекта. Для характеристики содержательной стороны долго-

временной памяти Е.Тулвинг ввел понятие семантической памяти. «Семантическая память – систематизированное знание субъекта о словах и других языковых символах, их значениях, о том, к чему они относятся, о взаимоотношениях между ними, о правилах, формулах и алгоритмах манипулирования этими символами, понятиями и отношениями» [230, с.251].

Классифицировать события по всему мыслимому перечню видов и уровней значимости для субъекта, разумеется, не представляется возможным. Полезно, тем не менее, обозначить некоторые исходные основания. Первичная оценка события определяется степенью его субъективного принятия по показателям ценности, полезности, перспективы, реальности и др.

В этом аспекте проблемы события получают следующую классификацию:

1. Событие типа «да»: принимается субъектом; приобретает положительный опыт;
2. Событие типа «нет»: отвергается субъектом; приобретает отрицательный опыт;
3. Событие типа «не знаю»: временное хранение; опыт не приобретается;
4. События типа «не имеет значения»: событие понижается в ранг эпизода; опыт отсутствует.

Итак, в результате встреч индивида с различными событиями происходит отбор некоторых из них в состав мнемического опыта, что может быть измерено с помощью приведенной выше процедуры воспроизведения в рамках оперативной долговременной памяти.

События разной направленности по своему психологическому смыслу соотносимы с соответствующими компонентами индивидуального опыта. Так, личностные события в дальнейшем могут войти в структуру личностного опыта; межличностные – в структуру социального опыта; внеличностные – в результате опредмечивания также могут войти в одну из соответствующих подструктур индивидуального опыта.

Из полученных результатов видно, что более всего структурированы в оперативной памяти взаимоотношения с другими людьми, которые, как правило, носят характер обязательств и прекращаются с их выполнением.

Данные протоколов показывают, что критерий зачисления того или иного события в ранг удерживаемого в оперативной памяти часто имеет ценностную окраску. Например, ссора в дружной или же в привычно конфликтной семье имеет разную ценность для оперативной памяти и по-разному заполняет ее объем. Не одно и то же – встать с постели или «с больничной койки» и т.п.

В сравнении с оперативной кратковременной памятью (ОКП) существует ряд специфических моментов, которые выявились в результате проведенного исследования.

Прежде всего необходимо отметить определенную условность в употреблении понятия объема ОДП. Для отдельного испытуемого он характеризуется скорее изменчивостью, чем стабильностью. Если для ОКП изменение объема связано прежде всего с возможностями кодирования символично-знаковой информации [235], то в ОДП группирование событий зависит от их значимости, для которых на уровне жизнедеятельности не существует наперед заданных правил, алгоритмов и тезаурусов, которые вполне применимы к уровню семантической памяти. Событие в отличие от информации на экране монитора почти никогда нельзя повторить. Накопление и интеграция мнемического опыта происходит по правилам ориентации на ближайший или отдаленный результат.

Психологическая судьба каждого отдельного события уточняется в несколько этапов, причем в значительной части на непроизвольном уровне. Отдельные события сразу переводятся в ранг хранения в структурах биографической памяти, другие остаются без внимания как малозначимые, касающиеся «не меня», диссонирующие, фрустрирующие и т.п. Остаются те, которые требуют решения (некоторые поэтому фиксируются в записи). Но и эти события не могут как угодно долго находиться в пределах ОДП, объем которой в принципе должен быть конечным и целесообразным.

Остановимся более подробно на психологических механизмах распределения информации, находящейся в пределах оперативной долговременной памяти.

Исходное условие определено самой функцией оперативности – информация лишь какое-то время хранится в ОДП и должна быть переведена в другое состояние, выйти из ограниченного объема ОДП, освободив место для непрерывно поступающей новой информации.

Замена информации может осуществляться разными путями.

Во-первых, очищение ОДП может происходить в виде спонтанного стирания следов [130, 340], чему подвержена преобладающая часть оперативной информации, иррелевантной в отношении поведенческих программ индивида. Стиранию подлежит то, что в связи с отсутствием новизны и значимости не вносит сколько-нибудь заметный вклад в имеющийся уже мнемический опыт – все ежедневно повторяющиеся события (приветствия, очередь в кассу, радиотрансляция и т.п.), дистракторы (шумовые помехи, отвлечения, препятствия и т.п., возникающие в степени, порождающей фрустрацию).

Во-вторых, освобождение ОДП происходит за счет вытеснения энергетически более слабых следов [130, 334], за счет чего сохраняется на постоянном уровне объем информации, которая может пребывать в блоке оперативной памяти. Преимущество новых и недавних событий в данном случае является очевидным. Но не абсолютным, так как на исход конкурентной борьбы оказывают влияние известные эффекты проактивной и ретроактивной интерференции [130, 338].

Вытеснение из ОДП определяется не только психологической мерой объема памяти как такового. Факты забывания также связаны с ценностной регуляцией процессов произвольного и произвольного запоминания текущих событий. По этому поводу Т.М.Титаренко отмечает: «Настоящее событие будет оставаться настоящим до тех пор, пока оно будет оставаться значимым, актуальным. Чтобы стать прошедшим, такое событие должно утратить свою современную, острую значимость, изменить модальность» [275]. Здесь подчеркивается момент подвижности пространственно-временных характеристик субъективного настоящего и субъективного прошлого, наложения одного на другое, суперпозиции. И другое. Ценностная метка события способна удерживать его в оперативном объеме памяти, она же санкционирует процедуру перевода элемента памяти в иное фазовое состояние. Непрерывный процесс смены стадий хранения информации является естественным для человека, определяемым необходимостью «сохранения для будущего» того, что еще может понадобиться.

На перераспределение информации в ОДП оказывает влияние эффект Ресторффа. Каждому известны случаи, когда сверхзначимое (по любому основанию) событие подавляет остальные, в особенности, близкостоящие от него во времени. С другой стороны, память, ориентированная на формирование мнемического опыта, способна демонстрировать чудеса реминисценции, что, например, часто используется в психологии свидетельских показаний.

В результате проведенных экспериментов подтвердилась гипотеза о наличии в общей структуре долговременной памяти ее оперативной части, которая характеризуется собственным объемом и временем хранения информации о событиях. В общей структуре опыта оперативная долговременная память является базовой составляющей мнемического опыта, которая хранит информацию о событиях повседневности для решения оперативных задач, возникающих перед субъектом; после их выполнения информация переводится в блоки биографической памяти либо исчезает. Вопрос о том, происходит ли последнее за счет вытеснения либо спонтанного стирания следов остается, открытым.

Биографическая память

У индивидуального опыта личности есть своя собственная «автобиография», что и составляет содержание биографической памяти. Основное назначение биографической памяти для личности, со времени ранних воспоминаний и далее на протяжении всей ее жизни, состоит в обеспечении ее идентичности. Тем самым биографическая память как таковая входит в ядро личности.

В контексте нашего исследования возникает вопрос о том, каким образом в процессе интеграции опыта структурируется биографическая память. Известно, что свидетельства биографической памяти обнаруживаются на всем временном континууме прошлого опыта индивида. Перейдя стадию недавнего прошлого, информация далее начинает существовать по особым законам слеодообразования, реконструкции топологии и метрики временного континуума. Конечно, дополнительную трудность для анализа создают некоторые феномены воспоминания. Как, например, замечает Н.А.Логинова: «В воспоминании можно менять порядок воспроизведения событий, уплотнять и разрежать их субъективную длительность» [178].

У всякой информации, перешедшей в ранг биографической, есть собственная судьба. Наиболее интересные ее стороны связаны с явлением объединения различных информационных кусков в самостоятельные плеяды в рамках мнемического опыта. Такие плеяды по смыслу более всего соответствуют понятию «кластер». В данном случае подчеркнем тот факт, что одни и те же информационные куски (порции, чанки) обладают способностью в различных комбинациях «навсегда» объединяться с другими кусками в разные плеяды.

Важным фактором, определяющим дальнейшую судьбу информации в ДП, является степень завершенности события. Интересную гипотезу по поводу психологического механизма перемещения события сформулировали Е.И.Головаха и А.А.Кроник: «По мере увеличения степени реализованности элементарного события оно должно оцениваться все более и более удаленным в психологическое прошлое» [81]. Ценное в этой гипотезе то, что она задает деятельностно-событийный способ измерения прошлого опыта индивида, что поддерживает развиваемую нами идею автономного, в нарушение хронологии, перемещения следов по оси времени уже после «настоящего». Н.И.Слюсаревский предлагает использовать описанный выше феномен децентрации для анализа явлений массового смещения временного центра в хронологическое прошлое, характерного для общества переходного периода [260].

Вместе с тем необходимо сделать некоторые уточнения применительно к процессам памяти. Событие, будучи элементом опыта, на самом деле не ведет себя как подлинный «элемент» изолированно от других по сути самой интегративности мнемического опыта. Элемент опыта не только перемещается, но и способен объединиться с другими, ассоциироваться, войти в состав более крупных элементов, стать частью целого. Кроме того, событие никогда не порывает с настоящим полностью, иначе его невозможно будет извлечь из памяти, т.е. придется констатировать отсутствие его влияния на индивидуальный опыт и далее – жизнедеятельность.

Если гипотезу Е.И.Головахи и А.А.Кроника интерпретировать формально, то все завершенные события должны в конце концов спрессоваться на участке субъективного прошлого «очень давно». Абсурдно предполагать, что это будет раннее детство или вообще момент рождения. Скорее всего гипотеза относится к длянущемуся периоду существования недавней долговременной памяти и, в случае, когда испытуемый демонстрирует инверсию событий, мы, возможно, имеем дело с редубликацией основного следа и переноса редубликата из биографической памяти в актуальную, в «недавнее», что повышает готовность привлечения ее к процессу интеграции информации в настоящем.

Добавим следующее. Событие как единица опыта характеризуется не только степенью реализованности, но и ценностью реализованного. Тогда сам факт реализации события порождает одновременно и признак отработанности, перевода элемента опыта (события, ситуации, случая, поступка), в ранг «прошлого опыта». Одновременно устанавливается мера ценности данного элемента опыта для будущего. Преимущество имеют элементы опыта с большей вероятностью востребованности в будущем.

В данном исследовании мы исходили из гипотезы о том, что временной континуум биографической памяти имеет собственные параметры, среди которых можно выделить три основных:

- а) зона присвоения нового опыта (например, метки памяти в нынешнее переходное время – это личный промысел, деньги, новые знакомства, крах, новый социальный статус и т.п.). Субъективная граница «нового времени» определена той точкой в биографии индивида, начиная с которой дальнейший период жизни оценивается как «раньше». В настоящее время индивидуальное «раньше» для большинства взрослых находится в окрестности времени перестройки, образования государства Украина. Отсюда можно предположить, что от момента «сейчас» до точки «раньше» новое время в среднем составляет 6-8

лет. В принципе, таких поворотных точек «раньше» у индивида может быть несколько;

- б) зона активного прошлого опыта, социального и психологического становления личности (диплом, семья, работа, личный авторитет); от «точки старта» (В.Шевчук) до достижения стабильного статуса обычно проходит в среднем 7-10 лет. По нашему предположению, именно этой зоной определен период жизни, который впоследствии субъективно переживается как индивидуальное «ретро»; тем самым получается, что для каждой возрастной группы период «ретро» – свой. Для конкретного индивида таких периодов в его жизни может быть больше, чем один;
- в) зона ранних воспоминаний. Воспоминания, отнесенные к раннему детству, рассматриваются как отдельный мнемический комплекс; по наполнению, характеру восстановления информации, роли в формировании индивидуального опыта ранние воспоминания представляют собой самостоятельное психическое образование – латентную структуру мнемического опыта, в которой интегрирована за давностью трудно восстанавливаемая в деталях информация.

Задача нашего исследования состояла в изучении психологического содержания биографической памяти: а) в интервале «нового опыта», б) в периоды «ретро» и в) в период раннего детства.

Для экспериментального изучения мнемических характеристик «нового опыта» необходимо было выбрать некий ряд событий, развернутый на весь период «нового опыта», и, кроме того, значимый для испытуемого. Таким объективным фактом, не имеющим аналогов в прошлом опыте, оказался процесс ценообразования, говоря конкретно – неконтролируемого роста цен на продовольственные и промышленные товары. (Эксперименты проводились в 1994 году – период инфляции.)

Инструкция для испытуемого была следующей:

«Научно-практический центр... проводит исследование по проблеме роста цен на потребительские товары. Давайте с Вашей помощью восстановим картину роста цен, начиная с того времени, когда они еще были стабильными. Многое уже забылось, но что-то все еще помнится. Попытайтесь вспомнить, каким образом росли цены на разные виды продуктов и промышленных товаров».

В процессе эксперимента свои воспоминания испытуемый сопровождал оценкой уверенности в правильности ответов. Из предлагаемого списка товаров испытуемый выбирал для ответов те, с которыми он более всего имел дело.

В соответствии с планом эксперимента в качестве испытуемых были отобраны женщины среднего возраста, в большинстве семей-

ные, имеющие детей школьного возраста, которых мы условно классифицировали как «работающие домохозяйки». Тем самым, в эксперименте участвовали те испытуемые, для кого адаптация к росту цен была существенной частью их «нового опыта».

Эксперимент неожиданно для нас показал наличие выраженно-го эффекта «начала – конца» с почти абсолютным невосстановлением середины. Все испытуемые могли назвать «стартовую», доперестроечную цену (типа – колбаса по 2-20) а также ныне существующие цены и их изменения (колебания) в среднем за последние три месяца. В середине временного интервала наблюдалось частичное воспоминание цен без указания времени события, сопровождаемое низкой уверенностью в правильности ответов.

Одновременно испытуемые хорошо помнили и даже часто заново переживали в ходе воспоминаний свою эмоциональную реакцию на ценовые скачки.

Возникает вопрос: наличие такой кривой забывания – это мнемическая норма забывания или это норма индивидуальной адаптации мнемического опыта к инфляционному периоду. Здесь возможны несколько вариантов объяснений.

Как известно, отсеивание информации, угрожающей личностной позиции, социальному статусу, здоровью, жизни происходит прежде всего под воздействием эмоционального компонента долговременной памяти (З.Фрейд), который сам по себе сохраняется дольше других. Таким образом, в нашем случае разумно предположить феномен забывания по типу вытеснения.

Несколько иное объяснение появилось после того, как с теми же испытуемыми было проведено дополнительное исследование: их просили восстановить за тот же период (прошлый учебный год) отметки в таблице у их детей (у большинства женщин были дети школьного возраста).

Кривая воспроизведения в этом случае выглядела гораздо более сглаженной независимо от успеваемости. (С формальной точки зрения родители двоечников должны были «вытеснить» двойки.) Родители хорошо помнят многие эпизоды по поводу успеваемости своих детей за годы их учебы.

Объективности ради заметим, что в случае с детьми воспроизведение было окрашено эмоционально положительно.

Главная причина в таком расхождении кривых, с нашей точки зрения, состоит в следующем. В случае с детьми испытуемый выступает в качестве субъекта (или соучастника) семейной жизни, воспитания и т.д. и имеет возможность (хотя бы потенциальную) управлять процессом собственной жизнедеятельности. Наоборот, рост цен

– это не что иное, как ситуация неучастия, непредсказуемости, отсутствия аналогов в опыте, что приводит к состоянию психического напряжения, фрустрации, дезадаптации.

И наконец, объяснение факту обвального забывания цен можно найти внутри самой парадигмы «опыт – память». Если верно, что память функционирует по механизму ориентации на будущее, то в случае с ценами она как раз в чистом виде свидетельствует о мотивационной ненужности запоминания для будущего цен, которые непрерывно меняются; такие сведения мало обогащают мнемический опыт личности. Новый опыт в переходный период формируется на других основаниях, которые подробнее будут рассмотрены в разделе 3.

Таким образом, проведенные исследования позволили выяснить следующее. Биографическая память, охватывающая весь временной континуум человеческой жизни с самого начала удаления от «настоящего» в «прошлое», выполняет свою основную задачу – отбор и фиксацию полезной информации, необходимой для осуществления жизнедеятельности. Психологическими факторами, обеспечивающими эффективность памяти в интервале от субъективного «сейчас» до субъективного «раньше» (зона «нового опыта»), являются мера субъектности позиции индивида по отношению к возникающим внешним воздействиям, а также ориентация памяти на применимость накопленного в будущем.

Добавим, что субъективное «раньше» (как и «сейчас», по определению) является подвижной, динамической характеристикой биографической памяти. В самом деле, в настоящее время (1998 г.) для тех же работающих домохозяек «раньше» определено уже не началом, а прекращением периода инфляции. Что касается даты образования независимого государства, то она из субъективного прошлого перешла в историческое прошлое.

По мере удаления от субъективного порога «раньше» еще далее вглубь биографии индивида, мы обнаруживаем, что психологическая устойчивость индивида в значительной степени начинает обеспечиваться старым мнемическим опытом, в котором особую роль начинает играть феномен «ретро», своеобразная «ретропамять».

В структурно-динамическом аспекте ретропамять не является набором изолированных друг от друга воспоминаний «из прошлого». Скорее она являет собой мнемический комплекс, возникший благодаря непрерывному процессу интеграции определенной части прошлого опыта. Феноменальными признаками мнемического ретро-комплекса являются его автономность, целостность, устойчивость, эмоциональная насыщенность, наличие неизменной вре-

менной привязки к определенному временному интервалу биографической памяти.

Как и другие составляющие биографической памяти, ретропамять выполняет функцию обеспечения *modus vivendi* субъекта жизнедеятельности.

Напомним, что к периоду «ретро» мы относим лишь определенный период биографии человека, соответствующий наиболее интенсивному периоду его личностного и социального самоопределения.

Последнее легко проиллюстрировать наблюдениями, которые каждый взрослый «биографически состоявшийся» читатель может произвести самостоятельно. Для этого стоит лишь прикинуть, например, что и из какого конкретно прошлого времени вызывает у Вас ностальгические эмоционально насыщенные чувства: фотографии, песни, музыка, другие явления культуры, политические портреты, идеи, факты истории и всякое другое из личной биографии. Достоверность методического приема подтверждается возможностью провести обратное измерение – выявленный ретрокомплекс, привязанный к историко-биографическому времени, позволяет «вычислить» примерный возраст его носителя – объекта вашего наблюдения. Конечно, в большей степени это относится к людям старшего поколения.

Отличие между детьми и людьми старшего возраста заключается в том, что дети лучше помнят недавние события, что лежит в основе развития их индивидуального опыта. При этом их личная биографическая память характеризуется коротким отрезком времени до момента «раньше». В старшем возрасте программы поведения индивида осуществляются в основном благодаря наличию ретропамяти. Последнее позволяет копирование и запуск индивидуальных программ жизнедеятельности, в свое время уже согласованных с личностными характеристиками субъекта, а также ценностными ориентациями социума.

Косвенным подтверждением гипотезы о том, что кластеры ретропамяти соответствуют периодам наибольшей активности становящейся личности, являются психобиографические исследования Х.Томэ. Автор сообщает два факта. Так, у мужчин 1910-1912 гг. рождения в рассказах преобладают темы, связанные с военной службой, ранением и пленом, с трудностями поступления на работу после войны (2-я Мировая война. Германия). Но уже рассказы людей, родившихся в середине 30-х годов, раскрывают психологическую картину возникновения «экономического чуда» в послевоенной Германии. Они повествуют о появлении и гибели многих фирм, об удачных и неудачных попытках предпринимательства, о сильной конкурен-

ции между коллегами на работе, о своих возросших притязаниях и успехах [342. Цит. по: 14]. В своем исследовании Томз говорит о влиянии эпохи на развитие личности и изменение ее сознания.

Нам представляется, что в данных примерах заложена возможность и иной интерпретации, если сделать акцент не на влиянии исторических эпох как таковых, а на том, как они переживаются субъективно, какое место они занимают в мнемическом опыте конкретной «биографической» личности. Легко подсчитать, что описанные темы отражают периоды наибольшей активности обеих групп людей (20-35 лет). Также важно, что «темы» разных по периодам рождения людей не пересекаются.

Мы понимаем определенную тавтологичность, семантическое смешение, присутствующие в термине «ретропамять». В данном случае существует необходимость подчеркнуть, во-первых, ее собственное характеристическое значение как отдельного психического образования, являющегося продуктом интеграционных мнемических процессов, и, в этом смысле, подлинной «собственностью» мнемического опыта.

К такому принципиальному для общей задачи нашего исследования выводу можно прийти из простых соображений. Феномен «ретро» не существует в момент настоящего, индивиду памяти не известно, что из событий настоящего будет впоследствии вызывать богато окрашенные ностальгические чувства, нет явных следов «ретро» и в актуальной оперативной долговременной памяти, которая переживается как «недавнее»; тем не менее, в памяти начинается своеобразная ретроспективная «внутренняя» работа, результатом которой является образование ретрокомплекса, имеющего уже внутри «прошлого» свои «начало» и «конец».

Реальность «ретропамяти» выявляется в ее обратной проекции на настоящее и будущее субъекта жизнедеятельности, где она выступает в функции стабилизации программ поведения в изменившихся условиях жизнедеятельности.

Тот факт, что временные биографические контуры «ретро» соответствуют периодам наивысшей жизненной активности индивида, его становлению, социализации, самоактуализации и т.д. подтверждает субъектную детерминацию мнемического опыта. В данном случае субъект парадоксальным образом ориентирует память на такую работу в будущем, которую никак иначе не обозначить, как ориентация на «будущее прошлое».

Нельзя не коснуться и более широкого вопроса о встроенности ретропамяти и мнемического опыта в целом в индивидуальный опыт, когда все три структурных компонента опыта (социальный,

личностный, мнемический) сходятся в едином узле, демонстрируя внутреннюю связь.

В условиях какого-либо кризиса (возрастного, психобиографического, социального) активизируются процессы реинтеграции индивидуального опыта, осуществляется сплошная инвентаризация старого, без чего продвижение вперед невозможно. Одним из главных для индивида в ситуации кризиса становится вопрос о балансе обращения к прошлому и движения вперед, о запоминании и забывании.

В периоды необходимой адаптации к новым условиям, испытывая когнитивный диссонанс, эмоциональную напряженность, человек все чаще смещает фокус своего внимания к прошлому. Психологический смысл такого рода смещений в том, что именно воспоминания, обращения к своему прошлому, биографической и исторической памяти, создают эмоциональную и когнитивную основу для построения нового, не связанного с этим прошлым, настоящего. Поэтому, в период и для формирования нового образа жизни в психологически оптимальных условиях, вполне оправданно чувство ностальгии, составляющей часть процесса переосмысления прошедшего жизненного периода. Все это снижает чувство утраты самого себя, сохраняет представление о цельности личности, ее идентичности. Вместе с тем, обращение к прошлому может приобрести и такую форму, что становится тормозом на пути освоения нового.

Можно предположить ряд типичных вопросов, проясняющих, для кого обращение к прошлому стало основной формой интерпретации себя и окружающего мира, мнемический опыт взял на себя функции личностного и социального. Среди них: «Каждый ли день вы погружаетесь в воспоминания? Хотели бы вы жить в другой эпохе? Доставляет ли вам удовольствие чувство ностальгии? Трудно ли вам выбрасывать старые вещи? Не вызывает ли у вас чувство раздражения или даже бессилия необходимость адаптироваться к новым жизненным условиям? и т.д.».

Мы привели эти примеры, чтобы подчеркнуть опасность недооценки данных психологических состояний, так как все они вовсе не являются результатом какой-либо развитой рефлексии или борьбы идеалов. Индивидуальный опыт тем и важен для научного изучения, что связан с повседневностью, тревогами и заботами каждого человека. Здесь находятся капилляры той сложнейшей кровеносной системы, которая именуется массовым сознанием. Неучет психологических законов ежедневной работы памяти иной раз больше сказывается на здоровье общества, чем состояние неопределенности в связи с какими-нибудь предстоящими государственными программами реформирования.

Обращение к прошлому, воспоминания могут использоваться человеком не только как способ примеривания к новой жизни, но и как средство избегания нового. Но и в одном, и в другом случае у всякого рода реминисценций, проекций в прошлое наблюдается ограниченный экзистенциальный ресурс. Субъект, не осознавая данного обстоятельства, может какое-то время испытывать иллюзию полноты, точнее, заполненности жизни.

Снять или сгладить такую иллюзию можно приемом сознательно-го превышения необходимого объема погружения в прошлое. Сразу же выясняется, что такой объем достаточно ограничен. Например, каждый знает, что встреча бывших выпускников (лучший пример репрезентантов ретрозоны) обычно начинает превышать имеющийся ресурс «ретро», если продолжается более двух дней. Или другая ситуация. Трудно подыскать более эффективный в психологическом смысле способ предать эмоциональному забвению великого Тараса Шевченко, чем различными «мероприятиями» неуклюже превысить экзистенциальный объем исторической и биографической памяти людей. Несколько ранее точно так же (а может быть – теми же!) из мнемического опыта людей были успешно «выведены» образы вождей мирового пролетариата.

Но это лишь внешняя сторона вопроса, затрагивающая «технологии» обращения к мнемическому опыту. Феномен ретропамяти в части ностальгических переживаний раскрывает разную психологическую природу собственно памяти и мнемического опыта. Проведем сравнение. В недрах биографической памяти забывание происходит в результате конкуренции либо спонтанного стирания следов, а повторение (воспоминание) приводит к их упрочению. Тем самым долговременная память выполняет полезную функцию хранилища следов. Задача мнемического опыта иная. Как уже говорилось, она состоит в поддержании баланса опоры индивида на прошлое и усвоения им нового, чем обеспечивается необходимая реинтеграция мнемического опыта. В этом случае повторение (ностальгическое воспоминание определенного периода жизни индивида) приводит не к закреплению прошлого, а к освобождению от него (опыт забывания). Таким образом, опыт и память как бы движутся в противоположных направлениях. Сохраняя и укрепляя прошлое, память оказывается привязанной к меткам времени. Опыт, расставаясь с прошлым, поднимается над временем, приобретая качество трансцендентального. Не случайно, тот, кто когда-либо переживал ностальгические чувства, знает, как легко и естественно обращение индивида в собственное значимое прошлое запускает вневременное (бесконечное, беспредметное) эмоциональное состояние, которое, возможно, как раз и есть «чистая форма» человеческого опыта.

А.Н.Леонтьев говорит о различении прошлого опыта и памяти, которое происходит под влиянием меняющихся значений и смыслов: «Одно в этом прошлом умирает, лишается своего смысла и превращается в простое условие и способы его деятельности – сложившиеся способности, умения, стереотипы поведения; другое открывается ему в совсем новом свете и приобретает прежде не увиденное им значение; наконец, что-то из прошлого активно отвергается субъектом, психологически перестает существовать для него, хотя и остается на складах его памяти» [169, с.216].

Впрочем, существуют и другие интерпретации взаимоотношений индивида со своим прошлым.

Как утверждает главный пропагандист «парадокса как метода лечения» Поль Вацлавик в книге: «Ситуация безнадежна, но не серьезна: в погоне за несчастьем»: «Каждый с помощью воспоминаний может сделать себя несчастным. Для этого просто требуется знать четыре правила Игры с Прошлым:

1. Займитесь неумеренным восхвалением прошлого, созерцая его сквозь розовые очки, которые позволяют видеть только хорошее и прекрасное.
2. Следуйте примеру нашей «библейской наставницы миссис Лот». Бог запретил ей оглядываться назад во время бегства из Содома, но она не смогла противостоять искушению и превратилась в соляной столп.
3. Твердо верьте, что прошлое не может изгладиться из памяти, и обращайтесь к нему взор, полный раскаяния, восходящего еще к первородному греху. Продолжайте повторять: «Я должен был предвидеть это, но теперь слишком поздно». Внушите себе, что во всех человеческих несчастьях виноваты внешние причины: Господь Бог, наследственность, прошлые ошибки, раннее детство, воспитание, Ева.
4. Продолжайте делать одно и то же – то есть, что вы делали всегда, не задаваясь вопросом о возможности иного решения проблемы. Кроме того, никогда не ставьте под сомнение мысль о том, что «существует только одно решение» [161].

Здесь легко прийти к полезной мысли о необходимости управления процессами памяти с целью оказания психологической поддержки индивиду, оказавшемуся в наше историческое время в роли *Homo transitus*.

Однако это было бы опасным упрощением. К чему приводит желание снова оседлать психику и личность ради привлекательных целей «управления», «формирования», «контроля», «оцен-

ки» и т.п. – памятно со времен советского периода. Мимикрия по поводу «свободного, творческого развития личности» лишь запутывает ситуацию.

Не лучше ли присмотреться к тому, как работает биографическая память в координатах социального и личностного опыта. Оказывается, что биографическая память не только интегрирует и реинтегрирует опыт, но и охраняет личность, давая ей возможность постепенно переходить к новому, сглаживая, вытесняя различные внешние воздействия, угрожающие самоуважению, обеспечивая сосуществование старого и нового опыта. При этом непрерывность работы биографической памяти в континууме «будущее – настоящее – прошедшее» не осознается субъектом памяти, как не осознается и его постепенный личностный сдвиг в направлении к новому. Мнения, суждения, высказывания испытуемых неизбежно отстают от тех изменений, которые автоматически, непроизвольно происходят в различных структурах долговременной памяти.

Мнемический опыт, вопреки устоявшемуся мнению, в определенном отношении оказывается менее консервативным, чем личностный с его интерпретациями, статистиками и установками. Биографическая память, ориентированная на будущий результат, непроизвольно, на всякий случай («в будущем пригодится» – Г.К.Середа), постепенно накапливает информацию из нового опыта. Такую информацию, образно говоря, если что-то сразу не складывается, можно еще раз прокрутить «...в домашней обстановке».

Благодаря таким свойствам биографической памяти создаются: а) необходимое человеку личное ретропространство; б) в целях более успешной адаптации в настоящем мнемический опыт непрерывно корректируется; и, наконец, в) мнемический опыт в соответствии с механизмом ориентации на предстоящее обеспечивает «длящийся зазор» между будущим и настоящим, что дает возможность субъекту психологически подготовиться к выработке адекватных стратегий поведения в весьма изменчивом и нестабильном социуме.

Мы выяснили, что формирование «недавней» биографической памяти, как и «ретропамяти», детерминировано мерой субъектности в характере деятельности индивида, его мотивационно-ценностными ориентациями, личностным развитием и, в конечном итоге, жизнедеятельностью индивида. Память «нового опыта» и «ретропамять» есть не что иное, как превращенные формы данной жизнедеятельности. Последнее, в частности, отвергает представление о «сплошной записи», «складировании» и т.п.

Помимо этого мнемический опыт взрослого человека изначально и в дальнейшем испытывает влияния ранних детских воспоминаний

наний. А.Адлер обратил серьезное внимание на особую роль ранних воспоминаний на последующее формирование индивида: «В самые ранние дни детства ребенок ошибочно и безрассудно создает себе образы и модели, формирует свою цель и жизненный план, которому он сознательно или бессознательно следует» [7, с.16].

Ранним воспоминаниям отводится особая роль в формировании мнемического опыта. Основы структурно-динамической организации опыта закладываются уже с самых ранних стадий развития ребенка. Адлер подчеркивает глубокую генетическую связь между памятью в детстве и мнемическим опытом человека: «Следует показать, каким образом ребенок вступает в жизнь. Везде, где мы попытаемся установить появление у него сознания, мы обнаружим стадии, на которых ребенком уже накоплен опыт. Однако надо заметить, что такое накопление опыта возможно только тогда, когда ребенок уже имеет перед глазами цель. В противном случае вся жизнь представляла бы собой безразборное ощупывание» [Там же, с.101].

Благодаря работам З.Фрейда, К.Юнга, А.Адлера, других представителей психоанализа в психологии укрепилось мнение, что «раннее воспоминание в метафорической, символической форме содержит в себе некоторый код, формулу жизненной программы личности. Действительно, из потенциально огромного детского опыта, значительная часть которого скрыта детской амнезией, актуализируется довольно часто весьма незначительное - и по субъективному впечатлению и по объективной оценке - некоторое событие. Естественно предположить, что за «незначительностью» скрыто что-то существенное, важное, актуальное для психологической реальности личности» [Там же].

История изучения ранних воспоминаний показывает, что одним из самых трудных в данном случае оказывается инструментальный аспект проблемы. Обычно техника экспериментирования развивается в двух направлениях: а) разнообразие способов извлечения информации; б) стремление получить факты как можно более ранних воспоминаний [145, 315]. Такой «фактологический» подход порождает трудности в интерпретации полученных сведений из раннего детства испытуемого. Его основная методическая слабость проявляется в показателях надежности ретестовых процедур. Когда испытуемый всякий раз в повторных экспериментах воспроизводит все новые неповторяющиеся факты ранних воспоминаний, мы понимаем, что это «уже про память», но «еще не про опыт» его детства.

О границах критериальности ранних воспоминаний Адлер пишет следующее: «Всякий раз, когда мы исследуем переживания или воспоминания,.. мы видим, что само по себе душевное явление нам

ни о чем не говорит... и мы сумеем понять душевное явление только тогда, когда у нас будет интуитивное представление о жизненной линии индивида» [7, с.101-102].

Мы видим, что первичный материал детской памяти не столько объясняет, сколько порождает проблему понимания опыта взрослого. Как нам представляется, фактологический подход порождает определенные трудности, так как он не вполне соответствует интегративной природе ранних детских воспоминаний. Последние существуют в виде ранневозрастных мнемических комплексов, и только в такой форме организации они способны отражать и модифицировать те самые жизненные планы, о которых говорит Адлер. Поэтому становится оправданным перевод исследовательских акцентов с памяти как таковой на мнемический опыт раннего возраста.

Как инструментальная, проблема состоит в том, каким образом, с минимальной опорой на «интуитивное представление» и испытуемого, и наблюдателя, вычлнить ту психологическую реальность, воплощенную в форме реальных воспоминаний и частично-случайно представленную в эксперименте на воспроизведение. (Приставка «случайно» вполне оправдана. Как уже говорилось, в экспериментах подобного рода от опыта к опыту один и тот же испытуемый слишком значимо меняет «показания».)

Методический прием, позволяющий испытуемому воспроизводить информацию, отражающую интегральные характеристики его раннего мнемического опыта, основан на развиваемом нами представлении о статистиках как единицах индивидуального опыта. В таком случае речь идет не о воспоминании отдельных фактов, эпизодов из детства, а об оценке себя в детстве по различным субъективным шкалам из списка наиболее значимо и информативно характеризующих детство ребенка, его биографию.

Шкальное оценивание еще не выявляет непосредственно мнемических комплексов раннего детства, хотя в силу интегративной природы самих субъективных шкал находится к таким комплексам ближе, чем отдельные воспоминания испытуемым отдельных эпизодов раннего детства.

Новую полезную информацию можно получить из анализа характера и степени связанности шкал между собой. Выявленные посредством факторного анализа совокупности связанных шкал могут быть представлены в виде латентных структур мнемического опыта, наличие которых, их содержание и наполнение, не осознается испытуемым и не может быть получено способом свободного воспоминания, точно так же, как и искомые интеграционные мнемические комплексы.

Данный шкально-факторный анализ позволяет значительно более полно отобразить топологию мнемического пространства опыта раннего детства, т.к. по своей психологической природе субъективные шкалы, как и способность к самооцениванию, основаны на наличии в опыте человека статистического распределения фактов, эпизодов, событий, в данном случае происшедших в раннем детстве.

В целях проведения эксперимента был разработан опросник «Детство». Применялась техника составления набора шкал и процедура оценивания, аналогичная методу семантического дифференциала.

Особенности методики состояли в следующем.

Испытуемому необходимо было оценить себя по 18 шкальным характеристикам в период раннего детства в соответствии с заложенными в опросник тремя факторами: «физический», «личностный», «межличностный».

«Физический» фактор – позволяет выявить оценку-воспоминание испытуемого о своем соматическом здоровье и психофизическом состоянии в дошкольном детстве.

«Личностный» фактор – позволяет выявить оценку-воспоминание испытуемого о своих характерологических особенностях в дошкольном детстве.

«Межличностный» фактор – позволяет выявить оценку-воспоминание испытуемого о характере взаимоотношений с окружающими взрослыми и детьми в дошкольном детстве.

При интерпретации данных мы исходили из того, что в таких проекциях раннего мнемического опыта отражаются субъективные эмоционально-смысловые представления человека о своем раннем детстве. При этом соответствие оценок испытуемого реальному положению вещей в его прошлом решающего значения не имеет – искажения памяти есть достоинства мнемического опыта.

Диагностический смысл проекции испытуемого в свое прошлое состоит в анализе эмоционального окрашивания и смысловой интерпретации детства. У экспериментатора появляется возможность выяснить, какую роль выполняет проекция на детство в формировании и обосновании своего настоящего.

Исходя из представлений о континуальности опыта мы полагаем, что проекция испытуемого на собственное детство есть не что иное, как восстановление таких интегрированных структур детского мнемического опыта, которые оказались встроенными в актуальный опыт субъекта. При этом возможное несоответствие оценки детства (психография) объективному положению вещей (биография) оценивалось как вторичное, хотя и важное для возможных психотерапевтических воздействий.

Проведенный факторный анализ позволил выделить следующие факторы:

Фактор 1 – «Гармония», факторный вес 21,4.

1. Веселый	0,84
2. Умный	0,68
3. Здоровый	0,67
4. Ласковый	0,63
5. Чистюля	0,51
6. Любимый	0,49
7. Красивый	0,42

При анализе данного фактора обращает внимание, что все показатели имеют положительное значение. Они образуют комплекс, в котором физические, личностные и межличностные параметры детства гармонично дополняют друг друга. Можно предположить, что у индивидов с преобладанием данного фактора программа жизнедеятельности будут основываться на идее гармонизации жизни.

Фактор 2 – «Безмятежность», факторный вес 16,1.

1. Ленивый	0,78
2. Непослушный	0,75
3. Счастливый	0,66
4. Нервный	0,56
5. Задиристый	0,48

На первый взгляд, данные показатели плохо согласованы между собой. При том, что сохраняется положительная окраска, мы видим особый тип поведения в детстве, когда оценка родителей, других окружающих отрицательна (ленивый, непослушный), что, однако, не является тревожащим, стрессогенным для ребенка и, в совокупности с другими качествами, представляет особый тип «счастливой безответственности», безмятежности. Можно предположить, что фиксация на такой программе поведения может стать причиной известной инфантильности во взрослой жизни.

Фактор 3 – «Уют», факторный вес 11,4.

1. Крупный	0,86
2. Полный	0,80
3. Любимый	0,51
4. Медлительный	0,48
5. Сильный	0,42
6. Мамин	0,33

В данном факторе реализуется программа стремления к комфорту, самодостаточности, символизируется при воспоминаниях детства в физических характеристиках – круглый, полный, сильный. Наличие показателя «любимый» свидетельствует о внутреннем состоянии комфорта.

Вместе с тем отметим, что личностные и межличностные качества представлены здесь гораздо слабее. Можно предположить интравертированность испытуемых, у которых данный фактор доминирует.

Фактор 4 – «Энергия», факторный вес 8,7.

1. Смелый	0,82
2. Сильный	0,66
3. Непоседа	0,63
4. Непослушный	0,39
5. Нервный	0,37

Данный фактор отражает особый тип поведения с высокими энергетическими затратами, экстравертированностью, физической активностью. Поведение во взрослом периоде может характеризоваться готовностью к девиантности, можно прогнозировать компульсивность.

Выделенные четыре фактора в определенной мере дают представление о типах субъективных представлений взрослого человека о своем раннем детстве. Индивидуальная карта раннего детства отдельного испытуемого может быть составлена путем наложения индивидуальных ответов на полученную 4-факторную матрицу.

Уже упоминавшийся выше фактологический подход основан на воспроизведении и дальнейшем анализе ограниченного числа фактов, но, как правило, наиболее значимых для индивида. Используемый нами шкально-факторный подход направлен на описание интегрированного множества элементов ранней памяти, но не схватывает при этом ценностных характеристик отдельных событий раннего детства. Кажется естественной разработка в дальнейшем экспериментальной технологии, объединяющей два методических приема.

Мы назвали биографическую память «автобиографией» индивидуального опыта личности. Выяснилось, что автобиография содержит три качественно отличных периода: память «нового опыта», занимающая на временной оси жизни человека отрезок от субъективного «сейчас» до субъективного «раньше». На другом конце оси времени располагается память раннего детства, которая расположена от даты начала жизни до субъективной отметки окончания «раннего детства». Между ними находится средний, терминологически не обозначенный период жизни, на котором выделяется один или несколько, в зависимости от числа поворотов в жизни, периодов, именуемых ретропамятью.

Названные в ходе анализа конкретные длины периодов составных частей биографической памяти, выраженные в годах, конечно же, являются условными. Гетерогенная природа мнемического

опыта обуславливается и обуславливает гетерохронность биографической памяти и тем самым подвижность, взаимопроникновение и отталкивание, суперпозицию и параллельное развитие всех ее трех составляющих.

Историческая память

Понятие исторической памяти до сих пор практически не проанализировано в психологии. В непсихологических работах данное понятие чаще всего упоминается в общем историческом контексте, в качестве синонима «исторического чувства», «памяти народа, нации», «человеческой истории» и т.п. Отсутствие теории делает до сих пор неясным предмет собственно психологического исследования, не определена функция и место исторической памяти в жизнедеятельности индивида, тем более, что часто в такой плоскости вопрос вообще не ставится.

Историческая память, выступая в функции организации исторического опыта (редубликация, усвоение, накопление, интеграция, транзит и т.д.), прежде всего выполняет задачу опосредования опыта прошлого. При этом звенья и вся цепочка опосредований определяется жизнедеятельностью индивида, равно как и жизнью предыдущих поколений. Только при таком понимании психологической природы исторического опыта становится необходимым введение понятия исторической памяти. В настоящее время психология находится в этом вопросе лишь в начале пути.

При попытке экспериментального исследования «исторической памяти» перед исследователем возникают два возможные пути измерения, в зависимости от того, на первом или втором слове делается акцент в теоретических представлениях автора. В первом варианте историческая память понимается как «память человека об исторических событиях и реалиях прошлого» [115], и тогда измерению подвергаются факты припоминания испытуемыми этих исторических событий. Нам представляется, что такое представление о памяти является существенно неполным. В этом случае историческая память может быть вполне описана как историческая часть логической памяти человека. Тогда, точно так же, при воссоздании сведений из географии, можно говорить о географической памяти как части памяти образной. Очевидно, что попавшие в выборку профессиональные историки или же географы будут иметь явное преимущество перед другими, что называется, «без всякой психологии». Наоборот, извлеченному из таежного поселка старообрядцу или не умеющему читать дошкольнику в наличии исторической памяти придется отказать.

Эти достаточно тривиальные аргументы приведены с той целью, чтобы подчеркнуть, что проблема предстает перед нами в ином свете, если понимать историческую память как основу исторического мнемического опыта, присущего каждому индивиду, который, в одной цепи с оперативной и биографической, использует собственную историческую память для регуляции жизнедеятельности. При этом индивид выступает в качестве субъекта исторической памяти – отбирает, накапливает и интегрирует те факты общественной истории, которые становятся фактами его собственной истории и которые, как и все другие основания мнемического опыта (оперативные, биографические), ориентированы на будущий полезный результат жизнедеятельности. По этому поводу Е.Ф.Иванова пишет, что «у каждого человека есть «своя» история, т.е. своя структурированность исторического прошлого, яркие точки (исторические события), которые выделяются данным человеком на фоне недифференцированного исторического потока. Эти высвеченные «точки» и являются продуктом исторической памяти индивида [Там же].

В общетеоретическом плане историческая память индивида имеет два вектора измерения – временной (хронологический, эпизодический, событийный) и пространственный (смысловой, семантический, ценностный) в координатах общего пространственно-временного континуума мнемического опыта.

Временной аспект исторической памяти рассматривается нами в рамках сформулированной выше общей гипотезы о рекурсивно-хронологическом ряде трансформаций памяти в масштабе длительности человеческой жизни. Именно это имеется в виду при упоминании о «памяти поколений».

Древние философы (Сократ, Платон) утверждали, что поражающее своей изначальной разумностью знание есть не что иное, как воспоминание, отсюда душа существует еще до рождения человека. Было бы заманчиво, хотя может быть и не вполне оправданно, попытаться обнаружить реалии исторического опыта в недрах человеческой памяти. К сожалению, имея в виду поучительную историю исследований В.Вундта, можно заранее заключить, что непосредственно перенесенного исторического опыта в памяти индивида нет. Непосредственное всегда экологически менее валидно процессу развития живого, чем опосредованное – такова природа вещей, и, далее, в этом парадокс, психически неэкономно – такова природа человека.

Попытки подтянуть историю к настоящему, установить «неразрывную» связь прошлого, настоящего и будущего предпринимались еще в давние времена, например, при попытках вывести фор-

мулу бессмертия. Воспоминание своего доземного бытия составляет весьма важную сторону многих религиозных концептуализаций. Такое отчетливо прослеживается уже у Платона в его учении о воспоминании, которое, в свою очередь, имеет корни в пифагорейских представлениях о доземном существовании души. Показательно, что такого рода идеи формировались для решения другой важнейшей задачи – откуда берется и как проистекает время, что является его масштабом. И тогда в качестве координатных засечек, реперных точек истории выступали воспоминания.

К настоящему времени остается все еще недоказанной возможность передачи социального опыта посредством генетического кода. В таком же состоянии «невоспроизводимости феномена» находится представление о так называемой реинкарнации. С рубрикой «историческая память» вполне соотносимо понятие об архетипах, хотя конкретный характер такой соотносимости также остается невыясненным.

В последнее время проблема исторической памяти стала активно изучаться и в «осознаваемом» социоэтническом и этнопсихологическом аспекте. Нам видится, что будущий прорыв в исследованиях хронологического вектора исторической памяти возникнет на пересечении различных наук о человеке. Здесь же важно подчеркнуть, что историческая память входит в структуру мнемического опыта человека как фактор его собственной (индивидуальной) истории.

Новые функциональные характеристики исторической памяти выявляются при анализе ее пространственно-смысловой составляющей.

Те или иные исторические события, становясь фактами истории, помимо их объективной задачи обеспечения преемственности опыта поколений, выполняют также роль общественного посредника во взаимоотношениях в сообществе современников. Для этого историческое событие должно войти в социокультурное пространство данного социума в качестве средства коммуникации для каждого (или многих) его представителей. Отсюда всякое событие человеческой истории, при наличии необходимого числа свидетелей и свидетельств, обретает статус объективного, однако его исторический вес (значение) является субъективной величиной, зависящей от широты вовлечения масс, наличия резонанса между общественными ценностями и индивидуальными ожиданиями и т.п. Социальная территория исторического события может измеряться в диапазоне от планетарной до внутрисемейной. Поэтому полученные в стандартном эксперименте сведения об объеме воспоминаний, об исторических событиях, их перечне, качественных и хронологических особеннос-

тах, вне отнесения к конкретному индивиду, носят характер скорее социокультурный, чем собственно психологический.

Вес события, его «историчность» для индивида, в конечном счете определяются самим индивидом, характером его жизненных ориентаций. Историческая память, являясь частью мнемического опыта индивида, выступает в роли связующего звена между мнемическим и социальным опытом. Одной из основных функций исторической памяти является обеспечение коммуникации индивида с окружающими в рамках его межперсонального пространства, точно так же, как биографическая память обслуживает его личностный опыт.

Информация, отобранная и интегрированная в исторической и в биографической памяти индивида, различна по происхождению и предназначению, хотя по конкретному составу в отдельных случаях может и совпадать. Например, объектами, или, если говорить языком СМИ, информационными поводами для исторической памяти являются события типа революции, войны, частная жизнь президентов, кинозвезд, виртуальные предвыборные программы, «исторические» спортивные матчи, случаи на работе, юбилейные встречи и т.п. Каждый из них отобран в памяти на будущее по тому признаку, что дает возможность индивиду интерпретировать окружающий мир и его историю в общении с теми другими, кто по прогнозу индивида имеет примерно такую же информацию в своей исторической памяти. Фактически речь идет о феномене коллективно распределенной социальной памяти, которая, опутывая невидимой сетью межперсональное пространство индивида, обогащает и стабилизирует его, формулирует требования к включению в него новых и выведению «некоммуникабельных» членов.

Одновременно с этим историческая память, в отличие от биографической, дает индивиду возможность выхода за пределы собственного межперсонального пространства в его неубывающем желании «диалога со всеми». Такова психологическая суть претензий на литературно-словесное творчество. В чистом виде последнее реализуется в мемуарной литературе. В психологическом смысле жанр мемуаров любим многими прежде всего из-за наличия в исторических воспоминаниях автора событий-посредников либо героев-посредников, обязательно уже известных также читателю и тем, кто окружает читателя в реальной жизни. Мемуары, в отличие от иных жанров литературного творчества, призваны не только расширять, но прежде всего укреплять, подтверждать ценность индивидуального опыта читателя для него самого.

Экспериментальные исследования исторической памяти – актуальная задача ближайшего будущего. Представляется, что в этой со-

ставляющей мнемического опыта заложен пока нераскрытый потенциал для психодиагностики личности. По своей природе историческая память является мнемической проекцией широко понимаемого социального опыта индивида, куда включены социокультурные и исторические составляющие жизнедеятельности. При очевидной невозможности и ненужности сплошной кулькуляции всех событий, презентованных исторической памятью, в целях развертывания измерительных процедур необходимо, по-видимому, произвести исходную классификацию и структурирование известных исторических событий в качестве нормативной базы дальнейших измерений. Историческая память, как феномен коллективно распределенной памяти, в процессе общения функционирует чаще всего не на уровне воспроизведения, а на уровне узнавания (припоминания) того, что включается в обсуждение собеседниками («Ты помнишь, как...»). Этого нет, по определению, для биографической памяти, интимно-личностной изначально. Тогда тем самым вычленяется основной методический прием изучения исторической памяти – метод узнавания: во-первых, информации из нормативного списка общеизвестных исторических событий, во-вторых – информации о событиях прошлого внутри межперсонального пространства данного субъекта.

Мы завершили цикл экспериментальных исследований структурно-динамических компонентов индивидуального опыта. Было показано, что базовыми характеристиками социального опыта являются межперсональное пространство, стереотипия и уникальность индивида; личностного опыта – соответствующие микро- и макро-структурные статистики и различные интерпретационные комплексы; мнемического опыта – оперативная, биографическая и историческая память. Но проделанное нами теоретико-экспериментальное исследование координат опыта было бы неполным без анализа того, каким образом трансформируется индивидуальный опыт в ситуации изменений условий жизнедеятельности в переходный период.

Раздел 3

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ОПЫТА В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

Проблема, которая была положена в основу заключительной части нашего исследования, связана с переходным периодом, в котором находится общество сегодня. За последние годы произошли и продолжают происходить серьезные изменения в укладе жизни, установках, приоритетах, системе ценностей, самоощущении людей.

Происходящие сдвиги многоаспектны и не случайно привлекают внимание ученых самых разных направлений – социологии, политологии, культурологии, этнологии и др. По сравнению с массивом исследований, посвященных проблеме переходного периода, число теоретических и экспериментальных работ по психологии все еще остается недостаточным. Одной из причин такого положения, по-видимому, является определенное несоответствие методологического и методического арсенала психологии советского периода тем задачам, которые стоят сейчас перед психологической наукой. В частности, оказываются устаревшими многие методические приемы, средства диагностики и подходы к изучению личности в современных условиях жизни.

Те работы, где анализируются вопросы, имеющие прямое отношение к проблемам переходного периода (жизненного пути, стратегий поведения, адаптации и др.), имеют общетеоретическую ценность, но в них все еще мало анализируются данные вопросы применительно к психологической конкретике новых условий жизни.

Изменение социально-психологической ситуации в переходный период это не только обновление тематики психологических исследований, но и конструирование нового понятийного аппарата, описывающего процессы трансформации индивидуального опыта.

Разнообразие новых психоадаптационных явлений уже сейчас чрезвычайно велико, и их число, следует полагать, в ближайшем будущем будет продолжать расширяться. При попытке их анализа прежде всего возникает вопрос о нормировании феноменов новой жизни по какому-либо критерию. О целесообразности введения функционального критерия трансформативности говорит современная социология: «Понятие трансформационной активности носит строго функциональный характер: оно охватывает все виды активности, способствующие преобразованию типобразующих институтов, и исключает все виды активности, не имеющие к этому прямого касательства» [109].

Перестройка индивидуального опыта происходит прежде всего в социальной и личной сферах жизнедеятельности. Многие признаки трансформации лежат на поверхности. Рассмотренное нами ранее межперсональное пространство социального опыта индивида не исчезает, но претерпевает количественные и качественные изменения. Новая стратификация, индивидуализация, сдвиги в оценке других и т.п. качественно по-иному формируют «списки приглашенных» в социальное пространство субъекта переходного периода.

Социальные стереотипы как таковые также никуда не исчезают, выполняя функцию стабилизации опыта. Но одновременно происходит их ломка, размывание, дискредитация, замена иными. Наши собственные измерения показывают, что ослабевает патернализм, усиливается эскапизм и т.д. Социально-ролевое взаимодействие в нынешнее время осуществляется за счет иных личностных обменных фондов.

Инвентаризация личного опыта также происходит сразу по многим основаниям. Сформированные у человека в прошлом интерпретационные комплексы, накопленные статистики, представления о нормативности и девиантности поведения и многое другое, необходимое в жизни, подвергаются критическому пересмотру под давлением самой действительности. Индивид поставлен перед фактом повсеместного изменения мотивационно-ценностных ориентаций общества; в рамках группового взаимодействия возникают другие требования к личностным особенностям человека. Иными словами, социальный и личностный компоненты опыта индивида непрерывно трансформируются, зачастую по самым существенным основаниям. Точно так же происходит реинтеграция мнемического опыта.

Для большинства населения происходящие сдвиги отражаются в невостребованности и дискредитации привычных форм поведения, навыков, умений – всего того, что в совокупности означает индивидуальный опыт личности. Ломка старого и трудности в освоении нового опыта по глубине и распространенности представляют собой одну из главных проблем современного человека. Психологически она затрагивает самые глубокие основания его развития. С.Л.Рубинштейн подчеркивал, что «...вопрос о становлении бытия, о разрушении старого (бренного) и рождении нового необходимо включает вопрос о его изменении, об активности человека, которая выступает не как субъективный произвол, а как объективная закономерность» [244, с.304].

Проблема опыта, значительной частью относящаяся к сфере прагматизма, практических действий и ответственности за них, становится все более актуальной по мере формирования в нашем социуме мировоззрения «открытого общества» (К.Поппер). Овладение таким мировоззрением не является простым делом.

Как мы уже отмечали, приметой (или тенденцией) организации жизнедеятельности человека, его социально-стилевой характеристикой последнего времени становится постмодерн [6, 29, 294]. Правда, для Украины, как и для некоторых других постсоветских стран, быстрый выход из объятий унификации и монизма привел к постмодерну с определенным налетом социокультурного нигилизма. Но, судя по всему, характерная для первых лет независимости мозаичность общественного бытия и общественного сознания не имеет решающего значения, постепенно уступая место стабилизационным процессам в общей динамике массового сознания. Не следует ожидать, что процесс стабилизации будет ровным. У плюрализма существует реальная монистическая оппозиция, хотя, может быть, внешне и видоизмененная. Так, Г.А.Балл отмечает, что «ситуация в посттоталитарных странах усложняется тем, что лица, причастные к идеологической работе (государственные должностные лица, педагоги и т.д.), привыкли к определенным ее стереотипам (выдержанным, ясное дело, в монологичном стиле), отойти от которых намного труднее, чем основательно изменить содержание пропагандируемых идей» [24]. Итак, налицо присутствие в массовом, а следует допустить, и в индивидуальном, сознании двух противоположных квази-идеологий, источником которых является столкновение старого и нового опыта: мозаичность, все еще не достигнувшая культуры плюрализма, и привычный монизм, лишившийся, однако, коммунистических скрижалей.

Возникает вопрос – способно ли общество психологически адаптироваться к такой глобальной коллизии переходного периода?

Нам представляется весьма содержательным в этом плане тезис Г.А.Балла о необходимости разработки двухуровневой идеологии, вбирающей в себя монизм, но уже на основе общечеловеческих ценностей и плюрализм в повседневной политической и культурной жизни людей [24]. Нам остается лишь попытаться выявить конкретные механизмы адаптации индивида к сложившимся условиям социетальной двойственности.

Общая ситуация выглядит таким образом: человек в настоящее время адаптируется не только к рыночным отношениям, но, прежде всего, к самому переходному периоду. В связи с длительностью затянувшегося перехода к новому представляется правомерным переформулировать проблему как проблему адаптации к самому длящемуся переходному периоду. На временном континууме психобиографии следует уже говорить не только о новом настоящем, но и «новом прошлом».

Тогда возникает вопрос: существует ли у человека способность к такого рода адаптации, каковы ее формы и механизмы, позволя-

ющие ему в течение длительного времени делать оптимальной свою жизнь, способен ли он делать ее стабильной в условиях принципиальной нестабильности социальной системы. Ответ на этот вопрос не может быть однозначным. В рамках нашего исследования он превращается в проблему трансформации опыта в условиях столкновения старого и нового.

Полезно различать адаптационные процессы в стабильных социальных структурах и в условия трансформаций в обществе. Академик Т.И.Заславская замечает по этому поводу: «В стабильных обществах под адаптационным поведением обычно понимается приспособление субъектов к социальной среде путем освоения и принятия свойственных ей норм, ценностей и форм социального действия. Но в условиях крутых перемен, когда нормы и ценности теряют стабильность, содержание этого понятия меняется. Основным смысл его перемещается в этом случае на поиск новых способов действий, соответствующих меняющимся условиям и правилам игры» [109].

Под трансформационной структурой индивидуального опыта мы понимаем систему психологических новообразований, обеспечивающих протекание процессов адаптации индивида к новым условиям жизнедеятельности в переходный период.

Оказавшись в ситуации смены обстоятельств, резкого изменения образа жизни, индивид в целях адаптации начинает определять границы своих возможностей, пересматривать свои оценки себя и других, прогнозировать меру приложимости прошлых способностей, искать способы компенсации потерянного. При этом следует учитывать, что прошлый опыт уже сформирован, он в большинстве случаев направляет поведение индивида на неосознаваемом уровне, и потому может мешать процессам адаптации и приводить субъекта в состояние активного противодействия новым нормам бытия.

В настоящее время перед индивидом возникает вопрос о новых критериях жизнедеятельности в обществе. Без этого новый социальный опыт не может эффективно прийти на смену старому социальному опыту. В этих условиях как в социуме, так и в сознании отдельного индивида постепенно выкристаллизовываются новые стратегии социального движения, направленные прежде всего на поиск форм стабилизации настабильного. Что же может выступить в качестве внутреннего психологического источника трансформации?

Индивидуальный опыт есть целостная система, включающая в себя совокупность взаимодействующих подсистем, в целом пребывающих в состоянии динамического равновесия. Нам представляется, что возможность устанавливать своеобразный баланс старого и нового связана с тем, что само «Я», как об этом говорил еще Мид,

двойственно и предполагает единство двух его частей - «I» и «me». Если «me» представляет собой интеграцию отношений других, то «I» есть реакция индивида на установку социального окружения, какой она выступает в его собственном опыте. Это реакция в свою очередь изменяет установку, она может быть спонтанной, своеобразной, ее невозможно заранее рассчитать. Если «me» является стабилизирующим фактором, то «I» опыт изменяет, иногда взрывает, расширяет его границы, реализуя интенции субъекта в освоении нового. В результате в процессе взаимодействия старого и нового в опыте индивида устанавливается и поддерживается необходимое структурно-динамическое равновесие его сторон.

Прежде чем сформулировать общую задачу исследования, полезно провести анализ социологического и психологического подходов к изучению проблем переходного периода.

Социологическое направление в изучении переходного периода сегодня продвинулось дальше и успешнее других. Не в последнюю очередь это связано с тем, что в массовом сознании нынешние изменения в обществе, идущие по всем направлениям общественной экономической жизни, воспринимаются прежде всего как социальные явления, и это делает работу социологов особенно актуальной.

Внутри социологии существуют два подхода к оценке социальных коллизий и их последствий в массовом сознании: структурно-функциональный и конфликтологический.

Представители структурного функционализма, вслед за Т.Парсонсом, отталкиваясь от представлений о рациональности, стабильности, упорядоченности и, в конечном счете, предсказуемости общества как социальной нормы, оценивают коллизии как деструктивное начало, разрушающую силу, что свидетельствует о заболевании социального организма и проявляется в разнообразных патологиях массового и индивидуального сознания. Будем справедливыми, ярких и убедительных подтверждений такой позиции в реальной жизни недостаточно.

Мы далеки от абсолютизации адаптивных возможностей индивида в ситуации двойственности мотивов, жизненных планов. Реальная жизнь показывает массу примеров реагирования человека на сложившуюся ситуацию, типичного для невроза навязчивых состояний [7, с.154].

Противостоящая функциональному подходу конфликтологическая парадигма (Г.Зиммель, Р.Дарендорф, Л.Козер) исходит из посылки о внутренней конфликтогенности общества, исторической необходимости социальных изменений, где, в итоге, за большими деревьями социальных катаклизмов необходимо научиться ви-

деть здоровые саженцы нового леса. Современные конфликтологи продолжают поиск универсального для социального и индивидуального. К.С.Гаджиев, размышляя о психогенной природе социальных конфликтов, пишет: «Общество в конечном счете живет и развивается по законам, корни которых лежат в природе человека» [73, с.8].

Вместе с тем, становится все более очевидным, что многие явления и объекты социологических исследований не могут быть в полной мере объяснены в рамках лишь ее (социологии) научного инструментария. Для общественных наук переходный период все еще в значительной мере остается эпохой фактов и наблюдений, их упорядочения и классификации. Но как раз поэтому новая социология и психология действительности требуют теоретических обоснований.

И еще одна особенность в оценке переходного периода. В настоящее время социальные и психологические следствия переходного периода часто оцениваются в целом как негативные, которые нужно «скорее как-то пережить». Недостаточно анализируются позитивные стороны происходящих трансформаций, конструктивный аспект перестройки социума и личности. Как следствие, недостаточно исследуется проблема адаптации к новому, опора на позитивное не всегда ищется и не всегда находится в переходном опыте. Вопрос о психологически обоснованном управлении трансформативными процессами практически не ставится. В таком случае выводы социологии и психологии, корреспондируясь с лежащими на поверхности настроениями большинства людей, начинают отставать от постепенно набирающих силу латентных процессов освоения нового, происходящих в массовом и индивидуальном сознании.

Возникла ситуация, когда социальные науки в определенной мере поспешили за сегодняшним днем – и даже стали подыгрывать рыночно-идеологической риторике. В результате оказался нарушенным баланс общественно ценных ориентаций между категориями будущего, настоящего и прошлого в сторону преувеличения неопределенного будущего. В самом деле – не успели еще носители прошлого опыта как следует приступить к его реконструкции, как политологи, социологи, психологи уже ввели в научный обиход понятия: «непринятие», «изоляция», «консерватизм» и т.п. в отношении нового, адресуя его тем, кто все еще положительно относится к своему собственному прошлому (а как правильно?). Как следствие этого, прошлое стало нарицательным в смысле негативного, устаревшего, не имеющего перспективы. Оказались как бы утратившими силу такие характеристики индивидуального опыта как его историчность, непрерывность и преемственность. Между тем, как раз благодаря последним, опыт оказывается способным к трансформации, форми-

рованию специфических структурно-динамических образований переходного периода.

Иные объяснения могут быть получены при исследовании упущенных социальных феноменов с точки зрения трансформации индивидуального опыта. Случающиеся в обществе кризисы с точки зрения индивидуального опыта не являются чем-то уникальным. Такие кризисы в человеческом опыте вполне сравнимы с известными возрастными кризисами личности, с различными драматическими поворотами на жизненном пути практически каждого человека. Члены общества всегда демонстрировали примеры как дезадаптации, в том числе и в форме патологии поведения, так и удивительные адаптивные ресурсы.

Социальные изменения не могут происходить сами по себе, не затрагивая психологической сферы жизнедеятельности. В этом контексте Е.И.Головаха и Н.В.Панина утверждают следующее: «Поскольку процесс формирования образа жизни и регуляции социального поведения в условиях нестабильного общества детерминруется преимущественно индивидуальными особенностями, на первое место выступают показатели социального самочувствия, а также личностных качеств субъектов, которым предстоит сыграть решающую роль в организации новой общественной системы» [82, с.94].

В чем же обнаруживает свою необходимость индивидуально-психологический аспект изучения проблемы? В периоды интенсивных изменений общественных приоритетов на первый план выступает набор таких личностных черт, которые наиболее востребованы в данный момент и обеспечивают включение индивида в общество – то, что Э.Фромм называл «социальным характером» [288].

Дополнительные аргументы в пользу психологической «ресурсообеспеченности» социальных процессов переходного периода приходят со стороны исторической психологии. Отношения старого опыта и нового опыта являются одновременно и конкурирующими (или/или) и взаимодополняющими (и/и). Если мысленно отодвинуть старый опыт в достаточно далекое прошлое и новый опыт в отдаленное будущее – теоретически они неизбежно начнут сходиться ввиду цикличности самого исторического опыта. В координатах исторического опыта находит воплощение формула: «всякое новое есть хорошо забытое старое», указывая на относительность противоречия старого и нового. Таким образом, новый и старый опыт не только противоречат, но и интенционально взаимодействуют друг с другом. Как отмечает А.Адлер: «Противоположные ориентации и даже поведенческие реакции индивида лишь кажутся противоречивыми, амбивалентными, пока не становится ясным, что обе формы жизни идут к одной и той

же цели. Они противоречивы только для наблюдателя» [7, с.263].

В едином процессе жизнедеятельности каждая из сторон опыта содержит противоположную как свой внутренний момент, обеспечивая стабильность жизнедеятельности. Поэтому в период трансформации адаптивные процессы становятся основным феноменом жизнедеятельности, дезадаптация – ее артефактом.

В последнее время значительно увеличилось количество работ, исследующих состояние и динамику массового сознания в постсоветский переходный период. Весьма продуктивно, на наш взгляд, в последние годы проводятся исследования трансформационных процессов в отечественной социологии, социальной и политической психологии (В.С.Бакиров, А.Т.Баришполец, В.М.Бебик, В.А.Васютинский, Е.И.Головаха, А.Б.Коваленко, Н.Н.Корнев, Л.А.Кремень, В.Н.Николаевский, Н.Н.Слюсаревский, Н.В.Панина, П.Д.Фролов, Е.А.Якуба) [22, 27, 31, 64, 65, 82, 83, 137 - 139, 146, 210, 259, 287, 314]. Оценивая общее состояние массового сознания в сегодняшней Украине, его угрожающую статистику и динамику, Е.И.Головаха и Н.В.Панина высказывают обоснованное беспокойство за состояние социального и психического здоровья населения, широко анализируя феномен «социальной отчужденности»: «Практически для всех групп населения Украины характерно преобладание социальной отчужденности – чувства своей несопричастности к происходящим общественным изменениям (как в возможности социальной самоотдачи, так и в социальных приобретениях)» [82, с.96-97]. Разделяя обоснованную тревогу этих и других авторов, мы поставили перед собой общую задачу изучить появившиеся и проявившиеся сегодня способы трансформирования социального и личностного опыта.

Если социальные изменения естественны для социального устройства общества, изначально заложены в обществе, значит и в опыте индивида, как частицы общества, должны быть предусмотрены такие структурно-динамические образования, которые позволяют индивиду адаптироваться к изменениям, к новому, прежде всего в социальной и личностной сферах его жизнедеятельности. Соответственно этому процессы трансформации проникают прежде всего в структуры социального и личностного опыта индивида. Эти два аспекта трансформации станут предметом нашего дальнейшего рассмотрения.

Глава 8. Реконструкция социального опыта

Одним из психологических следствий переходного периода явилось понимание и ощущение индивидом того, что его прежняя «теория жизни» сильно устарела. Особая динамика и слабая прогнозируемость перемен в обществе обнаружили общую социальную и психологическую неготовность преобладающей части общества к переменам. Очевидно, что в связи с этим перед исследователями возникает задача поиска иных путей изучения характера взаимоотношений индивида с социумом.

Главное, что видит и осознает в переходный период каждый, это новая глобальная дифференциация членов общества по тому, какое место они стали в нем занимать. Безусловно, ведущим фактором, влияющим на положение индивида в обществе, стал материальный. Последнее точно зафиксировано в новом языке общения. Появились доселе почти неизвестные понятия: «бизнесмен», «челнок», «банкир», «обманутые вкладчики», «фермер», «акционер» и т.д. И такой словарь продолжает с каждым днем пополняться. Совершенно иной, «материальный» смысл приобрели старые слова: «пенсионер», «бюджетная сфера», «шефы-спонсоры», «медицина», «образование» и многое другое. Как отмечают социологи, особую значимость в наше время приобрела система символов экономического процветания, главным показателем которой выступает денежный успех.

С возрождением понятия «частная собственность» стал реальностью другой, новый для массового сознания критерий отношения к труду, который теперь делится на эксплуататорский и наемный. Обыденное сознание на этот счет оперирует социологически более точным представлением – является ли данный человек «хозяином» чего-нибудь или не является.

Психологически за этим стоит такой параметр жизнедеятельности как субъектность. В нём отражено то, какую личную позицию занимает человек по отношению к своей собственной судьбе. Социум переходного периода рассматривает как более ценный для общества интернальный тип социальной активности. Нужно сказать, что «локус контроля» оказался критериальной характеристикой развития личности в переходный период.

Наиболее драматичное перемешивание старого и нового происходит в духовной сфере. Обвальное смещение ценностных ори-

ентаций, разрушение мифов, новая идеология возникают на фоне вечных общечеловеческих ценностей. В повседневную жизнь прочно вошли новые семантические комплексы: «новый украинец», «депутат», «мафия», «наркоман», «фонд», которые соседствуют с никуда не исчезающими понятиями: «мир», «здоровье», «семья», «совесть», «культура».

В отношении ценностей и особенно идеалов ситуация стала маргинальной. Многие из прежних романтически-мифических идеалов общества развитого социализма отброшены, а проникновение в нашу среду рыночной масс-культуры приводит к формированию новой «духовности». «Остаточный принцип» в отношении институтов духовной сферы, явно реализуемый в официальной политике, массово переместился в индивидуальное сознание. Духовность в который раз стала перед необходимостью доказывать свою фундаментальную роль в развитии общества и индивида.

Расслоение общества по материальному, трудовому и духовному критерию для конкретного индивида сходятся в одной точке – его новом социальном статусе. Необходимость переоценки своего социального статуса встает перед каждым членом общества. Определить «кто я теперь такой» оказывается далеко не простой задачей. Индивид, интуитивно понимая, что его положение в обществе меняется, не имеет возможности самостоятельно выделить те новые критерии, по которым его оценивают окружающие. То же касается и окружающих, которые должны произвести такую оценку, которую в прежние времена можно было заполучить в отделе кадров.

Е.Н.Головаха и Н.В.Панина пишут: «Основной характеристикой социального статуса в условиях дезорганизованного общества является неопределенность», а «основной характеристикой стиля жизни (реальной модели стиля жизни) является неустойчивость». Авторы добавляют, что «в трансформирующемся обществе происходит частая смена ценностей-целей, определяющих критерии иерархии социальных статусов» [82].

Современная социология нормативной для статуса личности полагает определяющую роль социальной среды (классы, слои, коллективы, группы). Ранее то же самое полагалось в концепции статусных групп М.Вебера. Во всех случаях необходимым условием приобретения статуса является принятие индивидом ценностей той общности, к которой он принадлежит и вклады в развитие которой он производит.

В Психологическом словаре (1990) говорится: «Статус (от лат. status – положение, состояние) – положение субъекта в системе межличностных отношений, определяющее его права, обязанности

и привилегии. В различных группах один и тот же индивид может иметь разный статус. Существенные расхождения в статусе, который приобретает индивид в группах, различающихся по уровню группового развития, содержанию деятельности и общения, нередко становятся причинами фрустрации, конфликта и т.д. Важными характеристиками статуса являются престиж и авторитет как своеобразная мера признания окружающими заслуг индивида. О престиже в Словаре говорится следующее: «престиж (от фр. prestige – авторитет, влияние) – мера признания обществом заслуг индивида; результат соотнесения социально значимых характеристик субъекта со шкалой ценностей, сложившейся в данной общности. В капиталистическом обществе показателями престижа выступают обычно крупный счет в банке, местожительство в «аристократическом» районе, марка автомашины, упоминание в светской хронике и т.п. В социалистическом обществе основанием для обретения престижа являются социально ценные характеристики личности: высокие нравственные качества, активное участие и достижения в общественно полезной деятельности». И наконец: «авторитет (от лат. *autoritas* – влияние, власть) – влияние, которым пользуется группа или индивид в различных сферах жизни, основанное на признании их опыта, знаний, нравственных достоинств и т.д.» [231].

Очевидная смена общественных критериев престижа, неостребованность либо инфляция старого опыта делают проблему статуса одной из центральных для его носителя.

Изменение отношения индивида к своему статусу непосредственным образом трансформирует его межперсональное пространство, набор стереотипов, равно как и представление о себе как уникальном.

Т.Шибутани вводит различие социального и личного статусов. Здесь социальный статус является скорее нормативной характеристикой, где роль самого субъекта отнесена на второй план: «Социальный статус относится к позиции человека в обществе: уважение, которым он пользуется, и его престиж основываются на том, к какой категории он относится и как оценивается эта категория в преобладающей системе социальной стратификации» [303, с.341].

В рамках нашего исследования большой интерес представляет понятие личного статуса. Не только в связи с размытостью в нынешней ситуации «преобладающей стратификации», но еще и потому, что личный статус в отличие от социального не устанавливается, а переживается, непосредственно определяя представление человека о самом себе. «Личный статус – это положение, которое человек занимает в первичной группе в зависимости от того,

как он оценивается в качестве человеческого существа» – пишет Т.Шибутани [Там же, с.342].

В личный статус вносят свой вклад такие составляющие, как характер взаимоотношений со значимыми для субъекта людьми, система интерпретаций этих взаимоотношений, соотносимость личных достижений с новыми ценностными ориентациями членов первичной группы.

Одним из общепринятых методов измерения статуса является референтометрия. Определение социального статуса с помощью референтометрии не всегда возможно. Во многих случаях подбор и привлечение к эксперименту действительно референтной группы крайне затруднительны. Психологи-практики часто испытывают трудности в связи с релятивностью и размытостью критериев референтности. В условиях трансформаций в обществе такие трудности дополнительно возросли. Как известно, существуют неинтернализированные и интернализированные отношения референтности. В последнем случае «поведение индивида внешне не обуславливается никакими объектами, а все референтные отношения сняты и «переплавлены» его сознанием и выступают уже как его, индивида, субъективные факторы» [230]. Как нам представляется, специфическое положение субъекта переходного периода порождается двойственностью самих объектов референтности: с одной стороны, это изменения ценностных характеристик реальных референтоносителей, с другой – трудности интернализации новых ценностных ориентаций.

Но это еще не главный источник проблем в измерении статуса. Проблема состоит в такой же двойственности природы понятия. Измеряя социальный статус, мы не можем абстрагироваться от параметра его оценки самим субъектом. По существу, как раз такая оценка и является предметом психологического исследования. Т.Парсонс анализирует соотношение социальной системы и личности: «В некотором смысле социальная система «втиснута» в пространство между культурным статусом ценностей и их значимостью для интеграции личности» [218, с.470]. Далее он говорит, что в личности индивида есть то, что можно назвать «интегрированным единством ценностных и мотивационных установок» [Там же, с.470]. Примечательно, что во множестве случаев исследователи статуса, не выделяя специально субъективное, тем не менее апеллируют к этой стороне статуса, объясняя его природу. Процедура измерения субъективного аспекта социального статуса в настоящее время остается неразработанной.

В едином психологическом пространстве личности и окружающего мира субъективное и социальное взаимно преломляются, что

обеспечивает право на существование собственного критериального поля оценок и реакций.

Социальный статус по определению является характеристикой, внешней по отношению к члену общества, непосредственно влияющей на его жизнедеятельность. Представление же индивида о своем социальном статусе как превращенная форма жизнедеятельности входит в структуру его индивидуального опыта, выполняя функцию стабилизации и регуляции отношений с другими. Наша исследовательская задача заключается как раз в том, чтобы выявить процесс выработки новых критериев социальной активности, одновременно ценных для отдельного индивида и для социума. Тогда выясняется, что именно статус более всего «пострадал» от переходного периода. Актуальным для психологии становится вопрос о поиске и выделении новых детерминант социального статуса, ближайшего признака трансформации социального опыта индивида. Под новым социальным статусом (НСС) мы понимаем совокупность оценок индивидом себя, складывающихся в обществе переходного периода в понятиях современных социальных ценностей и норм.

Мы исходили из предположения, что в основе создания (построения, завоевания) нового социального статуса лежат три слагаемые: материальная сфера, субъектность и духовность. Его нормативными характеристиками являются достижения индивида в материальной субъектной и духовной сферах жизнедеятельности. Выделение данных составляющих не является случайным. В общем трансформационном процессе именно эти параметры опыта характеризуются наибольшим диапазоном изменений: а) невиданная доселе (к тому же наглядная) разница в материальном обеспечении; б) возможность действительно быть «хозяином» собственного дела; в) смена ценностных ориентиров. Совокупность данных трех составляющих, представленная в самых разных комбинациях от «богатого – хозяина – нравственного» до «бедного – наемного – безнравственного» со всеми промежуточными вариантами, составляет новое референтное пространство социального статуса в переходный период.

Данная исходная посылка может быть представлена в общем виде следующим образом:

$$\text{НСС} = f(\text{М}, \text{Д}, \text{С}),$$

где НСС – новый социальный статус;

М – материальная сфера;

С – субъектность;

Д – духовность.

Будем в первом приближении считать, что данные факторы референтности, входящие в общую оценку НСС, имеют собственное

содержание, не связаны друг с другом, аддитивны. В таком случае формула нового социального статуса имеет следующий вид:

$$\text{НСС} = m M + n C + p Д,$$

где m, n, p – весовые коэффициенты компонентов статуса.

Для установления численных значений коэффициентов была проведена экспертная оценка, позволившая выявить методом парных сравнений следующие значения весовых коэффициентов (округленно):

$$m=3; n=2; p=1,$$

что дает возможность представить формулу в окончательном виде:

$$\text{НСС} = 3M + 2C + Д.$$

Полученное аналитическое выражение НСС можно взять за исходное для решения основной задачи – изучения психологических факторов, формирующих оценку индивидом своего социального статуса.

Вводя в рассмотрение материальный, субъектный и духовный компоненты социального статуса, мы тем самым определяем основные формы социальной активности для достижения субъектом необходимого положения в обществе. Весовое распределение этих форм в итоге нормирует состав социального опыта. Возникает вопрос – как данные компоненты социального статуса сопряжены в опыте индивида в переходный период.

Субъективная по своей природе, оценка нового социального статуса представлена в сознании и опыте индивида как интегральная, в которой материальная, субъектная и духовная составляющие существуют в виде латентных структур и самим субъектом не осознаются.

Экспликация таких структур на психологическом уровне возможно добиться путем раскладывания искомой интегральной оценки по соответствующим факторам. С этой целью был разработан опросник «Новый социальный статус», посредством которого измерялась непосредственная оценка испытуемым своего статуса по трем компонентам: материальному, субъектному и духовному. Кроме данных трех показателей регистрировался и сам интегральный показатель НСС.

Другим критерием, наиболее тонко и оперативно отражающим как инструментальный, так и ценностный аспекты психологических коллизий переходного периода, оказывается современный язык. В широком плане именно язык является одним из основных средств передачи опыта не только от поколения к поколению, но и внутри одного поколения в периоды его трансформаций.

Как известно, отдельные слова, также как и другие словесные формы, являются непосредственными носителями индивидуального, в частности социального, опыта индивида. Это обстоятельство активно используется в психосемантике, психолингвистике [220]. Слова являются частью языка, который фиксирует не только смысловое содержание, но и чувственный, установочный, оценочный фон, контекст взаимоотношений с современниками. Язык образует структурно-смысловые единицы, в которых закрепляются устойчивые формы мировосприятия.

Феноменология психосемантических изменений языка весьма обширна, так как отражается непосредственно в обыденном сознании. Субъективная ценность слов «тринадцатая зарплата», «Советский Союз» или «сникерс», «мерседес» понятна каждому; любой человек без труда также оценивает изменение ценности, желательности, привлекательности этих «слов» в ходе своей жизнедеятельности.

Итак, наиболее адекватно на социальные изменения оказался способным реагировать словарь понятий, определенных сегодняшним днем. Речь идет о совокупном словаре новых и старых слов, где автоматически непрерывно меняется семантика и тех, и других. Можно предположить, что взаимоотношение старых и новых слов специфическим образом отражает психологию столкновения старого и нового опыта.

Среди многочисленных исследований языка изучению процесса вхождения новых слов-понятий в опыт взрослого человека отводится довольно скромное место. В стабильных обществах акцент обычно делается на сохранительной функции языка. В этом смысле нельзя было не воспользоваться уникальной языковой ситуацией сегодняшнего дня. К тому же, нетрудно предположить, что выявленные референции и современный язык находятся в одном и том же трансформативном поле обновляющегося социума.

Мы исходили из представления о наличии много-многозначных связей между субъективной оценкой индивидом составляющих своего нового социального статуса и его словарем активного общения. В самом же словаре отдельные слова, помимо функции коммуникации, выступают также в качестве средства проекции ценностных ориентаций индивида. Гипотеза исследования состояла в том, что оценка собственного статуса индивидом существенным образом связана с ценностным аспектом употребляемых им слов-понятий, а именно: субъективные оценки нового социального статуса проецируются на слова-понятия как носители его ценностных ориентаций.

С целью установить вторую количественную меру трансформации социального опыта индивида была разработана методика

«Психографический словарь». Методика позволяет измерять субъективную ценность различных слов-понятий соответственно из старого и нового опыта индивида.

Методика «Психографический словарь» получила такое название в связи с основным методическим требованием: список слов составлялся из тех, которые соответствовали старому и новому опыту испытуемого, охватывая значительный период его биографии от «доперестроечного» времени; с другой стороны, в список включались слова, отражающие ценностные ориентации испытуемого в настоящем и в воображаемом будущем.

Опишем методику несколько более подробно.

Измерялось психосемантическое пространство слов-понятий из старого и нового опыта испытуемого. «Психографический словарь» содержал слова, известные испытуемому в прошлом и вышедшие из активного употребления в настоящее время («субботник», «пионер», «радиола» и т.п.); слова, появившиеся в новое время и вошедшие в активное употребление («таможня», «казино», «дивиденд» и т.п.). Дополнительно в качестве контрольных, в соответствии с известными требованиями психодиагностики, были включены также слова, отражающие общечеловеческие ценности («родина», «семья», «здоровье» и т.п.), с целью нормирования верхней границы субъективной шкалы. В качестве буферных были введены слова-понятия из повседневности («карандаш», «тротуар», «молоток» и т.п.).

Испытуемому было необходимо разложить карточки со словами по кругам разного диаметра, расположенным перед ним. В случае, если испытуемый не был знаком по каким-либо причинам с данным словом, он откладывал его в сторону.

Наконец, (в качестве количественной меры изменения статуса) можно предположить, что новый социальный статус индивида сопряжен с самооценкой и оценкой индивидом окружающих. Данные оценки измерялись по методике личного дифференциала (факторы: «оценка», «сила», «активность»).

Таким образом, согласно нашим представлениям социальный опыт индивида в переходный период более всего подвержен трансформациям в трех взаимосвязанных аспектах: новый социальный статус, новый словарь, самооценка и оценка других. Соответственно будем различать три сферы формирования нового социального опыта: статусную, символическую, оценочно-самооценочную.

Рассмотрим подробнее результаты экспериментов по отдельным сферам, а также проведем их сравнительный анализ.

Результаты, полученные в эксперименте по статусной сфере, свидетельствуют о больших индивидуальных различиях как по от-

дельным компонентам (особенно по материальному), так и по интегральному показателю нового социального статуса. Обсуждение содержательной стороны данного факта стало возможным на основании результатов проведенного далее корреляционного и факторного анализов.

В наших экспериментах значимая корреляция была обнаружена лишь между «материальным» и «субъектным» компонентами. Связь представляется неслучайной, так как в условиях зарождающихся рыночных отношений материальный успех в решающей степени стал зависеть от собственных предпринимательских усилий индивида. Высокая или низкая духовность, культура, мораль, по видимому, не являются приоритетными в отношении нового социального статуса для значительной части населения. С точки зрения статистики, одного последнего вывода недостаточно (в этом случае можно ожидать отрицательную корреляцию). Данные эксперимента показывают точно так же наличие устойчивой части выборки, для которой, наоборот, цена духовности остается очень высокой, что и приводит к отсутствию корреляции. В целом, параметр духовности в массовом сознании в настоящее время оказывается наиболее диспергированным.

Но в таком случае резко снижаются предпосылки для формирования цельной личности, ориентированной на ценности общества. Социальный опыт человека, вынуждаемого на уровне жизненных стратегий выбирать «или – или» между материальным и духовным становится мозаичным, дезинтегрированным. Можно было бы предположить, что ориентация индивида на какую-нибудь одну составляющую опыта является жизнеспособной, так как впоследствии произойдет своего рода генерализация этой части на все пространство социального опыта. Действительно, психические процессы не развиваются параллельно, стремление к интеграции является важнейшей характеристикой человеческого опыта. Однако в условиях, когда само общество, его ценностные ориентации не являются внутренне согласованными, индивид испытывает состояние социальной дезориентации, а его опыт не становится интегрированным.

В социологическом смысле можно говорить о слоях общества, выбравших каждый свой путь достижения необходимого социального статуса. Замечание психологии состоит в том, что несопряженные программы социальной активности сталкиваются в отдельном индивиде, что, в итоге, проявляется в мозаичности его социального опыта. Столкновение гуманистических ценностей самоактуализации творчества и прагматичных ориентаций потребления и манипулирования (любовь – расчет, альтруизм – прибыль, самопожертвование

– эксплуатация других) составляет основу внутреннего конфликта индивида и на личностном, и на межличностном уровнях.

Проблема выбора между старым и новым достаточно драматична в ситуации, когда еще не совсем сложились ценностные ориентации индивида, но она еще более обостряется, если остаются двойственными ценности общества, чем преимущественно и характеризуется переходный период. Между тем, нравственные искания, нравственный опыт как человеческая интенция обладают качеством историчности и всеобщности, нигде не исчезают и в настоящее время лишь маскируются состоянием массовой «рыночной экзальтации». Забвение этого обстоятельства таит в себе большую опасность. Сегодня уже недостаточно призывов к «гуманизму», «человечности»: монстры современного истеблишмента «роджерсов не читают». Точно так же, «глухая защита» в отстаивании идеалов прошлого делает нравственность, доброту, открытость половинчатой (если такое вообще возможно).

В этом смысле выявленные на данном этапе изучения индивидуального опыта структурно-динамические характеристики нового социального статуса несут в себе аргументацию, позволяющую полнее раскрыть некоторые психологические механизмы формирования, функционирования и трансформации опыта человека, а значит, в какой-то мере защитить и утвердить парадигму нравственности.

Переходный период породил общество всеобщей переоценки. Понятно, что наиболее психологически комфортно субъект чувствует себя в стабильной социальной системе. Но и тогда много усилий приходится тратить тому, у кого по тем или иным причинам меняется статус на фоне относительно неизменных социальных статусов других (новое назначение, женитьба и т.п.). Однако наиболее трудной для осознания, рефлексии становится ситуация одновременного изменения статусов всех других.

Как мы и предполагали, выявилась положительная связь компонентов нового социального статуса с самооценкой субъектов статуса. Наиболее значимой оказалась корреляция компонента субъектности с оценкой себя по фактору «Сила». По-видимому, в переходный период это тот канал, через который происходит «личностное обеспечение» нового социального феномена, которым является субъектное (самостоятельное, авторское, интернальное) отношение к действительности.

Компоненты нового социального статуса оказались не связанными с оценкой «других». Этим дополнительно подчеркивается, что отношение индивида к собственному статусу и способам его достижения на фоне всеобщего изоляционизма прямо не ориен-

тировано на возможности, потребности и личностные характеристики окружающих.

Данное обстоятельство, а также отсутствие связи с оценкой себя по фактору «Оценка» свидетельствуют о том, что сам новый социальный статус не стал еще стабильной нормативной характеристикой индивидов в формирующемся общественном сознании. Движение в направлении нового социального статуса индивиды связывают не с нравственно-эмоциональными характеристиками личности («обаятельный», «честный» и т.п.), но в первую очередь с ее волевыми и деловыми качествами («сильный», «самостоятельный» и т.п.).

Привлекательность материального успеха уже приобрела «легитимность» у большинства членов общества, однако сам материальный успех для одних стал реальностью, у других все еще объективирован в желаемом. Можно думать, что социальный опыт тех, кто уже добился материального успеха, формируется более динамично в смысле вхождения в новые общественные отношения.

Возрастные различия, обычно ожидаемые в таких случаях, не оказались сколько-нибудь выразительными. Они отсутствуют в статусной сфере, хотя возрастной диапазон экспериментальной группы был достаточно широким. Привычная еще в недавнее время, да и вообще в стабильном обществе, тенденция постепенного с возрастом повышения социального статуса, общественного уважения к накопленному жизненному опыту фактически исчезла. Выяснилось, что переходному периоду «все возрасты покорны», хотя индивидуальные стратегии и драмы вхождения в новый опыт безусловно различны.

В результате факторного анализа были выделены пучки коррелируемых, взаимосвязанных параметров, отражающих различные сферы активности индивида. Это дает возможность выявить типологию и описать содержание моделей социального опыта на фоне динамических изменений в общественном сознании.

Выделены 4 фактора, которые отражают социальные и поведенческие модели социального опыта человека. Каждый фактор несет в себе функцию регулятора поведения человека в новых для него социальных условиях. Необходимо подчеркнуть, что выявленные факторы не рассматриваются как прямое основание для классификации индивидов по каким-либо социальным группам. Факторы отображают частные модели социального опыта, которые могут сопрягаться в сознании отдельного индивида, специфическим образом отражая характер его поведенческих реакций.

Фактор 1 – «Символизация», факторный вес 26,0.

Старые слова (духовная сфера)

0,80

Старые слова (субъектная сфера)	0,79
Все слова	0,79
Обыденные слова	0,73
Старые слова (материальная сфера)	0,72
Новые слова (духовная сфера)	0,60
Новые слова (материальная сфера)	0,50
НСС (субъектная сфера)	- 0,50
НСС (общая)	- 0,49
НСС (материальная сфера)	- 0,47

В данном случае связанными оказались характеристики, отражающие символическую и статусную сферы активности индивида при отсутствии характеристик оценочно-самооценочной сферы.

Символическая сфера представлена характеристиками современного словаря, которые отражают такие ценностные ориентации, где понятия из старого и нового опытов представлены одновременно и совместно друг с другом.

Статусная сфера представлена интегральной характеристикой нового социального статуса и его наиболее весомыми компонентами «материальная сфера» и «субъектность», т.е. такими, которые в новое время определяют статус индивида в обществе в решающей мере.

Выявленная плеяда взаимосвязанных параметров формально отражает определенную динамику отношений между символической и статусной сферами: слова-понятия современного языка представляют тем большую ценность для индивида, чем ниже его новый социальный статус. Наоборот, по мере роста социального статуса прежде всего в сфере материального обеспечения, предпринимательства, самостоятельности, личной ответственности слова-понятия из ценных переходят в категорию повседневных.

Полученные результаты позволяют понять, какую роль в процессе трансформации социального опыта приобретает язык. Кардинальные изменения условий, способов, стиля жизнедеятельности не влекут за собой автоматически замену старого опыта новым. Более того, старое и новое объективно и субъективно находятся в отношении противостояния. В этой ситуации язык, как способ освоения действительности, берет на себя функцию постепенного вовлечения индивида в новую жизнь. Прежде чем перейти к новым видам деятельности, индивид с помощью языка получает возможность проигрывать доселе ему неизвестное в символической форме. Причем одновременно с усвоением нового словаря подвергается инвентаризации старый.

Психологически вполне объяснимо повышенное ценностное отношение рядового, не преуспевающего гражданина к словам-понятиям «мерседес» и «мобильный телефон».

Возрастание ценности слов-понятий из старого словаря вовсе не сводится к феномену ностальгии. Последний объясняет иные законы психологии. Новую мотивационно-ценностную окраску приобретают ординарные в прошлом слова «работа», «пенсия», «учитель», «заграница» и т.п.

Современный активный словарь объединяет в себе новые и старые слова скорее не по частотному, а по ценностному основанию, поэтому такие слова в первом факторе объединены в плеяду. Фактически можно говорить о том, что у индивида появился новый языковой опыт. По своему психологическому содержанию он является специфической превращенной формой жизнедеятельности индивида в переходный период. Если бы связь между жизнедеятельностью и опытом была бы непосредственной, то в современном словаре человека старые слова не были бы представлены как ценные. То, что языковой опыт отстает от «веяний времени», является психологически оправданным, так как тем самым благодаря языку организуются условия для плавного перехода индивида к новому.

Внутри структуры социального опыта процесс нового языковорчества вначале опережает процесс становления нового социального статуса. Универсальное «Вначале было Слово» получило современное прочтение: мы еще учимся делать реформы, но уже научились говорить о них.

Как видно из результатов факторизации, конкретный состав и объем современного словаря детерминирован прежде всего новым социальным статусом конкретного индивида. При этом личностные, оценочно-самооценочные характеристики социального опыта являются вторичными. В этом заложен конкретный психологический смысл. Без личностных привнесений новый словарь становится подлинным языком общения всех, образуя уникальную смесь реального и виртуального. Вездесущим интерперсональным посредником здесь выступают СМИ, обильно производя изо дня в день некие причудливые формы социально-экономической тарбарщины, способной сильно смутить представителя стабильного государства, но вовсе не *Homo transitus*.

По мере образования, роста и стабилизации нового социального статуса язык (отдельные слова, фразы) с уровня ценностных ориентаций переходит на операциональный уровень, начиная исполнять соответственные служебные функции.

Фактор 2 – «Интеграция», факторный вес 19,6.

Новые слова (субъектность)

0,80

«Я» – оценка	0,58
Новые слова (духовность)	0,57
Новый социальный статус	0,52
Материальная сфера	0,47
Духовная сфера	0,45
«Я» – сила	0,43
«Другие» – оценка	0,42

В данном факторе зафиксирован некий способ согласованного взаимодействия всех трех сфер нового социального опыта: статусной, символической и оценочно-самооценочной.

Такое взаимодействие является условием интеграции социального опыта. Фактически второй фактор описывает структуру социального опыта той части выборки, которая, пройдя этап вовлеченности в новое на символическом уровне, перешла к реальным действиям, взяла ответственность на себя и добилась материальных успехов. В этом случае возникает гармонизация различных аспектов социального опыта.

Обнаружен важный факт изменения зависимостей между сферами.

Характерная для этапа вхождения в новую жизнь обратная зависимость между символической и статусной сферами заменяется сопряжением нового статуса и части словаря, касающегося нового опыта. Второй важный факт: в отличие от фактора 1, в плеяду коррелирующих параметров вошли характеристики самооценки и оценки других.

Результаты факторизации показывают, что основным средством освоения нового, повышения собственного статуса является опора на себя, собственные силы. Поэтому в плеяде характеристик оказалась включенной самооценка по факторам «Оценка» и «Сила». Движение к новому социальному статусу становится реальным и эффективным, если оно опирается на высокий уровень принятия себя, реализацию волевых и деловых качеств личности. Сам статус повышается не только за счет материальных достижений, но и развития духовной сферы.

Высокий социальный статус оказался связанным с позитивным отношением к окружающим по параметру «Оценка». (Равнозначным является утверждение, что снижение статуса сопровождается ростом неприятия к окружающим.) Можно сделать вывод, что негативное отношение к другим снимается либо сглаживается в случае реалистического подхода индивида к жизни посредством опоры на собственные силы.

Фактор 2 в определенной мере противоположен по содержанию фактору 1, так как несет в себе признаки интернальности личности, необходимого уровня реалистичности и ответственности инди-

вида в переходный период. Тем самым определены предпосылки новой интеграции социального опыта в период его активной трансформации.

Фактор 3 – «Принятие», факторный вес 13,2.

Новые слова (духовное) - 0,87

Новые слова (субъектное) - 0,80

Новые слова (материальное) - 0,66

Сумма всех слов - 0,54

«Другие» – Оценка - 0,52

«Я» – Оценка - 0,45

В данном факторе зафиксирован некий характер взаимоотношений, объединяющий на этот раз оценочно-самооценочную и символическую сферы активности индивида при отсутствии какой-либо непосредственной связи со статусной сферой.

Наличие такой плеяды коррелирующих характеристик позволяет предположить, что в социальном опыте человека существуют такие латентные структуры, когда его формирование происходит без непосредственной ориентации на социальный статус. Обычно это проявляется в особой рефлексивной позиции индивида, когда оценка себя и других, общего отношения к новым условиям жизни производится вне занимаемого индивидом места в референтном социуме (интернализированные отношения референтности).

Основной смысл, воплощенный в факторе 3 «Принятие», заключается в том, что в социальном опыте индивида существует (может существовать) латентная структура личностного принятия/непринятия нового. В социологическом аспекте речь идет, по-видимому, о либеральной позиции в оценке нового. Ценностное восприятие нового языка свидетельствует о психологической готовности к переменам. При этом положительное отношение к материальным, субъектным и духовным атрибутам новой жизни характерно для индивидов с высоким уровнем самоуважения и благоприятным отношением к другим.

На противоположном полюсе непринятие нового, безразличие или даже определенный нигилизм сопровождается низким уровнем самоуважения и негативным отношением к другим.

Возможности корреляционного и факторного анализа не позволяют установить причинно-следственные отношения между оценочно-самооценочной и символической сферами активности индивида. Однако то, что валентность установки к принятию/непринятию нового столь демонстративна, к тому же, не зависит от возраста (что обычно ожидают, сравнивая отношение к новому старшего поколения и молодежи), дает возможность предположить наличие у инди-

вида особого рефлексивного компонента в его социальном опыте. По-видимому, такая рефлексия выполняет ориентирующую функцию в отношении движения индивида к новому социальному статусу.

Фактор 4 – «Категоричность», факторный вес 9,4.

«Другие» – Сила	- 0,58
Духовная сфера	- 0,41
Старые слова (материальность)	0,39
«Другие» – Оценка	0,39
Субъектная сфера	0,32
Новые слова (духовность)	0,37
Возраст	- 0,44

Данный фактор оказался наименее нагруженным из всех, однако его содержательная сторона представляет особый интерес, так как отражает характерную для определенной части общества социальную позицию консервации прошлого опыта, защиты его от деструктивных явлений переходного периода. Целостность и устойчивость структуры ранее приобретенного обеспечивается за счет осознанной психологической позиции «или/или».

Переходный период, ведущий за собой кризисные явления в разных сферах жизнедеятельности, отражается, в частности, на состоянии личностной идентичности. Э.Эриксон определяет идентичность как внутреннюю непрерывность и тождественность личности [306]. Ощущение себя, своего бытия неизменным необходимо личности, является ее внутренней потребностью. Оно разрушается по мере того, как цели, ценности и убеждения теряют свою целесообразность, перестают соответствовать требованиям изменившейся жизни. Если человек пытается выйти из кризиса, постоянно находится в поиске полезной информации, пробует разные варианты адаптации – состояние идентичности имеет шанс восстанавливаться. Если человек не хочет (не может) замечать происходящих изменений и затрачивать усилия на личные поиски – возникает опасность погрузиться в диффузное состояние, которое переживается как пессимизм, апатия, тоска, ненаправленная злоба, отчуждение, тревога, чувство беспомощности и безнадежности [Там же].

Не кажется неожиданным, что тенденция к большей опоре на прошлый опыт с возрастом усиливается.

Показатель нового социального статуса не вошел в плеяду коррелирующих характеристик. Под защиту по данному фактору берется лишь духовная часть социального статуса. Выявляется позитивное отношение к волевым и деловым качествам других и негативное – к их личностным особенностям. Весьма показательным представляется отрицательное отношение «консерваторов» к материальным до-

стижениям прошлого и к духовным явлениям нового времени. Как видим, здесь просматривается четкая система установок, своеобразная психология «высоких моральных принципов». Ей соответствует примерно такое высказывание: «В прошлом для нас материальное не было главным, на первом месте было стремление к идеалам; нынешние духовные ценности принять нельзя...». Перед нами раскрывается особая социальная позиция, когда необходимый индивиду уровень самоуважения достигается прежде всего за счет субъективного расширения сферы приобретенного в прошлом духовного, роль которого приобретает самодовлеющий характер. Следует также иметь в виду, что «расширенная» духовность включает в себя не только известные морально-этические и культурные ценности, но также, мало востребованный сейчас, высокий профессионализм, коллективизм и т.п. Коллективистская ориентация: «Мы всегда жили скромно, но честно, с уважением к каждому» – также одна из тех, что лежит в основании непривлекательности (вытесненной привлекательности?) материальных условий жизни в прошлом и отвержении духовной атмосферы переходного периода.

Таким образом, проведенный факторный анализ позволил выделить четыре фактора, отображающих латентные структуры нового социального опыта, которые могут сопрягаться в сознании отдельного индивида, специфическим образом регулируя характер трансформационных процессов.

Фактор «Символизация» отражает появление специфического феномена переходного периода – языковой опыт, когда старые и новые слова объединяются в единый ценностный словарь, благодаря которому осуществляется плавное вхождение индивида в новые социальные отношения в обществе.

Фактор «Интеграция» отражает такую модель социального опыта, когда основным средством освоения нового, повышения статуса является опора на собственные личностные возможности и достижения, высокий уровень принятия себя и окружающих.

Фактор «Принятие» отражает тот факт, что в опыте может существовать изначальная установка принятия/непринятия нового опыта без непосредственной связи со статусом индивида.

Фактор «Категоричность» отражает позицию консервации прошлого опыта, приоритета духовного с целью сохранить необходимый уровень самоуважения на фоне деструктивных, с точки зрения индивида, явлений переходного периода.

Процесс трансформирования социального опыта в переходный период породил ряд новых феноменов, среди которых можно выделить формирующийся по иным, чем прежде, основаниям новый

социальный статус; появление специфического языкового опыта, когда входящие в современный словарь слова-понятия выполняют роль ценностных ориентиров; инвентаризация самооценки и оценки других. Связанные между собой перечисленные аспекты социального опыта определяют характер его структурно-динамической организации в переходный период.

Уровни

Компоненты

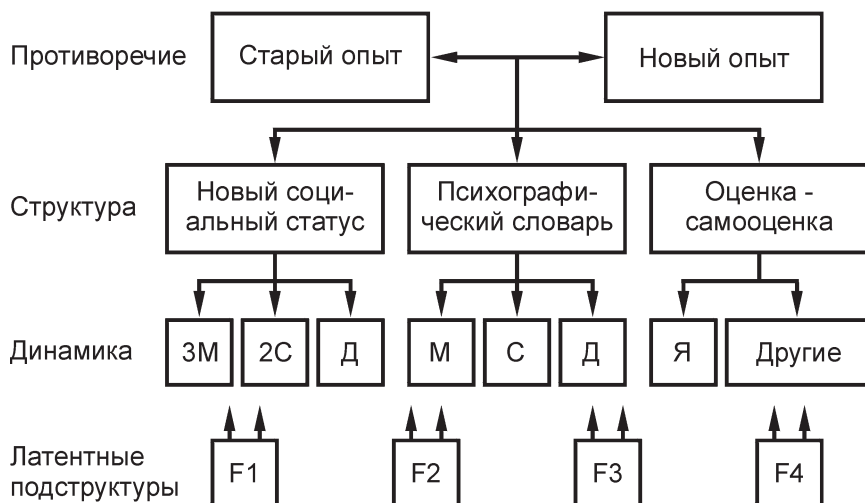

Рис. 8-1

Все изложенные выше зависимости между компонентами социального опыта и социально-психологическими характеристиками индивида можно отобразить в следующей структурно-динамической модели трансформации социального опыта, которая включает такие основные параметры: источник трансформации – противоречия между старым и новым опытом, структурные компоненты, отображающие основные аспекты трансформаций, динамические характеристики, отражающие вес и валентность трансформационных процессов, латентные подструктуры нового социального опыта (см. рис. 8-1).

Глава 9. Реконструкция личностного опыта

Изменение условий жизнедеятельности бесспорно оказывает влияние на личность субъектов переходного периода, вовлекая всех и заставляя многих иными глазами посмотреть на себя, оценить, насколько это удастся, собственные возможности; чтобы далее найти способы адаптации индивидуальных возможностей к новому.

Необходимость изменений в самооценке и оценках других на личностном уровне непосредственным образом касается «Я-концепции», создавая угрозу ее самодостаточности и действительности. Ранее, в разделе 2, мы уже упоминали о сопряженности понятий «Я – концепции» и «опыта».

Я-концепция и опыт по своему психологическому содержанию являются близкими, но не совпадающими понятиями. На их различии необходимо остановиться подробнее, что позволит более четко вычленить предмет и границы нашего исследования трансформаций личностного опыта. В определенной степени задача осложняется отсутствием единой трактовки данного понятия в отечественной и зарубежной литературе.

Обратимся к краткому психологическому словарю: «Я-концепция – относительно устойчивая, в большей или меньшей степени осознанная, переживаемая как неповторимая система представлений индивида о самом себе, на основе которой он строит свое взаимодействие с другими и относится к себе» [143]. Мы видим, что, как и опыт, Я-концепция характеризуется устойчивостью, уникальностью, благодаря ей осуществляется интерпретация себя и других. В некотором смысле Я-концепция, как инструмент самосознания, является как бы рефлексивной надстройкой индивидуального опыта. Но у Я-концепции иная структура, «в которую входят такие составляющие: реальное Я (представление о себе в настоящем времени); идеальное Я (то, каким субъект, по его мнению, должен был бы стать, ориентируясь на моральные нормы); динамичное Я (то, каким субъект намерен стать); фантастическое Я (то, каким субъект желал бы стать, если бы это оказалось возможным)» [Там же].

В отличие от Я-концепции в структуре индивидуального опыта отсутствует сослагательное наклонение. И дело здесь не только в том, что опыт является фиксированной, накопленной характеристикой человека. Опыт, кроме того, должен быть правдивым в отношении индивида к себе и другим: неправдивый (нереальный) опыт нельзя

использовать в жизнедеятельности. Знания, умения, достижения, другие структурно-динамические образования имеют собственные характеристики и играют собственную жизненную роль независимо от их недооценки или переоценки с точки зрения Я-концепции. Именно поэтому опыт выступает одной из детерминант формирования Я-концепции, другой являются идеалы и идеализации личности.

Различие между опытом и Я-концепцией подтверждается следующим фактом. На разных этапах формирования личности, в периоды внутренних кризисов либо резких социальных сдвигов, становится явным расхождение между сложившимся опытом и необходимостью поддержания достаточного уровня позитивной самооценки. Ссылаясь на позицию К.Роджерса, один из основоположников теории развития «Я-концепции», Р.Бернс по этому поводу пишет: «Так возникает расхождение между Я и реальным опытом, иными словами, развивается психологическая дезадаптация. Дезадаптацию следует понимать как результат попыток оградить сложившуюся Я-концепцию от угрозы столкновения с таким опытом, который с ней не согласуется. Это приводит к селективности и искажениям в восприятии или к игнорированию опыта в форме неверной его интерпретации» [39, с.57]. Добавим, что Роджерс, развивая свой клиентцентрированный подход, полагал, что такие расхождения преодолеваются с помощью механизмов психологической защиты.

На приносящая значение защитных механизмов, отметим их не единственность. Здравый смысл подсказывает, что механизм субъективно «оправданных искажений» в ситуации затянувшегося переходного периода, а главное, массового перехода в новое не может быть ведущим, иначе благородное сообщество действительно обретает качество виртуального со всеми признаками «социального безумия».

Саморегуляция жизненной активности невозможна без опоры на индивидуальный опыт. В условиях высокой неопределенности внешних факторов регулирования роль опыта особенно возрастает. В частности, личностный опыт выполняет задачу фиксации таких, прежде может быть малозаметных («покоящихся»), свойств личности, которые становятся наиболее адекватными в новых условиях жизни.

Как уже говорилось, центральным фактором трансформации личностного опыта является столкновение старого и нового. И если во внешней действительности мы можем наблюдать великое множество вариантов перехода индивида «из социализма в рынок и обратно», что является предметом изучения политологии, социологии, политической психологии, то предметом нашего исследования ста-

новится трансформация личностного опыта в виде проявления некоторых фиксированных форм адаптации личности к переходному периоду.

Мы исходим из того, что такие формы активности индивида представляют собой не отдельные феномены, но определенные структурно-динамические образования личностного опыта, имеющие собственное психологическое содержание. Данные трансформативные образования будем для краткости называть трансличным опытом.

Исходная гипотеза состоит в том, что конституирующим для формирования структур трансличного опыта является столкновение старого и нового опытов, порождающее специфическое состояние двойственности индивида в оценке себя, других, адаптации и окружающей действительности.

Выявление трансличных структур опыта, фиксирующих двойственность личности и ее поведения, в общетеоретическом плане основано на имеющихся в философии, социологии, психологии представлениях по этому вопросу.

Проблема двойственности, амбивалентности человеческой природы достаточно традиционна для философии и психологии.

Еще в средние века было развито учение о двойной истине (Ибн Рушд, Дуис Скот, Уильям Оккам), согласно которому наука и религия взаимно независимы и каждая имеет собственное пространство развития [134].

К.Юнг использовал термин «амбивалентность» в смысле «двойной валентности» (двойственности), тяготея к поиску позитивных полярностей. Это соответствовало его тенденции видеть гармонию, возникающую из смещения противоположных элементов. Противоположности он понимал как «неискоренимые и незаменимые предварительные условия всей психической жизни» [312].

Юнг был одним из первых, кто рассматривал проблему двойственности психического как проблему сосуществования полюсов, а не их конфронтации. Для Юнга двойственность, точнее, двухполюсность психики виделась шире, чем только наличие бессознательного и сознательного.

В своей полемике с З.Фрейдом К.Юнг проводит важную мысль, что условием развития психического является не столько отталкивание какого-либо полюса активности, сколько удерживание обоих полюсов. Парадокс состоит в том, что как раз выбор субъектом чего-либо одного создает «опасность разрыва нитей» с реальностью [311].

Впрочем, здесь нельзя впадать и в иную крайность. Процесс одновременного пребывания в противоположных состояниях своим внутренним моментом и целью в конечном итоге имеет выбор

как движение вперед. Двойственность без разрешения ситуации превращается в амбивалентность в клиническом смысле. В норме амбивалентность представляет собой продуктивный процесс накопления опыта, когда понижается порог чувствительности системы и она наиболее интенсивно поглощает внешнюю информацию, подготавливая условия для перехода в новое фазовое состояние.

В аспекте изучения жизненного пути человека двойственность предстает как основные условия противоречивого развития личности. А.К.Абульханова-Славская рассматривает личность в жизненном пространстве в динамике, где личность обретает ряд совершенно новых измерений, предстает в богатстве и многообразии своих противоречивых, сложных проявлений. Способ решения жизненных противоречий характеризует социально-психологическую и личностную зрелость человека. Последняя проявляется в умении соединять свои индивидуальные особенности, свои статусные, возрастные возможности, собственные притязания с требованиями общества. Способность осуществлять это соединение автор и определяет как жизненную стратегию [1].

Изучение жизненного пути индивида, столь актуальное в наше время, пока оставляет без ответа вопросы о том, что же происходит с человеком в процессе расставания с прошлым и освоения нового, какие возможные последствия таит в себе трансформации индивидуального опыта.

Е.И.Головаха и Н.В.Панина описывают такую характерную черту ценностно-нормативных подсистем в условиях посттоталитарного общества как амбивалентность. Амбивалентность проявляется, во-первых, в том, что достаточно распространенными являются взаимоисключающие ценностно-нормативные подсистемы, во-вторых, противоречивые системы ценностей характерны не для разных социальных групп, а фактически для каждой из больших социальных групп, и в-третьих, амбивалентность проявляется в противоречивых сочетаниях ценностей-целей и ценностей-средств. Специфической для нашего общества является посттоталитарная амбивалентность сознания. Имея такой тип сознания, человек одновременно может полностью отстаивать рыночную экономику и установленные цены, свободу передвижения и сохранение режима прописки – люди склонны поддерживать взаимоисключающие позиции [82].

Проблему амбивалентности современного сознания с точки зрения его стереотипов подробно рассматривает В.В.Комаровский. Амбивалентность заключается в том, что одновременно и параллельно как в общественном, так и в индивидуальном сознании сосуществуют патерналистские установки, требования государственной

заботы и опеки и потребность освободиться от давления, контроля, ограничений со стороны государства. И это – естественное состояние сознания в эпоху перехода от тоталитарного к цивилизованному демократическому обществу. Эта амбивалентность характерна для всех социальных групп (хотя и в неодинаковой мере). Автор рассматривает феномен амбивалентности сознания (общественного и индивидуального) как оболочку целого комплекса социальных и психологических явлений.

Современное биполярное общественное сознание, по мнению автора, есть продукт полураспада тоталитарного типа мышления и поведения, ступень в трансформации, в приспособлении общественного сознания к изменяющейся реальности, показатель жизнеспособности общества, показатель готовности к восприятию и адаптации новых ценностей, новых идей и поведенческих реакций. Прогнозируя развитие ситуации, Комаровский делает вывод, что сосуществование различных систем ценностей останется и впредь, хотя развитие общества и менталитета его членов, обретение новой доминанты, видимо, вновь отодвинут расщепленность общественно-го сознания на второй план [133].

Суммируя сказанное выше, можно отметить, что поставленная в современной научной литературе проблема двойственности сознания и поведения в переходный период остается актуальной, так как данный феномен отражает на психологическом уровне основное противоречие переходного периода, и одновременно, а также в силу этого, в двойственности зашифрованы механизмы трансформативных процессов на уровне личностного опыта индивида.

Столкновение старого и нового требует от индивида оценки, точнее, инвентаризации наличных способностей и достижений. Как раз с этой стороны опыт подвергается наибольшему испытанию. Причем речь идет не столько о дефиците нового опыта (последнее всегда переживается с оптимизмом – дефицит можно ликвидировать), сколько о невостребованности старого, что является прямой угрозой самоуважению личности. Самое печальное заключается в том, что, например, неиспользование профессионального опыта множества людей не является объективным признаком либо фактором переходного периода, а почти повсеместно порождено странностями рыночных преобразований «по-нашенски».

Тем не менее, трансформативные процессы должны осуществляться в пределах и логике категориального пространства человеческого опыта.

Если действия, поступки, жизнедеятельность индивида в целом происходят в условиях экономической, социальной и психологической неопределенности, должны возникнуть соответствующие струк-

турно-динамические образования опыта, задача которых состоит в том, чтобы принять эту неопределенность, индивидуализм, изолированность как таковые и зафиксировать в качестве некоторой превращенной формы жизнедеятельности.

«Человеку нужна система координат, некая карта его природного и социального мира, без которой он может заблудиться и утратить способность действовать целенаправленно и последовательно», – подчеркивает Э.Фромм [289].

Что же может представлять собой эта новая система координат? Как говорилось ранее в разделе 2, основным параметром личностного компонента индивидуального опыта является личностный интерпретационный комплекс (ЛИК), благодаря которому осуществляется интерпретация индивидом явлений внешнего мира, других людей и себя. Новая жизнь порождает новые интерпретации. Подчеркнем еще раз – индивид может не все до конца понимать, но должен быть способным обо всем судить. Причем система интерпретаций должна быть зафиксирована в его опыте в удобной, понятной, нереклексивной форме. Другое важное условие: оценка себя и других должна быть согласованной с оценками других, находить у них подтверждение, быть скорее стереотипной, чем уникальной. Таким способом благодаря опыту снимается или снижается упомянутая неопределенность.

Естественно предположить, что выбор и оформление того или иного способа трансформации личностного опыта зависят от личностных характеристик субъекта трансформации. В тех случаях, когда резко меняются условия жизнедеятельности, на первый план выходят характеристики интернальности: брать ответственность на себя либо отдаться стихии жизненных обстоятельств. Дж.Роттер, введший понятие экстернальности/интернальности личностной позиции (локуса контроля), подчеркивал устойчивость данной характеристики личности, сформированной в его прошлом опыте [339]. К.Муздыбаев дает сравнения обоих полюсов локуса контроля: «Если человек большей частью принимает ответственность за события, происходящие в его жизни, на себя, объясняя их своим поведением, характером, способностями, то это показывает наличие у него внутреннего (интернального) контроля. Если же он имеет склонность приписывать ответственность за все внешним факторам, находя причины в других людях, в окружающей среде, в судьбе или случае, то это свидетельствует о наличии у него внешнего (экстернального) контроля» [206, с.44].

Сразу оговоримся, что интернальность и экстернальность никогда не будут оцениваться нами по шкале «лучше – хуже», в том числе и в отношении успешности адаптации индивида к новым условиям жиз-

ни, чтобы избежать обвинений в своего рода меритомании (кто более матери-истории ценен?), столь характерной для публицистики переходного периода. В свое время Р.Мертон выступил в защиту экстернатности. Он подчеркивал, что тенденция верить в судьбу, стратегия пассивности исполняет функцию поддержки необходимого уровня самоуважения личности при наличии жизненных трудностей [332].

Переходный опыт может по-разному формироваться и в зависимости от доминантного типа реакций индивида на фрустрирующие его ситуации. В самом деле, как лучше себя вести перед возникшей преградой – конструктивно или деструктивно, наступать или отступать – при условии, что новая психология межличностных отношений только формируется, а привычные формы реагирования неожиданно не срабатывают.

Как можно предположить, трансформации на уровне личностного опыта произошли также и в оценке субъектом себя и других. Социально-психологические феномены изолированности, индивидуализма, стимулированные явившейся социальной свободой, признаются всеми. При этом, как это часто бывает, они введены в ранг самоочевидных, из-за чего недостаточно внимания уделяется изучению порождающего их психологического механизма.

При попытке продвинуться в этом направлении мы обнаруживаем, что утрата либо ослабление связей коллективистического плана, появление новых типов группового взаимодействия с необходимостью меняют у людей самооценку и оценку других. Вне зависимости от того, плохо или хорошо люди понимают логику переходного периода, на пути к такому пониманию они прежде всего приходят к новой интерпретации личностно-межличностного пространства взаимоотношений в обществе.

Возникает конкретная задача выяснить, как и в каком направлении трансформировался личностный интерпретационный комплекс субъекта переходного периода, а в более широком плане – какой психологический механизм стоит за социальным феноменом изоляционизма.

Таким образом, сформулированная нами общая задача выяснения механизмов трансформации личностного опыта в переходный период оказывается составленной из нескольких задач:

1. Выяснить, что выступает в личностном опыте в качестве превращенной формы главной коллизии переходного периода – столкновения старого и нового опытов.
2. Выяснить, каковы роль и место личностных характеристик субъекта переходного периода в процессах трансформации личностного опыта.

3. Выяснить, каковы особенности межличностных аспектов трансформации личностного опыта.

Кроме того, были поставлены две задачи обобщающего плана:

1. На основе полученных данных путем их факторизации попытаться выявить латентные структуры личностного опыта, специфичные для периода его трансформации.
2. Создать обобщенную структурно-динамическую модель трансличностного опыта.

В соответствии с поставленными задачами была разработана положенная в основу экспериментальной программы методика, получившая название «Двойной личностный стандарт», посредством которой выявлялась специфика взаимоотношений старого и нового опытов.

Несколько слов о ее конструктивных особенностях. Опросник «Двойной личностный стандарт» (ДЛС) представляет собой список утверждений, отражающих три аспекта личностного опыта: предметный (интерпретация профессии, работы, материального обеспечения и т.д.), поведенческий (интерпретация уклада, привычек, рыночных отношений, характерологических особенностей себя и окружающих и т.д.), мировоззренческий (интерпретация жизненных установок, религии, политики, общечеловеческих ценностей и т.д.). Утверждения предварительно конструировались по парам, описывающим характеристики старого и нового опытов. (В самом опроснике альтернативы были пространственно разведены.) Приведем несколько примеров: а) «Если у тебя уже есть профессия, то ее нужно использовать, а не кидаться из стороны в сторону» – б) «Сейчас ценятся совсем другие профессии. Нужно быстрее осваивать то, что пользуется спросом»; а) «Нужна уверенность, что если заболеешь – без лекарств и без врачей не останешься. Медицина должна быть бесплатной» – б) «Врачи такие же люди и им нужно платить из своего кармана. Лечиться даром – даром лечиться»; а) «Всегда терпели и будем терпеть, чтобы сохранить в стране порядок и спокойствие» – б) «Обнищавший народ имеет сегодня полное право на любые формы протеста»; а) «Нужно всем желающим выделить огороды, чтобы люди могли застраховаться от нищеты» – б) «Если все будут копать на огородах, мы никогда не выйдем из нищеты».

Дополнительно измерялись личностные параметры интернальности (методика УСК), способности, умения и достижения (методика «Стоимость»), реакции фрустрации (тест Розенцвейга), самооценка, оценка других в двух вариантах: «Люди раньше» и «Люди сейчас» (метод семантического дифференциала (СД)). Последнее давало воз-

возможность измерить не только диспозицию «Я – другие», но и проследить динамику трансформации на отрезке большем, чем время переходного периода.

На основе полученных результатов был проведен анализ соотношения ответов на парные вопросы по методике «Двойной личностный стандарт» (ДЛС). Подсчитывалась разница между показателем согласия с утверждениями, описывающими старый и новый опыт. Такой подсчет был произведен по всему массиву ответов (по всем испытуемым и по всем парам утверждений). Кроме того, были подсчитаны показатели по отдельным сферам опыта (предметной, социальной и мировоззренческой).

Выяснилось, что действительно есть такие пары утверждений, где наблюдается сильное смещение оценок к какому-либо одному полюсу. Такая униполярность связана с неприятием одного из парных утверждений. Так, например, слабо принимается утверждение «Теперь я стал таким бережливым, что это иногда доходит до скупости» и остается устойчиво высоким согласие – «Я никогда не был жадным» или слабо принимается: «Работать на низкооплачиваемой работе нет смысла. Никогда не выберешься из этой рутины. Лучше искать способы зарабатывать больше, хоть это никак и не гарантировано» и поддерживается – «Лучше иметь хоть небольшой, но регулярный и гарантированный доход».

Но половина всех высказываний (49%) оказались такими, когда принимались оба утверждения. Это явление одновременного принятия и непротиворечивого удерживания двух противоположных высказываний, суждений, установок, позиций мы назвали феноменом бимодальности. Необходимым внешним условием возникновения бимодальности является амбивалентность (двойственность) поведения, личностных позиций либо условий жизнедеятельности индивида. Остановимся подробнее на различии в психологической природе амбивалентности и бимодальности.

Амбивалентность в рамках аналитической психологии (К. Юнг), как и в современном контексте социопсихизма (Е. Головаха и др.) рассматривается как процесс либо свойство, либо состояние человека. Вследствие сложного амбивалентного взаимодействия противоположных состояний психики в индивидуальном опыте формируется специфическая структура, которую мы называем бимодальной структурой. Бимодальность является фиксированной в опыте формой амбивалентности. Однако сама по себе амбивалентность не всегда приводит к возникновению бимодальности. Возникающее у индивида под воздействием внешних причин состояние двойственности действительно порождает психическое напряжение и даже

естественный драматизм, как всякая ситуация личностного выбора. Сам же выбор, как снятие проблемы, может происходить двумя путями. Один из них, часто принимаемый за единственный, связан с выбором индивидом одной из возможных двух сторон (валентности). Отсутствие такого выбора или уход от него нередко интерпретируется как способ «загнать ситуацию вглубь» и даже как предтеча последующего похода клиента на прием к психоаналитику.

Против такого упрощения предупреждает К.Юнг: «Душа далеко не является однородным целым – напротив, она представляет собой кипящий котел противоречивых порывов, запретов, эффектов... Единство сознания или так называемой личности – отнюдь не реальность, а лишь желаемое» [310, с.242].

Второй, «бимодальный» путь выхода из состояния двойственности становится реальностью в случае, когда противостояние сторон разворачивается во времени, соизмеримом с масштабами жизненного пути, приобретает системный характер, захватывая множество сторон жизнедеятельности.

Часто высказывается такое мнение о переходном периоде: «мы решительно отвергли прошлый опыт, но все еще не приобрели новый». Тем самым речь идет о некоей зоне неопределенности, пространственно-временного разрыва жизненного пути субъекта переходного периода. Будучи более менее приемлемым в социокультурном смысле, такое представление требует серьезных уточнений на психологическом уровне, так как становится совершенно непонятен способ существования субъекта: он есть или уже исчез, попытавшись преодолеть пропасть в два прыжка. В реальности у него есть два способа адаптации к слишком быстрым изменениям: либо принять поступательно-возвратную стратегию выбора одного из крайних состояний, либо найти способ одновременного пребывания в двух состояниях. Момент санкционирования отношения к двойственности как норме становится началом формирования бимодальности как структурно-динамического образования личностного опыта переходного периода. Феномен бимодальности является универсальным, его происхождение не может быть объяснено индивидуальными различиями людей.

Между тем, факт одновременной поддержки индивидом двух противоположных мнений невольно подталкивает нас к мысли о конформизме таких людей. Однако это не так. Конформизм/нонконформизм личности отражает меру трудности перехода от одной личностной позиции к иной, отличной от прежней. В Кратком психологическом словаре говорится: «Конформность фиксируется там, где имеется конфликт между собственным мнением индивида и мне-

нием группы, к которой он принадлежит, если преодоление этого конфликта осуществляется путем согласия с мнением группы» [143, с.154]. Как видим, речь идет об одномодальных трансформациях личностных позиций, однозначном выборе. В нынешней ситуации стихийной консолидации мнений у различных групп и слоев населения конформизм как личностная установка несомненно способствует адаптации человека в зависимости от ситуации, но сдерживает его возможности в плане выработки собственной стратегии поведения в социуме.

Другим измерением человека переходного периода, ставшим демонстративным в нынешнее время как противоположность конформизму, является степень автономии личности (Д.Рисмен, Т.Шибутани).

«Когда между групповыми нормами и тем, что человек рассматривает как его законные прерогативы, возникает расхождение, наблюдаются значительные различия в поведении, начиная от безусловной уступчивости и кончая непреклонной автономией», – пишет Т.Шибутани [303, с.255]. Он также обращает внимание на то, что в различных сообществах и культурах полюса уступчивости или автономности могут быть по-разному востребованы.

Специфика переходного периода отражается в том, что одинаково убедительно звучат слова и о новом типе самостоятельной личности, и о так необходимой толерантности, плюрализме. Феномен бимодальности показывает, что автономность и конформизм совместимы в одном человеке.

Объяснение психологического механизма такой совместимости можно найти у К.Роджерса. Как отмечает Роджерс, всякий человек «постоянно действует с позиции образцов, которые должны навязываться его поведению. Это не обязательно значит, что он должен всегда соглашаться с мнением остальных. Он может, конечно, попытаться действовать вопреки ожиданиям других людей. Однако, несмотря на это, он действует с позиции ожиданий других людей (часто отраженных в нем)» [236].

Таким образом, конформизм и автономия не являются непосредственной оппозицией бимодальности. И конформизм, и автономия, и амбивалентность представляют собой различные адаптивные механизмы поведения человека. В нашем случае не важно, являются ли они внутренними характеристиками личности или детерминированы ситуацией. Представляется, что бимодальность как форма фиксации переходных процессов вбирает в себя определенные аспекты разных механизмов адаптации, выполняя главную функцию стабилизации поведения индивида в изменяющихся условиях

жизни. Когнитивная, эмоциональная, поведенческая составляющие жизнедеятельности на уровне индивидуального опыта воплощаются в виде специфического интерпретационного комплекса, своего рода временной на переходный период «теории жизни», в основе которой заложен двойной стандарт в оценке окружающей действительности.

Индивидуальное сознание по своей природе не допускает какого-либо разрыва собственных структур и во времени, и по содержанию. Отсюда, непрерывным является и индивидуальный опыт. Разрушение привычных форм поведения и переход индивида в новое качество жизненной активности не может не породить соответствующие превращенные формы опыта, призванные обеспечить условия непрерывности перехода, выполняя задачу стабилизации в нестабильном.

Драматизм ситуации снимается за счет приобретения индивидом «опыта драматизма». В этом случае амбивалентность как внешнее превращается во внутреннее в виде своей превращенной формы – бимодальности. С этого момента двойная оценка неких материальных либо духовных объектов перестает быть вынужденной, зависящей от ситуации, странной и неприличной, но становится закономерной, естественной, тем самым обеспечивая так необходимое индивиду время для адаптации, а также стабильность и постепенность процессов интеграции нового опыта и реинтеграции старого.

Опыт переходного периода или, назовем более удобно, переходный опыт становится самостоятельным структурно-динамическим образованием жизнедеятельности *Homo transitus*.

Когда мы говорим о позициях принятия и непринятия нового, речь не идет о какой-то разграничительной линии «или/или». Скорее имеется в виду некое общее состояние установки, вбирающее обе стороны одновременно. В реальности невозможно встретить человека, полностью (абсолютно) относящего себя к одной позиции, как бы при этом он сам себя не оценивал, а речь идет об интенсивности столкновения позиций и балансе между принятием и непринятием. Отсюда, бимодальность не является феноменом лишь переходного опыта, в этом случае она лишь выдвигается на первый план, востребованная как средство адаптации к переходному периоду.

Результаты распределения ответов в зависимости от разницы между показателями по утверждениям, описывающим старый и новый опыт соответственно, представлены в табл. 9-1.

Из таблицы видно, что преобладают ответы, где прошлый и новый опыт представлены в равной степени: $S=H$ (48,92%). На втором месте по частоте ответы, где прошлое выражено больше, но новый опыт уже присутствует: $S>H$ (24,07%), на третьем месте – ответы,

где преобладает новый опыт, но присутствует и прошлый опыт: $C < H$ (13,86%), и реже всего встречаются ответы со значительным преобладанием прошлого или нового опыта (соответственно $C >> H$: 9,77% и $C << H$: 3,38%).

Таблица 9-1

Сферы опыта	$C >> H$	$C > H$	$C = H$	$C < H$	$C << H$
Предметная	10,56	27,59	47,63	12,5	1,72
Социальная	8,19	19,18	48,49	18,53	5,6
Мировоззренческая	10,56	25,43	50,65	10,56	2,8
Общий показатель	9,77	24,07	48,92	13,86	3,38

При анализе показателей по сферам опыта обнаруживается, что переход от старого к новому легче всего происходит в социальной сфере. Влияние прошлого опыта в социальной сфере выражено меньше, чем в предметной и мировоззренческой.

Тот факт, что принятие нового опыта легче всего происходит в социальной сфере, свидетельствует о том, что именно в процессе общения и взаимодействия с другими людьми наиболее естественно, часто на уровне подражания, происходит «подключение» индивида к новым формам жизнедеятельности. Предметная сфера более консервативна, т.к. она затрагивает профессионально-деловые характеристики личности, приобретенные в прошлом, которые защищаются и сохраняются в первую очередь. Через мировоззренческую сферу переход не может осуществляться в полной мере, т.к. она только в целом подготавливает человека к новому, но прямо не приводит к непосредственному освоению нового опыта. Чаще всего освоение нового не идет дальше понимания глобальных изменений в окружающем мире – в религии, законах, социально-экономическом устройстве, политике и т.п.

Проникновение индивида в новое через социальную сферу происходит по типу копирования способов поведения более успешных индивидов, чего недостаточно в материальной сфере (из-за отсутствия развитой рыночной инфраструктуры), равно как и в мировоззренческой (отсутствие прямого социального воздействия). В сфере социального взаимодействия, включающей довольно сложные механизмы социальной адаптации и научения, сам процесс освоения нового происходит более гармонично, без видимых усилий на уровне деятельностного опосредования отдельных членов социальных групп. В итоге происходит произвольное усвоение элементов нового личностного опыта.

Таким образом, эксперимент показал наличие феномена бимодальности – одновременного непротиворечивого существования двух противоположных форм поведения как одного из способов адаптации индивида к ситуации столкновения старого и нового опытов.

Феномен бимодальности встречается часто, почти в половине высказываний, но, вместе с тем, он не является подавляющим. То или иное личностное отношение к старым и новым условиям жизни отражает разные установки, личностные позиции, стратегии поведения и, в итоге, типы трансформации личностного опыта участников переходного периода.

Гипотетически возможное разнообразие позиций индивида сводится к стандартным четырем, которые и определяют индивидуальную стратегию адаптивного поведения (см. табл. 9-2):

Проведенный эксперимент позволил выявить две самостоятельные стратегии адаптивного поведения: «вовлеченность» и «конкуренция».

Первый тип трансформации – вовлеченность – характеризуется высоким уровнем принятия ситуаций, независимо от того, к какому опыту они относятся. Выражается суммарной оценкой по всем утверждениям по методике ДСЛ.

Конкуренция характеризуется уровнем приоритетности старого или нового опыта в оценке себя и других в той или иной ситуации. Выражается суммой разниц между показателями старого и нового опытов по методике ДСЛ. В табл. 9-2 конкуренция объединяет второй и третий типы трансформаций личностного опыта, где приоритет старого или нового является вторичным по сравнению с фактом конкуренции личностных позиций.

Таблица 9-2

	Старый опыт	Новый опыт	Стратегия
1	Принимается	Принимается	Вовлеченность
2	Принимается	Отвергается	Конкуренция
3	Отвергается	Принимается	Конкуренция
4	Отвергается	Отвергается	Нигилизм

Четвертый тип трансформации – нигилизм – фактически является «низкой вовлеченностью», выделяется автоматически при подсчете показателей вовлеченности. В данном эксперименте позиция отвержения «всего» систематически выражена не была и была равномерно рассеяна по всему массиву данных. Вместе с тем, нельзя, по-видимому, утверждать, что феномен нигилизма исчезающе мал. Другие наши исследования (1998 г.) по поводу трансформаций политических ориентаций в переходный период показали устойчивость

явления анархизма и эскапизма (10-13% выборки). В ходе дальнейшего анализа первый и четвертый типы стратегии будут объединены нами в одной шкале с полюсами вовлеченности: высокая – низкая.

Проведем сравнение стратегий вовлеченности и конкуренции.

Анализ показал, что за данными стратегиями стоят разные подструктуры трансличного опыта, которые являются самостоятельными образованиями, прямо между собой не связанными (корреляция отсутствует).

Более общая аргументация сводится к следующему. Кризис индивидуального опыта ставит индивида перед необходимостью его трансформации. В противном случае опыт перестает соответствовать условиям и задачам жизнедеятельности. Существует возможность выбора той или иной стратегии: а) принятие и удержание нового и старого – стратегия «и/и»; б) отстаивание одного из видов опыта и дискредитация другого – стратегия «или/или». Обе названные стратегии, в отличие от стратегии «нигилизма», являются целесообразными, конструктивными, активными, валидными трансформативным условиям переходного периода. Решающим доказательством в пользу сказанного является просто факт их представленности в эксперименте и реальной жизни. Отметим еще раз, что, как нам представляется, любые оценочные характеристики трансличного опыта по шкале «хорошо – плохо» являются преждевременными на данном этапе исследования. Точно так же в теоретическом плане не бывает хорошего или плохого индивидуального опыта.

Статистический анализ показывает, что данные стратегии не разделяют сколько-нибудь выразительно испытуемых на отдельные группы. Последнее связано с наличием определенной части испытуемых, которые статистически должны были быть отнесены сразу к двум типам стратегий, т.к. имели средние результаты по показателям и «вовлеченности», и «конкуренции». Такой особый смешанный тип трансформаций опыта в рамках настоящего исследования специально анализироваться не будет. Вместе с тем, они так же, как и стратегии «вовлеченности» и «конкуренции», отражают различные подструктуры личностного опыта.

Вовлеченность (стратегия «и/и») является комплексным показателем и имеет личностный смысл, связанный с понятием «интерес». «Бескорыстный интерес к познанию, к самовыражению выводит человека всегда за границы уже известного – в зоны риска и ответственности и за себя, и за других» – пишет А.К.Дусавицкий, подчеркивая стержневую роль данного параметра личности в ее развитии [99]. Переходный период ставит перед индивидом трудную задачу в плане вовлеченности. С одной стороны, как писал Э.Фромм:

«Человек не позволяет, чтобы его считали пассивным объектом, он не хочет утратить свою субъективность, свое «Я». А для этого он постоянно поддерживает в себе и создает для окружающих ощущение своей дееспособности, т.е. он все время должен «действовать»; в современных терминах это означает «быть эффективным» [288, с.205]. С другой стороны, специфика нынешнего переходного периода состоит в его растянутости во времени, но, главное, в незавершенности решений большинства возникающих задач. Поэтому важен идущий от личности внутренний стимул – интерес, который сам тоже проходит испытание на «длительность».

Высокие показатели вовлеченности проявляются в заинтересованности индивида в оценке и контроле как можно более широкого круга событий, социальной и психологической мобильности, гибкости, относительной свободы от стереотипов, широте и разнообразии личного интерпретационного комплекса.

Низкая вовлеченность свидетельствует о низком уровне социальной активности, эскапизме, депрессии, повышенной тревожности.

Сам термин «вовлеченность» не является новым. В политологии под вовлеченностью понимают зависимость личности от наличествующих социально-политических структур и окружающего их морально-психологического климата. Термин был введен Ж.-П.Сартром. По Сартру, вовлеченность – это «качество, производное от заброшенности человека в мир, от иногда противных его воле, но не устранимых связей с социумом» [224].

В такой экзистенциалистской трактовке вовлеченность выглядит скорее как обреченность, результат насилия извне. Нам бы хотелось говорить о вовлеченности как способе взаимодействия с миром, когда всех примиряет парадокс: вовлекаясь в новую жизнь, даже увлекаясь ею, индивид таким способом только и делает собственный мир и личный опыт уникальными.

Другой тип трансформации личностного опыта не случайно назван «конкуренцией». Было бы упрощением рассматривать избранную ориентацию на старый или новый опыт как некоторое отсекание противоположного. В реальности такая вивисекция оказывается нежизнеспособной, в чем субъект, ставший на такую позицию, каждый раз убеждается. Целесообразность конкурентной позиции заключается в сохранении уже накопленного, либо, напротив, в быстром освоении нового. Ее продуктивность определена наличием непрерывного диалога с оппозицией, которая только на первый взгляд представляется внешней, на самом деле поле конкурентной борьбы находится внутри индивида. Свой суверенный индивидуальный опыт он не станет и не сможет разорвать на старый и новый.

Вместе с тем, в случае приоритета прошлого, индивид обращен в его сторону, отстает от него, в крайних случаях полностью погружен в него. Приоритет нового выражается в активной позиции при освоении нового и разрушении старого. В обоих этих случаях происходит экстернизация внутреннего плана конкурентного взаимодействия (опыт) во внешний план конкурентного отвержения (жизнедеятельность).

Дополнительные факты, раскрывающие психологическое содержание подструктур вовлеченности и конкуренции, были выявлены благодаря корреляциям с некоторыми личностными параметрами.

Была обнаружена прямая связь вовлеченности с параметром «стоимости»: чем большую вовлеченность обнаруживал испытуемый, тем выше была его суммарная оценка собственных достижений, умений, навыков. По-видимому, вовлеченность как личностная активность стимулируется высокой оценкой себя как владеющего знаниями, умениями, материальными достижениями, теми, что субъективно выделяют данную личность среди других. С другой стороны, чем больше человек наблюдает, оценивает, понимает и контролирует события в окружающем мире, тем, как он уже знает из своего опыта, он имеет больше достижений. Таков, с точки зрения индивида, эффективный путь к успеху и самоуважению.

Здесь мы затрагиваем проблему разной предуготованности структур прошлого опыта к ассимиляции нового. В данном конкретном случае накопленная ранее стоимость (можно сказать – «себестоимость» в смысле Хоманса) способ своего повышения, в крайнем случае, удержания на прежнем уровне находит в вовлеченности.

При низком уровне стоимости отношение индивида к жизненным ситуациям, возникающим в переходный период (и из старого, и из нового опыта), приглушенное. Это выражается в низкой оценке обеих противоположных ситуаций, что в результате дает низкий показатель вовлеченности.

Показатель конкуренции оказался связанным с общим показателем интернальности по методике УСК. Интерналы, как правило, более динамичны в освоении нового, однако они же расположились по краям шкалы: «старый опыт – новый опыт». Тем самым выяснилось, что активная позиция, принятие ответственности на себя и активное принятие нового связаны между собой далеко не во всех случаях. Интерналы не менее активно способны отстаивать старое. Последнее вызывает достаточно ассоциаций из общественно-политической жизни. Переходные процессы преобразуют прежде всего жизнедеятельность человека. Опыт же является лишь превращенной формой трансформаций жизни, личности. Выполняя свою главную задачу стабилизации нестабильного, личностный опыт лишь

внешне неожиданно выступает не совсем «в духе времени», обеспечивая приоритетность кому старого, кому нового опыта. Во всяком случае выяснилось, что как стратегия «и/и», так и стратегия «или/или» вполне жизнеспособны в условиях переходного периода.

Как мы и предполагали, при анализе данных в оценочно-самооценочной сфере было обнаружено явление, которое мы назвали общим негативным сдвигом в оценке других.

Результаты измерений показали, что испытуемые оценивают других людей («люди сейчас») гораздо ниже, чем себя. Также получено значимое различие между оценкой «людей раньше» и «людей сейчас» и оценкой себя и «людей сейчас» ($p < 0,01$).

Психологический смысл негативного сдвига может заключаться в следующем. Человек, для которого общая ситуация является в целом негативно окрашенной, переносит негативное на окружающих. При этом сфера «Я» не меняется. Индивид сохраняет свою идентичность за счет поддержания высокой самооценки.

Негативный сдвиг отражает неосознаваемые попытки индивида приспособить возникшую ранее систему личностных интерпретаций к новым формам поведения. Так как для большинства людей адаптация к новой жизни, реконструкция правил поведения происходит незаметно (социальные, межнациональные, культурные, профессиональные, материально-денежные и другие отношения), то, как правило, данные изменения не контролируются и, следовательно, себе не приписываются.

Возникает довольно своеобразная в смысле межличностного взаимодействия ситуация: каждый индивид оценивает нынешнего себя лучше, чем нынешних других, которые повсеместно ухудшились. Возникает специфическая для переходного периода повсеместно-круговая «игра на понижение» личностной ценности всех. При этом каждый отдельный индивид осознает возникшую ситуацию лишь частично, справедливо для себя полагая, что мнение окружающих о нем («хорошем») не должно было измениться. В социальном плане набирает силу феномен межперсонального взаимодействия по типу: «Против кого дружить будем» – питательная среда для экстремизма и остракизма.

Существуют два возможных аспекта анализа феномена общего негативного сдвига. Проанализируем первый факт: «сейчас люди стали хуже, чем были раньше». Вообразим переходное общество, в котором лишь негативный сдвиг и является господствующим социально-психологическим явлением. Последнее не есть чистая абстракция, напротив, такой сдвиг является реальностью, со своим потенциалом и энергетикой, о чем свидетельствует хотя бы нетоле-

рантность больших масс людей в отношении к другим нациям, этносу, культуре, негативизм населения в отношении к власти и т.п. Налицо социально-психологическая дисгармония, угрожающая стабильности в обществе.

Е.И.Головаха и Н.В.Панина отмечают, что «среди социальных патологий, закономерно разрастающихся и определяющих особенности общественной организации в условиях социальной нестабильности, существенное место принадлежит нетерпимости по отношению к «чужим», которые в ситуации кризиса начинают выполнять функцию «козла отпущения», подвергаясь психологической изоляции, а в наиболее тяжелых обстоятельствах – массовым репрессиям» [82, с.105].

К счастью, приведенные здесь соображения раскрывают лишь одну сторону проблемы негативного сдвига в оценке других. Если верно, что специфической характеристикой переходного опыта является его бимодальность, можно предположить наличие у индивида субъективных оценок, реабилитирующих личностные качества окружающих. Такая реабилитация нужна прежде всего самому «негативисту» как способ снятия внутреннего эмоционального напряжения. Ясно, что такому значительному изменению в интерпретации других индивид будет пытаться найти простое и понятное объяснение, одновременно являющееся как бы объективным и зависящим от воли самих окружающих.

Такое объяснение индивидом было найдено: «Это только сейчас люди вынужденно стали такими, раньше они были нормальными, хорошими; их вины в этом нет». Ситуация признается хотя и ненормальной, но временной, поэтому в ней заложен потенциал обратного движения индивида к пониманию неестественности собственных негативных оценок. Отсюда преобладающей в оценке других является позиция «плохие и хорошие». Бимодальность становится фактором, стабилизирующим процессы межличностного взаимодействия.

Рассмотрим второй факт внутри проблемы негативного сдвига: диспозиция «Я – другие сейчас», когда «Я» оценивается значимо выше, положительно в отличие «других сейчас». Данная установка явно не является психологически устойчивой. Ведь не считает же в самом деле каждый из нас себя лучше всех других, наши реальные межличностные отношения не основаны на такой установке. Более того, если бы индивид оказался в орбите гипотетического сообщества «плохих», у него немедленно внутри включился бы механизм приписывания каждому положительных качеств. Возникает тот случай, когда объяснение данному феномену «осуждения всех» нужно, по видимому, искать за пределами самооценки как таковой.

Интерпретационные комплексы личностного опыта осознаются индивидом как уникальные и суверенные. Однако при этом наиболее характерной для личного интерпретационного комплекса оказывается неререфлексируемая индивидом сопряженность собственных интерпретаций с интерпретациями, принятыми в данном социуме. Развивая мысль о системе ценностных ориентаций и координатах природного и социального мира человека, Э.Фромм пишет: «Кто-то может отрицать, что у него есть мировоззрение, кто-то может утверждать, что не нуждается в общей картине мира, что он реагирует на различные феномены и события в зависимости от того, как он их воспринимает в этот миг. Но нетрудно доказать, что эти люди ошибаются в оценке своей собственной философии: каждый из них считает, что это его личные взгляды, которые просто соответствуют здравому смыслу. Никто из них не замечает, что все его мысли не выходят за рамки общепризнанных представлений» [288, с.200]. Таким образом, негативный сдвиг в отношении к другим представляет собой не что иное, как автоматическое отражение совокупности суждений, принятых в социуме на «сегодня».

В дополнительной серии экспериментов мы изменили процедуру измерения и предложили испытуемому оценить какого-либо конкретного известного ему человека (не обязательно из референтной группы). Можно было убедиться в том, что такая оценка не включает в себя фактор негативного сдвига. Итак, налицо двойной интерпретационный стандарт. Здесь мы снова обнаруживаем явление бимодальности, в данном случае на оценочно-самооценочном уровне. Трансформация личностного опыта пошла по пути не просто действительно имеющего место негативного сдвига в субъективной оценке других. Такой способ адаптации к постоянно меняющимся условиям жизни не может быть единственным, так как тогда ситуация действительно управляет индивидом, опережает его, в результате зависимость от социума становится главной характеристикой его бытия. Бимодальность оказывается иной и возможно единственной плавной формой переходного опыта, когда индивид пользуется новой, принятой всеми, системой оценок других, которая реально действует, но и одновременно сохраняет накопленную ранее систему положительных личностных интерпретаций.

Мера негативного сдвига в оценке других оказалась в обратной зависимости с показателем «вовлеченности». Отсюда следует, что необходимым условием возникновения «двойного стандарта», который индивид субъективно принимает как непротиворечивый, является его вовлеченность в тот период жизнедеятельности, в котором такая двойственность возникает и сохраняется. В случаях кон-

курентной позиции преобладающим оказывается негативный сдвиг в оценке других: у сторонников старого опыта – больше, у сторонников нового – меньше.

Приведем результаты пошкального анализа различий в восприятии и оценке других людей в целом по выборке. Были выделены личностные интерпретационные комплексы (ЛИК) «людей раньше» и «людей сейчас». Обнаружилась прямо противоположная картина. В ЛИК «людей сейчас» вошли исключительно негативные характеристики, а «людей раньше» – позитивные. Причем целый ряд характеристик изменился на прямо противоположные: если «люди раньше» воспринимаются скорее как добросовестные, добрые, отзывчивые, справедливые, спокойные, дружелюбные, уверенные, честные и невозмутимые, то «люди сейчас» – скорее как безответственные, эгоистичные, черствые, несправедливые, суетливые, враждебные, неуверенные, неискренние и раздражительные. Кроме того, из «несимметричных» качеств в стереотип «людей раньше» попали такие качества как «обаятельные и общительные», а в ЛИК «людей сейчас» – упрямые, замкнутые и напряженные, что также укладывается в общую картину.

Проведенный далее корреляционный анализ позволил выявить различие в оценке других людей интерналами и экстерналами. Интерналы оценивают других более сглаженно: «людей раньше» не так высоко, положительно и «людей сейчас» не так низко, отрицательно, как испытуемые-экстерналы. Экстерналам свойственны более крайние, высокоградиентные оценки других людей.

Подводя итоги, можно сказать, что негативный сдвиг в оценке других является не просто феноменом индивидуального сознания переходного периода, но так же, как вовлеченность и конкуренция становится структурно-динамической характеристикой трансличного опыта. Негативные интерпретационные комплексы реально влияют на формирование оценочно-самооценочной сферы индивида.

Драмагизм и «историческое значение» данного явления не следует преувеличивать. Негативный сдвиг действительно стал достоянием массового сознания, им подпитывается и на нем замыкается. В то же время он не может стать фактором, способным привести к радикальной перестройке индивидуального опыта.

Массовое сознание советских людей в значительной мере формировалось на основе разного рода стереотипов. Одним из самых устойчивых оказалось представление о примате коллективного – основного принципа формирования социалистического общества. Нынешние реминисценции о светлой жизни в коммунальных квартирах призваны подтвердить мысль об утраченной коллективности.

Подозрения по поводу достоверности и единственности таких представлений возникают, если вспомнить, что тоталитарное общество на самом деле более всего формировало сообщество «винтиков», социетальность которого задавалась субординацией (государство, партия) и лишь дополнялась координацией (коммунальная квартира, хоровое пение). Поэтому в действительности нужно говорить о примате вертикальных отношений над горизонтальными.

В отличие от массового, индивидуальное сознание не основывается на преобладании одного лишь коллективного. Значимым является стремление индивида к балансу социального и индивидуального в его жизнедеятельности. В тех же коммунальных квартирах всякий раз немедленно воспроизводились формы бытовой и личностной индивидуации. Прошлый опыт советского человека в одинаковой мере хранит как систему материального и духовного «обобществления» индивидов, так и стремление каждого выйти за пределы такой системы.

Поэтому к началу нынешнего всеобщего переустройства общество находилось в состоянии высокой готовности к индивидуализации жизни его отдельных представителей. В то же время, ценности смутно представляемого капитализма «по Драйзеру – Шварценеггеру» не могли существенно войти в личностный опыт постсоветского человека. Для большинства реальным было движение не к себе новому, а от себя прошлого. То, что многим аналитикам казалось фазовым переходом, на самом деле оказалось качанием маятника общественного сознания, который с той же неумолимостью начал обратный ход. Данное колебание, а также то место, в котором в настоящее время пребывает сообщество, демонстративно отражено в современном психографическом словаре: мы уже не «товарищи», но еще не «господа», поэтому различные «ответработники» нас, когда требуется всех сразу, к месту и не к месту называют «земляками», «соотечественниками», «коллегами», «друзьями». Адекватное слово-имя, впрочем, как и понятие, отражающее сущность индивида переходного периода, пока не найдено.

Качания маятника в координатах «индивидуальное – коллективное» не является однородным и однонаправленным. Соответственно наметившемуся расслоению в обществе уже выделились самостоятельные «маятниковые подструктуры». Например, с началом какого-либо экономического кризиса, задающего маятнику обратный ход, средний класс от осознания «мы – люди нового времени» возвращается к первоначальной личностной позиции «надейся на себя, работай локтями»; наоборот, люди, для которых реформы обернулись длительными материальными потерями, в тот же кри-

зисный час выходят из состояния изоляционизма, начинают больше общаться друг с другом, надеясь вместе найти выход из создавшегося тупика. Негативный сдвиг как примета переходного периода остается – меняется адресат его носителей.

Бимодальность как феномен неконфликтного сосуществования в сознании человека альтернативных форм переходного опыта в широком социально-психологическом аспекте, и, тем более, с учетом внешних поведенческих характеристик застигнутого врасплох жизнью субъекта переходного периода, в определенной мере противоречит известным тезисам о массовой и индивидуальной социопсихопатологии, которая якобы набирает силу на фоне социально-экономических трудностей, кардинальных сдвигов в обществе. Изречение: «плюрализм в разных головах – это хорошо, плюрализм в одной голове – это шизофрения» с безответственной легкостью произносят уже дикторы с экрана телевизора. Поэтому, на наш взгляд, существует необходимость еще раз коснуться общих психологических аспектов этой проблемы.

Данные нашего исследования показывают: то, что в социальном плане выглядит и воспроизводится как драматическое почти по всем направлениям общественной жизни, на уровне индивида приобретает совсем иные черты далеко не такого драматического характера, который мог бы стать основанием массовой социопатии. Понятно, что существует и остается известный процент психических заболеваний, но, насколько известно, в целом он существенно не превышает средние показатели, установившиеся в предыдущие доперестроечные годы.

Наиболее характерным для переходного состояния является отсутствие у многих таких реальных деяний, которые были бы востребованы новым временем. Но жизнедеятельность индивида не останавливается. Остается лишь допустить, что при наличии мотивации и одновременном отсутствии полезных действий объектом рефлексии становится воображаемое будущее действие, ориентированное на возможный результат в будущем. Реальным объектом размышления личности становится альтернативный выбор между привычными, но ненужными и новыми, но неосвоенными действиями. Само по себе такое состояние не обязательно связано с переходным периодом. Каждому из собственного опыта известно, что в случае отсутствия по каким-либо причинам внешних или внутренних стимулов к действию, индивид тоже может пребывать в гармоническом состоянии «недействия» как угодно долго. Небезызвестный Илья Ильич Обломов собственным примером показал, как перманентное состояние «напряженного недействия» превращается в устойчивую черту личности.

Переходный период, который фактически стал самодостаточной характеристикой нашего общества, вполне закономерно имеет свой собственный продукт – появился особый тип Homo transitus с переходным мировоззрением и переходным опытом. Такая большая «растянутость прыжка» выполняет охранительную функцию для индивида на уникальном, без мировых аналогов, временном отрезке между старым и новым. Психологическая способность людей удерживать одновременно альтернативные взгляды почти на все нынешние обстоятельства жизни, хотя бы лишь для более содержательной рефлексии, выглядит очень уместной, если не гуманной характеристикой индивидуального опыта. Бимодальность выступает в качестве индивидуального средства сглаживания социальных конфликтов. Касаясь проблемы двойственности массового политического сознания В.А.Васютинский сообщает, что по данным его исследований: «до 20 процентов граждан готовы высказываться в поддержку полностью противоположных мыслей и суждений, в зависимости от конкретных обстоятельств, ситуативных влияний, удачности самих формулировок» [65, с.49]. Сам автор связывает наличие данного феномена с нестыковкой осознанных взглядов людей с их неосознанными и неосознаваемыми позициями и установками [63].

Весьма показательны в этом отношении социологические исследования последних лет относительно рейтинга волнующих людей проблем. На первых местах находятся проблемы, которые имеют абсолютную безальтернативную ценность: «заработная плата», «безработица», «здоровье» и некоторые другие. Неожиданными для исследователей выступают невысокие рейтинги позиций «коррупция», «новые украинцы», «обманутые вкладчики» и др., о которых много упоминают СМИ. Последним фактам можно попытаться дать объяснение.

Такое снижение значимости казалось бы животрепещущих проблем наблюдается в случае, когда для них существуют альтернативные суждения типа: «воров нужно покарать – что бы такое самому унести», «обманутые вкладчики – сами ведь тоже хотели нажиться» и т.п. В принципе, тот же ход рассуждений приложим к неизменному объекту нынешних социологических измерений – «зарплате». Только феномен бимодальности проявляется здесь в другой плоскости.

Действительно, существует безальтернативный тезис: зарплата – основной фактор материального обеспечения. Тогда возникает вопрос – почему люди так «толерантно» переносят задержки и невыплаты зарплаты? Анализ показывает, что известный советский патерналистский комплекс («новая справедливая власть разберется») или социумная депрессия («все так живут»), изоляционизм («кому нуж-

ны мои заботы») объясняют феномен лишь отчасти. Парализует протестное социальное действие уже закрепленная в переходном опыте бимодальность «зарплату должны платить они» и, здесь же, – «деньги нужно зарабатывать самому». Не упрощая драматизм проблемы «невыплат», скажем, что здесь в роли фактора, ослабляющего конфликт, оказывается бимодальное «ожидать – заработать».

Бимодальность как непосредственная форма приобретения опыта в переходный период способна имманентно удерживать в себе и высшие устремления личности к гармонии жизни, поиску идеала, неосуществленного. Такая идеализация является необходимой, т.к. в ней кроется возможность снятия двойственности на уровне непосредственном и перевод ее на новый, более высокий уровень экзистенции. Т.С.Кириленко указывает на конкретное психологическое средство такого перевода: «Объединение противоположных полюсов как проявление амбивалентности чувств свидетельствует о стремлении познать суть жизни, влечение к красоте и нескончаемое страдание, единство и противоречие которых достигается в поступке, помогая человеку охватить себя» [125, с.549].

Как уже говорилось, бимодальность обеспечивает необходимый временной интервал, что позволяет лучше подготовиться к принятию решения и будущему действию. Исполнение действия, однако, не означает тем самым снятие эффекта бимодальности. Связь данной структуры опыта с действием не обрывается, она имеет дальнейшую перспективу.

С одной стороны, произведенный выбор действительно снимает психологическое напряжение, ситуативное состояние амбивалентности. С другой стороны, в соответствии с принципом саморегуляции деятельности, индивид оставляет в своем мнемическом опыте знание о прошлом состоянии амбивалентности. Действие снимает и одновременно фиксирует в мнемическом опыте состояние амбивалентности, подобно тому, как в памяти по принципу «копировальной бумаги» (Фрейд) информация и воспроизводится, и остается в виде непрерывных следов, сохраняя их для дальнейших воспроизведений. Именно в таком «уходя не уходить» проявляется специфика мнемического опыта.

Сохранение в опыте человека бимодальной структуры связано с ориентацией на будущее самого реализованного действия. Действие, погружаясь в реальность, обогащается в том отношении, что становится предпосылкой следующего противоречия в сознании индивида, процесс возникновения и снятия которого уже «заготовлен» в опыте субъекта действия.

Выявленные в эксперименте феномены трансформации личностного опыта – вовлеченность, конкуренция, негативный сдвиг – не

существуют изолированно друг от друга. Их взаимосвязь служит основой для образования определенных латентных структур трансличного опыта, выявить которые можно, как и в предыдущих, описанных выше случаях, с помощью факторного анализа.

С целью выявить латентные структуры трансличного опыта был проведен факторный анализ полученной совокупности данных.

В матрицу факторизации вошли следующие показатели (табл. 9-3).

Таблица 9-3

УСК	ДЛС	«Стоимость»	Тест Розенцвейга	ЛСД
Интернальность – общая	Вовлеченность ДЛС – различие ДЛС – сходство Конкуренция – общая Конкуренция – предметная Конкуренция – социальная Конкуренция – мировоззренческая	Стоимость – общая	Экстрапунитивность Интрапунитивность Импунитивность GCR	Оценка «Я» Сила «Я» Оценка – сдвиг Сила – сдвиг Активность – сдвиг

Было выделено 4 ортогональных фактора, которые отображают латентные структуры трансличного опыта.

Фактор 1 – «Ригидность», факторный вес 24,6.

1. Возраст	0,70
2. ДЛС – различие	0,69
3. Сила – сдвиг	0,69
4. Конкуренция – общая	0,65
5. Конкуренция – мотивационная	0,59
6. Активность – сдвиг	0,55
7. Оценка – сдвиг	0,54
8. Оценка – «Я»	0,53
9. Конкуренция – предметная	0,52

Данный фактор является самым нагруженным. Прежде всего в него вошли сразу три показателя конкуренции, относительно которой и формируется данная латентная структура. Высокие значения показателя конкуренции в соответствии со способом подсчета озна-

чают преобладание в жизнедеятельности индивида опоры на свой прошлый опыт. Новый опыт при таких условиях конкуренции представлен слабо, проигрывает. Установка на прошлый опыт достаточно ригидна. Вследствие этого в условиях переходного периода возникает устойчивая латентная структура трансличного опыта, в которой ориентация на прошлое композиционно сопровождается высокой самооценкой, наличием выраженного негативного сдвига от оценки «людей раньше» до «людей сейчас», бимодальность характеризуется асимметрией в сторону экстернатальных позиций. На другом полюсе, в случае большей ориентации на новый опыт, картина противоположная.

Перечисленные характеристики данной структуры опыта усиливаются с возрастом. Взаимоотношения старого и нового опыта в зрелом возрасте психологически усложняются потому, что здесь наблюдается субъективное смещение в прошлое насыщенности событий по временной шкале.

На семантических шкалах это отражается следующим образом. Согласно данным И.Н.Брагиной и Т.А.Доброхотовой при оценивании прошлого и будущего в зрелом возрасте наблюдается смещение влево по шкалам: известность – неизвестность, определенность – неопределенность, дискретность – непрерывность [48]. Каков же психологический механизм возникновения асимметрии в оценках себя, других и окружающего мира?

Ранее уже говорилось, что важным фактором, определяющим процесс перевода события в прошлое, является мера его завершенности в настоящем. (Вспомним лозунг: «незавершенка» – бич социалистической индустрии!)

Переходный период создает драматическую ситуацию для прошлого опыта. Прошлое испытывает две противоположные тенденции: с одной стороны, насыщенность настоящего подавляет «старый» прошлый опыт (некогда предаваться воспоминаниям), с другой – скопление нерешаемых проблем в настоящем заканчивается вытеснением их в прошлое в незавершенном виде, откуда они в точном соответствии с феноменом неоконченного действия (эффект Зейгарник) настойчиво о себе заявляют, непроизвольно реминисцируя в настоящее – «новый» прошлый опыт. В результате, и старый, давно апробированный прошлый опыт, и новый, незавершенный и неструктурированный прошлый опыт, конфликтуя в настоящем, не могут в полной мере выполнить свою задачу стабилизации жизнедеятельности индивида.

Активное решение новых для опыта проблем связано с огромными усилиями, перестройкой, лабильностью поведения, быстрым

освоением новых способов деятельности. В этих условиях для старшего возраста психологически оправданным становится пассивный выход из ситуации посредством темпоральной децентрации – центр субъективного настоящего смещается в прошлое, обретая там личностную опору. Разумеется, речь не идет о каких-либо клинических формах «погружения в прошлое», индивид пребывает в настоящем, которое стало для него эпифеноменальным, действительность осознается на основе сформированных ранее интерпретационных комплексов (социальных, личностных и т.д.). Потому с таким постоянством воспроизводится и охраняется извлеченный из ретропамяти словарь прошлых терминов, изречений, силлогизмов.

Нечто противоположное наблюдается в детском возрасте.

У детей, подростков, в отличие от взрослых, нет предыстории. Однако, как подчеркивал Г.К.Середа, интерпретация жизни у детей во многом зависит от взрослых, их взрослого восприятия [249]. То, что осознается взрослым как противоречивое (СО – НО), для ребенка есть данность. Для детского возраста также закономерной является темпоральная децентрация, но уже в направлении будущего, движимая ценностными ориентациями «вступающего в жизнь». Часто она не выражена. Симптоматичным является то, что нынешний активный словарь молодых отличается чрезмерной подвижностью, неустойчивостью, перенасыщен быстро меняющимся «настоящим», устаревает, не оставляя следов в опыте. Тем более на фоне известной невнятности «взрослых» в отношении перспектив будущего для «молодых».

Фактор 2 – «Фрустрация», факторный вес 17,8.

1. Экстрапунитивность	- 0,70
2. ДЛС – сходство	- 0,60
3. Интрапунитивность	0,60
4. Вовлеченность	- 0,48
5. Импуниитивность	0,47
6. Конкуренция – предметная	0,43
7. Конкуренция – общая	0,41

Данный фактор отображает латентную структуру опыта, фиксирующую связь системы реакций индивида на фрустрирующие ситуации в зависимости от того, какой тип адаптации к переходному периоду является ведущим – конкуренция либо вовлеченность.

Прежде всего отметим, что вовлеченность и конкуренция оказались в обратной зависимости друг к другу. Поэтому представляется закономерным предположить для них разные реакции на фрустрацию. В случае преобладающей ориентации индивида на прошлый опыт характерными оказываются интра- и импуниитивные реак-

ции. Вовлеченность обнаруживает связь с экстрапунитивностью. Косвенно это подтверждается также тем, что отношение людей к некоторым аспектам действительности становится тем более односторонним (одномодалным), чем больше это отношение несет в себе черт экстрапунитивности. По-видимому, обвинение других стало в какой-то мере знаковой характеристикой определенной части нынешнего социума, что и отражается в личностном опыте индивида.

Можно предположить, что индивид представляет себе пространство новых отношений, в которое он активно погружается (вовлекается), как некую враждебную, агрессивную среду, что и фиксируется в латентной структуре его трансличного опыта.

Фактор 3 – «Личностное пространство вовлеченности», факторный вес 12,1.

1. Вовлеченность	0,62
2. Конкуренция – социальная	- 0,54
3. Стоимость	0,48
4. ДЛС – различие	0,39
5. Интернальность	0,39

Прежде всего данный фактор подтвердил правильность нашего ранее высказанного предположения о наличии в структуре трансличного опыта вовлеченности как самостоятельной структурной единицы. Вновь подтвердились контрадикторные отношения вовлеченности и конкуренции. Оказалось, что это не только разные этапы адаптации к переходному периоду в целом, но и качественно различные подструктуры трансличного опыта. Вовлеченность оказалась связанной с характеристикой личности – стоимостью, т.е. такого рода активность индивида сопрягается с высоким уровнем самоуважения, основанном на умениях, способностях, достижениях индивида. В данную латентную структуру также вошла интернальность, которая не была зафиксирована на уровне парной корреляции: вовлеченность – интернальность. Психологический вклад интернальности состоит в том, что в фазе вовлеченности человек реализует свою самостоятельность, ответственность в ходе освоения нового.

Фактор 4 – «Личностное пространство конкуренции», факторный вес 9,9.

1. Сила – «Я»	0,57
2. Интернальность	0,50
3. Импунитивность	- 0,47
4. Экстрапунитивность	0,43
5. Конкуренция – общая	0,41

Данный фактор отображает наличие другой самостоятельной

структурной единицы трансличного опыта – конкуренции, в ее специфическом виде. Речь идет об определенной части испытуемых, для которых характерна позиция самостоятельности старого опыта и непринятия нового. Существует довольно распространенное мнение о том, что прошлый опыт есть нечто отживающее, угасающее, анемичное, не имеющее перспективы. Сформировался некий стереотип общественного остракизма в отношении к своей собственной истории. Между тем, конкурентная борьба старого и нового происходит по своим законам. В данную латентную структуру вместе с конкуренцией вошли показатели экстрапунитивности и интернальности, ранее входившие в связь с вовлеченностью. Кроме того, приоритет прошлого опыта сопровождается волевыми характеристиками индивида.

Итак, показатели интернальности и экстрапунитивности вошли в третий и четвертый факторы, имеющие противоположный смысл. Как нам представляется, в случае преобладания прошлого опыта его «конкурентоспособность» может быть обеспечена лишь за счет «инверсии оценок». Например, индивиды, психологически оставшиеся в прошлом, ощущают себя интерналами, каковыми они действительно и были до переходного периода. А то, что в новых условиях они не могут действовать интернально, связывают именно с новыми условиями.

Следует отметить, что ни в один фактор не вошел показатель образования, т.е. образовательный уровень в целом не влияет однозначно на восприятие новой ситуации, ее оценку и ощущение себя в ней.

Неожиданным результатом явилось и то, что показатель адаптации GCR также не проявился, несмотря на то, что все эти факторы в принципе описывают способы адаптации к новым условиям. Можно сделать предположение, что коэффициент GCR в современных условиях не работает, входящие в него составляющие адаптации требуют перепроверки.

Таким образом, проведенный факторный анализ позволил выделить ряд самостоятельных латентных структур трансличного опыта. Отметим лишь два факта, имеющих общее значение. Во-первых, подтвердилось наличие в переходном опыте самостоятельных структур «конкуренции», «вовлеченности» и «негативного сдвига», связанных между собой сложным образом и обеспеченных разными характеристиками личности. Во-вторых, в условиях столкновения старого и нового опытов первый, против общественных ожиданий, остается конкурентоспособным, трансформируясь для этого, например, за счет инверсии самооценок, негативных сдвигов, виртуальных смещений координат прошлого и настоящего.

Заключение

Было бы вполне корректным подвести итоги проделанной работы, выписав, в зависимости от желания и понимания автора, некоторый перечень выводов, разнесенных по отдельным главам и параграфам, что для иных целей бывает необходимым и обязательным. В данном случае такой способ изложения показался нам не вполне целесообразным:

- во-первых, редко когда удастся при перечислении более десятка пунктов нормативных выводов преодолеть уровень каталога сведений и фактов, да еще не перегружая при этом непроизвольную память терпеливого читателя;
- во-вторых, автор, по-видимому, никогда в достаточной мере не избавится от сомнений в четкости изложения и понимания прежде всего тех моментов, которые являются критическими в обосновании внутренней логики предпринятого исследования. К тому же само понимание проблемы по мере продвижения в работе имеет особенность трансформироваться.

По своему логическому объему и феноменальной «переполненности» опыт человека является тем объектом, любое отдельное исследование которого не может полагаться завершенным ни методологически, ни теоретически, ни операционально. Автор считает свою задачу выполненной, если окажется, что удалось в какой-то мере обосновать систему психологических координат опыта для дальнейшего изучения этой фундаментальной характеристики человека.

Завершая исследовательский круг, полезно вернуться к вопросам, возникшим в самом начале, рассмотрев их теперь сквозь призму полученных результатов. Из основных вопросов, которые необходимо было решать в ходе исследования, можно выделить два: какова психологическая система координат человеческого опыта и в чем его *differencia specifica* как психологической реальности.

Сенсуалистский подход Дж.Локка и его более поздних критиков-последователей, как и представление о непосредственном опыте В.Вундта, сужали его онтологическую базу до совокупности отдельных феноменов психического, что никак не соответствовало заявленной классиками роли опыта как фундамента процесса познания. В конечном итоге, в категориальной парадигме «чувственное

– рациональное» опыт «успокоился» в функции начальной, несовершенной части познавательного процесса, заодно навсегда после Вундта сойдя с экспериментальной сцены.

В поисках новой парадигмы необходимо было избежать иной крайности – представления о всеобщности опыта (опыт есть все, в опыте есть все), как это было взято за исходное у представителей ранее прагматизма, позднее гуманистической психологии.

В качестве основных координат индивидуального опыта, которые предстояло исследовать, были теоретически выделены: категориальное пространство, системность, субъектность, системообразующий фактор, структурно-динамическая организация, трансформация, подструктуры и функции подструктур опыта.

Центральной характеристикой категориального пространства индивидуального опыта в нашем исследовании стало родовое для индивидуального опыта понятие жизнедеятельности, в отношении к которой опыт выступает в качестве ее превращенной формы. Тем самым опыт как идеальность приобрел пространственно-временной масштаб, в рамках которого его теперь можно было структурировать и исследовать как совокупность структурно-динамических образований, отражающих социальную, личностную и мнемическую сферы человеческой активности. Соответственно этим сферам опыт выполняет такие функции, как организация взаимодействия с другими, интерпретация себя, других и окружающего мира, накопление и интегрирование поступающей информации с целью стабилизации условий жизнедеятельности и ее регуляции, ориентированной на будущий полезный результат.

Важным в плане расширения имеющихся представлений о континуальности опыта явился теоретический анализ проблемы исторического опыта как составной части индивидуального.

Совокупность данных представлений была положена в основу общей теоретической модели структурно-динамической организации индивидуального опыта.

Далее нам предстояло данную модель наполнить конкретным психологическим содержанием, т.е. выявить специфические характеристики различных структур индивидуального опыта, тем более, что обнаружилось отсутствие каких-либо источников, указывающих на экспериментальное исследование собственно индивидуального опыта. Близкими по смыслу оказались исследования в русле проблем психологии жизненного пути. Критериальным с точки зрения развиваемых нами представлений о природе опыта оставался вопрос об измеряемости и о возможности количественного измерения его базовых характеристик.

При такой постановке задачи стало ясно, что здесь не хватает использования только лишь принципа системности, уже положенного в основу создания абстрактной модели опыта. Возник вопрос о дополнительных предположениях.

На протяжении всего исследования, полемизируя явно или неявно с авторами разных подходов к теории опыта, от Нового времени до наших дней, в том числе и с немногими отечественными исследователями советского периода, мы, тем не менее, сознательно старались находиться в русле традиций отечественной психологии, пытаясь конкретизировать те подходы и принципы, которые, как показывает история и современность, оказались весьма продуктивными при разработке теоретических и прикладных проблем психологии. Среди внушительного списка равнодостоинных принципов психологии можно, с нашей точки зрения, выделить две такие методологические идеи: системность и субъектность человеческой психики. Применительно к изучению индивидуального опыта системность определяет как бы его внешнюю структуру, субъектность – его внутреннюю динамику. Оказалось, что сам по себе субъектный подход становится инструментом научного исследования лишь в том случае, если происходит переход от теоретической декларации к определению онтологии субъектности. Главное здесь то, что представление о психологической природе опыта расширяется до масштабов жизнедеятельности, тем самым показывая определенную неполноту взятых по отдельности культурно-исторической, коллективистской, деятельностной, логистической и иных детерминаций развития опыта индивида.

Примечательно, что среди цитируемых нами в работе представителей и разработчиков методологии субъектного подхода в отечественной психологии центральное место занимают имена Н.Н.Ланге, С.Л.Рубинштейна, П.И.Зинченко, Г.С.Костюка, стоявших у истоков возникновения Новороссийской (Одесской), Харьковской и Киевской психологических школ. Здесь нет попытки каких-либо «новых» историографических интерпретаций, тем более неуместных преувеличений в области истории психологии, но остается фактом, что среди немногих других эти ученые уже на первых этапах становления отечественной психологии заявили о собственной научной позиции, так сказать, «почвенников» в психологии в условиях тогдашнего сплошного научного сопреализма. В теоретических и конкретно-психологических исследованиях этих и других выдающихся представителей отечественной психологии мы находили субъектно-онтологическую опору в раскрытии природы индивидуального опыта.

Говорить сегодня о каком-то методологическом кризисе в отечественной психологии при отсутствии понятной исходной системы координат (когда, где и каков был расцвет? авторитеты? место в мировой психологии? и т.д.), как нам кажется, нет необходимости. Скорее следует говорить о трансформационных процессах в самой психологической науке, в том же значении, как нынче характеризуется современное общество переходного периода. Вместе с тем, самое существенное сегодня уже можно выделить. Как подчеркивает С.Д.Максименко: «Известный отрыв содержания психологических исследований от качественно иного своеобразия объекта психологии, сложившийся в результате недоучета в практике исследования особенностей изменения производственных отношений, перестраивающих при их коренном изменении как отдельные психологические процессы, так и особенности психики человека в целом, и привел к настоящему времени... к требованиям психологов к переориентации исследований на анализ внутреннего мира нашего современника» [189].

Среди представителей мировой психологии наибольшее значение для нашего исследования имели работы К.Юнга, Дж.Келли, К.Роджерса. Все они полагали человеческий опыт в качестве центрального понятия в структуре личности и рассматривали его в масштабе всей жизнедеятельности. Отстаивая субъективное в понимании человека, они рассматривали индивидуальный опыт как место и способ разворачивания личностных структур.

Исходя из представлений о субъектности и субъективности опыта можно было попытаться решить одну из самых трудных задач в его исследовании: вычленив психологическую реальность, соответствующую уровню и феноменологии опыта; в противном случае оставалось непонятным, каким образом можно задать программу экспериментирования.

Когда испытуемому дается для запоминания ряд символов либо предлагается решить задачу, молчаливо принимается, что исследуется соответственно память и мышление человека, хотя, строго говоря, речь здесь идет о конвенциональности в отношении соответствия понятий и измерительных процедур. В отношении опыта практика измерений, как и конвенциональная традиция, пока отсутствует.

При изучении субъективного опыта главным становится метод самооценки. Основным методологическим условием является вычленение для оценки субъектом такой информации, которая является не сиюминутной, изменчивой, стимулированной извне (однособытийной), но стабильной, накопленной за определенный период жизни, понятной и истинной с точки зрения самого субъекта. Отличительной характеристикой экспериментов на уровне

индивидуального опыта является высокая феноменальная надежность (верифицируемость) оценок, суждений и интерпретаций испытуемого, уже сформированных и неоднократно проверенных «на опыте».

Выделение экспериментального слоя индивидуального опыта можно пояснить иным способом. Когда Э.Фромм ставит фундаментальный вопрос: «Иметь или быть?», то из этих двух ипостасей жизнедеятельности «быть» связывается им прежде всего с подлинным развитием личности [289]. Опыт же человека гносеологически и в онтологии олицетворяет противоположное «иметь». Последнее в данном случае не противостоит развивающему личность «быть», а является его превращенной зафиксированной формой. Как бы мы не отрывали их друг от друга, в действительности речь идет об их взаимообусловленности.

С учетом перечисленных феноменальных признаков возникли представления о таких базовых характеристиках индивидуального опыта, как: межперсональное пространство, стереотипы, личный обменный фонд, субъективные шкалы, стоимость, совместимость, дерево девиаций и др.; оперативный, биографический, исторический подвиды мнемического опыта; новый социальный статус, бимодальность, вовлеченность, конкуренция, негативный сдвиг и др. Другими параметрами индивидуального опыта, характеризующимися признаками устойчивости явились выявляемые с помощью факторного анализа многочисленные латентные структуры социального, личностного и мнемического опыта.

Знания, умения и навыки, несомненно входящие в состав индивидуального опыта как его накопленные характеристики, как его содержательные характеристики не анализировались. Знание таблицы умножения или устройства автомобиля, умение читать и писать в строгом смысле качественными психологическими определенностями опыта взрослого человека не являются по критерию отсутствия необходимости их динамических преобразований. Есть и иной признак – на их номенклатуру прямо никак не влияют трансформации в обществе, кризисы личности, возрастные изменения, девиантность и т.п.

Понятно, что список перечисленных выше структурно-динамических образований опыта не является законченным и в дальнейшем будет уточняться и расширяться. В данном случае заданы лишь основные психологические координаты индивидуального опыта.

Бытийность, со-бытийность опыта выделяются как его главенствующие онтологические характеристики лишь с позиции понимания его субъектности, и именно этим определяется его

конкретное психологическое содержание. Поэтому мы не один раз, переходя на точку зрения субъекта опыта, говорили об опыте как о суверенном, как о собственности, стоимости, субъективном пространстве индивида.

Изучая экспериментально и анализируя различные подструктуры соответственно социальной, личностной и мнемической структур опыта, мы почти всякий раз испытывали желание заключить полученные частные выводы возможным продолжением, но не делали этого по той причине, чтобы у читателя не возникало впечатление сплошной незавершенности исследования. Здесь же, в Заклучении, недосказанное ранее приобретает значение «перспектив дальнейших исследований».

Перечислим некоторые из них.

Представляет интерес более детальное изучение композиционной стороны формирования и функционирования межперсонального пространства, в том числе и взаимодействия разных пространств между собой; изучение процессов разрушения и возникновения новых стереотипов как творчества; выяснение новых диагностических возможностей в случае двойных биполярных ответов в стандартной процедуре семантического дифференциала; изучение психологических параметров интерпретации себя как стоимости. Представляется перспективной разработка психологической теории ситуаций и событий; нужны специальные исследования феномена ретропамяти; наконец, никак специально не обсуждалась проблема негативного опыта.

Несколько слов об актуальности заинтересовавшей нас проблемы. Задача обоснования актуальности является универсальной характеристикой не только научного исследования, но и вообще деятельности человека. Оставляя в стороне высокую философию спорного гегелевского утверждения – «Все действительное разумно...», - вполне резонно придерживаться практического тезиса: «Все действительное актуально». Тем самым всякое научное исследование становится актуальным по своей гносеологической природе в его исходном ценностном социально ориентированном качестве как способности во многом определять дальнейшую судьбу данной научной проблемы.

Особый интерес представляет изучение психологических особенностей трансформационных процессов в современном украинском обществе, в центр которых мы поставили универсальную социально-психологическую драму столкновения старого и нового опыта. При изучении способов и механизмов адаптации людей к переходному периоду постепенно выявилась возможность существен-

но отличной от социологической интерпретации происходящих изменений в массовом и индивидуальном сознании. То, что на уровне социальной активности, жизнедеятельности постоянно изменяется в условиях неопределенности, недостаточной прогнозируемости, порождая социальную напряженность и кризисы личности, на уровне индивидуального опыта отбирается, сортируется, анализируется, накапливается, превращается в стабильные образования собственно переходного периода. Благодаря таким кентаврическим структурам «старо-нового» опыта индивид имеет постоянно существующую возможность в условиях слишком быстрых изменений в обществе психологически «остановиться – оглянуться», с минимальным для себя риском адаптироваться к новому.

Одновременно здесь особенно зримо открывается поле уже не для «дальнейших», а «скорейших» исследований трансформации индивидуального опыта в переходный период. Исследования показали, что анализ трансформаций опыта позволяет осуществлять прогноз динамики массового сознания. Полученные результаты позволили сделать более широкий вывод о том, что нынешнее сообщество переходного периода совершает весьма значительную социальную ошибку, несет неоправданные психологические потери, молчаливо согласившись с неизбежностью расщепления старого и нового опытов между поколениями и внутри отдельных индивидов. Никак научно не обоснованный «самотек», может быть и естественный для периода раннего капитализма, вступает в противоречие с принципами социальной организации современного общества. Признаком деструкции является появление таких новых социальных групп, для которых отталкивание прошлого становится выгодным и субъективно оправданным. Последнее еще более усиливает отталкивание уже с противоположной стороны.

Но мы также убеждены и в противоположном. Самыми ценными характеристиками опыта являются обеспечение социальной преемственности и психологической стабильности, опыт формируется и функционирует по объединительному принципу «и/и». По своей психологической природе опыт человека работает во спасение; он не только собственность, но и друг человека. В настоящее время признаки формирования нового опыта становятся все более явственными, приводя к постановке новых исследовательских задач.

Глоссарий

Базовые характеристики. Параметры индивидуального опыта, составляющие основу его социальной, личностной и мнемической подструктур.

Бимодальность. Феномен одновременного принятия и непротиворечивого удерживания двух противоположных высказываний, суждений, установок, позиций как способа адаптации к быстрым изменениям условий жизнедеятельности в переходный период.

Биографическая память. Базовая характеристика мнемического опыта, охватывающая жизненный путь индивида тремя составляющими: память «нового опыта», ретропамять, память раннего детства.

Вовлеченность. Тип трансформации личностного опыта в переходный период; характеризуется высоким уровнем принятия ценностей старой и новой жизни.

Гетерархия подструктур. Подструктуры опыта способны выстраиваться в отношении субординации к жизнедеятельности индивида; отношения между ними жестко не фиксированы и носят характер динамических, при этом доминирующей в данный момент может быть любая из них.

Девииантный опыт. Сложное структурно-динамическое образование, включающее социальный, психологический и психосоматический источники девиантности; имеет двуслойную структуру, представленную на верхнем этаже комплексом интерпретаций, деформированных по отношению к общественным нормам поведения, на нижнем – латентными структурами девиантности.

Жизнедеятельность. Совокупность взаимосвязанных духовных и материальных проявлений активности человека в течение жизни; основа категориального пространства индивидуального опыта; характеризуется измеряемыми пространственно-временными параметрами.

Жизненный путь. Определенная форма жизнедеятельности, ее результат и предпосылка, влияющая на характер жизнедеятельности. Генетическое единство жизненного пути и индивидуального опыта обеспечивается их структурно-динамическим полиморфизмом, реализуемым много-многознач-

ных взаимосвязях. Основная функция в отношении опыта состоит в установлении пространственно-временной координаты содержательных единиц опыта.

Инверсия опыта. Процесс присвоения опыта других в начале жизни и потеря опыта как собственности через полагание его для будущих других в конце жизни.

Индивидуальный опыт. В своем генезисе является превращенной формой жизнедеятельности и представляет собой трехкомпонентное структурно-динамическое образование. Его социальный, личностный и мнемический компоненты в своей совокупности обеспечивают саморазвитие индивида и регуляцию его взаимоотношений с внешним миром во временном континууме прошлого, настоящего и будущего. Системообразующим фактором организации и функционирования опыта является ценностная ориентация индивида на будущий оптимальный результат жизнедеятельности.

Историческая память. Базовая характеристика мнемического опыта, обеспечивающая коммуникацию индивида в его межперсональном пространстве за счет фиксации событий индивидуального и общечеловеческого исторического прошлого.

Исторический опыт индивидуальный. Историческая составляющая социального опыта живущего конкретного человека. Существует как историческая данность и как момент индивидуального опыта. Характеризуется нормативностью, обусловленной детерминацией индивидуального опыта совокупным опытом предыдущих поколений.

Исторический опыт совокупный. Исторический опыт поколений, эпох, человечества, личностей ушедших времен.

Категориальное пространство. Включает в себя родовое по отношению к опыту понятие жизнедеятельности, одноуровневое понятие жизненного пути и производные понятия социальной, личностной и мнемической подструктур индивидуального опыта.

Конкуренция. Тип трансформации личностного опыта в переходный период; характеризуется принятием ценностей либо старой, либо новой жизни.

Координаты опыта. Теоретические конструкты, составляющие систему взаимосвязанных понятий индивидуального опыта.

Латентные структуры. Представляют собой неосознаваемую часть индивидуального опыта, сформированную в результате непроизвольного запоминания, научения и надситуативной

активности личности. Образуются из совокупности элементов опыта, связанных по типу корреляционных плеяд.

Личностный интерпретационный комплекс. Полиmodalная совокупность самооценок, оценок, суждений, мнений, установок, которые формируются посредством субъективных рационализаций и обобщений при поддержке и согласии окружающих; являются внутренне согласованными, обеспечивая единство личностного опыта. Существует у каждого человека в функции инструмента оценки себя и других, организации собственного поведения.

Личностный обменный фонд. Набор уникальных качеств субъекта, выделяющих его в группе, в состав которой он входит.

Личностный опыт. Совокупность устойчивых оценок себя, других и окружающего мира, отраженная в субъективных шкалах и интерпретационных комплексах. Его базовыми характеристиками являются система оценок себя как стоимости, оценка других по параметру совместимости, оценка окружающего мира как ценности его сторон.

Межперсональное пространство. Часть субъективного жизненного пространства, равная совокупности признаваемых индивидом персонально фиксированных взаимодействий, которые когда-либо происходили в прошлом, происходят в настоящем или желательны для человека в будущем. Его топология определена характеристиками объема, ценности для индивида каждого другого участника взаимодействия, времени его существования.

Метаперсональное пространство. Характерная для старшего возраста безличная ценностная часть социальных взаимодействий, компенсирующая свертывание пространственно-временных характеристик межперсонального пространства. Первичное ощущение такого суперпространства возникает в раннем возрасте (я тоже смертен?), вторая попытка выхода на уровень метаперсонального наблюдается в юношеском возрасте (я универсум?).

Микроструктура личностного опыта. Проявляется и реализуется в последовательности сменяющих друг друга событий повседневности. Результатом многократного оценивания себя, других и окружающего мира является образование субъективных шкал, полюсами которых становятся различные параметры личности. Совокупность таких шкал составляет психосемантическое пространство личностного опыта, которое становится основой для образования макроструктур опыта.

Мнемический опыт. Один из трех компонентов индивидуального опыта, базовыми характеристиками которого являются стадильно связанные оперативная долговременная память, биографическая память и историческая память. Основная функция – накопление и интеграция поступающей когдалибо в течение жизни информации в целях стабилизации условий жизнедеятельности индивида.

Модель передачи исторического опыта. Совокупный исторический опыт влияет на индивидуальный опыт не прямо, а вторгаясь в его жизнедеятельность и лишь затем, воплощенный в ней, начинает существовать в форме исторического дополнения к опыту конкретного индивида.

Мотивационно-ценностные ориентации. Субъективное пространство ценностей, проецируемых на объекты жизнедеятельности, соответствующее в деятельности уровню мотивов.

Новый социальный статус. Совокупность оценок индивидом себя, складывающихся в обществе в понятиях современных социальных ценностей и норм. Его основными нормативными характеристиками являются достижения в материальной, субъектной и духовной сферах жизнедеятельности.

Нуль-опыт. Срождением ребенка запускается его жизнедеятельность, которая не размещается (фиксируется) в предуготованной форме чистого опыта автоматически, она лишь обнаруживает архетип, подтверждая его существование. Жизнедеятельность взаимодействует с этой чистой формой, выражая себя в виде превращенной формы самой себя, пока еще не отделяя себя от опыта. Таким способом уже на стадии раннего опыта разрешается противоречие между чистой, архетипической формой опыта и первичной витально-психической активностью младенца.

Общий негативный сдвиг. Снижение оценки других «сейчас» по сравнению с оценкой себя «сейчас» и других «раньше»; психологический перенос негативной оценки условий жизни на окружающих.

Оперативная долговременная память. Базовая составляющая мнемического опыта, хранящая информацию о событиях повседневности для решения оперативных задач, возникающих перед субъектом; после их выполнения информация переводится в блок биографической памяти либо стирается.

Опыт в гносеологическом аспекте. Рассматривается как: а) категория познания; б) деятельность; в) накопитель и источник знаний; г) процесс; д) психическое образование.

Опыт как бытие человека. Им определяется способность индивида адаптироваться к изменяющимся условиям жизни, способности его жизнедеятельности, социальный статус, отношение к себе как к ценности, характер взаимоотношений с окружающими, знания, умения, навыки.

Опыт как источник познания. По Дж.Локку – опыт – это единственный путь, которым идеи вещей проникают в разум; на опыте основано все наше знание, от него оно происходит.

Опыт как собственность. Человек относится к своему опыту, как к собственности, с глубоким уважением, доверяет ему; накопленное в опыте оценивается как правдивое, сопротивляется объективным фактам.

Опыт как целостность. Фундаментальная характеристика человека, имеет масштаб жизненного пути, его временная развертка включает прошлое, настоящее и будущее индивида; включен в механизм осуществления преемственности поколений.

Опыт как ценность личности. В гуманистической традиции самым важным источником информации является экзистенциальное состояние человека, его субъективный психический опыт, доступный ему через осознание «здесь-и-теперь».

Опыт непосредственный. По В.Вундту – отражение структуризации отношений души и тела, представляющее собой элементарную неделимую частицу психического, выявляемую методом интроспекции.

Опыт удвоенный. По Л.С.Выготскому – возникшее вначале извне определенное психическое качество становится внутренним достоянием индивида, приобретает способность к регуляции его дальнейшей деятельности.

Парадокс вероятности ответов. Относится к процедуре самооценки, когда испытуемый способен оценить себя по любому мыслимому перечню шкал, однако ни один из ответов не сопровождается абсолютной субъективной уверенностью.

Переходный период. Исторически незавершенный этап развития современного общества; характеризуется трансформативными процессами в условиях столкновения старого и нового опыта.

Повседневность. Непрерывное перетекание друг в друга жизненных эпизодов, ситуаций, событий, которые создаются человеком, осваивающим внешние обстоятельства для того, чтобы решать проблемы, достигать желаемого, обеспечивать условия материальной и духовной жизни.

- Превращенная форма. Форма, в которой внутренние отношения сложной системы представлены в скрытом, измененном виде, которая в то же время самостоятельно существует как целостность и, благодаря своей встроенности в реальность, из первоначального продукта системы становится предпосылкой, условием ее функционирования и развития.
- Психобиография опыта. Совокупность действий и поступков на жизненном пути, определенная в координатах пространства (биологическое, психологическое, социально-историческое) и времени (прошлое, настоящее, будущее).
- Психографический словарь. Совокупность активно употребляемых слов из старого и нового опыта, семантика и субъективная ценность которых определена переходным периодом.
- Психологическая структура опыта. Система распределенных по значимости подструктур, компонентов, классификаторов с соответствующими функциями, позволяющая обоснованно ограничить психологическое пространство взаимодействующих факторов, определяющих композицию индивидуального опыта в соответствии с его уровневой природой и организацией.
- Рекурсивная гипотеза. Циклическое выстраивание рекурсивно-хронологического ряда трансформаций памяти в течение жизни, характеризующееся сопоставимостью блоков, функций и механизмов ее отдельных циклов.
- Ретропамять. Участок биографической памяти, имеющий хронологические начало и конец; соответствует периоду наивысшей жизненной активности индивида; сопровождается высокой эмоциональной насыщенностью воспоминаний и чувством ностальгии.
- Свободный опыт. То, что перестает быть собственностью индивида по окончании жизни; неуничтожимая в своей бестелесности чистая форма, предлагающая себя последующим поколениям.
- Системообразующий фактор. Системообразующим фактором индивидуального опыта выступает его ориентация на будущий полезный результат жизнедеятельности.
- Ситуативная бимодальность. Желание испытуемого произвести две полярные оценки внутри одной шкалы.
- Событие. Психологическая единица структурно-динамической организации мнемического опыта; характеризуется привязкой на оси времени и результативностью.
- Со-бытие. Единица субъект-объектных отношений жизне-

деятельности, онтологическая основа индивидуального опыта, обеспечивающая переход субъектности опыта в его субъективность.

Совместимость подструктур. Внутриуровневое попарное взаимодействие подструктур опыта трех типов: а) социум – личность; б) социум – память; в) личность – память.

Совокупная девиантность. Поведенческая основа девиантного опыта, представляющая собой комплекс взаимосвязанных субъективно оправданных алгоритмов девиантного поведения, образующих дерево девиаций.

Социально-психологический стереотип. Целостное, иерархически организованное психическое образование социального опыта, имеющее двуслойное строение: внешний интерпретационный комплекс и внутреннюю латентную структуру.

Социальный интерпретационный комплекс. Совокупность мнений, суждений индивида о внешнем мире, значимыми единицами которого являются мир в целом, все люди, социальные группы, отдельные индивиды, с которыми он косвенно или непосредственно вступает во взаимоотношения в процессе жизнедеятельности.

Социальный опыт. Один из трех компонентов индивидуального опыта. Определен совокупностью событий взаимодействия с окружающими людьми; обеспечивает процесс, характер, оценку и регулирование общения с другими, социальный обмен и ориентацию в социуме.

Стоимость. Базовая характеристика личностного опыта, отражающая совокупность ценных для индивида собственных достижений.

Структурно-динамическая организация. Общее понятие, отражающее специфику индивидуального опыта, заключенную в единстве его структуры и динамических преобразований, направленных на обеспечение его стабилизации и регуляции жизнедеятельности в условиях неопределенности условий ее осуществления в настоящем и будущем.

Субъективная статистика. Единица микроструктуры личностного опыта, в которой отражены вероятности распределения оценок всевозможных характеристик человека, представленных в виде субъективных шкал, представляющая собой квазистабильную совокупность следов событий в жизни индивида.

Субъективная теория личности. Часть личностного опыта, отражающая способность индивида к интерпретации явлений; со-

гласована с мнением окружающих и находит у них поддержку.

Субъектность. Способ и непосредственная форма существования индивидуального опыта.

Суверенность опыта. Феномен субъективной защиты опыта, что проявляется в устойчивости и определенности суждений, стереотипов, заблуждений. Всякое посягательство на эти ценности вызывает реакцию сопротивления.

Уникальное. Представляет собой двухслойную структуру, представленную на внешнем уровне совокупностью интерпретаций себя как отличного от других, на внутреннем – плохо поддающимся рефлексии качеством собственной уникальности.

Уникальность номинативная. Выделенная у члена общества черта, которая признается социумом только у данного субъекта и им самим признается по тому же основанию.

Уникальность статистическая. Присущий каждому некоторый интерпретационный комплекс оценок, мнений, суждений о себе в сравнении с другими. Является суммой вероятностей отличий данного субъекта от других по тем параметрам, которые являются ценными и актуальными для того социума, где осуществляется жизнедеятельность данного субъекта.

Функция опыта. В функциональном аспекте индивидуальный опыт является конкретным механизмом регуляции жизнедеятельности посредством использования соответствующих задаче накопленных знаний, умений и навыков, возможности интерпретировать события прошлого и настоящего и себя в этих событиях, взаимодействия с окружающим миром, адаптации к изменяющимся условиям жизни.

Ценностно-резонансный подход. Одним из основных условий формирования индивидуального исторического опыта, наряду с подражанием, является наличие психологического резонанса между ценностными идеализациями из «прошлого» и ценностными ориентациями в «настоящем».

Чистый опыт. По В.Джемсу – лишенная какой-либо телесности абстракция, данность, непосредственный жизненный поток, составляющий основу для последующего отражения.

Языковой опыт. Старые и новые слова объединяются в один ценностный словарь, благодаря чему осуществляется плавное вхождение индивида в новые социальные отношения.

Список использованной литературы

1. Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. – М.: Наука, 1980. – 334 с.
2. Абульханова-Славская К.А. Развитие личности в процессе жизнедеятельности // Психология формирования и развития личности. – М.: Наука, 1981. – С.19-45.
3. Абульханова-Славская К.А. Социальное мышление личности: проблемы и стратегии исследования // Психол. журнал. – 1994. – № 4. – С.39-55.
4. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. – М.: Мысль, 1991. – 229 с.
5. Августин А. Исповедь // Августин Аврелий. Исповедь: Абеляр П. История моих бедствий: Пер. с лат. – М.: Республика, 1992. – С.7-258.
6. Автономова Н.С. Возвращаясь к азам // Вопр. философии. – 1993. – № 3. – С.17-22.
7. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии: Пер. с нем. – М.: Фонд «За экон. грамотность», 1995. – 296 с.
8. Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах: Пер. с нем. – М.: Сов. радио, 1974. – 271с.
9. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. – М.: Наука, 1977. – 380 с.
10. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969. – 339 с.
11. Анисимов С.Ф. Ценности реальные и мнимые. – М.: Мысль, 1970. – 183 с.
12. Анохин П.К. Философские аспекты теории функциональной системы: Избр. тр. – М.: Наука, 1978. – 400 с.
13. Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психол. журнал. – 1994. – № 1.– С.3-18.
14. Анцыферова Л.И. Психология повседневности: жизненный мир личности и «техники» его бытия // Психол. журнал. – 1993. – № 2. – С.3-16.
15. Ариевич И.М., Нечаев Н.Н. Экспериментальный анализ становления некоторых форм оперативного образа // Вестник МГУ. – 1979. – Сер.14. Психология. – №1. – С.30-40.
16. Артемьева Е.Ю. Психология субъективной семантики. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 128 с.

17. Асмолов А.Г. Принципы организации памяти человека: системно-деятельностный подход к изучению познавательных процессов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 103 с.
18. Асмолов А.Г. Психология личности – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 367 с.
19. Асмолов А.Г., Братусь Б.С., Зейгарник Б.В. и др. Некоторые перспективы исследования смысловых образований личности // Вопр. философии - 1979. – №4. – С.35-46.
20. Аткинсон Р. Человеческая память и процесс обучения: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1980. – 528 с.
21. Баженов В.Г. Воспитание педагогически запущенных подростков. – К.: Рад. шк., 1986. – 129 с.
22. Бакиров В.С. Социальные проблемы харьковского региона и роль науки в их решении // Наука і соціальні проблеми суспільства: Вісн. Харк. держ. ун-ту. – 1998. – № 414. – С.17-23.
23. Балл Г.О. Наукова школа Г.С.Костюка: методологічні здобутки і настанови // Укр. психологія: сучасний потенціал. Матеріали Четвертих Костюківських читань. – В 3 т. – К.: Вид-во ДОК-К, 1996. – Т.1. – С.49-56.
24. Балл Г.О. Проблема обґрунтування суспільної ідеології у світлі гуманістичного підходу // Психологічна наука і суспільна ідеологія: Матеріали методологічного семінару АПН України. – К.: Гнозис, 1998. – С.28-32.
25. Бардин К.В. Проблема порогов чувствительности и психофизические методы. – М.: Наука, 1976. – 395 с.
26. Бардин К.В., Забродин Ю.М. Проблемы сенсорной психозики // Познавательные процессы: ощущения, восприятие. – М.: Наука, 1982. – С.89-117.
27. Баршполець О.Т. Соціально-психологічні функції партій як суб'єктів політичної влади // Психологічна наука і суспільна ідеологія: Матеріали методологічного семінару АПН України. – К.: Гнозис, 1998. – С.550-556.
28. Батицев Г.С. Капитал как философское произведение // «Капитал» Маркса: философия и современность. – М.: Наука, 1968. – С.46-65.
29. Бауман З. Философия и постмодернистская социология // Вопр. философии. – 1993. – № 3. – С.46-61.
30. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
31. Бебик В.М. Політологія: теорія, методологія, практика: Підручник. – К.: МАУП, 1997. – 248 с.
32. Белявский И.Г. Время в исторической психологии // Проблеми психології часу: Тези доповідей Міжнародної конферен-

ції, присвяченої 100-річчю з дня народження Д.Г.Елькіна. – Одеса: Одес. облвиконком, 1995. – С.42-44.

33. Белявский И.Г. О проблемах исторической психологии в Украине // Актуальные проблемы современной психологии: Материалы научных чтений, посвященных 60-летию Харьковской психологической школы. – Харьков: ХГУ, 1993. – С.25-27.

34. Белявский И.Г., Кишинская А.Н. Исповедь пасынка века и немного исторической психологии. – Одесса: ОКФА, 1997. – 472с.

35. Бергсон А. Материя и память // Собр. соч. в 4 т.: Пер. с франц. – М.: Изд-во моск. клуба, 1992. – Т.1. – С.157-316.

36. Берка К. Измерения. Понятия, теории, проблемы: Пер. с чешск. – М.: Прогресс, 1987. – 320 с.

37. Беркли. Сочинения: Пер. с англ. – М.: Мысль, 1978. – 556 с.

38. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1988. – 399 с.

39. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1986. – 421 с.

40. Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. – М.: Медицина, 1966. – 349 с.

41. Беспалов Б.И. Действие. Психологические механизмы визуального мышления. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 189 с.

42. Вех І.Д. Проблема особистісних цінностей: стан і орієнтири дослідження // Українська психологія: сучасний потенціал: Матеріали Четвертих Костюківських читань. – В 3 т. – К.: Вид-во ДОК-К, 1996. – Т.1. – С.57-67.

43. Блау П.М. Различные точки зрения на социальную структуру и их общий знаменатель // Американская социологическая мысль: Пер. с англ. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. – С.8-30.

44. Бодалев А.А. О предмете акмеологии // Психол. журнал. – 1993. – № 5. – С.73-79.

45. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. – М.: Просвещение, 1968. – 464 с.

46. Бочарова С.П. Системный подход к изучению мнемических процессов // Исследование памяти. – М.: Наука, 1990. – С.7-19.

47. Бочарова С.П., Лактионов А.Н. Изучение интерференции в кратковременной памяти в связи с типологическими особенностями нервной системы // Вопр. психологии. – 1972. – № 1. – С.37-44.

48. Брагина Н.Н., Доброхотова Т.А. Функциональные асимметрии человека. – М.: Медицина, 1981. – 288 с.

49. Братусь Б.С. Психологический анализ изменений личности при алкоголизме. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. – 85 с.

50. Брудный А.А. Значение слова и психология противопоставлений // Семантическая структура слова. – М.: Наука, 1971. – С.78-93.
51. Бубер М. Два образа веры: Пер. с нем. – М.: Республика, 1995. – 464 с.
52. Бур М., Иррлиц Г. Притязание разума: Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1978. – 327 с.
53. Бурлачук Л.Ф. Введение в проективную психологию. – К.: Ника-Центр, 1997. – 128 с.
54. Бурлачук Л.Ф. Предисловие редактора русского перевода // П. Клайн Справочное руководство по конструированию тестов. Введение в психометрическое проектирование: Пер. с англ. – К.: Изд-во ПАН ЛТД, 1994. – С.3-7.
55. Бурлачук Л.Ф. Психодиагностика личности. – К.: Здоровье, 1989. – 168 с.
56. Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психологической диагностике. – К.: Наук. думка, 1989. – 200 с.
57. Бурлачук Л.Ф., Полунин А.В. Исследования времени в психологии: обоснование нового подхода // Актуальні проблеми сучасної психології. Психодіагностика: Матеріали Других Міжнародних психологічних читань. – Харків: Ун-т внутрішніх справ, 1995.– С.20-21.
58. Бурменская Г.В., Обухова Л.Ф., Подольская А.И. Современная американская психология развития. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 127 с.
59. Бэкон Ф. Сочинения в 2 т.: Пер. с англ. – М.: Мысль, 1977. – Т.2. – 575 с.
60. Вайнштейн О.Б. Постмодернизм: история или язык? // Вопр. философии. – 1993. – № 3. – С.3-7.
61. Ван Хувик Р. Тренинг разрешения конфликтных ситуаций // Социальный конфликт. – 1994. – № 2. – С.72-94.
62. Василюк Ф.Е. Психология переживания. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 201с.
63. Васютинський В.О. Масова політична свідомість українського суспільства як об'єкт політико-психологічного вивчення // Наукові студії з політичної психології: Матеріали звітної наукової сесії Науково-практичного центру політичної психології АПН України. – К.: Вид-во ДОК-К, 1995. – С.9-22.
64. Васютинський В.О. Соціально-психологічний аналіз влади як сучасна наукова проблема // Психологічна наука і суспільна ідеологія: Матеріали методологічного семінару АПН України. – К.: Гнозіс, 1998. – С.556-561.

65. Васютинський В.О. Стан і зміст масової політичної свідомості в сучасній Україні // Психологія масової політичної свідомості та поведінки. – К.: Вид-во ДОК-К, 1997. – С.42-81.
66. Величковский Б.М. Автоматизмы памяти // Исследование памяти. – М.: Наука, 1990. – С.54-79.
67. Величковский Б.М. Современная когнитивная психология. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 336с.
68. Вилюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 285 с.
69. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985. – 228 с.
70. Воробьева Л.И., Снегирева Т.В. Психологический опыт личности: к обоснованию подхода // Вопр. психологии. – 1990. – № 2. – С.5-13.
71. Выготский Л.С. Вопросы теории и истории психологии // Собр. соч. в 6 т. – М.: Педагогика, 1982. – Т.1. – 487 с.
72. Гаврилова Т.П. Что значит слушать эмпатически? // Магистр. – 1992. – №5. – С.36-41.
73. Гаджиев К.С. О природе конфликтов и войн в современном мире // Вопр. философии. – 1997. – №6. – С.3-24.
74. Ганзен В.А., Ронгинская Т.И. Системное описание социального опыта // Экспериментальная и прикладная психология. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – Вып.13. – С.5-9.
75. Гегель Г.В. Логика // Энциклопедия философских наук в 3 т.: Пер. с нем. – М.: Мысль, 1974. – Т.1. – 452 с.
76. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1988. – 464 с.
77. Гиддингс Ф. Основания социологии // Американская социологическая мысль: Тексты. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. – С.293-316.
78. Гласс Дж., Стэнли Дж. Статистические методы в педагогике и психологии: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1976. – 495 с.
79. Глотов Б.Б. Проблеми зміцнення державної влади з огляду на психологічні риси українського народу // Діалог культур і духовний розвиток людини: Матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції. – К.: Віпол, 1995. – С.186-187.
80. Гнатенко П.І. Український національний характер. – К.: Вид-во ДОК-К, 1997. – 116 с.
81. Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. – К.: Наук. думка, 1984. – 207 с.
82. Головаха Е.И., Панина Н.В. Социальное безумие: история, теория и современная практика. – К.: Абрис, 1994. – 168 с.
83. Головаха Є.І., Панина Н.В. Патологія посттоталітарного суспільства: від психіатричного самодіагнозу до аналізу специфічних соціопатій // Філософ. і соціол. думка. – 1993. – № 5. – С.19-39.

84. Гонсалес Ф.Р. Функция личности в жизнедеятельности человека: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01. – М., 1992. – 40 с.
85. Грановская Р.М., Крижанская Ю.С. Творчество и преодоление стереотипов. – Спб.: OMS, 1994. – 192с.
86. Грушин Б.А. Мнения о мире и мир мнений. – М.: Политиздат, 1967. – 400 с.
87. Гулий Ю.І. Типологічний опис російсько-української двомовності // Вісн. Харк. ун-ту. – 1997. – Сер. Психологія. – № 395. – С.44-46.
88. Давыдов В.В. Виды обобщения в обучении. – М.: Педагогика, 1972. – 424 с.
89. Давыдов В.В., Слободчиков В.И., Цукерман Г.А. Младший школьник как субъект учебной деятельности // Вопр. психологии. – 1992. – № 3-4. – С.14-19.
90. Десятникова Ю.М. Психологическое состояние старшеклассников при изменении социального окружения // Вопр. психологии – 1995. – № 5. – С.18-25.
91. Джемс В. Многообразие религиозного опыта: Пер. с англ. – М.: Наука, 1993. – 431 с.
92. Джемс У. Вселенная с плюралистической точки зрения: Пер. с англ. – М.: Космос, 1911. – 235 с.
93. Джемс У. Прагматизм: Новое название для некоторых старых методов мышления: Пер. с англ. – СПб.: Шиповник, 1910. – 242 с.
94. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология: Учеб. пособие для высш. учеб. заведений. – М.: Новая шк., 1996. – 351 с.
95. Дмитриев Е.В. Диалектика содержания и формы в информационных процессах. – Минск: Наука и техника, 1973. – 222с.
96. Донцов А.И. Психология коллектива. Методологические проблемы исследования. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 208 с.
97. Донченко Е.А. Титаренко Т.М. Личность: конфликт, гармония. – К.: Политиздат Украины, 1989. – 173 с.
98. Драгоманов М.П. Вибране – К.: Дніпро, 1991. – 489 с.
99. Дусавицкий А.К. Воспитывая интерес. – М.: Знание, 1984. – 80 с.
100. Дусавицкий А.К. Проблема активности личности и коллектив как развивающая система // Психол. журнал. – 1983. – № 6. – С.75-83.
101. Дусавицкий А.К. Развитие личности в учебной деятельности. – М.: Дом педагогики, 1996. – 208 с.
102. Дусавицкий А.К. Структура личности как предмет психологического исследования // Психология личности и познавательных процессов: Вестн. Харьк. ун-та. – 1992. – № 366. – С.3-7.

103. Ермоленко А.Н., Райда К.Ю. Превращенные формы социальной рациональности. – К.: Наук. думка, 1987. – 162 с.

104. Забродин Ю.М., Зинченко В.П., Ломов Б.Ф. Предисловие // Аткинсон Р. Человеческая память в процессе обучения. – М.: Прогресс, 1980. – С.3-24.

105. Забродин Ю.М., Лебедев А.Н. Психофизиология и психофизика. – М.: Наука, 1977. – 288 с.

106. Забродин Ю.М., Похилько В.И. Теоретические истоки и назначение репертуарных личностных методик // Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности. – М.: Прогресс, 1987. – С.5-26.

107. Заика Е.В. Комплекс пиктографических методик для исследования структурных и функциональных характеристик индивидуального опыта // Актуальные проблемы современной психологии: Материалы научных чтений, посвященных 60-летию Харьковской психологической школы. – Харьков: ХГУ, 1993. – С.464-467.

108. Запорожец А.В. Психическое развитие ребенка // Избранные психологические труды в 2 т. – М.: Педагогика, 1986. – Т.1. – 318 с.

109. Заславская Т.И. Движущие силы и механизмы трансформации постсоциалистических обществ // Харьковские социологические чтения – 98: Сб. науч. работ. – Харьков: ЦЭПП «Радар», 1998. – С.3-7.

110. Зинченко В.П., Величковский Б.М., Вучетич Г.Г. Функциональная структура зрительной памяти. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 231 с.

111. Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. Проблема объективного метода в психологии // Вопр. философии. – 1977. – № 7. – С.109-125.

112. Зинченко П.И. Непроизвольное запоминание. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961. – 562 с.

113. Зинченко П.И. О забывании и воспроизведении школьных знаний // Науч. зап. Харьк. гос. пед. ин-та ин. яз. – Харьков, 1939. – Т.1. – С.189-213.

114. Зинченко П.И. Проблема произвольного запоминания // Науч. зап. Харьк. гос. пед. ин-та ин. яз. – Т.1. – Харьков, 1939. – С.145-187.

115. Иванова Е.Ф. Историческая память: попытка экспериментального исследования // Вісн. Харк. ун-ту. – Сер. Психологія. – 1998. – № 403. – С.78-82.

116. Иванова Е.Ф. К проблеме соотношения произвольной и непроизвольной памяти // Психология деятельности и познавательных процессов: Вестн. Харьк. ун-та. – 1984. – № 253. – С.22-25.

117. Иванова Е.Ф. Применение категорий содержания и формы для анализа проблемы взаимосвязи мышления и памяти //

Психология личности и познавательных процессов: Вестн. Харьк. ун-та. – 1989. – № 337. – С.27-30.

118.Иванова Е.Ф. Психология мышления и памяти: Учеб. пособие. – Харьков: ХГУ, 1990. – 107 с.

119. Ильин Е.Н. Путь к ученику. – М.: Просвещение, 1988. – 224 с.

120. Исенина Е.И. Предисловие // Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. – М.: Прогресс, 1994. – С.5-33.

121. Ишмуратов А.Т. Логический анализ практических рассуждений. – К.: Наук. думка, 1987. – 140 с.

122.Иванова Р.П. Михайло Драгоманов у суспільно-політичному русі Росії та України (II половина XIX ст.) – К.: Київ. ун-т, 1971. – 227 с.

123.Калиниченко О.А.,Лактионов А.Н. О деформации ценностных ориентаций подростка-наркомана // Психология личности и познавательных процессов: Вестн. Харьк. ун-та. – 1990. – № 244. – С.14-18.

124.Кант И. Критика чистого разума // Соч. в 6 т. – М.: Мысль, 1964. – Т.3. – 546 с.

125.Кириленко Т.С. Вчинок краси // Основи психології. О.В.Киричук, В.А.Роменець, В.О.Татенко та ін. – К.: Либідь, 1995 – С.547-551.

126.Кириленко Т.С. Переживання як факт внутрішнього досвіду особистості // Актуальні проблеми сучасної психології. Методологічні та теоретичні проблеми психології: Матеріали Других Міжнародних психологічних читань. – Харків: Ун-т внутрішніх справ, 1995. – С.39-40.

127.Кирилук Ф.М., Социалистический идеал: до и после Маркса. – К.: Киев. ун-т, 1989. – 128 с.

128.Киричук А.В. Общение в классном коллективе как объект педагогического управления: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01. – К., 1974. – 58 с.

129.Клайн П. Справочное руководство по конструированию тестов. – К.: Изд-во ПАН ЛТД, 1994. – 183 с.

130.Клацки Р. Память человека: структуры и процессы. – М.: Мир, 1978. – 319 с.

131.Клигер С.А., Косолапов М.С., Толстова Ю.Н. Шкалирование при сборе и анализе социологической информации. – М.: Наука, 1979. – 112 с.

132.Климов Е.А. Образ мира в разнотипных профессиях: Учеб. пособие. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995. – 224 с.

133.Комаровский В.В. Переходное состояние переходного периода // Обществ. науки и современность. – 1994. – № 1. – С.39-46.

134. Кондаков Н.И. Логический словарь – справочник. – М.: Наука, 1976. – 721 с.

135. Кондрашенко В.Т. Девиантное поведение у подростков: Социально-психологические и психиатрические аспекты. – Минск: Беларусь, 1988. – 208 с.

136. Коржова Е.Ю. Методика «Психологическая автобиография» в психодиагностике жизненных ситуаций – К.: МАУП, 1994. – 109 с.

137. Корнев Н.Н., Ангелопулус А. К вопросу об идеологичности социально-психологических процессов // Психолого-педагогічна наука і суспільна ідеологія: Матеріали методологічного семінару АПН України. – К.: Гнозис, 1998. – С.69-74.

138. Корнев М.Н., Коваленко А.Б. Соціальна психологія: Підручник: – К.: Київ. ун-т, 1995. – 304 с.

139. Корнев М.Н., Слюсаревський М.М. Про історію політичної психології, її предмет і завдання на сучасному етапі суспільного розвитку // Проблеми політичної психології та її роль у становленні громадянина української держави: Матеріали Всеукраїнської наукової конференції. – К., 1995. – С.40-42.

140. Костомаров Н.И. Две русские народности. – К.: Майдан, 1991. – 72 с.

141. Костюк Г.С. Мышление и его развитие // Учебно-воспитательный процесс и психическое развитие личности. – К.: Рад. шк., 1989. – С.194-251

142. Костюк Г.С. Вопросы психологии мышления // Психологическая наука в СССР. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959. – Т.1. – С.357-400.

143. Краткий психологический словарь. – М.: Политиздат, 1985. – 431 с.

144. Крейдун Н.П. Методика изучения жизненных ценностей преступников // Актуальні проблеми сучасної психології. Кримінальна та пенітенціарна психологія. Делінквентна поведінка. Психологічні аспекти підготовки та професійної діяльності співробітників органів внутрішніх справ: Матеріали Других Міжнародних психологічних читань. – Харків: Ун-т внутрішніх справ, 1995. – С.28-29.

145. Крейдун Н.П. Психологическое содержание криминогенного комплекса личности и его динамика в условиях изоляции от общества (на контингенте несовершеннолетних правонарушителей): Автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. – Харьков, 1991. – 20 с.

146. Кремень В.Г. Психолого-педагогічна наука в ідеологічній проєкції // Психолого-педагогічна наука і суспільна ідеологія: Матеріали методологічного семінару АПН України. – К.: Гнозис, 1998. – С.3-6.

147. Кричевский Р.А. Проблема межличностной совместимости в зарубежной социальной психологии // *Вопр. психологии.* – 1979. – № 5. – С.161-170.

148. Кричевский Р.А. Проблема сплоченности малых групп в зарубежной социальной психологии // *Вопр. психологии.* – 1973. – № 3. – С.174-184

149. Кроник А.А. Субъективная картина жизненного пути: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01. – М., 1994. – 40 с.

150. Кули Ч. Первичные группы // *Американская социологическая мысль: Тексты.* – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. – С.330-334.

151. Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.

152. Лабунская В.А. Невербальное поведение (социально-перцептивный подход). – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1986. – 135 с.

153. Лактионов А.Н. Память как атрибут индивидуальности // *Психология личности и познавательных процессов: Вестн. Харьк. ун-та.* – 1989. – № 337. – С.19-22.

154. Лактионов А.Н. Роль и место интерференции в мнемическом и познавательном действии: Автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. – Харьков, 1983. – 23 с.

155. Лактионов А.Н., Михеева С.Г., Титов В.Д. О соотношении эмоциональной и образной памяти // *Психология личности и познавательных процессов: Вестн. Харьк. ун-та.* – 1986. – № 287. – С.32-34.

156. Лактионов А.Н., Середа Г.К. Деятельностная парадигма и проблема памяти в трудах П.И.Зинченко (к 90-летию со дня рождения) // *Вопр. психологии.* – 1994. – № 4. – С.102-108.

157. Лактионов О.М. Унікальне в структурі індивідуального досвіду учня // *Педагогіка та психологія: Збірник наукових праць.* – Харків: ХДПУ, 1997. – С.69-73.

158. Лактионов О.М., Мозгова Т.П. Деякі особистості передумови поведінки з відхиленням у підлітків // *Укр. вісн. психоневрології.* – 1996. – Т.4. – Вип.4. – С.327-329.

159. Ланге Н.Н. Психический мир: Избр. психол. тр. – Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – 367 с.

160. Ланге Н.Н. // *Философский энциклопедический словарь.* – М.: Сов. энциклопедия, 1983. – С.300.

161. Лапп Д. Искусство помнить и забывать: Пер. с англ. – СПб.: Питер, 1995. – 216 с.

162. Лебон Г. Психология толп // *Психология толп: Пер. с франц.* – М.: КСП+, 1998. – С.15-256.

163. Левин К. Конфликт между аристотелевским и галилеевским способами мышления в современной психологии // *Психол. журнал.* – 1990. – № 5. – С.135-158.

164. Левцун О.Г. Трансформація масової свідомості в умовах перехідного періоду // Укр. психологія: сучасний потенціал: Матеріали Четвертих Костюківських читань. – В 3 т. – К.: ДОК-К, 1996. – Т.2. – С.85-89.

165. Левченко В.Л. Время культуры и опыт личности // Проблемы психологии часу: Тези доповіді міжнародної конференції, присвяченої 100-річчю з дня народження Д.Г.Елькіна. – Одеса: Одес. облвиконком, 1995. – С.94-96.

166. Лекторский В. Опыт // Филос. энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия, 1967. – Т.4. – С.159-160.

167. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. – 5-е изд. – Т.18. – 363 с.

168. Леонтьев А.А. Знак // Филос. проблемы психологии общения. – Фрунзе: Илим, 1976. – С.3-12

169. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1977. – 304 с.

170. Леонтьев А.Н. Образ мира // Избр. психологические произведения в 2 т. – М.: Педагогика, 1983. – Т.2. – С.251-261.

171. Лефевр В.А. Формула человека: Контуры фундаментальной психологии. – М.: Прогресс, 1991. – 107 с.

172. Линдсей П., Норман Д. Переработка информации у человека : введение в психологию: Пер. с англ. – М.: Мир, 1974. – 550 с.

173. Липа Ю. Призначення України. – Львів: Просвіта, 1992. – 270 с.

174. Литвин В. Політична арена України: Дійові особи та виконавці. – К.: Абрис, 1994. – 495 с.

175. Личко А.Е. Психопатии и акцентуация характеров у подростков. – Л.: Медицина, 1983. – 256 с.

176. Личко А.Е., Битенский В.С. Подростковая наркология. – Л.: Медицина, 1991. – 304 с.

177. Логинова И.А. Жизненный путь человека как проблема психологии // Вопр. психологии. – 1985. – №1. – С.103-109.

178. Логинова Н.А. Биографическая память личности // Психология личности и время. – Черновцы, 1991. – Т.1. – С.66-68.

179. Логинова Н.А. Шарлотта Бюлер – представитель гуманистической психологии // Вопр. психологии. – 1980. – № 1. – С.154-158.

180. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Соч. в 3 т. – М., 1985. – Т.1. – С.77-582; – Т.2. – С.3-201.

181. Ломов Б.Ф. К проблеме деятельности в психологии // Психол. журнал. – 1981. – № 5. – С.3-22.

182. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1984. – 444 с.

183. Ломов Б.Ф. Память и антиципация // Исследование памяти. – М.: Наука, 1990. – С.45-53.
184. Ломов Б.Ф. Человек и техника: Очерки инженерной психологии – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. – 266 с.
185. Лосский Н.О. История русской философии. – М.: Сов. писатель, 1991. – 479 с.
186. Лэнг Р. Расколотое «Я»: Пер. с англ. – СПб.: Белый кролик, 1995. – 352 с.
187. Ляудис В.Я. Память в процессе развития. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 255 с.
188. Ляудис В.Я. Психологические проблемы развития памяти // Исследование памяти. – М.: Наука, 1990. – С.20-44.
189. Максименко С.Д. Психология в условиях идеологического кризиса: поиск конструктивной методологии // Психолого-педагогічна наука і суспільна ідеологія: Матеріали методологічного семінару АПН України. – К.: Гнозис, 1998. – С.7-16.
190. Мамардашвили М.К. Превращенные формы // Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1990. – С.315-328.
191. Мамардашвили М.К. Превращенные формы и прагмемы // Тез. докладов IV Летней школы по вторичным моделирующим системам. – Тарту, 1970. – С.160-162.
192. Мамардашвили М.К. Форма превращенная // Филос. энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия, 1970. – Т.5. – С.386-389.
193. Мамардашвили М.К. Формы и содержание мышления. – М.: Высш. шк., 1968. – 192 с.
194. Мандельштам О. Собрание сочинений в 2 т. – Т.2. – М.: Худож. лит., 1990. – 463 с.
195. Марковець Л.М. Вплив соціального досвіду на ефективність соціалізації старшокласників // Рад. шк. – 1980. – № 6. – С.27-31.
196. Маркс К. Теории прибавочной стоимости // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. в 30 т. – М.: Политиздат, 1962. – Т.26. – Ч.1. – 476 с.
197. Махлах Е.С.К изучению индивидуальных различий памяти и личности подростков // Психология памяти и обучения: Вестн. Харьк. ун-та. – 1979. – №187. – С.10-17.
198. Махлах Е.С. Методика изучения и измерения качеств личности у учащихся среднего и старшего возраста // Методы социально-психологических исследований: Сб. науч. тр. – М.: НИИ ОП АПН СССР, 1975. - С.140-149.
199. Мацейків М.А. До питання про становлення етнічної психології в Україні // Укр. психологія: сучасний потенціал: Матеріали Четвертих Костюківських читань. – В 3 т. – К.: Вид-во ДОК-К, 1996. – Т.2. – С.163-169.

200. Мельвиль Ю.К. Прагматизм // Современная буржуазная философия. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – С.225-307.

201. Мельник И.М. К вопросу о регулятивной функции общения в системе память-общение // Психология личности и познавательных процессов: Вестн. Харьк. ун-та. – 1989. – № 337. – С.33-38.

202. Миллер Дж. А., Галантер Е., Прибрам К. Планы и структура поведения: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1965. – 238 с.

203. Минасян А.М. Категории содержания и формы и их взаимопереход // Вопр. философии. - 1962. – №6. – С.63-71.

204. Минасян А.М. Категории содержания и формы. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1962. – 312 с.

205. Моргун В.Ф. Многомерность типа личности и содержательная топология ее жизненного пути // Психология личности и познавательных процессов: Вестн. Харьк. ун-та. - 1990. – № 344. – С.3-6.

206. Муздыбаев К. Психология ответственности. – Л.: Наука, 1983. – 240 с.

207. Найссер У. Познание и реальность: Смысл и принципы когнитивной психологии: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1981. – 230 с.

208. Нарский И.С. Джон Локк и его теоретическая система // Локк Дж. Соч. в 3 т. – М.: Мысль, 1985. – Т.1. – С.3-76.

209. Нельга О.В. Ментальність та архетипічність як етнопсихологічні феномени // Актуальные проблемы современной психологии: Материалы научных чтений, посвященных 60-летию Харьковской психологической школы. – Харьков: ХГУ, 1993. – С.80-82.

210. Николаевский В.Н., Кабачная О.В. Коммуникативная ситуация и коммуникативные конфликты накануне выборов в органы власти Украины // Наука і соціальні проблеми суспільства: Вісн. Харк. ун-ту. – 1998. – С.75-80.

211. Ньюком Т. Понятие согласия // Социология сегодня: Пер. с англ. – М., 1965. – С.45-57.

212. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Психология национальности. – Пг.: Время, 1922. – 39 с.

213. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Рус. яз., 1989 – 922 с.

214. Осгуд Ч., Суси Дж., Танненбаум П. Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам // Семиотика и искусствометрия: Пер. с англ. – М.: Мир, 1972. – С.278-297.

215. Основи психології: Підручник / О.В.Киричук, В.А.Роменець, В.О.Татенко та ін. – К.: Либідь, 1995. – 632 с.

216. Павленко В.М. Основні підходи до визначення поняття «етнос» в сучасній етнопсихології // Укр. психологія: сучасний потен-

ціал: Матеріали Четвертих Костюківських читань: В 3 т. – К.: Вид-во ДОК-К, 1996. – Т.2. – С.301-309.

217. Панина Н.В. Особенности отношения к жизни на поздних этапах жизненного пути // *Жизненный путь личности*. – К.: Наук. думка, 1987. – С.236-247.

218. Парсонс Т. Функциональная теория изменения // *Американская социологическая мысль: тексты*: Пер. с англ. – М.: Изд-во МГУ, – 1994. – С.464-480.

219. Петренко В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 176 с.

220. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 208 с.

221. Петровский В.А. К пониманию психологии личности // *Вопр. психологии*. – 1981. – № 2. – С.40-46.

222. Петровский В.А. Принцип отраженной субъектности в психологическом исследовании личности // *Вопр. психологии*. – 1985. – № 4. – С.17-30.

223. Платон. Определения // *Собр. соч.* в 4 т. – М.: Мысль, 1994. – Т.4. – С.615-624.

224. Политология: Энциклопедический словарь. – М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. – С.46-47.

225. Поппер К. Ницета историцизма // *Вопр. философии*. – 1992. – №8 – С.49-79.

226. Поппер К. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы // *Открытое общество и его враги*: Пер. с англ.: В 2 т. – М.: Феникс; Международный Фонд «Культурная инициатива», 1992. – Т.2. – 528 с.

227. Потенция А.А. Слово и миф. – М.: Правда, 1989. – 282 с.

228. Потенция А.А. Язык и народность // *Эстетика и поэтика*. – М.: Искусство, 1976. – С.253-285.

229. Психолингвистические проблемы семантики. – М.: Наука, 1983. – 265 с.

230. Психологический словарь. – М.: Педагогика – Пресс, 1997. – 440 с.

231. Психология: Словарь / Под общ. ред. А.В.Петровского, М.Г.Ярошевского. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.

232. Рассел Б. История западной философии: Пер. с англ. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. – 815 с.

233. Раттер М. Помощь трудным детям: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1987. – 424 с.

234. Рейковски Я. Движение от коллективизма // *Психол. журнал*. – 1993. – № 5. – С.24-33.

235. Репкина Г.В. Исследование оперативных единиц памяти // Проблемы психологии памяти. – Харьков: ХГУ, 1969. – С.41-58.
236. Роджерс К. Взгляд на психотерапию: Становление человека: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1994. – 480 с.
237. Роменець В.А. Історія психології XVII століття: Навчальний посібник. – К.: Вища шк., 1990. – 365 с.
238. Роменець В.А. Історія психології. – К.: Вища шк., 1978. – 439 с.
239. Роцин С.К. Западная психология как инструмент идеологии и политики. – М.: Наука, 1980. – 303 с.
240. Рубинштейн К., Шейвер Ф. Опыт одиночества // Лабиринты одиночества: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1989. – С.275-300.
241. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии – М.: Педагогика, 1989. – Т.1. – 488 с.
242. Рубинштейн С.Л. Психология Шпрангера как наука о духе // Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. – М.: Наука, 1989. – С.345-363.
243. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. – М.: Педагогика, 1976. – 416 с.
244. Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Проблемы общей психологии. – М., 1973. – С.253-381.
245. Ручка А.О., Танчер В.В. Курс історії теоретичної соціології. – К.: Наук. думка, 1995. – 223 с.
246. Селецкий А.И., Тарарухин С.А. Несовершеннолетние с отклоняющимся поведением. – К.: Вища шк., 1981. – 237 с.
247. Сергеева Т.В. Организация экспериментального обучения иностранному языку в ВУЗе с ориентацией на произвольное запоминание // Психология личности и познавательных процессов: Вестн. Харьк. ун-та. – 1986. – № 287. – С.52-55.
248. Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. – М.: Наука, 1989. – 440 с.
249. Серета Г.К. *Aut bene, aut nihil* // Современное общество. – 1993. – № 2. – С.82-92.
250. Серета Г.К. Гипотеза об основном принципе функционирования основных процессов памяти // Деятельность и психические процессы. – М.: Наука, 1977. – С.82-84.
251. Серета Г.К. Изучение психологической природы специфических эффектов памяти // Психология деятельности и познавательных процессов: Вестн. Харьк. ун-та, 1986. – № 287. – С.38-45.
252. Серета Г.К. Новый подход к пониманию природы памяти и теория функционирования систем // Психология памяти и обучения: Вестн. Харьк. ун-та, – 1978. – № 171. – С.3-7.
253. Серета Г.К. Память и личность // Актуальные проблемы современной психологии: Материалы научных чтений, посвящен-

ных 60-летию Харьковской психологической школы. – Харьков, 1993. – С.41-43.

254. Серeda Г.К. Память и личность: реабилитация или постановка проблемы // Психология в балтийских республиках. – Вильнюс: Изд-во Вильн. ун-та, 1990. – С.70-73.

255. Серeda Г.К. Память как механизм системной организации индивидуального опыта // Психология познавательных процессов: Вестн. Харьк. ун-та. – 1982. – № 224. – С.10-17.

256. Серeda Г.К. Теоретическая модель памяти как механизма системной организации индивидуального опыта // Психология деятельности и познавательных процессов: Вестн. Харьк. ун-та. – 1984. – № 253. – С.10-18.

257. Серeda Г.К. Что такое память? // Психол. журнал. – 1985. – № 6. – С.41-48.

258. Скотт Д. Способы разрешения конфликтов: Пер. с англ. – К.: Изд. общ-во «Верзилин и Кэшэуэ», 1991. – 80 с.

259. Слюсаревський М.М. Ідеологія як рівень суспільної психології та проблема її «взаємних» з освітою і психологічною наукою // Психологічна наука і суспільна ідеологія: Матеріали методологічного семінару АПН України. – К.: Гнозис, 1998. – С.17-27.

260. Слюсаревський М.М. Масовидні часові децентрації у минуле: Аналіз феномена та його причин // Проблеми психології часу: Тези доповідей Міжнародної конференції, присвяченої 100-річчю з дня народження Д.Г.Елькіна. – Одеса: Одес. облвиконком. – 1995. – С.64-66.

261. Смирнов А.А. Проблемы психологии памяти. – М.: Просвещение, 1966. – 483 с.

262. Современная буржуазная философия: Учеб. пособие. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 651 с.

263. Сохань Л.В. Введение // Жизненный путь личности: Вопр. теории и методологии социально-психологических исследований – К.: Наук. думка, 1987. – С.3-9.

264. Сохань Л.В., Донченко Е.А., Соболева Н.И. Культура жизни личности: Психологическая характеристика // Психол. журнал. – 1986. – № 5. – С.60-69.

265. Старовойтенко Е.Б. Жизненные отношения личности: методологические и методические модели: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01. – К., 1992. – 41 с.

266. Стивенс С.С. Экспериментальная психология в 2 т.: Пер. с англ. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960. – Т.1. – 685 с.

267. Столин В.В. Самосознание личности. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 288 с.

268. Стрелков Ю.К. Психологическое содержание штурманского труда в авиации: Дисс. ... д-ра психол. наук: 19.00.03 – М., 1992. – 458 с.

269. Стрелков Ю.К., Сизов К.В. К психологическому описанию штурманского труда // Вопр. психологии. – 1985. – № 4. – С.151-154.

270. Суrowегина Н.А. Индивидуальный субъект: единство опыта и деятельности // Опыт и его место в социальном познании: Сб. науч. тр. – Калинин: КГУ, 1984. – С.148-154.

271. Тарасов Е.Ф. Тенденции развития психолингвистики. – М.: Наука, 1987. – 168 с.

272. Тард Г. Мнение и толпа // Психология толп: Пер. с франц. – М.: Институт психологии РАН; КСП+, 1998. – С.257-365.

273. Татенко В.О. Идеологія, психологія, педагогіка: від конфлікту до гармонії // Психолого-педагогічна наука і суспільна ідеологія: Матеріали методологічного семінару АПН України. – К.: Гнозіс, 1998. – С.114-121.

274. Титаренко Т.М. Вікові етапи саморозвитку особистості // Українська психологія: сучасний потенціал: Матеріали Четвертих Костюківських читань. – В 3 т. – К.: ДОК-К, 1996. – Т.3. – С.236-244.

275. Титаренко Т.М. Життєвий шлях // Основи психології / Киричук О.В., Роменець В.А., Татенко В.О. та ін. – К.: Либідь, 1995. – С.307-330.

276. Титов В.Д. Социально-психологическая детерминация практической логики // Психология личности и познавательных процессов: Вестн. Харьк. ун-та. – 1990. – С.38-41.

277. Трофимов О.Л., Ковтун И.Д., Тараненко В.И., Федорчук С.В. Исследования индивидуально-типологических особенностей усвоения и воспроизведения временных ритмических интервалов человеком – оператором // Проблемы психологии часу: Тези доповідей Міжнародної конференції, присвяченої 100-річчю з дня народження Д.Г.Елькіна. – Одеса.: Одес. облвиконком, 1995. – С.66-67.

278. Трофімов Ю.Л. Трансформаційна теорія навчання // Актуальні проблеми сучасної психології: Вікова та педагогічна психологія: Матеріали Других Міжнародних психологічних читань. – Харків: Ун-т внутрішніх справ, 1995. – С.59-60.

279. Трубина Е.Г. Посттоталитарная культура: «все дозволено» или «ничего не гарантировано»? // Вопр. философии. – 1993. – №3. – С.23-27.

280. Тутунджян О.М. Прогрессивные тенденции в исторической психологии Иньеса Мейерсона // Вопр. философии. – 1963. – №3. – С.118-124.

281. Филатов В.П. Живой космос: человек между силами земли и неба // Вопр. философии. – 1994. – № 2. – С.3-12.

282. *Философский словарь*. – М.: Политиздат, 1986. – 590 с.
283. Франкл В. *Человек в поисках смысла: сборник: Пер. с англ. и нем.* – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
284. Франкфорт Г., Франкфорт Г.А. *Миф и реальность // В преддверии философии. Духовные искания древнего человека: Пер. с англ. / Г. Франкфорт и др.* – М.: Наука, 1984. – С.24-44.
285. Франселла Ф., Баннистер Д. *Новый метод исследования личности*. – М.: Прогресс, 1987. – 240 с.
286. Фрейд З. *Психопатология обыденной жизни // Психология бессознательного: Сб. произведений: Пер. с нем.* – М.: Просвещение, 1990. – С.202-309.
287. Фролов П.Д. *Іміджблдінгові технології як дзеркало політико-ідеологічних процесів // Психологічна наука і суспільна ідеологія: Матеріали методологічного семінару АПН України.* – К.: Гнозис, 1998. – С.579-585.
288. Фромм Э. *Анатомия человеческой деструктивности: Пер. с англ. и нем.* – М.: Республика, 1994. – 447 с.
289. Фромм Э. *Иметь или быть?: Пер. с англ.* – М.: Прогресс, 1986. – 238 с.
290. Хамидов А.А. *Понятие превращенной формы в марксистской диалектике (на материале «Капитала» Маркса): Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01.* – М., 1977. – 192 с.
291. Харламенкова Н.Е. *Объективный и субъективный опыт: специфика опытного знания в психологии личности: Методологический анализ // Опыт и его место в социальном познании: Сб. науч. тр.* – Калинин: КГУ, 1984. – С.140-147.
292. Хекхаузен Х. *Мотивация и деятельность // Мотивация и деятельность.* – В 2-х т.: Пер. с англ. – М.: Педагогика, 1986. – Т.2. – 392 с.
293. Хьелл Л., Зиглер Д. *Теории личности (Основные положения, исследования и применения.): Пер. с англ.* – СПб.: Питерпресс, 1997. – 608 с.
294. Цехмістро І.З. *Постмодернізм і реляційний холізм – несподівана зустріч на вістрі проблеми духовності // Наука і соціальні проблеми суспільства: Вісн. Харк. держ. ун-ту.* – 1998. – № 414. – С.215-224.
295. Цимбалістий Б. *Родина і душа народу // Українська душа.* – К., 1992. – С.66-97.
296. Цуканов Б.И. *Переживаемое время – парадоксальная реальность // Проблемы психологии часу: Тези доповідей Міжнародної конференції, присвяченої 100-річчю з дня народження Д.Г.Елькіна.* – Одеса: Одес. облвиконком, 1995. – С.36-38.

297. Цуканов В.И. Собственная единица времени в психике индивида: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01. – К., 1992. – 40 с.
298. Чепелева Н.В. Понимание и интерпретация письменного общения // Українська психологія: сучасний потенціал: Матеріали Четвертих Костюківських читань: В 3 т. – К.: Вид-во ДОК-К, 1996. – Т.3. – С.290-297.
299. Черны В., Колларик Т. Психодиагностические методы, изданные национальным предприятием: Психодиагностические и дидактические тесты // Компендиум психодиагностических методов: В 2 т. – Братислава: Изд-во «Психодиагностические и дидактические тесты», 1988. – Т.2. – С.5-223.
300. Чижевський Д. Нариси з історії філософії на Україні. – К.: Орій, 1992. – 230 с.
301. Швейцер А. Благоговение перед жизнью: Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1992. – 576 с.
302. Шестопалова Л.Ф. Сравнительный анализ нарушений высших психических функций у больных с различными формами сосудистых заболеваний головного мозга, не подвергавшихся и подвергавшихся воздействию малых доз ионизирующего излучения // Актуальные проблемы современной психологии: Материалы научных чтений, посвященных 60-летию Харьковской психологической школы. – Харьков: ХГУ, 1993. – С.334-337.
303. Шибутани Т. Социальная психология: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1969. – 535 с.
304. Шмелев А.Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 158 с.
305. Эльконин Д.Б. Психология игры. – М.: Педагогика, 1978. – 304 с.
306. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1996. – 344 с.
307. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности: методологические проблемы современной науки. – М.: Наука, 1978. – 391 с.
308. Юм Д. Трактат о человеческой природе: Пер. с англ. – М.: Канон, 1995. – 399с.
309. Юнг К. О психологии восточных религий и философии: Пер. с нем. – М.: Медиум, 1994. – 255 с.
310. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов: Пер. с англ. – К.: Гос. б-ка Украины для юношества, 1996. – 384 с.
311. Юнг К.Г. Зигмунд Фрейд // Вопр. психологии. – 1996. – № 2. – С.86-103.

312. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени: Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1994. – 336 с.
313. Якиманская И.С. Требования к учебным программам, ориентированным на личностное развитие школьников // Вопр. психологии. – 1994. – № 2. – С.64-76.
314. Якуба Е.А. Социальная зрелость социальных групп в условиях трансформации общества // Харьковские социологические чтения – 98: Сб. науч. работ. – Харьков: ЦЭПП «Радар», 1998. – С.7-12.
315. Яничев П.И. Анализ ранних детских воспоминаний как проективный метод // Проблеми психології часу: Тези доповідей Міжнародної конференції, присвяченої 100-річчю з дня народження Д.Г.Елькіна. – Одеса: Одес. облвиконком, 1995. – С.69-71.
316. Ярошевский М.Г. История психологии. – М.: Мысль, 1985. – 575 с.
317. Ячина А.С., Протасова Е.Г. К вопросу о динамике воспроизведения материала в зависимости от уровня притязаний как мотива деятельности // Психология личности и познавательных процессов: Вестн. Харьк. ун-та. – Харьков: Изд-во Основа, 1992. – С.40-44.
318. Bronfenbrenner U. The Context of Development and the Development of Context // *Developmental Psychology: Historical and Philosophical Perspectives*. – New Jersey, London, 1983. – P.147-184.
319. Dewey J. *Experience and Nature*. – Chicago; London, 1925.
320. Dewey J. *On Experience, Nature and Freedom*. – N.-Y., 1960.
321. Dewey J. *The Quest for Certainty*. – N.-Y., 1929.
322. Frankl V.E. *Man's search for meaning*. – Boston, 1962. – 150p.
323. Furnham A., Argyle M. Introduction // *The Psychology of Social Situations*. – Oxford at al: Pergamon Press, 1981. – P.XIII-LVI.
324. Helson H. Adaptation level as frame of reference for prediction of psycho-physical data // *Cemer. I. Psychol.*, 1974. – 60. – P.1-29.
325. Janet P. *L'evolution de la memoire et de la notion du temps*. – Paris: A.Chanine, 1928.
326. Jaspers K. *Vernunft und Existenz*. Groningen, 1935.
327. Mamardaszwili M.K. Przekształcone formy. (O konieczności irracjonalnych źródkow wyrazn) // *Studia filozoficzne*. – Warszawa, 1972. – №3-4. – S.99-108.
328. Maslow A.H. *Motivation and personality*. – N.-Y.: Harper & Brothers, 1954. – 411p.
329. Maslow A.H. Some frontier problems in mental health // *Personality theory and counselling practice*. – Miami: University of Florida Press, 1961. – P.1-12.
330. May R. The origins and significance of the existential movement in psychology // May R., Angel E., Ellenberger H.F. *A new dimension*

in psychiatry and psychology. – N.-Y.: Basic books, 1958. – P.3-36.

331. Mead G.H. Mind, Self and Society: From the standpoint of a social behaviorist. – George H. Mead. Ed. with introd. by Charles W. Morris. – Chicago: Univ. Chicago Press, 1946. – XXXVIII. – 401p.

332. Merton R.K. Mass Persuasion. – N.-Y., 1946. – 210p.

333. Mischel W. Intraduction to Personality. – New-York etc. Holt-Saunders, 1984. – 623p.

334. Norman D., Waugh H. Stimulus and responce interference in recognition-memory experiments // J. of Exp. Psychol., 1968. – Vol. 78. – № 4. – P.551-559.

335. Penfield W. Consciouness, memory and man's conditioned reflexes // On the Biology of Learning. – N.-Y., 1969. – P.127-168.

336. Piaget J., Inhelder B. Memoire et intelligence. – Paris, 1968. – 487p.

337. Pierson Ch. S. Collected Papers. – 1960. – Vol.V. – 265p.

338. Postman L., Underwood B. Critical issues in interference theory // Memory and cognition. – 1973. – Vol.1. – P.19-40.

339. Rotter J.B. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement // Psychological Monographs. – 1966. – 80 (1). – P.1-28.

340. Rumalhart D., Lindsay P., Norman D. A process model for long-term memory // In E.Tulving, W.Donaldson (Eds) Organization of memory. – N.-Y.: Academic Press, 1972. - P.236-320.

341. Senecae L.A. Ad Lucillium epistulae morales. Oxonii, 1978-1980. – Tomus 1-2. – 554p.

342. Thomae H., Lehr U. Stages, Crises, Conflicts and Life-span Development // Human Development and the Life Course. – Hillstale, IV. I., 1986. – P.429-444.

343. Tulving E. Episodic and Semantic Memory. // In: E.Tulving, W.Donaldson Eds. Organisation of Memory. – New-York & London: Academic Press, 1972.

344. Turvey M.T., Shaw R.E., Mace W., Issues in Theory of Action: Degrees of Freedom, Coordinative Structures and Coalitions // Attention and Performance. – 1978. –VII.

Координати індивідуального досвіду

Олександр Миколайович Лактіонов

Комп'ютерна верстка: Севост'янов П.О.

Коректор: Севост'янов П.О.

Підписано до друку з готових діапозитивів

Формат: 148x210мм